

Russian Academy of Sciences
INSTITUTE OF FAR EASTERN STUDIES
Center for Korean Studies

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока
Российской академии наук
Центр корейских исследований

THE KOREAN PENINSULA: ON THE EVE OF CHANGES

Papers presented
at the 16th Academic Conference
of Russia and CIS Koreanists
Moscow, March 29–30, 2012

Moscow
IFES RAS
2012

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ: НАКАНУНЕ ПЕРЕМЕН

Доклады, представленные
на XVI научной конференции корееведов
России и стран СНГ
Москва, 29–30 марта 2012 г.

Москва
ИДВ РАН ■ 2012

УДК [308+32+908](519)

ББК 66.3(5Кор)

К66

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Редакторы

к. полит. н. А. З. Жебин (отв. ред.), к. и. н. К. В. Асмолов, к. э. н. Л. В. Захарова,
к. ф. н. Ким Ен Ун, к. э. н. В. Г. Самсонова, д. э. н. С. С. Суслина

К66 **Корейский полуостров: накануне перемен.** Доклады, представленные на XVI научной конференции корееведов России и стран СНГ. Москва, 29–30 марта 2012 г. – М.: ИДВ РАН, 2012. – 354 с.

ISBN 978-5-8381-0226-3

В очередном сборнике работ российских корееведов исследуется ситуация на Корейском полуострове в контексте интересов безопасности России. Значительное внимание уделено анализу перемен в КНДР и возможных направлений политики этой страны после кончины Ким Чен Ира. Рассмотрены перспективы реализации трехсторонних экономических проектов с участием России, КНДР и РК, в первую очередь прокладки газопровода из России в Южную Корею. Особое внимание уделено опыту инновационного развития и внедрения «зеленых технологий» в Республике Корея. Материалы XVI научной конференции корееведов России и стран СНГ, прошедшей в марте 2012 г. в ИДВ РАН в Москве, подготовлены при поддержке Академии корейских исследований (РК), грант АКС-2011-С-28.

The 16th annual collection of works by Russian specialists on Korea analyses the situation on the Korean peninsula in the context of Russia's security interests. Special attention was given to analysis of the changes in the DPRK and possible directions of the country's policy after the country's leader Kim Jong-il's death. Prospects for realization of the three lateral economic projects with participation of Russia, DPRK and ROK, first of all construction of a gas pipeline from Russia to South Korea were also explored. Particular attention was paid to the experience of innovative development and implementation of "green technologies" in the Republic of Korea. The volume includes papers presented at the 16th Conference of Russia and CIS' Koreanists held on March 29–30, 2012 at the IFES in Moscow with support from the Academy of Korean Studies (AKS). Grant АКС-2011-С-28.

УДК [308+32+908](519)

ББК 66.3(5Кор)

© Коллектив авторов, 2012

© ИДВ РАН, 2012

ISBN 978-5-8381-0226-3

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово директора ИДВ РАН академика М. Л. Титаренко	11
Приветствие министра Посольства Республики Корея в Москве Ли Сок Пэ	14
Приветствие зам. директора Первого департамента Азии МИД РФ А.И. Мацегоры	17

ПОЛИТИКА

Жебин А. З. Ситуация на Корейском полуострове в геополитическом контексте	21
Дьячков И. В. Северокорейские ядерные кризисы и структура безопасности в США	32
Лешаков П. С. Экономические вызовы новому политическому руководству КНДР и перспективы российско-северокорейских отношений	43
Воронцов А. В. Энергетическая стратегия России на Корейском полуострове	54
Асмолов К. В. К возможным сценариям будущего КНДР	65
Ким Ен Ун Политические перемены в Северо-Восточной Азии и перспективы объединения Кореи	76
Иванов А. Ю. Геополитические интересы Республики Корея в Восточно- Китайском море: китайско-южнокорейский спор вокруг континентального шельфа	87
Расулов Э. Р. К 20-летию установления дипломатических отношений между Республикой Узбекистан и Республикой Корея	97

ЭКОНОМИКА

- Суслина С. С.**
Экономика современной Северной Кореи: пути развития и сотрудничества 105
- Верхотуров Д. Н.**
Газопровод в Корею: варианты развития 118
- Захарова Л. В.**
Китайско-северокорейские экономические связи в 2000-е годы 125
- Кириянов О. В.**
Торгово-экономические отношения между КНР и КНДР в 1992–2011 гг. 139
- Мудрова Е. Б.**
Современные тенденции развития интеграционных связей Республики Корея..... 150
- Самсонова В. Г.**
Трансформация образа жизни и потребительских предпочтений южнокорейских граждан в условиях меняющегося мира 161
- Синякова А. Ф.**
Южная Корея: политика энергоэффективности и «зеленое» строительство 173
- Рязанова А. Н.**
Инновационное развитие регионов. Перспективы сотрудничества на примере России и РК (Томск – Ульсан) 182
- Цой Е. Б., Гущина А. М., Королева В. Е.**
Сотрудничество университетов Республики Корея с промышленностью и их роль в национальной инновационной системе 188

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- Пастухов А. М.**
«Открытие» Кореи и первая модернизация страны (1875–1894 гг.) 197

- Гринюк В. А.**
Стенограмма судебного процесса по делу Ан Чжун Гына: драматические эпизоды истории японо-корейских отношений 206
- Овчинникова Л. В.**
Политика колониальной администрации в Корею в 1920–1930-е годы и ее отражение в служебных материалах японского генерал-губернаторства 214
- Иванов К. В.**
Официальные издания японского генерал-губернаторства как источник по истории колониального периода Кореи ... 225
- Ким Н. Н.**
Политическая борьба на Юге Кореи после освобождения с точки зрения теории политического конфликта 236
- Курбанов С. О.**
Ким Гу и его судьба в контексте проблемы роли личности в истории Кореи 246
- Акуленко В. С.**
Эволюция автохтонных теорий этногенеза корейцев в КНДР 255
- Инчоль Д. Г.**
Особенности корейской национальной идентичности 265
- Ким Е. В.**
Развитие диаспоральной политики Республики Корея на современном этапе (1993–2012 гг.) и ее основные направления 276
- Хван Л. Б.**
Русская и корейская литература: точки соприкосновения 286
- Гурьева А. А.**
Енпхендо, Фукусима, Токто: южнокорейские поэты о некоторых текущих событиях 297
- Ковальчук Ю. А.**
Образ Кореи в художественной прозе Джека Лондона: реальность и творческий вымысел 306

Ли Сан Юн

К вопросу о категории «сыновняя почтительность» хё
в корейской литературе (традиции и современность)..... 321

Краткое содержание докладов на английском языке 330

CONTENT

Opening Remarks
Titarenko M. L., Director IFES RAS, academician 11

Welcome Address
Lee Sok Pae, Minister of the ROK Embassy in Moscow 14

Welcome Address
Matsegora A.I. Deputy Director of the 1st Asian Department
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation 17

POLITICS

Zhebin A. Z.
The Situation on the Korean Peninsula in the Global Context..... 21

Dyachkov I. V.
North Korean Nuclear Crises and Security Structure
in North-East Asia 32

Leshakov P. S.
Economic Challenges to North Korean New Political Leadership
and Prospects for Russia-DPRK Relations..... 43

Vorontsov A. V.
Russia Energy Strategy towards the Korean Peninsula 54

Asmolov K. V.
On Possible Scenarios of North Korea's Future..... 65

Kim E. U.
Political Changes in NEA and Prospects for Korea Unification... 76

Ivanov A. Yu.
Geopolitical Interests of the Republic of Korea in the East China
Sea: China-South Korea Dispute over the Continental Shelf..... 87

Rasulov E. R.
On the 20th Anniversary of Establishing Diplomatic Relations
between Uzbekistan and the Republic of Korea 97

ECONOMICS

Suslina S. S.
Present Situation in North Korea's Economy: Ways
of Development and Cooperation 105

Verkhoturov D. N.
Pipeline in Korea: Development Options 118

Zakharova L. V.
China-North Korea Economic Ties in the 2000s 125

Kiriyarov O. V.
Trade and Economic Relations between China and DPRK
in 1992–2011 139

Mudrova E. B.
Modern Trends of the ROK's Integration Policy Development.. 150

Samsonova V. G.
Transformation of the South Korean's Lifestyle and Consumer
Preferences in the Changing World 161

Sinyakova A. F.
South Korea: Energy Efficiency Policy and "Green" Buildings..... 173

Ryazanova A. N.
Innovative Development of Regions. Prospects of Cooperation
in the Case of Russia and South Korea (Ulsan – Tomsk). 182

Tsoy E. B., Goushchina A. M., Koroleva V. E.
Industry-University Cooperation in the Republic of Korea
and Its Role in National Innovation System 188

HISTORY AND CULTURE

Pastukhov A. M.
Korea's «Opening» and the First Attempt of the Country's
Modernization (1875–1894)..... 197

Grinuk V. A.
A Shorthand Record of the Trial on the An Jun Guin Case:
Dramatic Episodes of the History of Korea and Japan..... 206

Ovchinnikova L. V.
The Policy of the Colonial Administration in Korea in the 1930-s
and Its Reflection in the Documents of the Japanese
General-Governor's Office 214

Ivanov K. V.	Official Publications of the Japanese Government-General as a Source of the History of the Colonial Period of Korea	225
Kim N. N.	The Political Struggle in South Korea after the Liberation in the Context of the Theory of Political Conflict	236
Kurbanov S. O.	Kim Gu and His Life in the Context of the Role of a Person in the History of Korea	246
Akulenko V. S.	Evolution of Autochthonous Theories of Korean Nation's Ethnogenesis in DPRK	258
Inchol D. G.	Characteristics of the Korean National Identity	265
Kim E. V.	Development of Diaspora Policy of Republic of Korea at the Present Stage (1993–2012) and Its Main Directions	276
Khvan L. B.	Russian and Korean Literature: Points of Contact	286
Guryeva A. A.	Yeonpyeongdo, Fukusima, Tokto: South Korean Poets on Some Current Issues	297
Kovalchuk Yu. A.	The Image of Korea in Jack London's Literary Works: Fact and Fiction	306
Lee San Youn	On the Principle of «Filial Piety» in Korean Literature (Traditional and Modern)	321
	Summary of the Papers in English	330

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО директора ИДВ РАН академика М. Л. Титаренко

Уважаемые гости, уважаемые коллеги!

Я рад приветствовать вас на очередной конференции корееведов России и стран СНГ, которые вот уже 16 лет регулярно организует ИДВ РАН.

16 лет — это немалый срок. Это возраст совершеннолетия, который показывает, что академический форум, посвященный актуальным проблемам Корейского полуострова, не стал проектом-однодневкой, возникающим и исчезающим по мановению конъюнктурных требований. Мы проводили его в разных условиях, при разных президентах, иногда мы получали поддержку южнокорейской стороны, за что всегда были искренне благодарны. Но эти конференции вышли далеко за рамки ИДВ и стали ведущим корееведческим форумом нашей страны и соседних государств СНГ, результаты которого высоко оцениваются в научных и политических кругах.

По мере возможности мы пытаемся собрать в Москве представителей основных научных центров и научных школ России и ближнего зарубежья, число которых в этот раз стало рекордным по числу городов, в которых они работают, и это хороший показатель уровня межрегионального сотрудничества.

Приятно видеть среди участников много представителей научной молодежи — молодых специалистов и аспирантов. В этом году в ИСАА при МГУ проходит отдельная конференция молодых корееведов, которая начнется сразу же после окончания нашей. И многие представители старшего поколения будут присутствовать на ней в качестве наставников и организаторов дискуссий.

Тематика докладов расширяется, а их качество растет. Хотя большинство докладов затрагивает преимущественно современную тематику, вопросы истории, социологии, культуры, литературы занимают важное место в программе форума.

Словом, у нас есть основание для внутреннего удовлетворения, и мы видим позитивные перспективы. Предстоящее обсуждение итогов 2011 г. дает широкое поле для творческих дискуссий и прогнозов на развитие ситуации.

2012 год может стать временем потенциальных перемен, отчасти определяющим главные тенденции мировой политики на 4 года вперед. Уже прошли выборы президента России, которые, если говорить о них применительно к Северо-Восточной Азии, подтвердили преемственность курса России в отношении двух корейских государств. Этот курс основан на признании и должном учете существующих на полуострове реалий, к чему мы призываем и всех других участников корейского урегулирования.

Впереди выборы нового руководства Китая, где мы также не ждем заметных перемен при переходе к новому поколению руководителей. Состоятся также выборы в США и РК.

Говоря о Соединенных Штатах, мы не можем не приветствовать недавние договоренности между Вашингтоном и Пхеньяном о замораживании ядерной программы КНДР в обмен на политические декларации и продовольственную помощь со стороны США. Мы приветствуем этот диалог по двум причинам: *во-первых*, курс на стабильность всегда лучше, чем линия на усугубление конфронтации, при усилении которой игра на нервах и случайные факторы могут вызвать конфликт, даже если ни одна из сторон «наверху» ее не хочет. *Во-вторых*, мы не можем не приветствовать то, что Соединенные Штаты, наконец, признали «существующую реальность», перейдя от политики игнорирования и давления к поиску путей укрепления стабильности на полуострове.

Можно вспомнить, как на наших конференциях специалисты ИДВ РАН и другие российские кореееды не раз предупреждали о том, что желание «раскачать северокорейскую лодку» ничем хорошим не кончится.

Интересным этот год будет и для Северной Кореи, где празднование 100-летия со дня рождения Ким Ир Сена будет сочетаться с первыми самостоятельными шагами представителя третьего поколения северокорейских руководителей. Вообще, можно вспомнить, что, когда в 1994 г. умер Ким Ир Сен, также хватало голосов, уверявших, что Ким Чен Ир не удержит бремя власти и не пройдет и трех лет, как в Северной Корее начнутся радикальные перемены.

Но прошло почти 18, заметим, очень непростых для этой страны лет, а Северная Корея существует и по сей день.

Иногда хочется сравнить современную ситуацию с проблемами 4-летней давности: 2008 год тоже воспринимался как год перемен, когда итоги 2007 г. показали, что сплоченная воля международного сообщества к миру и комплексной безопасности способна достичь положительного результата. Однако в процесс вмешалась политическая конъюнктура, и эти 4 года оказались хорошим примером того, что замаскированное под прагматизм нежелание вести диалог не приводит к позитивным результатам.

Достаточно внимания будет уделено экономическому сотрудничеству России со странами Корейского полуострова, особенно — перспективам двусторонних и трехсторонних проектов. Можно обратить внимание и на то, что китайско-корейское сотрудничество становится довольно важной темой исследований. Пекин фактически занял доминирующее положение в этом регионе.

То, что материалы этой конференции, как всегда, войдут в сборник, который будет выпущен в течение года, уже, пожалуй, не нуждается в дополнительных упоминаниях.

В заключение позвольте еще раз приветствовать участников и гостей конференции, традиционно желая им успешных выступлений и плодотворных дискуссий. Мы очень высоко ценим то, что эти ставшие традицией «дни в конце марта» создают неповторимую атмосферу академического общения, и надеемся, что итоги нашего форума будут встречены со вниманием и суждения российских ученых внесут важный вклад в научное сопровождение внешней политики нашего государства, станут опорой для принятия решений по корейской проблематике политиками и бизнесменами, помогут в подготовке высококвалифицированных молодых специалистов в этой области.

ПРИВЕТСТВИЕ

Министра Посольства Республики Корея в Москве Ли Сок Пэ

Глубокоуважаемый академик Титаренко, уважаемый г-н Мацегора, дорогие коллеги и друзья!

Прежде всего позвольте мне поблагодарить руководство Института Дальнего Востока РАН за приглашение и поздравить всех присутствующих в этом зале с торжественным открытием сегодняшней конференции.

Я думаю, что, учитывая нынешнюю политическую ситуацию на Корейском полуострове и предстоящие перемены в руководстве некоторых стран — России, США, Китая, — тема этой научной конференции — «Корейский полуостров: накануне перемен» — является очень актуальной. Как вы знаете, изменения в руководстве начались в КНДР, и поэтому стоит изучить изменения ситуации на полуострове в связи с вышеупомянутыми переменами. После смерти северокорейского лидера в декабре 2011 г. в стране появилось новое руководство. Международное сообщество проявило немалый интерес к этому событию и уделяет большое внимание к возможной перемене политики нового северокорейского руководства во всех сферах, в том числе экономической, социальной и, в частности, политики урегулирования северокорейской ядерной программы, которая является важнейшим вопросом в деле обеспечения мира и стабильности как на Корейском полуострове, так и в Северо-Восточной Азии.

В течение последних 3 месяцев мы наблюдали положительный результат в ситуации с Северной Кореей и в то же время были свидетелями отрицательного подхода со стороны Севера. Договоренности между Северной Кореей и Соединенными Штатами Америки, достигнутые в Пекине 29 февраля этого года по поводу моратория на запуск ракет дальнего радиуса действия, испытания ядерного оружия, прекращения действий, связанных с обогащением урана, и приглашения инспекторов МАГАТЭ, яв-

ляют собой убедительный прогресс. Я не хотел бы подробно останавливаться на содержании достигнутых договоренностей, так как вы, корееведы, в курсе этих событий.

Эти договоренности были положительно восприняты международным сообществом. Мы ожидали, что Северная Корея сможет честно и последовательно выполнить свои обязательства, и считали эти договоренности первым шагом для возобновления шестисторонних переговоров. Совместные усилия (я имею в виду совместные действия заинтересованных государств: России, США, Китая, Республики Корея и Японии), видимо, достигли существенных результатов.

Но через 2 недели после достижения договоренностей Северная Корея объявила о плане запуска ракеты дальнего радиуса действия. Это был совсем неожиданный шаг. Международное сообщество, Южная Корея, Россия, США, Китай и Япония выразили свою глубокую озабоченность по поводу решения КНДР. Это является серьезным нарушением резолюции Совета Безопасности ООН, которая категорически запрещает запуск ракет дальнего радиуса действия. Без сомнения, запуск ракеты дестабилизирует политическую ситуацию не только на Корейском полуострове, но и в Северо-Восточной Азии в целом.

Мы не понимаем, на чем основано данное решение Северной Кореи. Но какие бы ни были основания, Север должен отказаться от запуска ракеты. На саммите по ядерной безопасности в Сеуле главы государств пришли к единому мнению по данному вопросу.

Несмотря на это, Республика Корея терпеливо продолжает прилагать усилия для того, чтобы убедить КНДР вернуться к столу межкорейского диалога и предпринимать положительные шаги для обеспечения мира и стабильности на Корейском полуострове.

Россия — наш важнейший стратегический партнер. На саммите по ядерной безопасности президент Ли Мен Бак и президент Медведев еще раз подтвердили необходимость расширять партнерское сотрудничество во всех сферах. Россия играет конструктивную роль и вносит большой вклад в урегулирование корейских вопросов.

Конечно, урегулирование корейских вопросов, в том числе северокорейской ядерной проблемы, является нелегким делом

и, наверное, требует много времени и бесконечного терпения. Некоторые не верят и даже сомневаются в наших совместных усилиях. Но я уверен, что никто не сможет избежать ветра перемен. Республика Корея продолжает осуществлять тесные консультации и совместные действия с Россией.

Пользуясь случаем, я хотел бы высоко оценить наше сотрудничество с Институтом Дальнего Востока, несмотря на то что мы не всегда имеем одну и ту же точку зрения на истолкование ситуации на Корейском полуострове. Для посольства всегда большая радость сотрудничать с институтом, который является одним из самых престижных заведений России, чье мнение мы всегда рады услышать.

ПРИВЕТСТВИЕ

**заместителя директора 1-го Департамента Азии МИД РФ
А. И. Мацегоры**

Хотел бы от имени корееведов Министерства иностранных дел Российской Федерации сердечно приветствовать участников конференции, поблагодарить руководство ИДВ РАН и академика М. Л. Титаренко, Центр корейских исследований во главе с А. З. Жебиным за большую работу по организации сегодняшнего мероприятия и приглашение принять в нем участие.

Полагаю, что тема настоящей конференции «Корейский полуостров: накануне перемен» как нельзя точно отражает складывающуюся в Корее и вокруг нее ситуацию. В КНДР после смерти Председателя ГКО Ким Чен Ира происходит форсированная легитимизация нового руководителя партии, государства и армии Ким Чен Ына, в Республике Корея грядут парламентские, а вслед за ними — президентские выборы, по итогам которых в стране может сформироваться существенно обновленный политический ландшафт. В России после парламентских уже состоялись президентские выборы, в США они скоро пройдут, Китай также находится на пороге крупных изменений в руководстве страны. Если принять во внимание перманентные кадровые пертурбации в правительстве Японии, можно сказать, что мы являемся свидетелями, выражаясь спортивным языком, формирования новой лиги процесса корейского урегулирования, команды которой будут играть на этом поле в ближайшие годы.

Каким образом будет идти этот процесс, чего смогут добиться его участники, есть ли у них шанс договориться по главной теме — денуклеаризации и нормализации ситуации на Корейском полуострове, — обсуждение этих актуальных тем вполне оправданно станет главным пунктом повестки дня конференции российских корееведов 2012 г. Мы в МИДе будем с нетерпением ждать результатов ваших дискуссий — они будут для нас важным подспорьем в практической работе на корейском направлении.

Ни в коем случае не предваряя общего направления предстоящего разговора уважаемых участников, хотел бы высказаться по вопросам, которые, на наш взгляд, являются сейчас центральными.

Российская Федерация как государство, непосредственно граничащее с Кореей, крайне заинтересована в том, чтобы развитие ситуации на полуострове шло в позитивном направлении, чтобы на смену напряженности и дефициту взаимного доверия между участниками процесса корейского урегулирования пришли стабильность, предсказуемость, гарантированная и равная для всех безопасность и сотрудничество. Такой сценарий отвечал бы не только целям нашей внешней политики в регионе СВА, но и интересам экономического развития российских регионов Сибири и Дальнего Востока.

Именно этими приоритетами продиктована активная линия России, направленная на скорейшее возобновление шестисторонних переговоров по урегулированию ключевой на настоящий момент ядерной проблемы Корейского полуострова. «Шестисторонка», свидетелями которой мы с вами были все последние годы, несмотря на то что с трудом достигнутые в Пекине успехи чередовались с глубокими провалами, является на настоящий момент и, пожалуй, останется таковым в будущем, при всей важности двусторонних, трехсторонних и прочих треков, единственным переговорным форматом, способным в конце концов привести к урегулированию корейской проблемы в целом и ее важнейшей компоненты — ядерной проблемы Корейского полуострова. Россия как активный и заинтересованный участник пекинского процесса будет отстаивать этот формат и делать все для того, чтобы обеспечить его успех.

Должен сказать, что мы с воодушевлением восприняли договоренности, которых в феврале текущего года в Пекине сумели достичь северокорейские и американские переговорщики. Как нам казалось, этот прорыв поможет уже в ближайшие недели поставить в повестку дня перезапуск шестистороннего процесса. Однако обнародованное 16 марта Пхеньяном решение о новом космическом эксперименте, по сути, отбросило ситуацию далеко назад. МИД России недвусмысленно изложил официальную позицию по этому вопросу: в опубликованном в тот же день ком-

ментарии выражалась глубокая озабоченность по поводу предстоящего запуска; к Пхеньяну обращался призыв не противопоставлять себя международному сообществу, воздержаться от действий, обостряющих обстановку в регионе и создающих дополнительные осложнения в плане возобновления шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова.

Подпись представителя Российской Федерации стоит под резолюцией Совбеза ООН, запрещающей КНДР проводить пуски ракет с использованием баллистических технологий, — этим определено наше категорическое несогласие с позицией северокорейской стороны и требование пересмотреть решение о проведении эксперимента, чреватого раскручиванием нового витка напряженности.

Нам предстоит предпринять большие усилия для того, чтобы такое развитие событий не повлияло негативным образом на российско-северокорейские отношения, тем более что они в последнее время демонстрировали выраженную позитивную динамику. Принципиальное значение имело подтверждение новым руководством КНДР твердого намерения следовать определенным Ким Чен Ир курсом на укрепление двустороннего сотрудничества, на реализацию договоренностей, достигнутых в ходе российско-северокорейских саммитов, в том числе состоявшегося в августе 2011 г. в Улан-Удэ. В свою очередь, о неизменности нашей линии на развитие отношений с КНДР говорилось в направленных в последнее время на имя Ким Чен Ына посланиях Д. А. Медведева и В. В. Путина. При этом приоритетное внимание в плане практического наполнения нашего взаимодействия по-прежнему будет придаваться реализации трехсторонних (Россия—КНДР—РК) экономических проектов — организации транзита российского трубопроводного газа и электроэнергии через территорию КНДР в Южную Корею и объединению корейских железных дорог с Транссибом.

По-прежнему убеждены, что вызывающие наше законное неприятие и озабоченность ракетно-ядерные опыты КНДР не должны перекрывать каналы взаимодействия с Пхеньяном. Напротив, следует настойчиво вовлекать наших северокорейских партнеров в сотрудничество, демонстрировать им преимущества равноуровневых связей, в том числе в многостороннем формате. Только ши-

рокое вовлечение КНДР в систему международной кооперации поможет создать на полуострове атмосферу взаимопонимания и взаимного учета интересов.

В отношениях с Республикой Корея наиболее актуальной задачей остается повышение эффективности нашего сотрудничества, на путях которого мы стремимся придать нашим связям характер реального стратегического партнерства. Важнейшими задачами, которые стоят в двусторонней повестке дня, мы видим наращивание объемов торговли и инвестиций — их уровень далеко не соответствует возможностям сторон, продвижение упомянутых трехсторонних проектов, в первую очередь программы строительства транзитного газопровода для поставок в РК российского природного газа, решение ряда других практических вопросов. Уверены, что мы сможем успешно решить эти задачи, тем более что они остаются в фокусе внимания руководителей наших двух стран, встречи которых в последние годы приобрели регулярный характер.

В заключение хотел бы выразить глубокое уважение находящимся в этом зале ветеранам корееведения — нашему «золотому фонду» — и пожелать им крепкого здоровья и дальнейшей активной творческой деятельности. Меня вдохновляет преобладающее присутствие здесь молодежи, которая, я в этом уверен, будет достойно продолжать традиции, заложенные старшим поколением корееведов. Поверьте, это достойно и захватывающе интересно — посвятить свою жизнь изучению Кореи.

ПОЛИТИКА

*А. З. Жебин**

СИТУАЦИЯ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Ситуация на Корейском полуострове снова смещается в центр мировой политики. Об этом свидетельствуют американо-северокорейские договоренности, достигнутые 23—24 февраля 2012 г. в Пекине и объявление КНДР о предстоящем в середине апреля этого же года запуске искусственного спутника Земли, приуроченного к знаковому событию в ее истории — 100-летию со дня рождения первого и пока что «вечного» президента этой страны Ким Ир Сена¹.

В 2011 г. обе корейские стороны и великие державы, имеющие свои интересы на полуострове, предприняли определенные усилия по возобновлению как двустороннего, так и многостороннего политического и экономического диалога, отсутствие которого, как показали события 2010 г., рано или поздно приводит к резкому обострению обстановки и чревато ее переходом в неконтролируемую стадию².

Китай выступил с трехэтапным планом возобновления шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова (ЯПКП). Явную поддержку Пхеньяна по итогам инцидентов 2010 г. Пекин в 2011 г. сбалансировал предложением о том, что возврат в шестисторонний процесс должен начаться с диалога КНДР — РК, на чем настаивал Сеул. За этим, как ожидалось, следуют встречи КНДР — США и созыв «шестерки» в полном составе.

* Жебин Александр Захарович, кандидат политических наук, руководитель Центра корейских исследований ИДВ РАН.

E-mail: zhebin@ifes-ras.ru

Москва, добившись в марте 2011 г. от Пхеньяна снятия предварительных условий для возобновления «шестисторонки», сосредоточила усилия на создании экономического фундамента для мира и стабильности в регионе за счет реализации крупных инфраструктурных проектов, прежде всего газового, с участием обоих корейских государств и России. В ходе встреч президента РФ Д. А. Медведева с руководителем КНДР Ким Чен Иром в августе 2011 г. в Улан-Удэ и президентом РК Ли Мен Баком в ноябре 2011 г. в Санкт-Петербурге был одобрен проект прокладки газопровода из России в РК через территорию КНДР³.

Во второй половине 2011 г. администрация Б. Обамы, видимо, поняв, в свете визитов Ким Чен Ира в мае — в КНР и в августе — в Россию, что тактика прямого силового давления на КНДР бесперспективна, приняла решение об оказании ей экстренной гуманитарной помощи в связи с обрушившимися на эту страну наводнениями и заменила руководителей северокорейского направления своей внешней политики.

США и КНДР начали контакты с целью выработки условий возобновления шестисторонних переговоров, которые, после сравнительно краткого перерыва, вызванного кончиной Ким Чен Ира, завершились достижением ряда договоренностей, о которых стороны объявили, каждая на свой лад, 29 февраля 2012 г.

Суть их сводится к согласию КНДР практически на все предварительные условия, которые США и их союзники выдвигали для возобновления шестисторонних переговоров. В частности, КНДР пообещала объявить мораторий на ядерные испытания и пуски ракет большой дальности, приостановить работу завода по обогащению урана в атомном центре в Ненбене и разрешить инспекторам МАГАТЭ в этом удостовериться⁴.

Стоит напомнить, что почти все эти меры северокорейцы пообещали предпринять еще в 2011 г. нам и китайцам, а сами уже почти 3 года не проводят таких испытаний и пусков. Построенный КНДР завод по обогащению урана, по свидетельству Зигфрида Хеккера, бывшего директора Лос-Аламосской лаборатории, допущенного на предприятие в ноябре 2010 г., действительно пока соответствует заявленной цели — производство низкообогащенного урана для строящегося северокорейцами реактора на легкой воде (ЛВР).

В итоге США еще до возобновления «шестисторонки», казалось, сумели выторговать у Пхеньяна максимум из того, что смогли бы получить от него на самих переговорах. Добиться от Пхеньяна большего потребовало бы от Вашингтона таких шагов навстречу КНДР, на которые США накануне президентских выборов вряд ли могут пойти.

Тем более что сдавать уже имеющийся ядерный арсенал КНДР, особенно после ливийских событий, похоже, не намеревается. Не случайно, что об этом в достигнутых в Пекине договоренностях — ни слова, как и не говорится о сроках возобновления «шестисторонки».

Как представляется, обе стороны не торопятся с возвращением за стол переговоров. Вашингтон обусловил такой шаг, как следует из комментариев представителя госдепартамента США по итогам встреч в Пекине, выполнением Пхеньяном достигнутых там договоренностей. КНДР, в свою очередь, всегда настаивала на том, что видит США своим главным оппонентом при обсуждении вопросов безопасности на полуострове, так как якобы от них и исходит главная угроза ее безопасности.

Ничего сверх того, о чем удалось договориться в Пекине, американцам в ближайшее время от Северной Кореи и не было нужно. Им важно не допустить, чтобы КНДР и дальше совершенствовала свое ядерное оружие и средства его доставки, а также продвигала, наряду с плутониевой, вторую (урановую) программу создания ядерного оружия.

Есть в американо-северокорейских договоренностях еще один момент, имеющий, на мой взгляд, принципиальное значение. Стороны подтвердили, что Соглашение о перемирии в Корее от 1953 г. является «краеугольным камнем» для мира и стабильности на Корейском полуострове⁵.

Со стороны КНДР это еще один важный шаг к признанию существующих на Корейском полуострове реальностей. В свою очередь, подтвердив свою приверженность документу, закрепившему там статус-кво по результатам Корейской войны, США, как представляется, тем самым предоставили КНДР определенные гарантии безопасности, которых она так долго и столь тщетно добивалась.

США также заявили, что не имеют враждебных намерений в отношении КНДР и готовы предпринять шаги к улучшению отношений «в духе взаимного уважения суверенитета и равенства»⁶.

Впрочем, такие обещания на протяжении последних двух десятилетий давались американцами неоднократно, что не мешало сторонам несколько раз оказываться на волоске от большой войны.

Для КНДР пекинские договоренности ценны прежде всего тем, что они давали возможность обеспечить более благоприятную международную обстановку для окончательного утверждения во власти нового лидера Ким Чен Ына. Также Пхеньяну была нужна мирная передышка для успешного проведения важнейшего внутривнутриполитического мероприятия – празднования 100-летия со дня рождения Ким Ир Сена, которое должно продемонстрировать успехи и правоту проводившегося им и его преемниками курса.

Кроме того, обещание США соблюдать Соглашение о перемирии дает КНДР определенный запас прочности против силового давления со стороны Южной Кореи. Более того, нынешние договоренности между США и КНДР де-факто дезавуируют сами основы курса нынешней администрации РК в отношении КНДР. Сеул претендовал на первые роли в решении ядерной проблемы, в то время как Пхеньян настаивал, что главным своим «визави» он считает Вашингтон, и, похоже, добился своего.

Тем не менее в КНДР не преминули подчеркнуть, что мораторий будет соблюдаться лишь до тех пор, пока продолжается «продуктивный», по их мнению, диалог с США. Американские дипломаты в своем сообщении об итогах переговоров об этом предпочли умолчать, равно как и о ряде других моментов, которые северокорейцы вынесли на первый план. Например, в случае возобновления «шестисторонки» приоритетными темами, по их версии, должны стать вопросы о снятии с КНДР санкций и предоставлении ей ЛВР⁷.

Итак, мораторий не безусловен и не бессрочен. В 1999 г. КНДР уже приостанавливала пуски ракет «на период переговоров» с США, но когда американцы прервали диалог, северокорейцы отказались от моратория. Сейчас Пхеньян снова таким образом пытается придать диалогу с Вашингтоном некую устойчивость. Однако, как следует из факта публикации сторонами отдельных заявлений по итогам встречи, а также из текстов самих документов, приоритеты КНДР и США и даже очередность решения вроде бы согласованных задач остаются по-прежнему далеко не всегда совпадающими⁸.

Последовавшие в начале марта 2012 г. события показали, что февральские договоренности США и КНДР – всего лишь первый шаг на начинающемся новом этапе сложного дипломатического маневрирования вокруг Кореи. Заместитель министра иностранных дел КНДР Ли Ен Хо, находившийся в начале марта в США формально для участия в международной конференции, по сообщениям СМИ, встретился с «гуру» американской дипломатии Г. Киссинджером и передал ему приглашение посетить КНДР с «посреднической миссией»⁹.

Похоже, на корейской «шахматной доске» затевается очередная комбинация с элементами авантюрного приключенческого романа: США, не сумевшие добиться согласия Китая сдать им строптивого «изгоя», теперь пытаются добиться своего, как говорится, не мытьем, так катаньем: некоторые американские аналитики намекают на возможность установления с КНДР при новом руководителе этой страны даже нечто вроде «стратегического партнерства».

Против кого может быть направлено такое «партнерство», долго гадать не приходится. Мнения большинства политических обозревателей и многих политиков азиатских стран совпадают: пресловутое «возвращение» США в Азию, равно как и провозглашенное Б. Обамой в 2011 г. так называемое «трансстихоокеанское партнерство», направлено на недопущение роста влияния Китая в АТР и, если уж до конца называть вещи своими именами, на сдерживание КНР и ее военно-политическую изоляцию в регионе.

Тех же, кто все еще склонен относить реальность существования подобных планов к тому же разряду, что и «теория заговора», стоило бы отослать к ставшему уже скандальным сенсационному интервью того же Г. Киссинджера американскому изданию «The Daily Squib»¹⁰.

В нем 89-летний ветеран американской внешней политики без всякого дипломатического политеса поведал, какая судьба должна постигнуть перед лицом американской мощи Китай, да и Россию тоже, не говоря уже о совсем незавидной участи ряда стран Ближнего Востока. Поведал настолько без обиняков, что сама Х. Клинтон, нынешний госсекретарь США, сочла необходимым мягко упрекнуть своего знаменитого предшественника в излишней откровенности.

События двух последних десятилетий дают достаточно доказательства тому, что оба корейских государства — всего лишь пешки на «большой шахматной доске» американской геополитики. В прошлом веке США разыгрывали партию главным образом против СССР, для чего бывший тогда помощником президента США по национальной безопасности Г. Киссинджер отправился с тайным визитом в Пекин и, надо признать, немало преуспел в реализации замыслов против нашей страны, за что и получил впоследствии пост госсекретаря США.

Нынешние преемники Г. Киссинджера — деятели калибром помельче, и повторить похожую комбинацию с Россией, вовлечь ее в антикитайский фронт им явно не по зубам. Ставка сделана на перепрограммирование в нужном Вашингтону направлении внешней политики, а также политики в области безопасности и обороны средних и малых государств по периметру китайских границ — начиная с Центральной и Южной Азии и кончая Северо-Восточной.

Одним из наиболее ярких проявлений этого курса стал внезапный визит Х. Клинтон в Мьянму и явно поспешное примирение с режимом, который в Вашингтоне на протяжении последних десятилетий числили в списке самых худших в мире по соблюдению прав человека.

Теперь, похоже, настала очередь «мьянмамизации» КНДР. Ведь внятного объяснения сделки, заключенной в феврале 2012 г. в Пекине дипломатами США и КНДР, трудно подыскать, если не обратиться к более широким геополитическим соображениям. Администрация Б. Обамы в течение всего своего срока у власти проводила в отношении Пхеньяна линию «стратегического терпения», сводившуюся к демонстративному отказу от диалога с КНДР, введению новых санкций и другим плохо завуалированным попыткам вызвать крах режима.

И вдруг со стороны США — столько далеко идущих обещаний и вполне конкретная помощь продовольствием в обмен на то, что северокорейцы с 2009 г. и так перестали (пообещали Китаю) делать: проводить новые ядерные испытания и запускать межконтинентальные ракеты. Урановая программа КНДР, по свидетельству допущенного посмотреть на центрифуги З. Хеккера, пока что соответствует заявленной мирной цели, а разработка плутония приостановлена.

Что же касается северокорейцев, которым заметно возросшая зависимость от Китая вряд ли по душе, то они, по-видимому, не прочь американцам в чем-то подыграть. Им очень нужно более благоприятное международное окружение для упрочения позиций нового лидера, празднования политически знаковых юбилеев и решения экономических проблем.

Так что ставки велики, и поэтому для обеспечения выигрыша мобилизуются фигуры масштаба Киссинджера. Похоже, его миссия в Пхеньян, если она состоится, будет сродни его почти 40-летней давности секретной поездке в Пекин. Вот только вряд ли ему удастся всерьез «развести» китайцев и корейцев: в Пхеньяне сидят реалисты покруче даже самого Киссинджера — недаром им удалось удерживать власть на протяжении последних двух десятилетий, несмотря на беспрецедентное давление США и «цунами» апокалипсических прогнозов о скором и неминуемом крахе режима. А вот заставить Пекин понервничать ему, пожалуй, удастся.

К сожалению, очередное американо-северокорейское «перемирие» может оказаться плохим сигналом для Ближнего Востока. Если политическое решение об очередной войне в этом регионе уже принято, то таким образом американцы, по-видимому, пытались обеспечить себе международные тылы. Представьте себе, что северокорейцы сочтут вторжение в Иран или Сирию (на что США, и тем более Израиль, вряд ли получат санкцию Совета Безопасности ООН) подходящим моментом для нового ядерного или ракетного испытания. Американцы, если они проигнорируют СБ ООН сами или наложат вето на осуждение действий Израиля, вряд ли смогут заручиться поддержкой ООН, чтобы осудить Пхеньян, до которого, в тех обстоятельствах, просто ни у кого не дойдут руки. Не в этом ли истинная причина, объясняющая, наряду с антикитайской стратегией, причины внезапного решения администрации Б. Обамы пойти на компромисс с Пхеньяном?

Закономерен вопрос: зачем же КНДР в этих условиях потребовался предстоящий запуск спутника, приуроченный к 100-летию со дня рождения Ким Ир Сена, о котором было объявлено 16 марта 2012 г.? Несложно было предположить, что многими этот шаг будет воспринят как очередное испытание межконтинентальной баллистической ракеты.

Во-первых, решение о запуске многое говорит о ситуации в самой КНДР. Как известно, в нынешнем юбилейном году должно быть объявлено о достижении цели, открыто провозглашавшейся на протяжении последних полутора десятков лет — построении экономически могущественной державы. В идеологическом и военном плане эта задача объявлена уже решенной.

Совместная новогодняя передовая статья трех газет КНДР, помимо замены слова «держава» на более скромное — «государство», признает наличие в стране продовольственной проблемы и указывает на ее злободневность в сегодняшней КНДР. Можно предположить, что желаемого продвижения к поставленной цели, в том числе обеспечения населения продовольствием в достаточном количестве, добиться не удалось¹¹.

В создавшихся условиях обращение к пропагандистки выигранным «зрелищам», призванным продемонстрировать достижения, ставящие КНДР в один ряд с окружающими «большими» странами, становится практически непреодолимым искушением. Конечно, такие запуски носят многофункциональный, в том числе военный, характер, но безусловным представляется и то, что главная нагрузка, которую понесет «Ынха-3» на этот раз, будет политической.

Во-вторых, в Пхеньяне, судя по всему, намерены жестко отстаивать свое суверенное право на использование атомной энергии и космического пространства в мирных целях. Это право закреплено в соответствующих международных договорах и конвенциях, носящих универсальный характер. Им широко пользуются все окружающие КНДР государства. Надо быть реалистом — в Пхеньяне никогда не смиряются с попытками лишить страну этого права.

Вместе с тем вряд ли стоит не замечать, как это делают некоторые эксперты, ряда позитивных тенденций в действиях КНДР в связи с предстоящим запуском. Если накануне предыдущего пуска Пхеньян присоединился к ряду конвенций об использовании космического пространства в мирных целях, то на этот раз он пригласил ученых и журналистов присутствовать при запуске спутника¹².

Учитывая эти обстоятельства, реалистично мыслящие аналитики, в том числе американские, призывают всерьез отнестись к этому приглашению. Так, директор научных программ Центра

стратегических и международных исследований на Гавайях Карл Бейкер обращает внимание на заметные различия между запуском ракеты-носителя, задача которой вывести полезную нагрузку (спутник) на околоземную орбиту, и баллистической ракеты, траектория которой предполагает обратный вход в атмосферу и доставку груза (боеголовки) в заранее намеченную точку на поверхности Земли. Он полагает, что принятие приглашения Пхеньяна, легализуя в известной степени запуски им спутников, в то же время помогло бы окончательно поставить вне закона испытания северокорейцами межконтинентальной баллистической ракеты (МБР)¹³.

Западные эксперты также обращают внимание на двусмысленность некоторых формулировок в соответствующих решениях СБ ООН, в частности резолюции 1874, запрещающей КНДР испытания «с использованием технологий баллистических ракет», но ничего не говорящей о запусках спутников.

Документы СБ ООН, осуждающие ракетные пуски и ядерные испытания, проведенные северокорейцами в 2009 г., в КНДР отвергают как носящие односторонний и дискриминационный характер. Не случайно в северокорейском заявлении по итогам февральских встреч с американцами в Пекине говорится, что в случае возобновления шестисторонних переговоров первоочередными вопросами для обсуждения должны стать отмена санкций против КНДР и предоставление ей реактора на легкой воде, т. е., иными словами, подтверждение права КНДР на мирную атомную энергетику.

В условиях, когда КНДР стремится придать запуску максимальную открытость, международному сообществу предстоит решить непростую задачу поиска точно дозированной и согласованной реакции на действия Пхеньяна. Реакции, учитывающей не только принятые в последние годы документы ООН, но и известные лакуны и несоответствия в международном праве и реалии современных международных отношений, а также опыт взаимодействия с КНДР в аналогичных случаях в прошлом.

Нравится нам это или нет, но излишне публично жесткая реакция на запуск спутника может послужить для Пхеньяна удобным предлогом для проведения очередного ядерного испытания, последствия которого для дела нераспространения оружия массо-

вого уничтожения (ОМУ) в США могут оказаться более чем плачевными.

Как указывал президент РФ Д.А. Медведев в своем интервью Центральному телевидению Китая 7 апреля 2011 г. накануне своего визита в КНР, «надо пробовать, надо общаться, надо стараться предлагать некие стимулы той же самой Северной Корее, для того чтобы они понимали, что не существует никакой альтернативы сотрудничеству, что ядерная энергетика, ядерные программы должны быть абсолютно мирными. Только в этом случае может быть достигнут успех. Мы к этому готовы»¹⁴.

В своей статье «Россия в меняющемся мире» избранный президент РФ В. В. Путин отмечал, что «ядерный статус КНДР для нас неприемлем. Мы неизменно выступаем за денуклеаризацию Корейского полуострова, причем исключительно политико-дипломатическими средствами, призываем к скорейшему возобновлению шестисторонних переговоров»¹⁵.

Новым моментом в подходе к оценке проблем с Ираном и КНДР, как представляется, являются слова В. В. Путина о том, что «неволью начинаешь задумываться о том, как возникают риски распространения ядерного оружия — и кто их усиливает. Есть ощущение, что участившиеся случаи грубого и даже силового вмешательства извне во внутренние дела стран могут стимулировать те или иные авторитарные режимы (да и не только их) к обладанию ядерным оружием. Имею, мол, атомную бомбу в кармане, и никто меня не тронет, поскольку себе дороже. А у кого бомбы нет — тот пусть ждет “гуманитарной” интервенции»¹⁶.

Нравится это нам или нет, но то, что внешнее вмешательство подталкивает к такому ходу мыслей, — факт. Поэтому и так называемых «пороговых» стран, находящихся на расстоянии вытянутой руки от технологий «военного атома», становится не меньше, а больше. Необходимо сделать все возможное, чтобы соблазн заполучить ядерное оружие ни перед кем не маячил. Для этого и самим борцам за нераспространение надо перестроиться, особенно тем, кто привык наказывать другие страны с помощью военной силы, не дав поработать дипломатии¹⁷.

¹ KCNA. 2012.03.16.

² Жевин А.З. Корейский полуостров: у опасной черты // Проблемы Даль-

него Востока. 2011. № 1. С. 123–134.

³ Встреча с журналистами по итогам российско-северокорейских переговоров. Улан-Удэ, 24 августа 2011 г. URL: <http://news.kremlin.ru>; <http://mn.ru/politics/20111102/306668082.html>

⁴ DPRK Foreign Ministry Spokesman on Result of DPRK-U.S. Talks. KCNA. 02.29.2012.

⁵ U.S.-DPRK Bilateral Discussions. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/02/184869.htm>

⁶ Ibid.

⁷ DPRK Foreign Ministry Spokesman on Result of DPRK-U.S. Talks. KCNA. 02.29.2012.

⁸ Ibid; U.S.-DPRK Bilateral Discussions. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/02/184869.htm>

⁹ ИТАР-ТАСС. 03.13.2012.

¹⁰ Генри Киссинджер: Война в Иране похоронит Россию и Китай // NEWS. VSM.RU. 13.03.2012.

¹¹ Нодон синмун. 01.01.2012.

¹² Launch of Satellite Kwangmyongsong-3 Is Legitimate Right of DPRK// KCNA. 03.18.2012.

¹³ Baker C. Double Down on North Korea's Bluff. PacNet#18A. 03.19.2012.

¹⁴ URL: <http://news.kremlin.ru/news/10911>

¹⁵ Путин В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 02.27.2012.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

Дьячков И.В.*

Северокорейские ядерные кризисы и структура безопасности в СВА

Представляется интересным рассмотреть северокорейскую ядерную проблему (т.е. возможности и стремление КНДР пользоваться ядерными технологиями, в том числе и военными, а также международно-политические последствия этого) через призму безопасности в Северо-Восточной Азии (СВА). Под термином «Северо-Восточная Азия» понимается регион, включающий российский Дальний Восток, оба корейских государства, КНР, Тайвань, Японию и Монголию (последняя почти не включена в урегулирование ядерной проблемы). Кроме того, невозможно оставить без внимания присутствие и влияние США. В СВА сосредоточены крупные акторы мировой политической игры, она является одним из основных «строительных блоков» глобальной структуры безопасности. При этом безопасность в СВА во многом определяется текущим состоянием и перспективами разрешения северокорейского ядерного вопроса.

Изучение истории ядерной проблемы КНДР показывает, что налицо противоречие между деструктивным и конструктивным воздействиями, оказываемыми северокорейскими ядерными кризисами на безопасность в регионе и мире (однако в данном докладе больше внимания будет уделено региональному срезу). Под «ядерным кризисом» (в северокорейском контексте) понимается пиковый момент развития северокорейской ядерной проблемы, характеризующийся ее выплескиванием на международный уровень и вспышкой международных противоречий по ее поводу.

«Система безопасности» в целом — это отношения акторов (в первую очередь государств, а также организаций разного уров-

* Дьячков Илья Владимирович, преподаватель кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО (У) МИД РФ. E-mail: embassy.translate@yandex.ru

ня и рода, имеющих влияние на вопросы безопасности) по поводу вопросов безопасности в рамках сложившейся международно-политической структуры отношений. Такое определение является расширительной трактовкой лаконичного описания понятия «система», используемого видным теоретиком международных отношений, представителем «английской школы» Б. Бузаном: «система = элементы + отношения + структура»¹.

Консолидация (или разложение) системы безопасности — это улучшение (или ухудшение) отношений акторов в рамках системы, а также укрепление (или упадок) международно-политической структуры отношений в области безопасности (разумеется, мы допускаем, что набор акторов остается неизменным). И если оценить степень «качества» отношений акторов достаточно сложно, то судить об усложнении (или разложении) структуры можно по вполне зримым и легко фиксируемым событиям.

Деструктивное влияние кризисов выражается и в ущербе режиму нераспространения ядерного оружия, и в появлении подогреваемого непрекращающимися воинственными высказываниями со стороны КНДР ощущения прямой военной угрозы у Южной Кореи, Японии и США, и в опасности того, что доступ к результатам северокорейских ядерных разработок получают силы, настроенные гораздо более радикально, чем руководство КНДР. Влияние конструктивное заключается, в частности, в создании повода для сотрудничества государств региона в области безопасности как на многосторонней, так и на двусторонней основе, в появлении устойчивых схем и механизмов такого сотрудничества.

При этом мы попытаемся ответить не на вопрос, почему так происходит (факт двойственности явления не противоречит общеполитическим законам, конкретно-исторической многогранности, поливалентности происходящего и здравому смыслу), а на вопрос, что перевешивает? Другими словами, какое воздействие — деструктивное или конструктивное — ядерной проблемы на безопасность в регионе преобладает.

Рассмотрим признаки деструктивного и конструктивного влияния ядерных кризисов на систему безопасности СВА.

Признаки *конструктивного* воздействия:

1. Само существование ядерной проблемы КНДР является мощным стимулом, понуждающим государство региона к сотруд-

ничеству. Таким потенциалом обладает любое международное обострение, и, хотя это следует учитывать при анализе, абсолютизировать роль этого фактора неверно. Трудно согласиться с выводами К. Калдера и Е Минь, выдвинувшими теорию «критических моментов» (critical junctures), утверждающую, что переход государств СВА к сотрудничеству — всегда следствие кризиса². Такой подход не только оставляет за рамками сотрудничество в нормальных условиях, но и страдает однобокостью оценки кризисов как сугубо положительных явлений.

2. Появление или успешное функционирование устойчивых схем, режимов механизмов сотрудничества; взаимодействие акторов в рамках таких схем. В первую очередь здесь следует упомянуть инициативы и документы, которые не были реализованы, но, тем не менее, сформулировали важные для процесса урегулирования идеи и принципы: Декларацию о денуклеаризации Корейского полуострова 1992 г., инициативу МИД России 1994 г., предложение Россией «пакетного решения» в январе 2003 г.

Сюда же можно отнести установление режима рамочного соглашения США и КНДР в 1994 г., создание в соответствии с ним энергетического консорциума КЕДО.

Влияние рамочного соглашения на безопасность в СВА следует оценить как однозначно конструктивное. Оно не только открыло дверь для сотрудничества двух «антагонистических» государств — США и КНДР, — но и, что гораздо более ценно, содержало достаточно подробный план практического взаимодействия по конкретному проекту. При этом соглашение не было чисто двусторонним, оно было погружено в более широкий контекст международных отношений в СВА: в число обязательств КНДР входило участие в межкорейском диалоге, а в строительстве ЛВР должен был участвовать международный консорциум. Рамочное соглашение предлагало путь вовлечения КНДР в международное взаимодействие; такая позиция представляется гораздо более благоприятной для безопасности в регионе в долгосрочном периоде, чем политика агрессивной изоляции. Кроме того, идея КЕДО — редкий случай, когда в ходе урегулирования ядерного вопроса было напрямую обращено внимание на проблемы экономической безопасности.

Трудно переоценить вклад, который внесли шестисторонние переговоры в укрепление системы безопасности в СВА. Их уни-

кальность для региона заключается в том, что это, *во-первых*, многосторонний межгосударственный (т.е. относящийся к «первой дорожке») форум, работавший более или менее регулярно, *во-вторых*, он включает почти все государства региона, за исключением Монголии; *в-третьих*, занимается вопросами безопасности.

Традиционной формой организации безопасности в СВА была система двусторонних связей, в постбиполярный период почти однозначно замкнутая на США. Не исключено, что «привычка» к двустороннему формату является одной из причин, по которой многосторонние механизмы обеспечения безопасности до определенного момента развивались в СВА не слишком активно³. Шестисторонние переговоры стали первой (и пока остаются единственной) инициативой такого рода.

В связи с этим уже достаточно давно в научных кругах обсуждается вопрос расширения круга вопросов, обсуждаемых на «шестисторонке», превращения ее в универсальный механизм, что, к слову, не требует никаких структурных изменений⁴. Несмотря на то что участники не собирались уже несколько лет, положительный 5-летний опыт сотрудничества и достигнутые результаты дают основание полагать, что подобная трансформация возможна. Кроме того, она была бы очень желательна с точки зрения интересов России, которая получила бы дополнительный рычаг воздействия на ситуацию в регионе.

Впрочем, есть и факторы, удерживающие от излишне оптимистичных перспектив превращения «шестисторонки» в универсальный форум. *Во-первых*, у участников кардинально различается понимание угроз⁵. Япония и Южная Корея (а также в какой-то степени США) видят в качестве таковой политику или даже само существование Северной Кореи. В видении России и Китая основной угрозой является нарушение статуса-кво: начало гонки вооружений, проведение военных операций в отношении КНДР, политическая и экономико-социальная дестабилизация, которая может последовать в таком случае, и т.п. КНДР же, в силу своего международно-политического положения, рассматривает угрозы препятствия для выживания режима и государства.

Во-вторых, уровень взаимного доверия не очень высок, участники разделяют взаимные подозрения по поводу искренности намерений друг друга⁶.

В-третьих, не слишком ясно, за счет каких вопросов можно расширить компетенцию «шестисторонки». Например, ни одна из стран региона не согласится выносить на всеобщее обсуждение двусторонние территориальные споры⁷. По понятным причинам может быть заблокировано обсуждение вопроса об американском военном присутствии.

Вне зависимости от того, какой может быть судьба шестисторонних переговоров в будущем, следует признать, что они уже внесли немалый вклад в процесс консолидации системы безопасности в СВА, создав прецедент успешного сотрудничества, предложив работающую схему взаимодействия и оставив ряд значимых документов. Можно возразить, что шестистороннее сотрудничество нельзя назвать успешным, потому что ядерная проблема не была решена. Однако такое утверждение не совсем корректно, потому что, касательно собственно переговоров, удалось найти способ ее снятия (изложенный в Совместном заявлении 2005 г.), который, более того, был почти реализован: в 2008 г. — начале 2009 г. проблема формально была почти снята, и возврат к исходной точке связан не с провалом шестистороннего процесса, а с событиями, связанными отнюдь не с несовершенством самих переговоров.

Признаки *деструктивного* воздействия:

1. Ущерб режиму нераспространения ядерного оружия. После долгих усилий КНДР стала обладателем ядерного оружия. При этом страна также обладает средствами доставки (пусть и не очень надежными), о чем периодически напоминает миру, испытывая ракетные технологии.

Что касается военно-политических аспектов, ядерное оружие существенно расширяет арсенал средств давления КНДР на соседей и партнеров. Не связанное международным правом ядерное государство фактически может, «бряцая оружием», «налагать вето» даже на политические решения сверхдержав⁸. Не говоря уже о том, что наличие у Пхеньяна ядерного оружия (и даже вероятность этого) существенно укрепляет безопасность КНДР и может выступить сдерживающим фактором, если у каких-либо сил возникнет желание решить корейский вопрос военными средствами.

Военная ядерная программа также способна стать «внесистемным» фактором экономической безопасности для крайне бедной страны, почти не включенной в мировую систему хозяйства

и торговли. «Ядерные амбиции» становятся предметом размена: отказ от программы (или каких-либо ее элементов) может быть обусловлен получением серьезной финансовой, энергетической или продовольственной помощи.

В политическом смысле наличие ядерной программы и игра вокруг нее позволяют Северной Корее балансировать между США и Южной Кореей с одной стороны, и Китаем — с другой, извлекая выгоду из соперничества держав и сохраняя свою независимость. Подобный подход к внешней политике, отметим, является вполне привычным для КНДР, в прошлом успешно балансировавшей между Китаем и СССР⁹.

Разумеется, такое укрепление безопасности КНДР произошло за счет всех остальных государств региона. Особенно рельефно потенциальная угроза, исходящая от северокорейского атома, стала ощущаться в Южной Корее и Японии. Угроза для России и Китая, поддерживающих с КНДР достаточно благоприятные отношения, в сложившейся политической ситуации скорее косвенная, выражаемая ущербом, наносимым режиму нераспространения ядерного оружия. Для США северокорейские ядерные разработки скорее являются внешнеполитическим вызовом, чем угрозой.

2. Потеря Северной Кореей контроля над ядерными разработками. *Во-первых*, вероятен переход северокорейских ядерных разработок в руки радикальных сил, не настроенных действовать в рамках сложившейся структуры безопасности.

К счастью, данный фактор пока остается потенциальной, а не реальной угрозой. Тем не менее повод для опасений существует. В частности, в рейтинге безопасности хранения ядерных материалов, составленном неправительственной группой аналитиков «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (Nuclear Threat Initiative), Северная Корея занимает последнее место среди государств, обладающих расщепляющимися материалами, пригодными для использования в военных целях¹⁰.

Кроме того, здесь же следует рассматривать гипотетическую возможность смены военной и ядерной доктрины КНДР на гораздо менее предсказуемую (возможно, со сменой руководства страны).

При всей фантастичности подобных сценариев нельзя исключить их влияние на сознание различных групп во властных кругах

заинтересованных стран и, таким образом, на безопасность в регионе.

Во-вторых, существует риск техногенной катастрофы, осложнённой ядерным фактором¹¹. Особенно это опасно в свете того, что КНДР в силу ряда причин объективного характера (экономических, технологических, кадровых) не может обеспечить достаточный уровень безопасности ядерных объектов и не сможет эффективно ликвидировать последствия возможной аварии. Причем авария может произойти и не из-за «человеческого фактора». Так, сразу же после вызванной в марте 2011 г. землетрясением катастрофы на АЭС «Фукусима-1» в Японии южнокорейская пресса начала выражать обеспокоенность в том, что подобная катастрофа в КНДР может иметь гораздо более разрушительные последствия.

3. Игнорирование акторами сложившейся структуры отношений, односторонние действия в обход нее. Здесь следует упомянуть в первую очередь выход КНДР из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Эта процедура была начата в 1993 г., но вскоре (после достижения договоренности с США) «заморожена», и окончательный выход состоялся уже в 2003 г.

Может показаться, что это заурядный момент. Действительно, присоединение к международным договорам и выход из них — суверенное право любого государства. Примерно такой аргументацией и пользовалась КНДР. Тем не менее страна создала прецедент выхода из ДНЯО и отказа от его ограничений. Особенно серьезным представляется негативный эффект, который этот шаг оказал на безопасность именно в СВА, где располагаются два «погоговых» ядерных государства — Южная Корея и Япония¹².

Об опасности «эрозии» режима нераспространения напоминает появление у Северной Кореи к концу 2010 г. программы обогащения урана, материалы и технологии для которой были, возможно, получены через международный «черный рынок»¹³.

Здесь же следует вспомнить распад режима рамочного соглашения 1994 г. в начале 2000-х годов, связанный в первую очередь с недальновидной политикой администрации Дж. Буша-мл. Вашингтон отказался от выработанного с его участием решения ядерной проблемы и продемонстрировал нежелание заниматься ею впредь. Тем не менее сам вопрос от этого не исчез и начал гораздо острее ощущаться государствами региона.

С отказом от рамочного соглашения северокорейский ядерный вопрос перестал быть проблемой двусторонних отношений КНДР и США. До этого США занимались его урегулированием «от лица» всей СВА; страны региона если и не были согласны с таким положением вещей, то, по крайней мере, не возражали. Южная Корея и Япония доверяли своему союзнику. Россия в начале 1990-х годов, с одной стороны, вследствие реализации козырьского варианта «атлантизма» слабо интересовалась восточным направлением, с другой стороны — была занята своими внутренними проблемами (но, несмотря на это, ситуацию на полуострове не игнорировала, о чем говорит инициатива 1994 г.). Китай в эти годы также занимал пассивную позицию, поскольку еще не восстановил свой внешнеполитический потенциал после удара, нанесенного ему распадом мировой социалистической системы и событиями на площади Тяньаньмэнь 1989 г.

4. Расторжение двух- и многосторонних договоренностей, распад или прекращение действия существующих механизмов в области безопасности. Помимо упомянутых выше эпизодов с Декларацией 1992 г. и рамочным соглашением 1994 г. здесь следует упомянуть ключевую для понимания сегодняшнего состояния вопроса проблему длительного перерыва в работе шестисторонних переговоров.

Остановка работы форума связана в первую очередь с политическими переменами в странах — участниках переговоров. Кроме того, стороны к 2008 г. совершили те уступки, на которые могли пойти без вреда для своего имиджа и своих интересов¹⁴. В частности, следующим шагом КНДР должно было быть уничтожение ядерного оружия и отказ от его производства, на что Пхеньян пойти не мог¹⁵.

События 2009 г. (ракетные пуски КНДР и 2-е ядерное испытание), а также трагические инциденты 2010 г. (потопление южнокорейского корвета «Чхонан» и артиллерийская перестрелка у о. Енпхендо) не способствовали сближению сторон и возобновлению переговорного процесса.

Тем не менее в 2011 г. начались активные двусторонние консультации между странами — участницами «шестисторонки», в частности между США и КНДР.

Ученые достаточно давно заметили, что жизнь ядерной проблемы подчиняется определенным циклам¹⁶. Схематично такой «кризис-

ный цикл» можно описать следующим образом: провокация — рост напряженности — переговоры — урегулирование — застой — постепенный отход от договоренностей — новые провокации.

На разных этапах цикла преобладают различные типы влияний. Однако история показывает, что воздействия, дестабилизирующие систему безопасности, к сожалению, характерны почти для всех этапов цикла. На «восходящих» этапах кризиса это — сознательные провокации, демарши, громкие расторжения договоренностей (следует отметить, в качестве «смутьяна» может выступать любая из вовлеченных сторон; к подобным действиям, помимо КНДР, прибегали, в частности, США и Япония). На этапе переговоров и урегулирования это — различные попытки продемонстрировать решительность, «поднять ставки». Этап затухания кризиса характеризуется негативными воздействиями двух типов: провокации, направленные на расторжение договоренностей, и игнорирование договоренностей, ведущее к их обесцениванию.

Положительные воздействия, к сожалению, формируются почти исключительно на этапе урегулирования. Исключением являются инициативы, которые могут быть предложены в любой момент времени. При этом нередко фаза затухания кризиса аннулирует всё достигнутое трудами дипломатов. Тем не менее следует помнить, что даже у не соблюдаемых договоренностей и игнорируемых механизмов сотрудничества сохраняется потенциал конструктивного воздействия на систему безопасности региона. Он состоит, во-первых, из компонентов *идеологического* характера (создается модель и пример формата сотрудничества, укрепляется идея урегулировать вопрос мирным путем, демонстрируется принципиальная возможность этого добиться), во-вторых, *структурного* (существование «несоблюдаемого» облегчает дальнейшее урегулирование в том смысле, что возвращение к старому формату безопасности происходит легче, чем привыкание к новому).

Если же самым примитивным образом навесить ярлыки «плюс» и «минус» на рассмотренные последствия ядерной проблемы, то количество тех и других оказывается примерно равным. Следует ли из этого, что деструктивные и конструктивные влияния уравновешивают друг друга?

К сожалению, нет. До тех пор пока ядерная проблема не прекратит развиваться циклически (другими словами, не будет урегу-

лирована), ее деструктивное влияние будет преобладать над конструктивным. Причина в том, что «срок жизни» конструктивных влияний, как правило, ограничен одним витком цикла, в ходе следующего кризиса они остаются лишь достоянием политической памяти. Деструктивные же тенденции не только сохраняются, но и усиливаются из кризиса в кризис. Например, угроза выхода КНДР из ДНЯО, прозвучавшая в ходе первого кризиса, в кризис начала 2000-х годов превратилась в выход Северной Кореи из договора, за чем последовало ядерное испытание. Потом Пхеньян провел 2-е испытание, и государства региона уже почти смирились с де-факто ядерным статусом КНДР.

Доминирование негативных воздействий и заложенный в них эскалационный потенциал подчеркивают необходимость как можно скорее найти способ разрешения ядерной проблемы.

¹ *Buzan B.* People, States and Fear: National Security Problem in International Relations. Colorado: Lynoe Rienner Publishers, 1991.

² *Calder K.* Regionalism and Critical Junctures: Explaining the “Organization Gap” in Northeast Asia // *Journal of East Asian Studies*. 2004. № 4 P. 191–226.

³ *Korean Security Dynamics in Transition / ed. by Kyung-Ae Park, Dalchoong Kim.* New York : Palgrave, 2001.

⁴ *Воронцов А., Агальцов П.* Возможна ли многосторонняя структура безопасности в Восточной Азии // *Проблемы Дальнего Востока*. 2010. № 4. С. 7–22.

⁵ Там же.

⁶ *Hecker S., Carlin R.* North Korea in 2011: Countdown to Kim Il-Sung’s Centenary // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2012. № 68(1). P. 56.

⁷ *Воронцов А., Агальцов П.* Указ. соч.

⁸ *Мирзаян Г. В.* США и северокорейская ядерная программа // *США — Канада. Экономика, политика, культура*. 2007. № 6. С. 35–48.

⁹ *Никонов В., Толорая Г., Воронцов А. и др.* Корейский полуостров: вызовы и возможности для России // *Доклад фонда «Русский мир»*. URL: <http://www.russkiymir.ru/export/sites/default/russkiymir/ru/fund/docs/ks210910.pdf>

¹⁰ *NTI Nuclear Materials Security Index: Building a Framework for Assurance, Accountability and Action.* URL: http://www.nti.org/media/pdfs/NTI_Index_FINAL.pdf?_=1326237145

¹¹ *Асмолов К.* Основные перспективы развития ситуации в Северо-Восточной Азии // *Проблемы Дальнего Востока*. 2008. № 5. С. 33–42; № 6. С. 43–51.

¹² Там же.

¹³ Hecker S., Carlin R. Op. cit. P. 56.

¹⁴ Асмолов К. Указ. соч.

¹⁵ Никонов В., Толорая Г., Воронцов А. и др. Указ. соч.

¹⁶ Толорая Г. Очередной цикл корейского кризиса (2008–2010). Российские интересы и перспективы выхода из корейского тупика // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 5. С. 3–19.

*П. С. Лешаков**

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ НОВОМУ ПОЛИТИЧЕСКОМУ РУКОВОДСТВУ КНДР И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-СЕВЕРОКОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

У жесточившиеся с 2009 г. международные санкции, усиливающаяся экономическая изоляция, новая волна конфронтации на Корейском полуострове, проблемы со здоровьем и неожиданная кончина северокорейского лидера Ким Чен Ира реанимировали среди многих политиков и аналитиков ожидание коллапса режима.

Не избежали подобной оценки развития событий и российские исследователи. В частности, в «Стратегическом глобальном прогнозе 2030», предпринятом ИМЭМО РАН в 2011 г., делается предположение, что в результате конфликта «службистов» и «силовиков» «КНДР в ее нынешнем виде перестанет существовать, и процесс объединения Кореи войдет... в практическую фазу»¹.

Многие сторонники данного сценария в ожидании развала режима заняли выжидательную позицию, которая выразилась в выборе администрацией США политики «стратегического терпения» и в отходе нынешнего руководства РК от «политики солнечного тепла». Джеффри Бэйдер, известный как архитектор политического курса Обамы в отношении Корейского полуострова, в своих мемуарах «Обама и возвышение Китая» отмечает, что «многие из нас считали наиболее вероятным в долгосрочной перспективе решением северокорейской ядерной проблемы коллапс КНДР и ее поглощение Югом»². В противоположность этим заявлениям все чаще звучат голоса о том, что процесс передачи власти младшему

* Лешаков Павел Семенович, кандидат экономических наук, директор Международного центра корееведения ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: pavel.leshakov@gmail.com

сыну Ким Чен Ира не вызовет дестабилизации ситуации в КНДР, и серьезных изменений, а тем более краха режима, ожидать не приходится³.

Столь крайние оценки ситуации заставляют задуматься о том, какой реальный диагноз можно поставить современному состоянию КНДР. Слишком много поставлено на карту в этом регионе, и любое неверное заключение может спровоцировать и инициировать действия с непредсказуемыми последствиями не только для Корейского полуострова, но и для всей Северо-Восточной Азии. В этом смысле 2012 год для КНДР призван стать важнейшим звеном в сложном процессе преемственности и передачи власти в рамках уже сложившейся системы семейно-корпоративного управления страной. Непредвзятый анализ внутренних и внешних условий нынешней передачи власти в КНДР в сравнении с аналогичным процессом в 1990-е годы позволяет сделать вывод о том, что ситуация в стране сейчас гораздо менее апокалипсическая.

В отличие от своего отца, которому пришлось консолидировать власть после развала СССР и экономической дезинтеграции СЭВ, Ким Чен Ын унаследовал власть в обстановке возвышения своего главного экономического и политического союзника — КНР — на фоне финансовых потрясений в западном мире. Разработка собственного оружия массового поражения и средств его доставки в какой-то мере смогли компенсировать новому руководству КНДР потерю ядерного зонтика СССР, а на смену стихийным бедствиям 1990-х годов пришла, пусть и ограниченная, гуманитарная помощь мирового сообщества. Что касается экономических санкций, инициированных США после испытания КНДР ядерных устройств и средств их доставки, то по силе воздействия они вряд ли могут сравниться с тем, что испытала страна при разрыве хозяйственных связей с СССР. И наконец, анализ внутренней ситуации показывает, что новые рыночные элементы, появившиеся в хозяйственной системе Северной Кореи в последнее 10-летие, помогли сгладить недостатки тотальной государственной распределительной системы, давшей серьезный сбой в кризисный период.

На данный момент можно констатировать, что экономика КНДР смогла пережить болезненные внешние и внутренние шоки, связанные с радикальными геополитическими сдвигами

в регионе, и частично приспособиться к новым условиям как на макроэкономическом, так и на микроэкономическом уровнях. Развитие зачаточных рыночных отношений, общее снижение жизненного уровня и усилившаяся имущественная дифференциация не привели к социальному взрыву и расшатыванию устоев существующего строя. Происходит постепенное сращивание нового предпринимательского слоя с партийной бюрократией при главенствующей роли военных.

Удивительную живучесть и незыблемость северокорейского режима многие эксперты связывают с политикой приоритета армии — *сонгун*, которая фактически превратила всю страну в один военный лагерь на осадном положении. Северокорейский эксперимент с «военным коммунизмом», который, в отличие от большевистского прототипа 1918 г., продолжается уже более полувека, серьезно подорвал гражданскую экономику КНДР, привел к милитаризации всех сфер северокорейского общества. Конечной целью этой политики провозглашалось построение «могучей и процветающей державы», экономика которой не менее чем на 70% обеспечена внутренними ресурсами⁴. Тем не менее именно внешние факторы, прежде всего, резкий разрыв российско-северокорейских торгово-экономических связей после дезинтеграции СССР привели к кризису, от которого экономика КНДР не смогла окончательно оправиться вплоть до настоящего времени (см. табл. 1).

Одновременно с сокращением производства с середины 1990-х годов в КНДР наблюдалось серьезное снижение уровня жизни большей части населения. Такое положение резко контрастировало с ситуацией на Юге, где подушевой доход в конце этого периода, несмотря на азиатский финансовый кризис, превысил 10 тыс. долл. и в течение последующего 10-летия вырос до 20 тыс. долл., что в 15–20 раз больше, чем на Севере. В течение жизни одного поколения южнокорейское общество осуществило прорыв в число наиболее развитых стран мира по основным экономическим показателям, одновременно пройдя путь от авторитаризма к демократии западного образца. Неизбежный рост взаимной информированности, особенно во времена политики «солнечного тепла», ставил все больше вопросов о причинах стремительно растущего разрыва в доходах населения на Севере и Юге Корейского полуострова, и официальной пропаганде КНДР все труднее отве-

Таблица 1

**Основные производственные показатели КНДР
в пиковые 1980-е и 2000-е годы**

Продукция	Единица измерения	Годы					Соотношение 2000-х к 1980-м годам, %
		1986	1988	1989	2008	2009	
Зерно	1000 т	4825	5210	5482	4306	4108	78,6
Рыба и морепродукты	1000 т	2370	2146	2189	830	828	35,0
Железная руда	1000 т	-	10 300	10 300	5316	4955	51,6
Уголь	1000 т	37 500	40 700	43 300	25 060	25 500	57,9
Электроэнергия	млрд кВт	25	28	29	26	24	87,4
Нефть (импорт)	1000 т	-	3164	2600	529	-	16,7
Сталь	1000 т	4300	5040	5940	1279	1255	21,5
Цемент	1000 т	5040	5775	11 775	6415	6126	54,5
Удобрения	1000 т	-	3514	3514	479	466	13,6
Экспорт	млрд долл.	1,49	2,03	1,97	2,06	2,00	101,5
Импорт	млрд долл.	2,11	3,21	2,85	3,57	3,10	111,2

Источник: Bae Jong-ryel North Korea's Dilemma: The 'Strong and Prosperous' Nation and the Market Economy. P. 230.

чать на эти вопросы. Единственным оправданием северокорейского аскетизма, который так контрастирует с южнокорейским обществом массового потребления, остается внешняя угроза, обуславливающая необходимость продолжения военно-ориентированной политики. Как это ни парадоксально, но международные санкции против КНДР, связанные с разработками ракетных и ядерных технологий, и участвовавшие военные маневры в районе спорной северной разграничительной линии (NLL) играют только на руку идеологии «нации в осадном положении», оставляя неизменной политику *сонгун*.

Таким образом, Северная Корея становится заложником собственной политики, и разорвать замкнутый круг накапливающихся противоречий становится все труднее. Празднование 100-летия Ким Ир Сена должно воочию продемонстрировать построение на севере Корейского полуострова «мощной и процветающей державы». И если определенные успехи в разработке ракетных и ядерных технологий могут быть использованы северокорейской пропагандой для зачисления КНДР в немногочисленный ряд держав, обладающих ядерным оружием и средствами их доставки, то до-

стижение статуса «процветающей» нации остается под большим вопросом.

В последнее 10-летие правления Ким Чен Ира многие жители КНДР впервые оказались предоставлены самим себе, без всеобъемлющей заботы и помощи государства. Они неожиданно для себя обнаружили притягательную силу денег, осознали, что с помощью денег можно улучшить свое благосостояние, добиться власти и даже решить проблемы со здоровьем⁵. Соответственно, важнейшей дилеммой, встающей перед новым северокорейским руководством, является соотношение преемственности политики приоритета армии, опирающейся на командную экономику, и необходимости развития товарно-денежных отношений, единственно способных решить проблемы производства и распределения продукции гражданских отраслей промышленности и сельского хозяйства.

Важнейшим вызовом новому политическому руководству КНДР будет необходимость экономических реформ, от которых будет зависеть не только достижение заявленного «процветания» нации, но и во многом сохранение существующей в КНДР политической системы. Преобразования в экономике невозможны без отхода от военно-ориентированной политики, который предполагает конверсию, а в идеальном варианте — коммерциализацию оборонных отраслей, связанных с ракетно-ядерной программой, перераспределение значительной массы трудовых ресурсов и адаптацию основной части населения к рыночным механизмам производства, распределения и потребления. Только успешная реализация этих сложнейших задач может привести к экономическому возрождению страны и политической стабилизации. Внешними гарантами отхода КНДР от хозяйственной автаркии, консервирующей ее отсталость, должны стать ее соседи, прежде всего Китай, Республика Корея и Россия.

Процесс политической дезинтеграции СССР, трансформация внутренних хозяйственных укладов и стремительное вовлечение российской экономики в мировое хозяйство полностью парализовали российско-северокорейские торгово-экономические отношения. К 2000 г. товарооборот между двумя странами сократился до уровня 44,1 млн долл., т.е. в 50 раз, и в последующие годы колебался в пределах 50–230 млн долл (см. табл. 2). Удельный вес

России во внешней торговле КНДР упал с 50 до 2%, при этом объемы экспортно-импортных операций других основных северо-корейских торговых партнеров (включая Японию до 2006 г.) оставались примерно на том же уровне, а в случае с КНР и Южной Кореей — имели тенденцию к росту.

Попытки наладить двустороннее торгово-экономическое сотрудничество в первое 10-летие после распада СССР ограничивались деятельностью российско-северо-корейской межправительственной комиссии, решения которой носили, как правило, рекомендательный характер. Даже реанимация российско-северо-корейских политических отношений (подписание 9 февраля 2000 г. нового Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, первый за всю историю отношений двух стран визит российского президента В.В. Путина в КНДР 19–20 июля 2000 г. и два ответных визита северо-корейского лидера Ким Чен Ира в Россию в 2001–2002 гг.) не смогла существенным образом оживить двусторонние экономические связи.

Северо-корейская сторона неоднократно подавала сигналы о своей готовности восстановить торгово-экономические связи с Россией. В немалой степени это объясняется попытками распространить «чучхейский» подход на сферу внешнеэкономической

деятельности за счет более сбалансированной политики в отношении основных торговых партнеров, чтобы избежать чрезмерной зависимости от КНР и Республики Кореи. Однако оживлению взаимных торгово-экономических связей мешают многолетняя стагнация экономики КНДР, низкая платежеспособность северо-корейских компаний и недоверие к ним со стороны российских партнеров, отсутствие современной транспортной инфраструктуры, трудности с денежными переводами, вызванные американскими финансовыми санкциями, и, конечно же, проблема урегулирования задолженности Пхеньяна бывшему СССР.

Изначально размер финансовой задолженности КНДР России оценивался в 2,88 млрд долл. и базировался на пересчете рублевой клиринговой задолженности по официальному курсу Государственного банка СССР на 1990 г. (1 рубль = 0,67 долл.). На 2011 г. российская сторона с учетом процентов оценивала северо-корейскую задолженность уже в 11 млрд долл. Представители КНДР, в свою очередь, заявляли о том, что в нынешнем состоянии страна не в состоянии погасить какие-либо долговые обязательства, и просили принять «политическое решение» по этому вопросу.

Просроченные долги КНДР по валютным займам западных кредиторов котируются на вторичном рынке на уровне 5–10% от их номинальной стоимости. Учитывая ту легкость, с которой Россия списала и продолжает списывать советские долги странам третьего мира после распада СССР, было бы странным ожидать от северо-корейской стороны признания «рыночных» принципов оценки задолженности. В этом смысле в стратегическом плане российской стороне выгоднее пойти на списание задолженности в обмен на получение приоритетного доступа к наиболее перспективным отраслям северо-корейской промышленности, а такие в КНДР имеются. Достаточно привести пример французской компании «Лафарже», получившей контроль над одним из крупнейших в КНДР заводов по производству цемента.

КНДР должна представлять интерес для России прежде всего в силу усиливающегося дефицита невозобновляемых природных ресурсов в мире. Минеральные ресурсы Северной Кореи, по некоторым прогнозам, оцениваются в 6 трлн долл.⁶ Они включают промышленные запасы антрацита, залежи железной руды, месторождения свинца, цинка, вольфрама, благородных и

Таблица 2

Динамика внешней торговли РФ с РК и КНДР, млн долл

Показатели	1990*	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Объем внешней торговли РФ с РК	223 630	145 022	149 895	369 232	467 831	577 887	763 734	469 023	627 870
в том числе:									
экспорт	109 120	82 419	105 033	243 798	303 550	354 401	471 763	301 652	398 136
импорт	114 510	62 603	44 862	125 434	164 281	223 486	291 971	167 371	229 734
Объем торговли РФ с КНДР	2223	85,4	44,1	233,2	210,5	159,8	110,8	49,4	98,7
в том числе:									
экспорт	1315	70,1	36,4	226,3	190,4	126,1	96,9	41,6	80,6
импорт	908	15,3	7,7	6,9	20,1	33,7	13,9	7,8	14,5

* Внешняя торговля СССР.

Источник: данные Государственного комитета по статистике СССР, Федеральной службы государственной статистики РФ и Таможенной службы РК.

редкоземельных металлов. КНДР обладает крупнейшими в мире запасами магнезита, используемого в качестве огнеупорного материала в металлургии. Сырьевой сектор северокорейской экономики становится самым привлекательным для иностранных инвестиций, и не случайно из 138 китайских компаний, работавших в КНДР в 2010 г., более 40 % вкладывали свои капиталы в добывающие отрасли, а их общие инвестиции с 2004 г. превысили 500 млн долл. Причем развитие горнодобывающих отраслей северокорейской промышленности при участии китайского капитала часто идет по пути заключения компенсационных сделок, предусматривающих оплату введенного в эксплуатацию «под ключ» технологического оборудования поставками произведенного на нем товара. Впервые такие схемы работы с КНДР были апробированы советскими внешнеторговыми организациями еще в 1970-х годах.

Потенциал возможностей КНДР не ограничивается полезными ископаемыми. В ближайшее время страна может превратиться в важный центр по производству изделий на давальческом сырье⁷, поскольку минимальная месячная зарплата, гарантируемая северокорейским правительством, является на сегодняшний день самой привлекательной в регионе при относительно высокой квалификации и дисциплинированности северокорейской рабочей силы. Несмотря на обострившееся военно-политическое противостояние на Корейском полуострове, объем производства в Кэсонской промышленной зоне стабильно рос и в 2011 г. превысил 400 млн долл., а количество работающих достигло 50 тыс. человек. Россия, которая еще в 1980-е годы использовала в торговле с КНДР подобные товарообменные операции, остается в стороне от участия в этом процессе, хотя значительная часть продукции, произведенной там, в силу американских и японских санкций могла бы быть направлена на российский рынок. Показателен в этом отношении приход в КНДР шведского модельера одежды Каллстигена, который основал в Пхеньяне компанию «Ноко» по пошиву джинсовой одежды для европейского рынка.

Определенный интерес может представлять также аутсорсинг услуг по разработке программного обеспечения и мультимедийной продукции. Впервые о возможности использовать дешевую рабочую силу не только в трудоемких, но и высокотехнологичных

областях заговорили в 1990-е годы, когда кинокомпании Франции и США разместили заказы на изготовление мультимедийной продукции на киностудии мультипликационных фильмов в Пхеньяне, кстати говоря – крупнейшей в мире по числу работников. В настоящее время немецкая компания «Носотек» активно пытается наладить контакты с северокорейскими программистами в разработке компьютерных игр для мобильных телефонов. Вполне естественный интерес к северокорейскому программному обеспечению проявляют и южнокорейские производители электроники и средств мобильной связи.

Наиболее удачным проектом иностранных инвестиций в КНДР можно считать совместное предприятие «Корёлинк», 75 % которого принадлежит египетской корпорации «Ораском» и 25 % – северокорейскому правительству. За 3 года работы предприятие установило 453 вышки мобильной связи, покрывающих территорию, на которой проживает 94 % населения страны, обеспечило коммерческими услугами мобильной связи почти 1 млн абонентов. «Корёлинк» в 2011 г. стало самым успешным подразделением «Ораском», прибыльность которого в III квартале достигла 80 %. Это позволило египетской корпорации взяться за реализацию грандиозного гостиничного проекта, предполагающего введение в строй 105-этажного отеля «Рюгён», строительство которого было заморожено двумя десятилетиями ранее. Пример «Ораском» показывает, что ниши для иностранных инвестиций в КНДР отнюдь не ограничиваются сырьевым сектором.

Отправной точкой для изменения ситуации в российско-северокорейском экономическом сотрудничестве может стать реализация проекта РЖД по восстановлению проходящего по территории КНДР железнодорожного участка Хасан/Туманган – Раджин (55 км), а также строительство контейнерного терминала в порту Раджин для организации транзитных грузовых перевозок. В октябре 2011 г. состоялся прогон первого грузового состава по данному участку. Пока в связи с выходом южнокорейских партнеров из проекта предполагается использовать терминал для перегрузки навалочных грузов в обратном направлении.

В долгосрочной перспективе важнейшим трехсторонним проектом должна стать прокладка газопровода по территории КНДР для обеспечения поставок газа в Республику Корея. Этот проект

обсуждается уже более двух десятилетий, однако только в 2008 г. был подписан протокол о намерениях с РК, а в августе 2011 г. на встрече северокорейского лидера Ким Чен Ира и президента РФ Д. А. Медведева была подтверждена заинтересованность в данном проекте КНДР. Учитывая растущий интерес Газпрома к диверсификации газовых потоков в азиатском направлении, нынешние инициативы России по продвижению транскорейского газопровода могут быть очень своевременными.

Именно эти два крупных проекта призваны привлечь за собой в КНДР частный российский бизнес. Развитие событий в стране вселяет определенный оптимизм в возможность прагматичной экономической политики. В декабре 2011 г. были внесены изменения в Закон КНДР об экономической и торговой зоне Расон, где уже работает совместное предприятие РЖД. Одновременно был принят Закон КНДР об экономической зоне Хвангымпхен и Вихвадо, инициирующий создание новой свободной экономической зоны в районе Синийчжу на границе с КНР. В январе 2012 г. был обнародован Закон о корпорациях, принятый более года назад, а в марте 2012 г. образована компания по страхованию иностранных инвестиций. Предпринимаются попытки стабилизировать денежную систему страны. Все это открывает дополнительные возможности для привлечения в страну иностранного мелкого и среднего бизнеса, готового нести высокие риски ради высоких прибылей. Однако без целенаправленной государственной поддержки (информационной, консалтинговой, финансовой) выйти российским предпринимателям на северокорейский рынок будет достаточно сложно.

2012 год станет годом прихода к власти новых политических лидеров в США, Республике Корея, России и Китае — странах, являющихся главными игроками, без участия которых невозможно разрешить ситуацию на Корейском полуострове. Ставка на экономический коллапс и смену режима себя не оправдала, и на передний план снова выходит задача постепенной экономической, гуманитарной и политической вовлеченности КНДР в современные мировые процессы, от которых страна отстала на многие десятилетия. Только отход от изоляционизма, консервирующего эту отсталость, действительно позволит создать на севере Корейского полуострова процветающее государство. И у России есть реаль-

ный шанс принять активное участие в этом процессе, сместив акценты в северокорейском векторе своей азиатской политики с пассивного добрососедства на экономический прагматизм взаимовыгодного сотрудничества. Первым практическим шагом в данном направлении могло бы стать официальное приглашение КНДР принять участие в саммите АТЭС во Владивостоке, например, в качестве наблюдателя в секции по спутниковой навигации. На смену малорезультативной риторике по поводу северокорейской ракетно-ядерной программы должны прийти конкретные предложения по сотрудничеству, которые могли бы на деле начать коммерциализацию наработок северокорейских специалистов в области ракетных и ядерных технологий.

¹ Стратегический глобальный прогноз 2030. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 390.

² South Korea was Considering Retaliation Well Beyond a Local Reponse // Korea Times. 11.03.2012.

³ Cumings B. North Korea's Dynastic Succession // Le Monde diplomatique. English edition. 07.02.2012.

⁴ 김봉호. 위대한 선군 시대. 평양출판사. 2004. С. 112.

⁵ Frank R. Dreaming an Impossible Dream? Opening, Reform, and the Future of the North Korean Economy // The Asia-Pacific Journal. Vol. 30-4-09. July 27, 2009.

⁶ Roberts D., Cha S., Kim R. North Korea Attracting Foreign Companies // Bloomberg Businessweek. 23.01.2012.

⁷ Производство готовых изделий на оборудовании и из сырья заказчика для реализации их через сбытовую сеть последнего.

*А. В. Воронцов**

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИИ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Как известно, Россия связывает продвижение своих экономических интересов на Корейский полуостров и, шире, в регион Восточной Азии прежде всего с реализацией трех крупных инфраструктурных программ: соединения железных дорог двух Корей с Транссибом, поставок природного газа и электроэнергии из РФ в РК через территорию КНДР. До недавнего времени по степени продвинутой и приоритетности лидировал железнодорожный проект. И он продолжает успешно развиваться. Но вместе с ним в последние годы существенно актуализировалась и энергетическая составляющая.

В целом, говоря об энергетическом сотрудничестве России с государствами Корейского полуострова, необходимо подчеркнуть, что оно разрабатывается, планируется и осуществляется по двум линиям: переброски газа и электричества. Оба эти направления являются диалектически и альтернативными друг другу, и взаимодополняющими. Это обстоятельство, в частности, пытаются использовать южнокорейские партнеры, выторговывая себе более выгодные условия и указывая, что мол, зачем нам будет нужна электроэнергия из России, если мы, получив ее газ, сможем на его основе строить соответствующие электроэнергетические генерации. Тем не менее, объективно, долгосрочная заинтересованность РК в российских газе, и электричестве – реальность, признаваемая южнокорейскими экспертами.

В настоящее время роль флагмана выполняет проект по строительству газопровода, а практические мероприятия по реализации

* Воронцов Александр Валентинович, кандидат исторических наук, заведующий отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН. E-mail: vorontsovav@yandex.ru

идеи переброски электроэнергии следуют в его фарватере, имея пока вспомогательное значение. Так было не всегда. Например, в 2009 г. был подписан ряд документов между российскими и южнокорейскими энергетическими организациями, демонстрировавших определенную продвинутой процесс сотрудничества в данной сфере.

Так, в июне был подписан меморандум о взаимопонимании между ОАО «ИНТЕР РАО ЕЭС» и южнокорейской энергетической компанией Korea Electric Power Corporation (KEPCO). В нем была подтверждена обоюдная заинтересованность в проведении тщательного изучения возможностей реализации совместных проектов в сфере строительства электростанций и электрических сетей¹.

Затем в ноябре того же года Восточная энергетическая компания (ОАО «ВЭК»), входящая в Группу ИНТЕР РАО ЕЭС, подготовила техническое задание на разработку технико-экономического обоснования (ТЭО) строительства линии электропередачи в рамках проекта «Организация взаимных поставок электроэнергии между Российской Федерацией и Республикой Корея через территорию Корейской Народно-Демократической Республики» и передала его на согласование специалистам KEPCO. Комментируя данный документ, генеральный директор ОАО «ВЭК» Ю. Шаров подчеркнул, что для обеспечения поставок электроэнергии из России в РК предполагалось строительство линии электропередачи постоянного тока напряжением 500 кВ из Приморского края до Сеула через территорию КНДР. В связи с этим в конце 2008 г. Министерство энергетики и угольной промышленности КНДР и ИНТЕР РАО ЕЭС подписали протокол, в котором северокорейская сторона подтвердила готовность выделить землеотвод под строительство ЛЭП, который может быть оплачен поставками электроэнергии из России. Выработку электроэнергии для экспорта в Республику Корея и КНДР должны были обеспечить действующие на Дальнем Востоке России электростанции, а также новые генерирующие мощности, в том числе запланированные к строительству в рамках проекта увеличения экспорта электроэнергии в Китай².

Несколько лет назад серьезно изучался проект снабжения российской электроэнергией крупнейшего индустриального цен-

тра КНДР — г. Чхонджин и прилегающих регионов. Однако в силу объективных причин, в том числе резко активизировавшегося сотрудничества между КНДР и КНР, актуальность данного проекта снизилась. Объясняется это прежде всего тем, что в условиях политики жестких санкций и тотальной экономической изоляции Северной Кореи, проводимой в последние годы Западом, Китай остался единственным окном во внешний мир, безальтернативным экономическим партнером и спонсором Пхеньяна. В ответ, естественно, Пекин получил такие экономические преференции в КНДР, о которых не мог бы и мечтать в других условиях. Сказалось это и на рассматриваемом нами проекте. Сейчас северо-корейские партнеры в Чхонджине и свободной экономической зоне (СЭЗ) «Расон» воспринимают источники электроэнергии из приграничных районов Китая как более привлекательные.

Тем не менее проект снабжения РК российской электроэнергией и строительства через территорию КНДР соответствующих ЛЭП остается на столе переговоров и в очередной раз обсуждался на встрече президентов РФ и РК в Сеуле 26 марта 2012 г.

Но в последние годы пальму первенства перехватил «газовый» проект. Со всей очевидностью это проявилось во время саммита между лидерами РФ и КНДР в Улан-Удэ в августе 2011 г., где тема строительства газопровода из России в Южную Корею через территорию Северной Кореи в повестке переговоров была в числе ключевых. При этом необходимо подчеркнуть, что сама идея поставок сетевого газа из РФ в РК совсем не нова. В определенном смысле слова можно сказать, что она — чуть ли не ровесница дипломатическим отношениям между нашими двумя государствами.

Еще в 1990-х годах обсуждался проект строительства газопровода в Южную Корею через северную часть полуострова из Якутии. И тогда посол КНДР в Москве Сон Сен Пхир, выступая в Госдуме РФ, подчеркивал, что его правительство уже выделило землеотвод под строительство трубопровода³. В 1994—1995 гг. российская сторона разработала проект строительства магистрально-го газопровода Якутия (Саха) — Корея⁴.

Затем у Якутии появился конкурент — Иркутская область с ее крупнейшим газовым месторождением Ковыкта, в пользу которой в конце концов и склонилась чаша весов в тот период. Эксперты сошлись во мнении, что прямой маршрут через Китай

и далее, по дну Жёлтого моря, в Южную Корею будет короче и более рентабельным. Подписали трехстороннее соглашение, подготовили ТЭО⁵. Но судьба и этого проекта оказалась «несчастливой»⁶. На роль главного поставщика газа выдвинулись набравшие к тому времени силу и уверенно наращивающие объемы добычи месторождения острова Сахалин и морского шельфа прилегающих районов.

Так сформировались новые условия для реализации проекта строительства газопровода.

Важными вехам на пути его продвижения стали следующие события:

- 12 мая 2003 г. ОАО «Газпром» и южнокорейская компания Kogas подписали Соглашение о сотрудничестве сроком на 5 лет, которое в 2008 г. было продлено на очередной 5-летний период. Соглашение охватывает широкий круг вопросов, в том числе разработку возможности поставок российского природного газа в эту страну. Для реализации Соглашения стороны создали постоянно действующую совместную рабочую группу.

- 17 октября 2006 г. в Сеуле было подписано соглашение между правительствами РФ и РК «О сотрудничестве в области газовой промышленности», в соответствии с которым Газпром и Kogas были определены уполномоченными организациями по вопросам поставок природного газа из России в РК.

- 29 сентября 2008 г. Газпром и Kogas подписали Меморандум о взаимопонимании по поставкам природного газа из России в Корею.

- 23 июня 2009 г. в ходе рабочего визита делегации ОАО «Газпром» в РК глава «Газпрома» А. Миллер и глава Kogas — Чжу Кан Су подписали Соглашение о совместном исследовании проекта поставок газа. Во исполнение Соглашения в 2010 г. был подготовлен итоговый отчет по изучению вариантов организации поставок газа от конечной точки газотранспортной системы Сахалин — Хабаровск — Владивосток в РК.

- В сентябре 2007 г. утверждена государственная Программа создания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке единой системы добычи, транспортировки газа и газоснабжения с учетом возможного экспорта газа на рынки Китая и других стран АТР (Восточная газовая программа) приказом Министерства промышленности и

энергетики РФ, а Газпром назначен правительством РФ координатором деятельности по реализации этой программы⁷.

На сегодняшний день в процессе реализации данного проекта, на наш взгляд, достигнуты существенные результаты. При отборе информации, их характеризующей, мы учитывали, что главные операторы проекта — Газпром и Kogas, находясь в стадии коммерческих переговоров, по вполне понятным причинам не стремятся делиться подробной информацией, касающейся содержательной части проекта. Поэтому мы не склонны переоценивать те сведения и прогнозы, которые публикуются в СМИ различных стран, и предпочитаем опираться на, возможно, не слишком подробную, но официальную информацию. К таким источникам относятся и интервью газете «Коммерсантъ», данное послом по особым поручениям МИД РФ А. Тимониным. Говоря о современном состоянии проекта, российский дипломат отметил, что конкретные очертания проект строительства транскорейского газопровода начал приобретать лишь после подписания в октябре 2006 г. российско-южнокорейского межправительственного соглашения «О сотрудничестве в области газовой промышленности» и в сентябре 2008 г. — меморандума о взаимопонимании по поставкам природного газа из России в Южную Корею между Газпромом и Kogas. Важный импульс развертыванию работы над газовым проектом придали переговоры президента Д. Медведева с главой КНДР Ким Чен Иром в Улан-Удэ 24 августа 2-11 г. и с президентом Южной Кореи Ли Мен Баком в Санкт-Петербурге 2 ноября того же года, на которых оба корейских лидера объявили об участии своих стран в крупномасштабном газовом проекте.

Решительным шагом на пути взаимодействия Газпрома с корейскими партнерами стали состоявшиеся в Москве 15 сентября 2011 г. отдельные встречи А. Миллера с министром нефтяной промышленности КНДР Ким Хи Еном и президентом Kogas Чжу Кан Су. На переговорах с главой Kogas была подписана дорожная карта, определяющая график реализации проекта поставок природного газа из России в Южную Корею. В соответствии с этим документом в ближайшее время начнутся российско-южнокорейские коммерческие переговоры, на которых должны быть согласованы объемы поставок газа, сроки, формула цены, а также точка передачи продукции южнокорейской стороне. Итогом перегово-

ров должно стать подписание ориентировочно к весне 2012 г. контракта купли-продажи, что позволит начать работы по проектированию и строительству газопровода. Только в этом случае поставки газа в РК могут начаться в 2017 г. Предположительно, объем поставок может составить 10–12 млрд куб. м в год.

В ходе беседы с северокорейскими партнерами были обсуждены вопросы практической организации трубопроводной поставки природного газа из России на Корейский полуостров, достигнута договоренность о создании совместной рабочей группы для реализации проекта, а также подписан меморандум о взаимопонимании между Газпромом и Министерством нефтяной промышленности КНДР. Учитывая, что между РФ и КНДР пока нет соглашения о сотрудничестве в газовой сфере, российская сторона считает необходимым заключить соответствующее межправительственное соглашение, которое создаст правовую основу для реализации проекта. Этот документ можно было бы подготовить после достижения коммерческих договоренностей Газпрома с Kogas весной 2012 г. При этом Газпром намерен решать все вопросы сооружения газопровода на территории КНДР только с Пхеньяном. Предполагается, что Газпром возьмет на себя все финансовые расходы по строительству северокорейского участка газопровода длиной около 700 км. Возможно привлечение северокорейской рабочей силы в ходе строительства и последующей эксплуатации газопровода после соответствующего обучения. Весь газ будет поставляться исключительно в Южную Корею⁸.

Вопросы, связанные с прохождением газопровода через демилитаризованную зону (ДМЗ), на определенном этапе неизбежно потребуют трехсторонних, а возможно, и прямых межкорейских консультаций. Поэтому Пхеньян и Сеул уже в ближайшее время должны выработать свои позиции по этому вопросу, и затем с участием Газпрома будет достигнута договоренность о порядке совместной работы на этом участке газопровода.

Относительно опасений о возможных «неблаговидных целях» Пхеньяна было подчеркнуто, что «российская сторона приняла решение о строительстве этого газопровода после тщательного анализа всех факторов, связанных как с нынешним состоянием отношений России с Южной Кореей и КНДР, так и со сложной военно-политической ситуацией на Корейском полуострове

и вокруг него. Заинтересованность Пхеньяна и Сеула в конечных результатах этого проекта станет своего рода гарантией его успешной реализации⁹.

В данном проекте чисто экономические аспекты теснейшим образом переплетены с проблемами, касающимися безопасности на Корейском полуострове и вокруг него, что нередко крайне политизирует и, естественно, весьма осложняет общую картину. С одной стороны, реализация данного проекта объективно будет способствовать созданию атмосферы доверия между Югом и Севером Кореи, нормализации их взаимоотношений, урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова и укреплению мира и стабильности в СВА. Именно такая перспектива развития обстановки полностью отвечает национальным интересам России. Не случайно в МИД РФ недавно ввели новую должность — посла по особым поручениям, курирующим все, как у нас называют, «три больших трехсторонних проекта»: железнодорожный, газопроводный и по переброске электричества из РФ в РК через Северную Корею. Это отражает на практике рост внимания к Корейскому полуострову и СВА в целом не только среди бизнес-сообщества России, но и ее политического руководства.

Вместе с тем не секрет, что и в РК, и в США, и в Японии существуют определенные силы, которые не заинтересованы как в расширении экономического присутствия России в регионе, так и в вовлечении КНДР в многосторонние хозяйственные проекты. Усилия этих кругов направлены на углубление изоляции Пхеньяна с целью смены режима. Подобная линия определяет парадигму отключения КНДР от любых программ, способных хоть как-то оживить и поддержать ее экономику, следовательно, и от газопровода. Не случайно еще 15 лет назад посол КНДР Сон Сен Пхир в уже упоминавшемся выступлении в Госдуме РФ утверждал, что «если Сеул выступит против строительства газопровода через КНДР, это станет свидетельством того, что он хочет увековечить раскол Кореи»¹⁰.

К сожалению, подобные настроения присутствуют и сегодня. В докладе представителя одного японского научного центра газопровод был поставлен в один разряд вместе с территориальными спорами, конфликтной ситуацией вокруг островов Спратли в Южнокитайском море и др. В таком контексте он парадоксаль-

ным образом рассматривался в качестве раздражителя международной обстановки и фактора, препятствующего региональному экономическому сотрудничеству.

Эти факторы, а также глубокое взаимное недоверие между Югом и Севером подпитывают опасения, прежде всего в РК, относительно бесперебойных поставок газа через территорию КНДР. В данном контексте ряд экспертов пытаются проводить параллели с недавними проблемами транзита российского газа в Европу через Украину.

Отвечая на подобные вопросы, хотелось бы подчеркнуть следующее. Пхеньян, как уже отмечалось, давно и глубоко заинтересован в данном проекте. Прежде всего, для того чтобы получать на стабильной основе 100–200 млн долл. в год за транзитные услуги и за работу своих рабочих на строительстве газопровода. Но не для того, чтобы использовать трубу в качестве «дубины» против Сеула. Северяне прекрасно понимают, что тех 15% от общего потребления газа, которые РК будет получать по трубопроводу, не достаточно для того, чтобы «поставить Юг на колени», даже если такая идея кому-то и придет в голову. А вот риск лишиться транзитных денег в случае осложнений отношений с партнерами по трехстороннему проекту — перспектива конкретная и нежелательная.

Идеи пустить газопровод в обход территории Северной Кореи по дну Японского (Восточного) моря специалисты отвергают как нереалистичные. В отличие от Жёлтого Японское (Восточное) море слишком глубоководное, и на соответствующих уровнях там высока концентрация потенциально взрывоопасных гидратов. Но главная причина заключается в том, что объемы предполагаемых поставок газа недостаточно значительны, чтобы окупить себестоимость подводного газопровода. Например, труба, проложенная по дну Черного моря в Турцию в рамках проекта «Голубой поток», прокачивает в несколько раз больший объем газа.

Есть и другие сомнения: а кому этот газопровод более выгоден — зачастую подразумевается, что Москве он нужен больше, чем Сеулу; удастся ли России уговорить Северную Корею принять участие в данном проекте; способен ли Пхеньян быть надежным партнером и т. д.

Ответ на эти вопросы очевиден. Газопровод выгоден всем его участникам.

Для России — это одно из важных средств реализации долгосрочной фундаментальной цели — интеграции в экономику Восточной Азии, в рамках которой Корейский полуостров обоснованно рассматривается в качестве важного моста в регион. Экспорт углеводородов, и прежде всего газа, как известно, является одним из главных средств реализации данной стратегии.

Безусловно, сыграл свою роль и глобальный экономический кризис 2008–2009 гг., который выявил долговременную тенденцию ограничения роста и, соответственно, потребления энергии традиционных экономических центров в лице ЕС и США.

Россия заинтересована в данном проекте также в целях диверсификации направлений поставок газа как в рамках глобального соотношения Запад — Восток, так и в контексте восточноазиатского вектора. В Москве не скрывают, что будут себя чувствовать комфортнее на переговорах по газу с Китаем и с Японией, имея на руках действующий контракт с РК.

Но ведь схожие задачи стоят и перед Сеулом. Чрезмерная зависимость от традиционных источников газа на Ближнем Востоке становится не только все менее экономически привлекательной, но все более опасной. Причинами тому служат как относительное снижение безопасности морских коммуникаций (нарастание в обозримом будущем угрозы со стороны пиратов, потенциального противоборства между США и КНР и др.), так и события в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Одновременно прогнозируется быстрый рост потребления углеводородных источников энергии в соседних с Корейским полуостровом Японии, на фоне усиливающейся «ядерной аллергии» после трагедии «Фукусимы», и КНР, где ожидается, что к 2030 г. спрос на газ превысит европейские показатели. Это открывает конкретные перспективы для поставок российского газа даже в случае, если Китай достигнет успехов в добыче сланцевого газа. В настоящее время Газпром работает над организацией трубопроводного экспорта газа в эту страну по двум коридорам поставки объемом до 68 млрд куб. м и прогнозирует, что к 2030 г. его доля на рынке СВА составит порядка 13% (в Европе — более 30%)¹¹. Очевидно, что устойчивое и динамичное развитие экономики РК будет увеличивать потребность в газе (она, как известно, уже сейчас — второй после Японии импортер газа

в мире, а в целом ее экономика почти на 70% зависит от импортных энергоносителей).

Скептики могут спросить, почему же именно сейчас мы видим шансы реализации «газопроводной» политики более реальными, чем ранее, если предшествующие декларации не были выполнены. Отвечая на этот вопрос, следует подчеркнуть, что сейчас для реализации этого проекта созрели экономические и внешнеполитические условия. Сегодняшнюю ситуацию принципиально отличает то, что в последние годы Россия от слов наконец-то перешла к делу, от разработок концепций — к их материализации. К настоящему времени созданы важнейшие инфраструктурные предпосылки для реального подключения восточных соседей к газовым ресурсам. Это касается в первую очередь строительства газопровода Сахалин — Хабаровск — Владивосток (планируемая мощность газопровода — 30 млрд куб. м, протяженность — 1800 км, строительство первой очереди завершено); нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан (планируемая мощность нефтепровода — 80 млн т нефти в год, планируемая протяженность — 4188 км; завершение строительства второй очереди нефтепровода — 2014 г.

На сегодняшний день в процессе продвижения газового проекта пройден важнейший этап: достигнуто так называемое политическое решение. Тем не менее борьба интересов различных групп в РК находит отражение и в манере реализации ее внешнеполитической линии. В Москве скрупулезно фиксировали определенную смену акцентов в интонации выступлений президента РК Ли Мен Бака: от твердой поддержки идеи газопровода в 2010–2011 гг. (напомним, что он стал убежденным сторонником данной идеи еще будучи бизнесменом), затем намеков, что, мол, газопровод нужен прежде всего России и перспективы его отдаленны (сразу после саммита в Вашингтоне в октябре 2011 г.), и до вновь безоговорочного одобрения в ходе встречи с президентом РФ Д. Медведевым в Санкт-Петербурге 2 ноября 2011 г. Москва, естественно, склонна судить о позиции РК в данном вопросе по официальным документам ее руководства, а не по утечке в СМИ от лица «высокопоставленных анонимных источников» в различных корейских министерствах, допускающих попытки дезавуировать программные заявления лидера государства¹².

Подводя итоги анализа, представляется обоснованным выразить умеренный оптимизм в отношении перспектив рассматриваемого проекта. Энергично начавшиеся в 2012 г. переговоры между Газпромом и Kogas могут служить подтверждением такой оценки. Так, по сообщению российской стороны, 20 февраля 2012 г. состоялась рабочая встреча заместителя председателя Правления ОАО «Газпром» А. Медведева и исполнительного вице-президента Kogas Пак Ен Сона, в ходе которой были обсуждены условия поставок российского трубопроводного природного газа в РК через территорию КНДР и представлены актуализированные предложения по основным условиям контракта. В результате встречи стороны сблизили свои позиции по ряду важных параметров, приняли решение об интенсификации переговоров и проведении следующей встречи в марте 2012 г.¹³

¹ <http://www.eastern-ec.ru/news/podpisanie-memoranduma-o-vzaimoponimanii-50.html>

² <http://www.eastern-ec.ru/news/vostochnaja-jenergeticheskaja-kompanija.html>

³ Изучение Сибири в РК. РК, г. Тэчжон: Центр изучения Сибири университета Пэчже, Центр изучения Сибири ун-та Пэчже, 1998. Т. 2. С. 226.

⁴ URL: <http://www.alexeng.ru/rasrab.htm>

⁵ URL: <http://neftegaz.ru/press/view/186>

⁶ URL: <http://saint-petersburg.ru/m/159780>

⁷ URL: <http://www.gazprom.ru/press/news/2011/october/article120107/>

⁸ Северокорейский поток. Россия готовит строительство газопровода через КНДР // Коммерсантъ. 30.11.2011.

⁹ Гарантией станет заинтересованность Пхеньяна и Сеула в успехе проекта // Коммерсантъ-Online. 30.11.2011. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1827381>

¹⁰ Изучение Сибири в РК. Указ. соч. С. 227.

¹¹ *Медведев Александр*. Российский газ станет ключевой составляющей энергорынка стран АТР. URL: <http://www.gazprom.ru/press/news/2011/september/article119702/>

¹² Российская газета. 08.11.2011.

¹³ URL: <http://www.gazprom.ru/press/news/2012/february/article130054/>

*К. В. Асмолов**

К ВОЗМОЖНЫМ СЦЕНАРИЯМ БУДУЩЕГО КНДР

Ситуация после смерти Ким Чен Ира и международная обстановка 2011–2012 гг. породили ряд предположений о дальнейшем развитии событий в КНДР. Автор рассматривает два сценария развития событий, которые, по его мнению, наименее вероятны, но при этом довольно широко распространены в СМИ.

Ближневосточный сценарий в КНДР

События «арабской весны» 2011 г. дали повод для серии весьма смелых высказываний, посвященных грядущей судьбе авторитарных режимов в других регионах, в том числе в Северной Корее. После этого тема «арабской весны в КНДР» начала муссироваться рядом авторов, не являющихся специалистами по этой стране. Используя некие абстрактные клише и корреляции по внешним признакам, они делают вывод о том, что на фоне падения легитимности режима в КНДР, вызванного сменой власти, там весьма вероятно развитие событий по ливийскому или египетскому сценариям.

Типичный пример этого взгляда – высказывание Федора Шелова-Коведяева, бывшего первого заместителя министра иностранных дел Российской Федерации: «... когда весь мир приходит в движение, когда угнетенные народы, угнетенные деспотическими режимами, начинают восставать, естественно ожидать, что это может случиться и на Дальнем Востоке, в данном случае в Северной Корее. <...> Думаю, что через какое-то время можем стать свидетелями того, что все тиранические режимы такого плана будут серьезно поколеблены»¹. Ему вторит южнокорейский

* Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН. E-mail: asmolov@ifes-ras.ru

профессор Ян Му Чжин: «Учитывая продолжающуюся волну народных волнений на Ближнем Востоке, логичным будет предположить, что если Южная Корея продолжит психологическую войну против КНДР, то... режим может оказаться под угрозой»².

Праворадикалы РК даже провели ряд акций, призванных подтолкнуть народ КНДР к данному развитию событий³. В общей сложности в КНДР улетело 200 тыс. листовок, призывающих «восстать» и, «подобно африканцам», бороться против наследника скончавшегося лидера КНДР Ким Чен Ира⁴.

Но «ближневосточному варианту» препятствует целый набор факторов. Как ни странно, *первый* фактор, который препятствует развитию событий в КНДР по ливийскому образцу, — демографический. Движущей силой революций на арабском Востоке была безработная молодежь, которой в Ливии насчитывалось до 40 % от общего населения страны. Это люди, у которых, с одной стороны, хватает свободного времени, а с другой — возраст их и мироощущение повышают протестные настроения⁵.

Демографическая структура КНДР совсем другая. Местная молодежь более занята и более «встроена в систему». Большой срок армейской службы, постоянное использование молодежи на «субботниках» не способствует наличию свободного времени, которое является важной предпосылкой для «сытого бунта».

Второй фактор касается «предпосылок революционной ситуации». Как писал А. де Токвиль, люди начинают бунтовать не тогда, когда они живут совсем плохо, а тогда, когда они считают свое нынешнее положение худшим, чем возможно; когда они считают, что они могли бы жить лучше, а власть ничего для этого не делает или мешает им⁶. Поэтому проанализируем образ будущего и представления об окружающем мире на арабском Востоке и в КНДР.

И египетская и ливийская молодежь имела довольно высокий уровень качества жизни и хорошее представление о том, как выглядит жизнь за рубежом. Иными словами, у них была возможность сравнивать свою жизнь с жизнью за границей. Кроме этого, активное посещение Интернета и свобода общения в нем способствуют стремлению распространить эти правила на жизнь вне сети и способствуют созданию системы горизонтальных связей, которые государство не может запретить или ликвидировать. А во время собственно революции Интернет используется для быстро-

го обмена информацией и координации деятельности.

В этом смысле даже южнокорейские эксперты вынуждены отметить, что «Твиттер-революция» в том виде, в котором она происходит на Ближнем Востоке, в Северной Корее невозможна — уже хотя бы потому, что там нет Интернета»⁷.

Но дело не только в том, что для протестов арабского типа требуется, чтобы в каждом доме был доступ во всемирную паутину. В КНДР, несмотря на тяжелое положение и изменившееся отношение к власти, население не воспринимает ее главным виновником своих бед. В основном винят природные катастрофы или изменившуюся международную обстановку, которая, собственно, и стала причиной энергетического кризиса, ставшего, в свою очередь, одной из основных причин всех последующих бед Северной Кореи.

Более того, именно среди людей, осведомленных о положении за пределами страны, присутствует понимание того, что демократические реформы повлекут за собой объединение с Югом, где северокорейцы окажутся людьми 2-го сорта. Мы знаем о разветвленной сети брокеров, которые занимаются переправкой людей из КНДР в РК. Но подобный канал позволяет двусторонний обмен информацией, и значительное число северокорейцев узнает не только о материальном благополучии на Юге, но и о социально-психологических проблемах, с которыми сталкиваются там перебежчики с Севера. «Новые северокорейцы» отнюдь не хотят стать южнокорейцами 2-го сорта, и чем больше они узнают об окружающем мире, тем больше они понимают, что на Юге их, в общем-то, не ждут, и уж тем более не ждут как равных.

Третий фактор связан с движущими силами революции. Для организации актов более серьезных, чем спонтанные протесты, требуется определенная инфраструктура или хотя бы прослойка людей, которые в критической ситуации могут такой инфраструктурой стать.

Как мы знаем по Ближнему Востоку, это не обязательно демократическая оппозиция. Она вполне может быть и религиозной. Однако в Северной Корее нет такого многочисленного и хорошо организованного движения, как ливийские исламисты или египетские «Братья мусульмане», приверженцы которого составляли основную массу антивластных сил. Данное течение весь-

ма широко распространено, обладает международными силами и средствами, которые в случае выступлений могут создавать инфраструктуру помощи и поддержки, а то и инициировать эти выступления, а также обладают определенным реноме. Кроме того, его идеи довольно просты и хорошо ложатся на психологию безыскусной толпы.

В Северной Корее нет идеологии, которая удовлетворяла бы этим требованиям и которая могла бы послужить средой для массовых выступлений. Разговоры о массовой демократической оппозиции или «катакомбной церкви» являются фантазиями⁸. Возможно, какое-то количество христиан в стране действительно есть, однако неясно, насколько они организованы и считают свое вероисповедание способом сопротивления режиму⁹. Даже если брать информацию из ангажированных протестантских источников, тайная церковь на Севере в основном подвергается гонениям и не пытается сделать что-то большее. Мы не знаем о попытках «вывесить кресты или рождественские лозунги» даже со слов таких антисеверокорейски настроенных протестантских пропагандистов, как миссия «Голоса мучеников».

Нет в КНДР и диссидентского движения советского образца — настолько многочисленного, чтобы его представители могли влиять на общество за пределами своей социальной группы. Та часть «интеллектуальной субэлиты», которая была основным источником кадров для диссидентского движения СССР, в Северной Корее или является частью номенклатуры, работая в ВПК и находясь под жестким контролем, или озабочена исключительно собственным выживанием. У таких «диссидентов» нет возможности официально транслировать свою точку зрения, которой обладали диссиденты в СССР при Горбачёве. Даже Мадлен Олбрайт делает в своих мемуарах вывод о том, что северокорейцы «настолько озабочены элементарным выживанием, что им не до сомнений в правильности устройства, которое, как им кажется, они не могут изменить»¹⁰.

Лидеров у предполагаемой оппозиции тоже нет. Ни один из тех перебежчиков, которых пытались представить аналогом восточноевропейских диссидентов, также не оказал на международное сообщество (не говоря уже об умах внутри страны) такого пропагандистского влияния, как Сахаров или Солженицын¹¹. Об отсутствии альтернативных центров силы говорят не толь-

ко западные эксперты¹², но и такие русскоязычные авторы, как А. Ланьков, по мнению которого, критика и ворчание идут в адрес отдельных чиновников, а не высших руководителей и всей системы, напоминая «кухонные дебаты» в СССР 1960-х годов¹³.

Четвертый фактор предполагает определенный круг накопившихся проблем внутри правящей элиты, не испытывавшей серьезных вызовов в течение долгого времени и потому во многом существовавшей по инерции. Революция — это не только «низы не могут», но и «верхи не хотят», и арабская весна показала нежелание власти идти на действительно жесткие меры, а равно — большую прослойку силовиков, перешедших на сторону оппозиции.

В этом смысле КНДР, конечно, не является идеальной командно-административной системой. Уровень коррупции там достаточен и связан с «параллельной экономикой». Однако в КНДР «разложение власти» допустимо только до определенного предела, продиктованного внешним давлением, а точнее — внешней угрозой. Поскольку конфронтация является реальной, а не существующей только для обработки населения и в воображении идеологов, есть определенный уровень боеготовности и эффективности административной системы, ниже которого опускаться нельзя.

Специфический статус Кореи как разделенной страны также создает существенную эндемику ситуации, поскольку с южнокорейской точки зрения КНДР все еще является территорией, временно отторгнутой мятежниками. Потому государство держало и держит специальный запасной штат чиновников, которые в случае форс-мажора в КНДР должны будут занять там посты от губернаторов провинций КНДР и ниже, а это существенно меняет ситуацию для потенциальных предателей. Как отмечает А. Ланьков, «для египетского бюрократа средней руки или, скажем, армейского майора, понятно: с Мубараком или без него, при исламистах или при демократах, но он по-прежнему будет сидеть в своем департаменте или командовать своим батальоном. Их северокорейские коллеги в этом уверены гораздо меньше. В случае кризиса они могут потерять все (возможно, даже, и жизнь) — и отлично осознают это обстоятельство»¹⁴.

Иными словами, тем представителям северокорейской номенклатуры, которые в иной ситуации могли бы задуматься о том, чтобы возглавить волну протеста, стать новыми руководителями

страны и получить от Запада власть в обмен на более демократическую политику, понятно, что в демократической Корее их места займут управленцы с Юга, а они будут люстрированы согласно Закону о национальной безопасности.

Свою неконкурентоспособность по сравнению с южанами понимают и «новые бизнесмены». Повторюсь: чем больше человек знает о Южной Корее, тем больше он не только понимает то, насколько хорошо там живут, но и то, что в этом раю для него места нет¹⁵.

Наконец, есть и внешнеполитический фактор: те режимы, в которых антивластным выступлениям дали развиваться во что-то большее, либо как Египет или Тунис ориентировались на Запад, отказавший им в поддержке, либо как Ливия или Йемен были «ничьими друзьями»¹⁶ — самостоятельными государствами, находящимися в шаге от статуса «страны-изгоя», но не имевшие внешнего прикрытия. Между тем в Бахрейне антивластные выступления были быстро подавлены и не вызвали у мирового сообщества особенного ажиотажа, несмотря на сравнимый уровень жесткости и участие войск Саудовской Аравии.

Северная Корея имеет в этом смысле прикрытие в лице Китая и России, которые как минимум будут весьма жестко препятствовать попыткам «подливать масла в огонь» извне. Китай, конечно, будет более активен, но даже от Кремля будет более естественным ожидать заявлений типа «это внутреннее дело страны, никто не должен вмешиваться».

Причины этого тоже весьма понятны. Любая дестабилизация ситуации на Севере бьет по китайским и российским интересам хотя бы с точки зрения геополитики, не говоря уже о возможных потоках беженцев и необходимости защиты своих национальных интересов в изменившейся ситуации.

Северная Корея как объект для «показательной порки»

Другой сценарий предполагает, что на фоне второй волны мирового экономического кризиса и необходимости сдерживать Китай и Россию Соединенные Штаты и их союзники будут использовать в Северной Корее даже не египетский, а иракский вариант, предполагающий прямое военное вторжение под тем или иным предлогом.

В целом, вероятность того, что для сохранения монополярного миропорядка Соединенные Штаты пойдут на военный конфликт,

представляется мне достаточно высокой, однако насколько этот конфликт развернется в Северо-Восточной Азии — вопрос.

В настоящее время американо-северокорейские отношения находятся в фазе колебаний, на которые оказывают влияние и политика КНДР¹⁷, и отсутствие единства у американского истеблишмента, где можно выделить как минимум три группировки — «мессианцы», «нераспространенцы» и «прагматики»¹⁸, которые занимали доминирующие позиции в течение президентского срока Обамы.

Политическая обстановка последних 4 лет показывала, что, хотя давление на Северную Корею было достаточно велико, инициатива/предложение силовых действий исходили от Сеула, в то время как Вашингтон придерживался политики стратегического терпения, означающей желание действовать по обстановке и не демонстрировать излишнее вовлечение в решение проблемы, у которой нет позитивного для США выхода. Кроме того, можно отметить определенный изоляционистский тренд, распространенный даже среди американских консерваторов и проявляющийся в осуждении возможного решения Обамы об интервенции в Сирию¹⁹.

Конечно, это не отменяет продолжающегося давления на Север и того, что если там появятся признаки дестабилизации, Соединенные Штаты будут использовать их с максимальной выгодой для себя. Но вероятность того, что они будут инициатором этой дестабилизации, представляется мне куда меньшей.

Впрочем, даже если решение использовать войну для преодоления экономических проблем США будет принято, целью вторжения станет не Северная Корея.

При анализе этого вопроса надо исходить из понимания того, что для Соединенных Штатов эта будущая война должна продемонстрировать подавляющее технологическое и стратегическое превосходство Америки над ее противником. Следовательно, обязательным условием должна быть минимизация или полное отсутствие потерь со стороны США (как минимум во время активной фазы операции²⁰), несмотря на то что противник должен выглядеть сильным и серьезным — вплоть до страны, имеющей статус ядерной или почти ядерной державы²¹.

Поэтому претендент на роль «мирового злодея» обязан обладать определенным и довольно нетривиальным набором качеств

или признаков, которые сделали бы его идеальной мишенью для показательной расправы. Перечислим их и посмотрим, насколько Северная Корея им соответствует.

Наиболее ярким, но при этом, как кажется автору, не самым определяющим фактором, является «плохая репутация» в глазах международного сообщества. С этой точки зрения Северная Корея действительно обладает наибольшим «уровнем демонизации». Сказываются и реальные особенности режима, и закрытость страны, которая способствует меньшему уровню проверяемости информации и большей вероятности появления «уток», и коммунистическое прошлое, которое действует как красная тряпка на тех, кто еще живет правилами «холодной войны».

Вплоть до своей смерти Ким Чен Ир стабильно занимал 1-е место на «параде диктаторов»²², однако надо помнить, что в условиях современного медиа-доминирования США раздуть негативный имидж той или иной страны до такого уровня, чтобы силовые действия против нее казались единственной мерой, не очень сложно²³. Применительно к Северной Корее это потребует меньше усилий, чем в отношении других «претендентов», но плохая репутация — это повод для вторжения, но не его причина.

Более важным фактором является то, что, несмотря на раздутый имидж угрозы миру, колосс должен быть на глиняных ногах: у режима должны быть слабая легитимность и армия, не способная справиться с применением против нее современных военных технологий. Все это повышает возможность перекупить нужных людей и шансы того, что распоряжения режима не будут выполняться должным образом, а призывы к сопротивлению агрессорам не встретят всенародную поддержку.

Но в предыдущем разделе мы уже проанализировали устойчивость командно-административной системы Севера, выяснив, что предпосылок для появления масштабной пятой колонны в современной КНДР нет.

То же самое касается и третьей особенности страны-жертвы — отсутствия союзников. Вторжение не должно вызывать сильного противодействия иных держав, способного затянуть войну или интернационализировать конфликт. Однако мы уже отметили выше, что Северная Корея имеет важное геополитическое значение и находится в сфере жизненно важных интересов Китая. Поэтому

логично представить себе, что на активные военные действия в регионе Соединенные Штаты пойдут только тогда, когда будут готовы к военному противостоянию с КНР. Это как минимум существенно отдаляет вероятность конфликта, который точно выйдет за рамки локального.

Еще одна важная характеристика — наличие у США потенциальных региональных союзников, на плечи которых можно будет возложить основную тяжесть операций «на земле». Да, со стороны Штатов это будет «война беспилотников», но значительный объем операций по зачистке и удержанию территории должна будет вести чужая пехота. В случае конфликта с Северной Кореей такую роль сыграет армия РК, хорошо мотивированная на объединение страны и хорошо технически оснащенная. Однако современное южнокорейское общество довольно сильно поляризовано, а курс палеоконсерваторов после президентских выборов 2012 г., скорее всего, будет изменен. Участие РК в «операциях поддержки» может вызвать существенный всплеск социального напряжения, с которым официальный Сеул не сможет не считаться.

Наконец, следует учитывать и экономические интересы, способные привлечь экономических лоббистов, которым война будет выгодна. С этой точки зрения Северная Корея с ее относительно бедными природными ресурсами — наименее лакомый кусок.

Понятно, что сегодня Северная Корея не очень устойчива. Однако данная конструкция не может обрушиться сама по себе. Для этого нужны либо форс-мажорные обстоятельства внутри страны, либо резкое усиление внешнего давления. Ни одного ни другого в ближайшее время пока не просматривается.

Вероятность реализации в КНДР «ближневосточного сценария» мала: у «контркультуры» не было условий для возникновения, у протестного движения нет возможностей для самоорганизации, существует понимание того, что объединение не улучшит ситуацию. Даже если по какой-то причине там начнутся какие-то протесты, за ними будут стоять иные движущие силы и они пойдут по иному сценарию.

Маловероятным является и начало на полуострове крупномасштабного военного конфликта, инспирированного Соединенными Штатами или их союзниками. Несмотря на высокий уровень демонизации, Северная Корея минимально соответствует

набору критериев мишени для маленькой победоносной войны. Потенциальный конфликт имеет высокую вероятность затянуться и пройти в обстановке избыточного напряжения сил, которое обнулит возможную геополитическую выгоду. Поэтому, хотя возможность возникновения конфликта в результате действия случайных факторов или провокации со стороны определенных представителей военных кругов РК не нулевая, этот сценарий все-таки надо отличать от осознанного планирования сверху.

А это означает, что, в отсутствие возможности для «раскачивания лодки» снаружи и изнутри, Северная Корея обладает достаточным запасом устойчивости, как бы это ни было неприятно враждебным ей силам.

¹ URL: <http://www.svobodanews.ru/content/article/2319821.html>

² URL: <http://mobile.zman.com/2011/02/28/96138.html>

³ URL: <http://infa.kharkov.ua/wp-content/uploads/2011/12/76.jpg>

⁴ Один из примеров – см.: <http://www.novopol.ru/-severnuyu-koreyu-zabrosali-listovkami-s-prizyvami-k--text114892.html>

⁵ Понятно, что и в Ливии и в Египте протесты были действительно массовыми, и списывать все на заокеанские деньги или особо хитрую спецоперацию было бы пропагандистским упрощением. Да, впоследствии спонтанные протесты можно куда-то перенаправить, но для того чтобы вспыхнуло, требуется достаточное количество горючего материала.

⁶ URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/aron_rasvitie/04.aspx; <http://scepticratio.narod.ru/ku/lt-21.htm>

⁷ URL: <http://mobile.zman.com/2011/02/28/96138.html>

⁸ Толстокулаков И.А. Религия в системе ценностей северокорейского общества // Доклад на IV Международной корееведческой конференции, 4–7 октября 2010 г., Владивосток.

⁹ Сеульский вестник. 2004. № 83. С. 16.

¹⁰ Госпожа Госсекретарь. М., 2004. С. 605–606.

¹¹ Breen, Michael. The Koreans. Who They Are, What They Want, Where Their Future Lies. New York, 1998, 2004. С. 127.

¹² Frank, Ruediger. North Korea after Kim Jong Il: The Kim Jong Un era and its challenges. URL: <http://www.japanfocus.org/-Ruediger-Frank/3674>

¹³ URL: <http://lenta.ru/articles/2012/01/12/kim/>

¹⁴ URL: http://slon.ru/world/lankov_posle_smerti_kima-728274.xhtml

¹⁵ Баунов А. Откровенный разговор с северокорейским бизнесменом. URL: http://slon.ru/world/otkrovennyu_razgovor_s_severokoreyskim_biznesmenom-586903.xhtml

¹⁶ Несмотря на то что Каддафи иногда представляют союзником России,

на деле он скорее вел свою игру со всеми, а в 2003 г. «вовремя сдался», разменяв ядерную программу на колоссальные экономические преференции и забытие всех прошлых обид.

¹⁷ С одной стороны, начало 2012 г. ознаменовалось американо-северо-корейскими переговорами в Китае, итог которых (мораторий в обмен на продовольственную помощь) при благоприятном развитии тенденции к поискам консенсуса может запустить процесс урегулирования. С другой – заявление Северной Кореи о возможном запуске спутника показало, что этот шаг будет трактоваться руководством США как испытание баллистической ракеты и нарушение соответствующей резолюции ООН.

¹⁸ У первых применительно к Северной Корее доминирует идеологическая зашоренность. Они воспринимают Север как тоталитарный режим, который должен быть уничтожен. Вторых больше волнует не столько Северная Корея сама по себе, сколько то, что ее ядерная программа является вызовом существующему миропорядку; ради ее ликвидации они готовы пойти на определенные уступки. Третьи понимают, что при сохранении статус-кво проблема не имеет выгодного для США решения, но КНДР прекрасно играет роль жупела, и потому существующая ситуация может продолжаться бесконечно долго.

¹⁹ URL: <http://www.utro.ru/articles/2012/03/12/1034064.shtml>

²⁰ Хороший пример – статистика американских потерь во время операции в Ираке в 2003 г., где число жертв было сравнимо с числом смертей во время крупномасштабных учений аналогичного размаха.

²¹ Важное замечание. Автор говорит об этом так спокойно потому, что наличие у будущей жертвы ядерного оружия само по себе абсолютно не предполагает того, что оно, во-первых, будет применено, а во-вторых, в случае применения сумеет нанести Соединенным Штатам действительный вред – именно их территории и войскам, а не их потенциальным союзникам. Учитывая развитие электронной разведки и электронных средств подавления, потенциальное использование беспилотных летательных, а возможно – наземных, аппаратов, новая война должна зримо продемонстрировать то, что Соединенные Штаты произвели революцию в военном деле и в сочетании с системой ПРО вполне могут одержать победу над страной – обладательницей ядерного оружия, которое после этого, кстати, перестает быть гарантом сдерживания.

²² См., в частности: URL: http://www.topnews.ru/news_id_38107.html и <http://www.parade.com/dictators>

²³ К тому же, поводом для вторжения может быть не только нарушение прав человека, но и неспособность режима обеспечить контроль за своими ядерными объектами, что создает угрозу утечки бомбы в руки ядерных террористов.

*Ким Е. У.**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ КОРЕИ

В Северо-Восточной Азии постепенно происходит изменение баланса сил в экономике, политике и в военной мощи. Место второй экономической державы мира, а также главного локомотива экономического развития региона прочно заняла Китайская Народная Республика., от которой будет расти экономическая зависимость стран региона. Достаточно вспомнить, что уже сейчас доля КНР во внешней торговле Республики Корея составляет около 25 %, тогда как доля США уменьшилась до 10%. К 2015 г. объем внешнеторгового оборота России и КНР достигнет 100 млрд долл., что составит около 10–12 % внешней торговли России и 4 % внешней торговли КНР.

Значительно изменится также военное соотношение сил, в первую очередь за счет дальнейшего роста военной мощи КНР. За эти же годы произойдет значительное усиление качества Вооруженных Сил России на Дальнем Востоке. Тенденция роста военных расходов и создания новых вооружений Республики Корея такова, что, если бы не было определенных ограничений, налагаемых в рамках военно-политического союза с США, она бы могла соперничать по военным расходам с Россией, а по военной мощи — с КНР, далеко оставив за собой не только КНДР, но и Японию. Во всяком случае, потенциал таковой у нее имеется. Это вызовет новые конфигурации взаимоотношений стран.

Мировой экономический кризис 2008–2009 гг., до сих пор еще не до конца преодоленный, поставил в качестве практической за-

* Ким Ен Ун, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН. E-mail: kim@ifes-ras.ru

дачи осуществление коренных изменений в системе международных экономических отношений. Причем ситуация такова, что на этот раз отделаться разговорами вряд ли удастся. Эти перемены будут связаны с повышением роли бывших развивающихся стран и уменьшением роли нынешних высокоразвитых государств. Известно, что страны БРИКС¹ сейчас в практическом плане рассматривают вопрос о совместном банке, который способен стать серьезным конкурентом Всемирному Банку и доллару². Эти экономические перемены окажут существенное влияние и на методы решения международных проблем, и на баланс сил в мире и различных регионах.

Кроме того, во всех странах региона произошла или произойдет смена высших руководителей. В конце 2011 г. сменились высшие руководители Японии и КНДР. В марте 2012 г. избран новый президент Российской Федерации В. В. Путин. Осенью 2012 г. Си Цинпин сменит Ху Циньтао на посту председателя КНР и председателя ЦК КПК. 6 ноября 2012 г. произойдут выборы президента США. В декабре 2012 г. будет избран новый президент Республики Корея.

Все эти перемены приведут либо к появлению новых лидеров, либо к появлению новых фигур во внешнеполитических ведомствах этих стран. Это вызовет новые акценты, но не в стратегии внешней политики этих государств, в том числе и по корейской проблеме.

В то же время продолжает увеличиваться разрыв в экономической, военной мощи между КНДР и Республикой Корея, а также в их политическом влиянии. ВВП КНДР составляет, по последним оценкам Национального статистического управления Республики Корея, 26 млрд долл. (Южной Кореи — 1 трлн 15 млрд долл.). Сейчас один только ежегодный прирост ВВП РК больше, чем весь ВВП КНДР. А военные расходы Южной Кореи в 2011–2012 гг. составляют около 27–28 млрд долл., т.е. больше, чем весь ВВП Северной Кореи. В течение последних 10 лет наблюдается постоянное увеличение военного бюджета Республики Корея. Такая ситуация может породить неоправданные ожидания и действия по ускорению объединения, что может привести к консервации или даже обострению конфликта на полуострове.

Администрация президента Ли Мен Бака еще в 2008 г. считала, что режим Северной Кореи очень скоро рухнет и, по-

видимому, сумела убедить в этом и администрацию избранного в 2008 г. президентом США Барака Обамы, который все эти годы придерживался в отношении КНДР политики так называемого «стратегического терпения». Болезнь Ким Чен Ира летом 2008 г. и его полугодовое отсутствие на публике также укрепило надежды на скорый крах режима. Южная Корея в этой ситуации отказала КНДР в гуманитарной помощи в виде поставок 0,5 млн т зерновых и 300 тыс. т удобрений, ежегодно осуществлявшихся в годы правления президентов Ким Дэ Чжуна и Но Му Хена, что вызвало дополнительные трудности с продовольствием в Северной Корее.

Сотрудники Института национального объединения — главного мозгового треста Министерства объединения РК выпустили с 2008 г. довольно большое количество работ, в которых утверждалось о полном развале экономики, особенно промышленности, в КНДР³.

Министерство объединения РК летом 2011 г. объявило конкурс научных работ по теме «Политика объединенного Корейского полуострова». Участвовали 1350 человек, в том числе представители вузов и научных институтов РК, которые представили 209 тем, зарубежные вузы или научные учреждения — 40 тем, сотрудники Министерства объединения и его структур — 10 тем.

Из них для дальнейшего участия в конкурсе было избрано в общей сложности 24 работы корейских авторов и 5 работ иностранных авторов [3 работы англоязычных авторов (2 — США, 1 — Австралия), 2 работы китайских авторов].

Среди работ корейских авторов обращают на себя внимание следующие: «Модель переходного законодательства для обеспечения социальной интеграции в начальный период после объединения»; «Дорожная карта организации здравоохранения после объединения»; «Восстановление социальной однородности в объединенной Корее»; «Основные направления политики использования Северо-Восточного Китая для строительства объединенного корейского государства»; «Проблемы объединения государственных органов Севера и Юга»; «Проблемы формирования благоприятной среды в городах Северной Кореи для безопасной миграции населения после объединения»; «Планы создания системы полиции в Северной Корее для объединения».

Работы англоязычных авторов: «Создание базы данных объединения: новый инструмент для политики переоценки и со-

единения общественной памяти» (Центр Вудро Вильсона); «Демобилизация военнослужащих Северной Кореи как часть объединения» (РЭНД Корпорэйшн)⁴.

И в России стали появляться публикации, авторы которых считают, что в КНДР усиливаются деструктивные тенденции, что в конечном итоге она в нынешнем виде перестанет существовать и процесс объединения Кореи войдет в 2020-х годах, т.е. через 10 лет, в практическую фазу. Причем, как считают авторы такого прогноза, в эти годы «на Севере под контролем международных сил сложится временная администрация, способная обеспечить демилитаризацию, трансформацию и модернизацию северо-корейского общества для его всесторонней подготовки к переходу под полный контроль Республики Корея»⁵. Этот прогноз, опубликованный осенью 2011 г., сразу был доведен до сведения президента РК, который остался очень доволен таким выводом, и в рекордные сроки книга была переведена на корейский язык и издана с роскошным оформлением издательством Корейского университета иностранных языков, и уже 17 января 2012 г. прошла церемония представления издания с участием авторов прогноза из России.

Профессор университета Кукмин (г. Сеул) А. Ланьков вообще считает возможным в ближайшие годы начало процесса объединения, так как нестабильность режима Северной Кореи растет и вероятен его коллапс⁶.

Проблема объединения имеет внутренние и внешние аспекты. В какой мере внешние факторы могут повлиять на ослабление Северной Кореи и ее поглощение Южной Кореей?

В кратко- и среднесрочной перспективе таких факторов нет. Внешние факторы — это прежде всего политика США и общая обстановка в мире. После событий в Ираке, Афганистане, Ливии можно ожидать, что мировое сообщество не допустит нового подобного сценария решения международной проблемы, тем более в отношении государства, обладающего ядерным оружием. Нельзя не принимать также и во внимание заявленную президентом США Б. Обамой новую военную стратегию, которая предусматривает усиление присутствия США в Азии.

Здесь ключевое значение имеет позиция КНР и России. Вряд ли они допустят возникновение военного конфликта у своих границ.

Более подробно следует остановиться на роли Китая. Новая

корейская политика Китая может быть правильно понята в контексте ее трех стратегических целей. Первая — экономическое развитие с задачей повышения внутренней стабильности и законности. Китай поставил задачу эффективного формирования «зажиточного общества» (*сяокан жехуи*) — как единственный великий вызов на годы вперед. Вторая цель состояла в обеспечении мирного и безопасного внешнего окружения, свободного от угроз китайскому суверенитету и территориальной целостности. И, наконец, третьей целью является формирование статуса Китая как ответственной великой державы в международной политике⁷. При этом сейчас КНР реализует новую концепцию безопасности на основе равенства, общего развития, координации и взаимной выгоды, чтобы обеспечить безопасность для всех⁸.

В рамках второй стратегической цели КНР твердо проводит неидеологизированную внешнюю политику, в том числе и в отношении КНДР и Республики Корея, руководствуясь своими государственными интересами, а не идеологическими соображениями. Поэтому Китай в 1992 г. установил дипломатические отношения с Южной Кореей, а годом ранее поддержал одновременный прием обоих корейских государств в ООН. Вслед за этим КНР установила широкомасштабные экономические связи с Республикой Корея, привлекая инвестиции не только крупных, но и средних и мелких бизнесменов из РК и создавая для них комфортные условия.

Во время первого ядерного кризиса в отношениях между США и КНДР в 1992–1994 гг. Китай занял позицию нейтрального наблюдателя, что при самоустранении России от этой проблемы в то время, пожалуй, впервые в истории КНДР, привело ее к противостоянию один на один с США.

Но уже во время второго кризиса, начавшегося в 2002 г. из-за позиции Вашингтона, Пекин активно включился в процесс урегулирования, причем в многостороннем формате — на шестисторонних переговорах.

За последние годы произошло серьезное увеличение объема внешней торговли КНДР. В 2003 г. ее объем составил 2,39 млрд долл.⁹ Данные за 2011 г. показывают цифру в 8 млрд долл., в том числе 5,7 млрд долл. (79 %) составляет товарооборот с КНР, увеличившись за год на 62 %. При этом импорт из Китая в 2011 г. вырос на 39%, а экспорт в Китай — на 107%¹⁰.

Как сообщил 5 февраля 2012 г. на 5-й сессии ВСНП КНР 11-го созыва председатель Народного комитета пров. Цзилинь Ван Рюлинь, в 2012 г. провинция будет осуществлять вместе с властями КНДР сотрудничество в области транспортных средств, развития природных ресурсов, приграничного туризма. Как известно, в 2011 г. между властями пров. Цзилинь и г. Расона было подписано Соглашение о планах развития северокорейско-китайского экономико-торгового района в Расоне (2011–2020 гг.), площадью 470 кв. км. Там будут построены базовая инфраструктура, промышленный комплекс, логистический центр и складские помещения, туристический комплекс. В этом районе имеется в виду построить предприятия 6 отраслей: производящие промышленное сырье, различное оборудование, изделия легкой промышленности, швейное производство, предприятия современного сельского хозяйства. В 2012 г. будет завершено строительство автомагистрали Тумынь — Раджин и высокоэффективного опытного сельскохозяйственного предприятия¹¹. В этом же году продолжится строительство железной дороги Тумынь — Раджин протяженностью 55 км¹².

В 2011 г. угольная компания из пров. Цзилинь отправила 5 пробных партий угля из Раджина в Шанхай общим объемом 100 тыс. т. С 2012 г. этот маршрут в юго-восточные районы Китая станет постоянным. Нужно также отметить, что и Россия в порту Раджин имеет угольный терминал¹³.

Попытки Южной Кореи интернационализировать проблему северокорейских перебежчиков, оказать давление на КНР с требованием не высылать обратно в КНДР перебежчиков, оказавшихся нелегально на территории КНР, недовольство, выраженное послу КНР в РК в мае 2010 г. в связи с визитом Ким Чен Ира в Китай, попытки внести в повестку дня саммита по ядерной безопасности в Сеуле вопрос о запуске спутника КНДР не могут не раздражать КНР. Это также влияет на позицию последней к КНДР.

В начале XXI в. Россия стала активно заниматься вопросами Корейского полуострова. Состоялся обмен визитами руководителей РФ и КНДР — В. В. Путина и Ким Чен Ира (2000–2002 гг.), что в значительной степени не только повлияло на роль России в регионе, но и помогло более широким контактам КНДР с внешним миром.

Ожидания улучшения и расширения отношений с Россией как у руководства КНДР, так и у ее населения высоки¹⁴.

Изменение позиций России и Китая, участие в механизме шестисторонних переговоров по денуклеаризации Корейского полуострова позволило КНДР укрепить свои позиции в отношениях с США и с РК.

При этом необходимо учесть мнение академика М. Л. Титаренко о том, что «Россию, разумеется, не могут не беспокоить и определенные тенденции в политике КНДР. Понимая, что действительная интеграция в международное сообщество невозможна без улучшения отношений с Соединенными Штатами, Пхеньян пытается наладить прямой диалог с Америкой, игнорируя Пекин, Москву, не говоря уже о Сеуле, тем самым как бы увеличивая присутствие США в регионе и подчеркивая их значимость»¹⁵.

Из внутренних факторов существенное значение имеет характер взаимоотношений корейских государств.

Объединяться — значит, делиться частью своего суверенитета. Готова ли хотя бы одна из двух частей страны в их нынешнем виде к этому? Ответ очевиден — нет.

История Кореи знает несколько примеров мирного объединения за счет поглощения одного ослабевшего государства другим. Можно вспомнить государство Кая, которое было поглощено государством Силла. В свою очередь, через 5 столетий само государство Силла было поглощено государством Корё. В обоих случаях вся знать поглощаемого государства была принята в круг знати государства-победителя, им были даны большие почести, и они сделали уже в новом государстве большую карьеру. Достаточно вспомнить генерала Ким Ю Сина, сыгравшего ключевую роль в объединении трех государств. А если вспомнить историю поглощения государства Силла государством Корё, то, во-первых, последний король Силлы Ким Ген Сун стал правителем (наместником) провинции государства Корё (Силла стала одной из провинций Корё), во-вторых, он был приближен к высшей знати государства Корё, и, в конце концов, его внук стал третьим королем династии Корё.

Готовы ли политические элиты двух корейских государств действовать в таком же духе? Ответ тоже очевиден — нет. По крайней мере, это относится к представителям консервативных сил Южной Кореи. Разумеется, не все консерваторы такие непримиримые, и среди них достаточно благоразумных и центристских

сил, а нынешнюю партию Сенури (Партия нового мира) можно отнести к разряду правоцентристских сил. К тому же и объективная реальность такова, что даже консерваторы не могут пойти против экономических интересов. Так, например, в январе—феврале 2012 г. объем торговли между Югом и Севером Кореи составил, по данным таможенного управления РК, 320 млн долл., что на 36 % превышает показатели того же периода прошлого года¹⁶. Кроме того, перспективы межкорейской торговли таковы, что, при наличии политической воли со стороны Южной Кореи, ее объем может быть увеличен в десятки раз. КНДР имеет значительные запасы золота, железных, медных руд, крупнейшие в мире залежи магнетитов, входит в первую десятку стран мира по запасам вольфрама, молибдена, графита, сульфата бария, золота, слюды и флюоритов. РК сейчас импортирует 23 тыс. т редкоземельных элементов, для обеспечения их импорта она вынуждена вкладывать средства в некоторых странах Латинской Америки, а между тем их запасы в Северной Корее превышают 20 млн. т¹⁷.

Даже если в конце 2012 г. президентом РК будет избран центрист или левоцентрист, восстановление отношений с КНДР займет не один год. Во всяком случае, можно прогнозировать, что до 2020 г. никакого объединения Кореи в единое государство не произойдет. Противоречия между двумя странами, различия в уровне жизни, в общественных институтах, в структуре экономики будут такими, что не может быть никакого объединения к этому сроку.

В 2009—2011 гг. сотрудниками Института объединения было проведено исследование под названием «Часы объединения». Параллельно с опросом экспертов выяснялось общественное мнение Южной Кореи (опрос в 2011 г. был проведен среди 1000 человек), а также мнение бизнесменов РК, работающих в Кэсонском индустриальном комплексе.

Экспертов просили оценить возможность объединения Кореи в двух вариантах — путем соглашения и путем абсорбции (поглощения). Время определялось в 12-часовом диапазоне (12 часов — объединение, 6 часов — пройдено полпути, менее 6 часов — к объединению идти и идти).

Общий показатель таков: в 2009 г. вариант объединения по соглашению оценивался в 4 ч. 19 мин., в 2010 г. — 3 ч. 45 мин., в 2011 г. — 3 ч. 31 мин. По мнению экспертов в военной облас-

ти — 2 ч. 11 мин. (в 2009 г. — 2 ч. 51 мин.). По варианту поглощения показатели следующие: 2009 г. — 5 ч. 56 мин., 2010 г. — 5 ч. 20 мин., 2011 г. — 5 ч. 30 мин. В военной области: в 2010 г. — 3 ч. 46 мин. (в 2009 г. — 4 ч. 53 мин.)¹⁸.

Таким образом, как показали результаты исследования, за эти годы процесс объединения шел в обратном направлении. Очевиден вывод, что политика администрации Ли Мен Бака ухудшила межкорейские отношения и сделала объединение Кореи более трудной задачей, чем это было 5 лет и даже 10 лет назад.

К 2020 г. исполнится 70 с лишним лет после раскола страны, и уже выросло 3 поколения людей, которые друг друга не знают и живут без контактов друг с другом. За это время сильно возросли различия в языке (причем это различия не диалектные, как это было раньше, а на уровне литературного языка), культуре, религии, образе мышления между обеими частями Кореи. Нельзя исключить возможность того, что политика нынешних властей обеих Корей, помимо тайных намерений поглотить другую часть полуострова, имеет целью закрепить раскол, тем более что все, что они делают в последнее время, объективно ведет именно к этому. Как гипотезу можно высказать мнение, что, если КНДР и РК признают друг друга как самостоятельные государства и будут строить добрососедские отношения без претензий кого-то поучать, может быть, отношения между двумя Кореями улучшатся и исчезнет корейская проблема.

И еще одна проблема, без учета которой невозможно правильно понять тенденцию развития событий на Корейском полуострове. Как известно, после смерти Ким Чен Ира произошла весьма гладкая передача власти его младшему сыну Ким Чен Ыну. Многие в Южной Корее, США надеялись на борьбу группировок в Северной Корее за власть. Между тем он без проблем был избран Верховным Главнокомандующим КНА, Первым секретарем ТПК, членом Президиума Политбюро ЦК ТПК, Председателем Центрального военного комитета ТПК, Первым Председателем ГКО, т. е. высшим должностным лицом страны в соответствии со ст. 100 Конституции КНДР в редакциях 2009 г. и 2012 г. По предложениям Ким Чен Ына заполнены вакансии начальника Главпура КНА, министра охраны государственной безопасности, назначен новый министр обороны, утвержден новый состав ГКО, ряду военачальников присвоены звания вице-маршалов, по его указу более

70 человек получили звания генерал-майоров¹⁹, что можно расценить как подготовку к будущей смене поколений в руководстве вооруженных сил. Ряд исследователей Южной Кореи считает, что такая гладкая передача власти связана со спецификой страны, но в большей степени она связана с поддержкой Китая²⁰; как представляется, в еще большей степени это связано с тем, что политика нынешнего режима Южной Кореи не оставляет политической элите КНДР иного выбора, кроме сплочения перед опасностью исчезновения государства.

Важное значение для объединительного процесса будет иметь присутствие в Южной Корее американских войск. Ни Северная Корея никогда не согласится на объединение в условиях присутствия американских войск, ни Китай, ни Россия. Между тем США в силу упомянутой выше новой военной стратегии не согласятся на вывод своих войск из Южной Кореи. Об этом еще раз напомнила 18 февраля 2012 г. официальный представитель госдепа Виктория Нуланд, которая заявила, что переговоров по поводу требования КНДР о выводе американских войск не будет ни при каких условиях²¹.

Пока не согласны с выводом американских войск и в Южной Корее. Причина не только в политике Северной Кореи. Есть еще и очень серьезная экономическая причина, хотя сейчас Южная Корея и так уже оплачивает 55 % стоимости пребывания американских войск на своей территории. Пока американские войска присутствуют в РК, иностранные инвесторы уверены в политической стабильности страны и реагируют на обострение межкорейских отношений достаточно спокойно.

Задача России — максимально содействовать нормализации отношений между всеми странами региона и добиться реального решения проблемы денуклеаризации Корейского полуострова политико-дипломатическими методами.

¹ Страны БРИКС имеют 45 % населения мира и 1/4 мирового ВВП (13 трлн долл.). Rising powers mull bank for developing nations. URL: <http://www.koreaherald.com/national/Detail.jsp?newsMLId=20120328001116>

² URL: <http://expert.ru/2012/03/21/brics-ukreplyaetsya/?n=66992>

³ *Со Чжэ Чжин*. Намбук сансен коненыл вихан Бихек. Гебан. 3000 чончеки ирончжок чеге энгу (Теоретические основы политики «Денуклеаризации, открытости, 3000», направленной на сосуществование и

сопроцветание Севера и Юга). Сеул: Институт объединения, 2008. С. 12–15, 26; Ли Мен Бак чонбу дэбук чончек-ын иродсымнида (Такова северокорейская политика правительства Ли Мен Бака). Сеул: Институт национального объединения, август 2008 г. С. 13

⁴ См.: URL: http://www.unikorea.go.kr/CmsWeb/viewPage.req?idx=PG0000000346&boardDataId=BD0000221476&CP0000000002_BO0000000033_Action=boardView&CP0000000002_BO0000000033_ViewName=board/BoardView

⁵ Стратегический глобальный прогноз 2030. М.: ИМЭМО, 2011. С. 390.

⁶ URL: <http://www.koreaherald.com/national/Detail.jsp?newsMLId=20120109000749>

⁷ Wang Yizhou. Мянсян ерши шичжу де Чжонге вайчжяо: санжон сюгуй де сюнгуй жиги пинхен (Дипломатия Китая для XXI в.: поиски и баланс трех вызовов) // Чжанлу ю гуанли (Стратегия и менеджмент). 1999. № 6. С. 18–27).

⁸ URL: <http://www.koreaherald.com/national/Detail.jsp?newsMLId=20120328001314>

⁹ The Korea Times. 19.05.2004.

¹⁰ URL: <http://www.koreaherald.com/national/Detail.jsp?newsMLId=20120131001012>

¹¹ URL: http://www.ajnews.co.kr/view_v2.jsp?newsId=20120205000279

¹² URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_IK_detail.htm?No=28040

¹³ URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=27840&id=In&page=1

¹⁴ URL: <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?ptype=songun&no=1288>

¹⁵ Титаренко М. Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 544.

¹⁶ URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_IK_detail.htm?No=28271&id=IK&page=1

¹⁷ Korean Unification and the Positions and Roles of the Four Neighboring Powers / Edited by Bae, Jung-Ho. Seoul: Korea Institute for national Unification, December 2011. P. 7–8.

¹⁸ Park Young Ho, Kim Hyeong Ki. 2011 Unification Clock. When Will We See a United Korea? Seoul: Korea Institute for National Unification, December 2011. P. 23–35, 71.

¹⁹ ЦТАК. 14.04.2012 г. <http://www.kcna.kp/>

²⁰ Волган букхан (Ежемесячная Северная Корея). 2012. Вып. 2 (№ 482). С. 88.

²¹ URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=28071&id=In&page=1

*А. Ю. Иванов**

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ВОСТОЧНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ: КИТАЙСКО-ЮЖНОКОРЕЙСКИЙ СПОР ВОКРУГ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ШЕЛЬФА

Принятие в 1982 г. Конвенции по морскому праву, за которой в 1994 г. было одобрено Соглашение об осуществлении части XI Конвенции, привело к тому, что 35% открытого морского пространства стало частью исключительной экономической зоны прибрежных и островных государств, получивших суверенные права по разведке и разработке морских естественных ресурсов. При определении границ исключительной экономической зоны между двумя или несколькими прибрежными государствами стали возникать спорные проблемы, коих на данный момент насчитывается более 300.

Не исключением в этом является и Восточная Азия. Начиная с 1996 г. Республика Корея вступила в долгий спор с Японией за право владения островом Токто, а вместе с ним и за 200-мильную экономическую зону вокруг него. В последнее время обострился спор между Южной Кореей и Китаем за право обладания рифом Иодо (в китайской версии – «скалы Суян»), находящимся в Восточно-Китайском море в 149 км (81 миля) к юго-западу от южнокорейского острова Марато и в 245 км (133 мили) к северо-востоку от китайского острова Тунтао.

Подводный риф Иодо, находящийся на глубине 4,6 м от морской поверхности, был обнаружен в 1900 г. английским торговым судном «Сокотра». В 1984 г. ученые-гидрографы из университета южнокорейского острова Чечжу начали исследование подводной

* Иванов Александр Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры корейского языка факультета восточных языков ДВГУ, г. Хабаровск. E-mail: ivanoff1967@mail.ru

скалы. Собственно, научные (и не только) интересы южнокорейской стороны, вылившиеся в строительстве на Иодо универсальной научной морской базы с метеорологической станцией и взлетно-посадочной площадкой для вертолетов, привели к возникновению спора между Китаем и Южной Кореей. В процессе строительства морской платформы китайская сторона неоднократно выражала протест, требуя прекратить возведение станции, на что южнокорейские власти отвечали отказом, считая, что действия Южной Кореи не нарушают Конвенции ООН по морскому праву. После окончания строительства морской платформы в 2003 г. самолеты КНР стали методично совершать облет южнокорейской морской научной базы, а ее патрульные корабли регулярно направлялись в район Иодо для контроля над исключительной экономической зоной. Отправка Китаем в январе 2012 г. в район рифа патрульного корабля «Хайцзень-50» водоизмещением 3000 т¹ вынудила южнокорейские власти выставить на дежурство вблизи Иодо сторожевой корабль подобного класса.

Пытаясь оказать информационное давление на Южную Корею, Министерство морского транспорта Китая в декабре 2007 г. разместило на своем официальном интернет-сайте описание рифа Иодо как части китайской эксклюзивной экономической зоны, а на морских картах Китая Иодо был обозначен как часть морского пространства, контролируемого КНР. Действия китайских властей вызвали незамедлительный протест со стороны правительства РК, потребовавшего удалить с сайта не соответствующую действительности информацию². Кроме того, южнокорейские власти обвинили китайскую сторону в непоследовательности и нарушении содержания договоренностей, достигнутых в 2006 г., согласно которым данные скалы не могут быть объектом территориальных споров, так как не возвышаются над поверхностью воды.

Несмотря на это, в 2006 г. представитель МИД КНР Цзин Ган выступил против действий южнокорейской стороны, считая, что РК не имеет права осуществлять односторонние действия в районе, где между двумя государствами еще не установлены границы исключительной экономической зоны. В связи с этим МИД Китая 12 мая 2009 г. подготовило доклад в ООН, в котором ставился вопрос об установлении границ материкового шельфа в Восточно-Китайском море³. Одновременно при МИД Китая был образован

отдел по сухопутным и морским границам, который возглавил бывший посол КНР в Республике Корея.

В январе 2012 г. МИД КНР, еще раз подчеркнув отсутствие между Республикой Корея и Китаем территориального спора вокруг Иодо, одновременно выразило свое мнение относительно неэффективности односторонних действий правительства РК с юридической точки зрения⁴. В вину южнокорейской стороне ставилось даже то, что подъем со дна затонувших корейских судов в районе Иодо в 2011–2012 гг. производился без извещения китайских властей.

Обвиняя южнокорейскую сторону в противоправных действиях, КНР до сих пор продолжает создавать политическую напряженность вокруг материкового шельфа в Восточно-Китайском море. 12 марта 2012 г. помощник заместителя министра иностранных дел и внешней торговли РК Ким Чжэ Син вызвал посла КНР в Республике Корея Чжан Синцына, чтобы выразить официальный протест по поводу заявления директора Морского департамента Китая Лю Ци Гуя агентству Синьхуа о том, что «водное пространство вокруг рифа Иодо находится в сфере юрисдикции Китая, в связи с чем для защиты китайских интересов этот район будет находиться под постоянным наблюдением китайских сторожевых кораблей и авиации»⁵. По мнению южнокорейских аналитиков, китайская сторона готова вести длительную и ожесточенную борьбу за право владения островами в Восточно-Китайском море.

В связи с нарастающим ажиотажем вокруг «острова Иодо» Китай и Южная Корея с 1996 по 2008 г. провели 14 официальных встреч относительно установления границы исключительной экономической зоны между двумя государствами, на которых обе стороны неоднократно подчеркивали стремление к поддержанию отношений стратегического партнерства. Однако на деле ни на одной из встреч обе стороны не смогли достичь договоренности, поскольку южнокорейская сторона, соглашаясь вести мирные переговоры об установлении морской границы между Китаем и Республикой Кореей, в то же время отказывалась вести переговоры о статусе Иодо⁶. Свой отказ южнокорейская сторона аргументирует тем, что между Республикой Корея и Японией уже заключено соглашение, по которому японская сторона признает

принадлежность водного пространства в районе «острова Иодо» за Южной Кореей, в связи с чем японские рыболовные суда обязаны получать у южнокорейских властей разрешение на вылов рыбы в данной акватории. Помимо этого, южнокорейская сторона обвиняет китайскую сторону в нежелании добиваться взаимовыгодного решения спорных вопросов при определении морских границ: ни с одним из своих соседей, с которым Китай имеет общую акваторию, китайская сторона до сих пор окончательно не установила морские границы. Между тем Южная Корея, выражая готовность считать район «острова Иодо» зоной совместного вылова рыбы китайскими и корейскими траулерами, категорически отказывается связывать строительство морской станции с политическими и экономическими спорами между двумя государствами. Несмотря на это, подводный риф стал в последнее время «камнем преткновения» в отношениях между Китаем и Южной Кореей. Центральные власти РК, дабы не обострять ситуацию вокруг «острова Иодо», отменили законопроект местных властей пров. Чечжу о том, чтобы считать 18 марта «днем Иодо»⁷.

Какие же доводы приводят обе стороны в споре, доказывая свои притязания на морское пространство вокруг подводного рифа?

Как Южная Корея выдвигает свои исторические права на остров Токто в споре с Японией, так и китайская сторона, выражая свои претензии на «подводный остров», ссылается на исторические документы. Так, на китайских интернет-порталах, где Иодо называется не иначе как «продолжение китайской цивилизации»⁸, сообщается, что риф Суян был известен китайским рыбакам еще несколько тысячелетий назад. С ним были связаны легенды о дворце дракона Восточного моря, о горе духов Восточного моря и т.д. Кроме того, подводный остров Суян в XIX в. был нанесен на китайские карты как часть территории Китая⁹. Корейские ученые ставят под сомнение тот факт, что китайцам издревле было известно местонахождение этого острова. В качестве аргумента ими приводится то обстоятельство, что в 1963 г. китайское судно напоролось на подводную скалу. Причиной этого инцидента стало отсутствие на лоцманской карте «острова Суян». Только после этого случая премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай дал указания провести исследования в акватории близ рифа Иодо. Но только

с 1992 г. китайская сторона начала проводить измерительные работы в этом районе, тогда как Южная Корея уже в 1950-х годах делала первые попытки проводить здесь научные исследования. В 1987 г. РК установила на «острове Иодо» сигнальный буй, а в 1995 г. начала сооружение научно-исследовательской станции, вложив в ее строительство приблизительно 23 млрд вон¹⁰.

Помимо исторических фактов, китайская сторона, доказывая свои права на подводный риф, считает, что этот остров является естественным продолжением континентального шельфа, на который Корея не имеет никаких прав, поскольку он располагается в 200-мильной зоне, подконтрольной Китаю¹¹. Кроме того, ведя переговоры с южнокорейской стороной о проведении морской границы между двумя странами, китайские власти требуют учитывать длину береговой линии и численность проживающего вдоль побережья населения¹². Тем самым китайские власти намекают на то, что более многочисленному населению восточного побережья Восточно-Китайского моря требуется более обширная площадь морского пространства для ведения хозяйственной деятельности, которая ведется более активно, нежели на южном побережье Корейского полуострова.

Южнокорейская сторона утверждает, что при определении континентального шельфа и установлении границ исключительной экономической зоны понятие «естественное продолжение суши» не играет на данный момент решающей роли¹³. Проведя тщательные исследования, южнокорейские специалисты в области морского права выяснили, что в международной практике не было ни одного прецедента относительно того, чтобы морские границы между прибрежными государствами, которых разделяет морское пространство расстоянием не более 400 миль, устанавливались в пользу одной из сторон¹⁴. Таким образом, южнокорейская сторона считает, что при решении вопроса принадлежности континентального шельфа в Восточно-Китайском море в целом, и «острова Иодо» в частности, необходимо опираться на международные нормы, а не на данные геологического строения морского дна.

Главным аргументом, который выдвигает РК, является то, что риф Иодо географически находится ближе к территории Кореи, нежели к Китаю. В связи с этим южнокорейское правительство неоднократно заявляло, что только один этот фактор дает Южной

Корею полное право строить любые сооружения в исключительной экономической зоне Республики Корея.

Не останавливаясь лишь на факторе наибольшей приближенности подводного рифа к одному из государств, южнокорейские ученые начали исследовать морское дно в районе «острова Иодо» и пришли к выводу, что характер осадочных пород соответствует геологическому строению острова Чечжудо. Тем самым южнокорейские геологи утверждают, что Корейский полуостров имеет к континентальному шельфу в Восточно-Китайском море такое же отношение, как и Китай¹⁵.

С чем же связано такое упорное желание соседних государств включить в сферу своего влияния остров, которого нет ни на одной карте мира?

В Южной Корее считают, что установление научной станции, оснащенной новейшим метеорологическим оборудованием, на «острове Иодо» сделает большой вклад в исследовании морских течений, борьбе с загрязнением морского пространства, а также в предотвращении бедствий в районе Восточно-Китайского моря. По данным метеорологических исследований, проведенных в Южной Корее, «остров Иодо» лежит на пути 40 % тайфунов, приходящих на Корейский полуостров. Таким образом, установленная здесь станция способна отслеживать около половины циклонических штормов, способных нанести серьезный материальный ущерб прибрежным районам Корейского полуострова, и своевременно информировать об их приближении не только метеорологические службы Южной Кореи, но и соседние государства — Китай и Японию. Кроме того, Министерство морского промысла Южной Кореи не скрывает, что научное изучение морских ресурсов в данной акватории позволит увеличить вылов рыбы в Восточно-Китайском море. Южнокорейские ученые уже называют риф Иодо «скалой сокровищ» из-за того, что в этом районе водятся разнообразные виды рыб. Несмотря на это, южнокорейская сторона заявила, что не намерена создавать здесь рыболовную базу, поскольку, по мнению профессора Сеульского университета Пэ Чхун Хёна, это может привести к международному конфликту¹⁶. Тем не менее южнокорейские власти не собираются отказываться от намерения создать в ближайшем будущем такие же морские станции в Желтом и Японском морях.

Китайская сторона считает, что южнокорейские власти смотрят куда дальше, нежели научное исследование с морской базы, созданной на «острове Иодо». В Китае существует опасение, что со временем Южная Корея на основе подводных рифов создаст настоящий остров, в результате чего южнокорейское правительство сможет предъявлять не только претензии на включение «острова Иодо» в исключительную экономическую зону Республики Корея, но и претендовать на право обладания территориальными водами в центре Восточно-Китайского моря. Несмотря на уверения южнокорейской стороны, что РК не собирается создавать исключительную зону вокруг «острова Иодо», Китай уже столкнулся с таким прецедентом, когда японское правительство, соорудив в 1700 км к югу от Токио искусственный остров Окинотори, объявило о создании вокруг него исключительной экономической зоны¹⁷.

Понятны и причины того, что Китай, осознавая твердое желание южнокорейской стороны отстоять свои интересы в Восточно-Китайском море, тем не менее старается защитить свое право на владение акваторией, включающей «остров Иодо». Самой важной причиной является экономическая составляющая. В условиях, когда потребление нефти в Китае в ближайшие 10 лет может увеличиться в несколько раз, по сравнению с ее добычей и когда уже сейчас приходится импортировать до 45% потребляемой внутри страны нефти, одной из первоочередных задач в этой ситуации становится расширение районов поиска углеводородов на континентальном шельфе¹⁸.

В 1969 г. был опубликован так называемый доклад Эмери о возможном наличии больших запасов нефти на континентальном шельфе в районе Желтого моря и к югу от острова Чечжудо¹⁹. По оценкам специалистов, предполагаемые запасы нефти в Восточно-Китайском море составляют 100 млрд баррелей, а природного газа — 7 млрд. 200 млн. т²⁰. Сразу после опубликования этого доклада основные экономические конкуренты Китая в Северо-Восточной Азии — Япония и Южная Корея, а также Тайвань — начали вести активное исследование континентального шельфа в Восточно-Китайском море, тем самым пытаясь отхватить у своего соседа «жирный кусок от общего пирога». В 1974 г. Южная Корея и Япония заключили между собой соглашение

о совместном освоении континентального шельфа в южной части Восточно-Китайского моря, в связи с чем внешнеполитическое ведомство КНР выразило недовольство, посчитав этот договор «вторжением в суверенитет Китая»²¹ и заявив о необходимости заключать подобные соглашения на основе договоренности с китайской стороной²². Несмотря на неоднократные заявления МИД Китая о нежелательности ведения экономической деятельности на континентальном шельфе, Южная Корея и Япония продолжали совместное освоение морского дна, что вынудило китайское правительство в начале 1990-х годов начать активное исследование континентального шельфа в Восточно-Китайском море. Тем не менее попытки расширения сферы своих экономических интересов южнокорейской стороной, по всей видимости, вызывают новые озабоченности у китайского руководства, толкая его на затяжные споры по поводу разграничения морского пространства в Восточно-Китайском море.

По мнению южнокорейских исследователей, попытка Китая претендовать на морское пространство, включающее «остров Иодо», имеет и военно-стратегическую значимость. В условиях, когда Китай стремится расширить свое политическое влияние в мире, разграничение исключительной экономической зоны на условиях китайской стороны может привести к увеличению военного присутствия военно-морского флота Китая в Восточно-Китайском море, что может создать угрозу национальной безопасности не только Кореи, но и Японии²³. Касаясь этой проблемы, командующий резервными силами военно-морского флота Республики Корея Ким Сон Ман выразил опасения, что расформирование в 2015 г. южнокорейско-американского объединенного командования может привести к вооруженным провокациям КНР в Восточно-Китайском море²⁴.

С другой стороны, средства массовой информации Китая сообщают о намерении Южной Кореи создать к 2015 г. при поддержке США военно-морскую базу на Чечжудо, где будет базироваться «морской флот, контролирующий морское пространство от острова Токто до Иодо»²⁵. Тем самым китайская сторона подчеркивает, что южнокорейские власти пытаются выразить свои военные амбиции в Восточно-Китайском море, выстроив систему обороны вдали от Корейского полуострова. Опровергая мнение

китайских СМИ, депутат Национального собрания Республики Корея Хан Мен Сук заявила, что целью создания морской базы на Чечжудо является «обеспечение безопасности транспортного сообщения южнокорейских судов в южном направлении»²⁶.

В ситуации, когда Китай и Южная Корея не желают идти друг другу на уступки, что отражается в блокировании различных предложений с обеих сторон, наиболее актуальным видится решение данной проблемы на основе компромисса.

Понимая, что китайская сторона требует проведения линии исключительной зоны в Восточно-Китайском море между Китаем и Южной Кореей на условиях, ущемляющих законные права другой стороны, необходимо признать справедливость требования южнокорейского руководства провести границу морского пространства, которая находилась бы на равном удалении от побережья Китая и Кореи. Демаркация морского пространства в Желтом море между Китаем и двумя Кореями уже официально проведена на подобных условиях. Теперь двум государствам остается продолжить начатое дело и заключить подобное соглашение по Восточно-Китайскому морю, «не изобретая велосипед».

С другой стороны, обеим сторонам необходимо договориться о совместном использовании морских ресурсов в районах, прилегающих к рифу Иодо. Совместная деятельность в изучении морского пространства принесет только пользу в научном и экономическом планах. В противном случае перманентные выяснения отношений по поводу приоритетности прав на те или иные районы морского пространства могут привести лишь к негативным явлениям, не способствующим развитию межгосударственных отношений между КНР и РК.

¹ Синьхуа. 01.14.2012.

² world.kbs.co.kr (08.15.2008).

³ Ёнхап. 05.13.2009.

⁴ Тон-а ильбо. 01.07.2012.

⁵ Синьхуа. 03.03.2012; Ёнхап. 03.12.2012.

⁶ Ёнхап. 09.14.2006.

⁷ Ёнхап. 03.17.2008.

⁸ Чосон ильбо. 03.14.2012.

⁹ URL: <http://home.51.com/home.php?user=caiyunfeiying>

- ¹⁰ *Ким Ен Гу*. Иодо мунчжесый хэянпопчок хэгэльпанъпоп (Способ решения проблемы острова Иодо в русле морского права). Сеул, 2008. С. 42–43.
- ¹¹ URL: <http://blog.sina.com.cn/u/1251489605>
- ¹² Chui hung-da. China and the Law of the Sea Conference // Occasional Papers/Reprints Series in Contemporary Asian Studies. 1981. No. 4. P. 4.
- ¹³ *Пэк Чжун Хен*. Хэянь кёнъге хвекчонъ пёнчхонгва Ханбандо хэёге кёнъгемунчже (Изменение демаркации морских границ и проблемы морских границ Корейского полуострова) // Хэянь чонъчхэк ёнгу (Исследования морской политики). 1991. Т. 6. № 1. С. 23–44.
- ¹⁴ *Ким Ен Гу*. Указ. соч. С. 144–145.
- ¹⁵ *Lee Keun Gwan*. Toward an Equitable Resolution of Maritime Delimitation Disputes in East Asia – From Historical and Critical Perspectives // JSIL International Symposium on Unity in Diversity Asian Perspectives on International Law in the 21st Century. 2003.10.11-12, Nagoya University. P. 16–18.
- ¹⁶ Тэхан мэиль синмун. 06.12.2003.
- ¹⁷ Чуган хангук. 2006. 10.3-10. № 2142.
- ¹⁸ *Пак Пен Гу*. Ханчунъиль согу чончжэнь (Война за нефть между Кореей, Китаем и Японией). Сеул, 2006. С. 18.
- ¹⁹ *Emery K*. Geological Structure and Some Water Characteristics of the East China Sea and Yellow Sea // ECAFE/CCOP Tech. bull. Vol. 2. P. 3–40.
- ²⁰ URL: <http://www.frontiertimes.co.kr/news/news/2011/08/05/72378.html>
- ²¹ *Sinhua Weekly*. 02.11.1974.
- ²² Chui hung-da. Chinese Attitude toward Continental Shelf and Its Implications on Delimiting Seabed in Southeast Asia // Occasional Papers/Reprints Series in Contemporary Asian Studies. 1977. No. 1. P. 23.
- ²³ *Ким Ен Гу*. Указ. соч. С. 22.
- ²⁴ Тон-а ильбо. 01.07.2012.
- ²⁵ URL: <http://focus.chosun.com/people/peopleView.jsp?id=944>.
- ²⁶ URL: <http://www.frontiertimes.co.kr/news/news/2011/08/05/72378.html>

*Э. Р. Расулов**

К 20-ЛЕТИЮ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ УЗБЕКИСТАН И РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ

Глубокие преобразования внешней и внутренней политики в странах Азиатско-Тихоокеанского и Центрально-Азиатского регионов проявились с особой силой и определенностью на исходе XX в., когда, с одной стороны, стала укрепляться национальная государственность стран СНГ, образовавшихся в конце XX в., а с другой – расширяться международное сотрудничество и интеграционные процессы.

Республика Корея в числе первых признала независимость Республики Узбекистан 30 декабря 1991 г. Дипломатические отношения с Сеулом были установлены 29 января 1992 г. С этого момента между двумя государствами ведется активный политический диалог, свидетельством чему являются постоянные встречи и контакты их глав.

За прошедшие 20 лет Узбекистан и Республика Корея прошли весьма насыщенный событиями путь многогранного сотрудничества, вследствие чего усилиями двух стран удалось выстроить новую модель узбекистано-корейского партнерства.

Стратегические программы экономического развития, разработанные Президентом И. Каримовым, и расширение экспортного потенциала Узбекистана на основе использования имеющихся производств и ресурсов, стали фундаментом для широкомасштабного торгово-экономического сотрудничества двух республик, привлечения корейских инвестиций в экономику нашей страны.

Одним из первых шагов в этом направлении стало создание автомобилестроительной промышленности. Автозавод «УзДЭУ-

* Расулов Эльдар Рахманджанович, заведующий отделом Кореи Института Востоковедения АН РУз, г. Ташкент. E-mail: elchi@rambler.ru

АВТО», построенный в г. Асака Андижанской области при содействии корейской стороны, занял важное место в экспортной индустрии Узбекистана. Современные и относительно недорогие автомобили, выпускаемые заводом, обеспечили стране важный источник поступления валюты и открыли перспективные внешние рынки.

Ташкент и Сеул сформировали солидную и всестороннюю договорно-правовую базу, одним из результатов которой явилась устойчивая тенденция расширения политического, торгово-экономического, культурно-гуманитарного и инвестиционного сотрудничества.

За последние годы Узбекистану удалось качественно укрепить тесный диалог с Южной Кореей не только в экономической сфере, но и по широкому спектру различных международных и региональных вопросов двустороннего сотрудничества.

В рамках проведения своего внешнеполитического курса в отношении стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности в отношении Южной и Северной Корей, Узбекистан придает важное значение сохранению мира и стабильности на Корейском полуострове, тем самым поддерживая безъядерный статус Корейского полуострова.

Одним из ключевых факторов, способствующих достижению нынешнего высокого уровня политического взаимодействия, является близость позиций сторон в отношении современных проблем международной безопасности. В частности, Узбекистан, как и Республика Корея, выступает за формирование справедливого, безопасного миропорядка, за всестороннее укрепление роли ООН при решении актуальных региональных и международных проблем, включая нераспространение ядерного оружия, борьбу с терроризмом и религиозным экстремизмом, наркоагрессией и организованной преступностью.

Узбекистан приветствовал успешные итоги саммита «большой двадцатки», состоявшегося в Сеуле в ноябре 2010 г., которые закрепили за Республикой Корея роль активного посредника в диалоге между развитыми и развивающимися странами, подняв ее авторитет и влияние на мировой арене.

Принимая во внимание политику руководства Республики Корея в области «зеленого роста» и развития экологически чистых

технологий, Ташкент поддержал проведение 18-й конференции ООН по изменению климата в 2012 г., которая пройдет в г. Сеуле.

Узбекистан изначально поддерживал Республику Корея в принятии положительного решения Международного олимпийского комитета о проведении зимних олимпийских игр 2018 г. в г. Пхенчхан, проведения 7-го Международного водного форума 2015 г. и других международных мероприятий.

В свою очередь Республика Корея выступает в поддержку инициатив руководства Узбекистана по вопросам мирного урегулирования афганской проблемы, укрепления национальной безопасности, создания в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия.

Партнерство Республики Узбекистан и Республики Корея носит взаимовыгодный характер и осуществляется на межгосударственном и межправительственном уровнях.

В частности, с 1995 г. между внешнеполитическими ведомствами на регулярной основе проводятся политические консультации по актуальным двусторонним, региональным и международным вопросам. Последний, девятый, раунд состоялся в мае 2011 г. в Ташкенте. В 1995 г. в Национальной ассамблее Республики Корея была создана парламентская Ассоциация дружбы «Корея—Узбекистан». В 2005 г. в Законодательной палате Олий Мажлиса Республики Узбекистан была учреждена аналогичная группа по сотрудничеству с Республикой Корея. Установлены тесные связи также на муниципальном уровне, в рамках которых имеются договоренности о сотрудничестве между городами Ташкентом и Сеулом, Ферганой и Енином, Наманганом и Соннамом.

В целом правовую базу взаимодействия двух стран сегодня составляют около 170 межгосударственных и межведомственных документов, охватывающих политическую, торгово-экономическую, финансово-инвестиционную и культурно-гуманитарную сферы.

Вместе с тем, по мнению экспертов, положительная тенденция к активизации отношений Узбекистана с Республикой Кореей еще не достигла своего оптимального уровня.

По информации Госкомстата РУ, в 2010 г. товарооборот между нашими странами по сравнению с 2009 г. увеличился на 31,5% и составил 1,614 млрд долл., из них экспорт — 158,2 млн долл., им-

порт – 1,456 млрд долл. РК является сегодня одним из крупнейших торговых партнеров нашей страны и занимает 2-е место среди торговых партнеров Узбекистана в АТР.

В Министерстве внешних экономических связей, инвестиций и торговли Республики Узбекистан сегодня аккредитованы представительства 84 южнокорейских корпораций, фондов и компаний.

В Узбекистане сейчас осуществляется деятельность 370 южнокорейских компаний, 73 из которых со 100%-ным корейским капиталом. Данные предприятия сосредоточены в основном в таких отраслях, как торговля, автомобилестроение, текстильная и электротехническая промышленность, строительство, сельское хозяйство, медицина, сфера туризма, услуг и связи.

Суммарный объем заявленных южнокорейских инвестиций в экономику Узбекистана составляет более 5 млрд долл., а объем уже освоенных, в основном прямых инвестиций, превысил 2 млрд долл.

Динамика торговых отношений показывает, что в последние годы товарооборот между нашими странами имеет тенденцию к значительному увеличению (см. таблицу).

Одним из перспективных направлений двустороннего сотрудничества является реализация проектов в рамках созданной первой Свободной индустриально-экономической зоны (СИЭЗ) «Навои».

СИЭЗ «Навои» представляет собой часть территории Навоийской области Республики Узбекистан, расположенной на земельном участке Карманинского района площадью более чем 500 га.

Таблица

Товарооборот между Южной Кореей и Узбекистаном, млн долл.

Годы	Товарооборот	в том числе	
		экспорт	импорт
2007	583,9	69,8	514,1
2008	1056,6	91,5	965,1
2009	1228,0	102,6	1125,0
2010	1614,7	158,1	1456,5

Составлено на основе источников МВЭС РУ, ИА “Жахон”.

Основным направлением деятельности хозяйствующих субъектов на территории СИЭЗ «Навои» является производство широкого спектра высокотехнологичной, конкурентоспособной на мировых рынках продукции за счет внедрения современного зарубежного оборудования, передовых инноваций, новейших технологических линий и модулей. Это в свою очередь даст возможность параллельно развивать востребованные в республике импортозамещающие производства, продукция которых широко используется в промышленном и обрабатывающем секторе нашей страны.

Объединение возможностей СИЭЗ и международного центра логистики в аэропорту города Навои, управляемого авиакомпанией «Кореан Эйр», создает условия для развития высокорентабельных производств и быстрой доставки готовой продукции на мировые рынки через налаженную систему мультимодальных авиационных, автомобильных и железнодорожных перевозок.

Здесь создан единственный в Центральной Азии крупный трансконтинентальный интермодальный хаб, где оперативно обрабатываются грузы. В 2009 г. «Кореан Эйр» предоставила Национальной авиакомпании «Узбекистон хаво йуллари» на основе лизинга два грузовых самолета А300-600, которые сейчас активно используются центром логистики. Сдан в эксплуатацию и современный грузовой терминал. Создание логистического центра уже дает практический результат.

В ходе государственного визита президента Узбекистана И. Каримова в Республику Корея в феврале 2010 г. подписано инвестиционное соглашение по реализации проекта строительства Устюртского газохимического комплекса (ГХК) на базе месторождения Сургиль с обустройством месторождения и освоением рудника. Стоимость данного проекта составляет более 4 млрд долл.

Проект будет реализовываться за счет взносов учредителей в уставный фонд совместного предприятия ООО «Uz-Kor Gas Chemical». В частности, Национальная холдинговая компания (НХК) «Узбекнефтегаз» инвестирует 705,43 млн долл. (17,5% от общей расчетной стоимости проекта), включая имущественный вклад, а компания «Kor-Uz Gas Chemical Investment Ltd.» – 705,43 млн долл. (17,5%) в виде прямых иностранных инвестиций.

В соответствии с ТЭО проекта Устюртский ГХК будет ежегодно перерабатывать 4,5 млрд куб. м природного газа и производить

до 4 млрд куб. м товарного газа, 400 тыс. т полиэтилена различной плотности, 100 тыс. т полипропилена и около 100 тыс. т пиролизного бензина. Срок строительства данного объекта составляет 38 месяцев. Помимо этого, ГХК будет реализовывать избыточную электроэнергию, выработанную сверх его потребностей. В настоящее время корейские строительные компании «POSCO» и «Кымсанг» уже проводят реконструкцию дорог, следом за ними планируется внедрение других компаний в отрасль по развитию инфраструктуры данного региона Узбекистана.

Сырьевой базой данного проекта является месторождение «Сургиль», которое считается одним из самых крупных в Центральной Азии. Его запасы составляют около 120 млрд куб. м природного газа. Данный проект начнет официально реализовываться с 2012 г. и должен будет завершиться к 31 декабря 2014 г.

Можно прогнозировать, что одним из наиболее доминирующих и стратегических направлений сотрудничества Республики Корея с Республикой Узбекистан будет являться сфера освоения минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов. С учетом того, что Южная Корея сегодня является одним из крупнейших импортеров энергетических ресурсов, данная сфера сотрудничества имеет огромный потенциал.

Подтверждением этому является повышенный интерес и активизация корейских компаний по освоению новых месторождений, добычи и переработки полезных ископаемых в последние годы в нашей стране.

В настоящее время уже реализуется ряд совместных проектов с корейскими партнерами, охватывающих широкий спектр полезных ископаемых, таких, как золото, медь, уран, вольфрам, кварц, литий, молибден, базальт и др.

Так, в частности, компания Shindong Enercom Inc. совместно с Госкомгеологией РУ на основе договоренностей и подписанных соглашений осваивает крупные проекты по добыче в республике кварца, полисиликона, лития.

Разработкой месторождения вольфрама в Узбекистане активно занимается компания «Шин Ресорсиз», которая в рамках Государственного визита Президента Республики Узбекистан И. Каримова в Республику Корея в феврале 2010 г. подписала с Госкомгеологии РУ Протокол по созданию совместного пред-

приятия для отработки месторождений вольфрама в Республике Узбекистан.

Ведется сотрудничество с Корейским институтом геологических наук (КИГАМ), которое позволяет сегодня осуществлять совместные исследования для информационного обеспечения корейских инвесторов, которым предоставляется необходимая информационная поддержка интересующего объекта или инвестиционного участка

Таким образом, анализируя сотрудничество двух стран в совместных действиях по освоению новых месторождений, добыче и переработке полезных ископаемых и ресурсов, можно охарактеризовать их как отношения, которые формируются по принципу взаимодополняемости: Корея заинтересована в использовании богатых минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов Узбекистана, в то время как для узбекской стороны, в свою очередь, важное значение имеют передовые технологии и прямые инвестиции корейских партнеров в организацию новых и модернизацию существующих производств в сфере добычи минеральных ресурсов и геологоразведки.

Активно развивается сотрудничество в рамках технической помощи правительства Республики Корея через Корейское агентство международного сотрудничества (КОИКА). По линии программ КОИКА в Республике Корея прошли стажировку более 1 300 представителей министерств и ведомств Узбекистана.

Республику Корея и Узбекистан объединяет стремление к сохранению национальной самобытности, нравственных устоев и традиций. У народов обеих стран много общего в культуре, обычаях, традициях, укладе жизни. Корейцы, как и узбеки, почитают наследие и ценности предков, ценят семью, уважают старших, заботятся о младших, им свойственны доброта, великодушие, трудолюбие; много схожего и в других сферах бытия. Такая эмоциональная схожесть расширяет взаимопонимание и укрепляет отношения между двумя странами, особенно учитывая то, что в Узбекистане среди центральноазиатских государств живет самая крупная, 180-тысячная корейская диаспора, играющая роль своеобразного моста в развитии и укреплении двусторонних отношений.

В связи с этим активно используется достигнутая договоренность о расширении гуманитарного обмена и взаимодействия

в сферах образования, туризма и спорта, о взаимных поездках творческих музыкальных и танцевальных коллективов, артистов, показ по телевидению в Узбекистане корейских сериалов и художественных фильмов.

Таким образом, можно отметить, что с момента установления между Республикой Узбекистан и Республикой Корея 29 января 1992 г. дипломатических отношений наблюдается постоянное развитие двустороннего сотрудничества во всех сферах – политической, экономической, культурно-гуманитарной.

В Узбекистане видят Республику Корея как динамично развивающееся и устремленное в будущее современное государство, входящее по всем показателям экономического и человеческого измерения в число передовых стран, располагающее конкурентоспособным индустриально-экономическим, научно-интеллектуальным и высоким технологическим потенциалом.

Высокие темпы экономического роста Республики Корея создают благоприятные объективные условия для развития полномасштабного сотрудничества с Узбекистаном. Республика Корея оказывает нашей стране неоценимую и востребованную помощь в реализации масштабных программ коренного реформирования и глубокой модернизации экономики и социальной сферы.

ЭКОНОМИКА

*С. С. Сулина**

ЭКОНОМИКА СОВРЕМЕННОЙ СЕВЕРНОЙ КОРЕИ: ПУТИ РАЗВИТИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА

Современная Северная Корея – одна из последних стран с административно-командной системой экономики, которая пока не заявила о переходе к рынку. В то же время отдельные рыночные инструменты (прибыль, эффективность производства, материальная заинтересованность, государственно-частное партнерство, правда пока лишь с иностранными инвесторами) уже перестали ею отвергаться как чуждые элементы, присущие только капиталистическому обществу.

Обычно при характеристике экономического положения в КНДР эксперты исходят из следующих общих посылок. Северная Корея: отсталая экономика, существующая в рамках административно-командной системы социалистического типа. Это, в целом, закрытая экономика, что частично обусловлено сдержанной позицией самого руководства в отношении более активного и либерального участия в мировой экономике, в связи с чем страна не может участвовать в более выгодном для нее обмене с другими странами – активными участниками международных и региональных интеграционных группировок, а отчасти – экономической изоляцией, в которую Северная Корея попала после отказа от прекращения проведения ядерных разработок. Какой-то объем внешнеэкономической деятельности ей удастся поддержи-

* Сулина Светлана Серафимовна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН. E-mail: Suslina.SS@mail.ru.

вать, но этого мало для подъема ее отсталой и остродефицитной экономики. Северная Корея — это страна, предпринимающая попытки осуществления изменений в экономике, в частности усовершенствования своей системы управления через повышение экономических и рыночных стимулов, с учетом своей специфики, при этом не исключая заимствования китайского опыта.

Тем не менее северокорейский путь модернизации социалистической по сути экономики существенно отличается от китайского, вьетнамского вариантов, равно как и от опыта России и других стран СНГ и Восточной Европы. И это вполне закономерно. Все перечисленные варианты, одни в эволюционном порядке (как, например, Китая, Вьетнама), начиная с экономики, не затрагивая сразу политическую и идеологическую структуры, другие (России, СНГ, ЦВЕ), развертывая реформы одновременно и в экономике, и в обществе, осуществили к настоящему времени большую часть радикальных социально-экономических изменений.

Отличие северокорейского варианта предлагаемых руководством изменений состоит в том, что он, по сути, не предпринимал бы никаких существенных изменений, особенно в обществе, если бы к этому не подталкивало тяжелое, почти безвыходное положение в экономике. Северная Корея как ни одна из вышеназванных стран ни в коей мере не предполагает какой-либо смены высшего руководства, за исключением, как это произошло в декабре 2011 г., естественного ухода лидера. Даже в близких по идеологическому духу странах — КНР и Вьетнаме — периодически сменяются лидеры. Руководство КНДР пока всячески устранилось от проведения радикальных экономических реформ, которые могут поколебать социально-экономические устои общества и подорвать основы существования самой власти. Между тем в современном мире, как никогда ранее, просматривается тесная взаимосвязь и взаимообусловленность экономического развития с демократизацией и либерализацией общества, его открытостью и активным участием в глобальной экономике. КНР и Вьетнам нашли вполне приемлемые для них, с учетом их национальных особенностей развития, пропорции совместимости этих необходимых компонентов в их системных трансформациях.

В Северной Корее такого подхода пока не нашли и, по всей видимости, пока не задавались такой целью. Поэтому все пред-

принятые руководством страны попытки совершенствования экономики и придания ей более эффективной структуры управления и хозяйствования оканчивались провалами.

Известно, что в той или иной степени реформирование северокорейской экономики предпринималось еще при жизни Ким Ир Сена (стремление приоткрыть страну через налаживание сотрудничества с западным миром в 1970-е годы, попытки привлечь иностранный капитал и разработка соответствующего законодательства, далее реформы Ким Чен Ира в 2002 г., денежная реформа в 2009 г.).

Все меры в экономической сфере, которые до настоящего времени предпринимались северокорейским руководством, носили характер попыток лишь улучшить, усовершенствовать существующую систему управления и развития экономики в рамках теории «чуждого» социализма, разработанной Ким Ир Сенем и его сыном Ким Чен Иром. Все эти меры (а не реформы) проводились сверху и являлись реакцией руководства КНДР на сложившиеся в конце 1990-х годов реалии и запросы, прежде всего в экономике и обществе.

В 1990-е годы в КНДР резко обострилась экономическая ситуация, что было вызвано целым рядом факторов как внешнего (распад мировой социалистической системы, сокращение масштабов торгово-экономического сотрудничества со странами социалистического лагеря, рост бремени расходов на оборону), так и внутреннего характера (накопление диспропорций экономического развития, неэффективная система управления, отставание в экономическом развитии, проблемы включения в мирохозяйственные связи и т.д.).

Проблемы дефицита продовольствия, сырья, энергетических ресурсов, капитального оборудования и запчастей еще более остро высветили неэффективность и отсталость северокорейской экономики в условиях интеграции и глобализации стран мира на основе единого рыночного пространства.

В 2000-е годы экономика КНДР вошла в стадию стагнации и колоссального отрыва в развитии от других развивающихся стран, хотя в 1960–1970-е годы она своими достижениями в индустриализации показывала пример не только африканским и азиатским странам, но и обгоняла свою соседку — Южную Корею.

Таблица 1

Динамика ВВП КНДР за 1990–2010 гг., %

Годы	ВВП	Годы	ВВП
1990	- 4,3	2004	2,1
1995	- 4,4	2005	3,8
2000	0,4	2006	- 1,0
2001	3,8	2007	- 1,2
2002	1,2	2008	3,1
2003	1,8	2009	- 0,9
		2010	- 0,5

Составлено по данным Банка Кореи, РК.

Показательно, хотя это оценочные данные, что в 2011 г. экономический разрыв между Югом и Севером Кореи, измеренный, в частности, по показателям номинального валового национального дохода, составил 39 раз. Валовой национальный доход (ВНД) на душу населения в Южной Корее более чем в 19 раз превысил северокорейский показатель¹. По данным Национального статистического управления РК, ВНД Юга составил в 2010 г. 1 трлн 15 млрд долл., а Севера — 26 млрд долл.² Вообще, показатели ВВП Северной Кореи в оценках разных экспертов расходятся — от 14–16 млрд долл. до самой высшей планки в 40 млрд долл. По оценкам южнокорейских аналитиков Банка Кореи, среднегодовой прирост ВВП в КНДР за 2000–2009 гг. составил 1,3% (в предшествовавшие годы он вообще сокращался). В 2010 г. он составил -0,5%³ (табл. 1).

В номинальном исчислении ВВП КНДР, по оценкам Blumberg, в 2010 г. составил 26,5 млрд долл., а Южной Кореи — 1 трлн 15 млрд долл. В 2000-е годы в КНДР нет голода, и это шаг вперед, в отличие от 1990-х годов, когда страна пережила массовый голод. Велика разница и в показателях товарооборота двух стран с миром: более 1 трлн долл. у Южной Кореи и 4,2 млрд долл. — у Северной⁴.

Общее то, что обе Кореи находятся в существенной зависимости от КНР: объем ее торговли с КНДР за 2011 г. составил 5,62 млрд долл., а с РК — 220 млрд долл. Следовательно, объем всей внешней торговли КНДР существенно вырос за 2010–2011 гг.

и, видимо, это произошло за счет развития экономического сотрудничества с Китаем. Поставки северокорейской продукции в КНР увеличились на 107%⁵.

Тенденции рыночного характера стали проникать в Северную Корею еще в 1990-х годах, когда на фоне некоторого ослабления роли государственного регулирования и острого дефицита в снабжении населения товарами первой необходимости возник «черный рынок», установился спекулятивный курс воны и т.д. Чтобы придержать развитие негативных тенденций, руководство перехватило инициативу и в 2002 г. разработало пакет мер, которые означали относительную либерализацию регулирующих функций центрального правительства и легализацию роли хозрасчетных начал в управлении экономикой страны. В какой-то степени эти меры носили подготовительный характер для переходных реформ, а некоторые, как например, почти одномоментный отпуск цен, напоминали начало реформ в странах Восточной Европы, России и СНГ.

Однако скоро стало очевидно, что дальше идти по пути переходных реформ Северная Корея не намерена и не готова. Произошел откат и возвращение, правда, не в полном объеме распределительной системы, укрепилось планирование. И более того, руководство страны испугалось, что эти тенденции несут дезорганизацию, анархию, свободомыслие, что подмывает сами устои теории *чучхе*. Поэтому в 2009 г. оно провело денежную реформу, целью которой было придержать угрозу роста капиталистических элементов в обществе⁶. По некоторым данным, рушится система уравниловки и все это сопровождается зримым расслоением в уровне доходов. В Северной Корее невозможно измерить коэффициент Джини, но очевидно, что имущественное неравенство достигло весьма ощутимых размеров. «Новые корейцы» — это предприниматели, связанные с чиновниками (часть бизнеса носит номенклатурный характер), а также те, у кого есть связи с Китаем, что является сейчас важным условием для ведения успешного бизнеса⁷.

Внешнеэкономическая сфера (в первую очередь, законодательство в области привлечения иностранных инвестиций) продолжала совершенствоваться в целях поддержки развития экономики *сонгун*.

Тем не менее проникновение рынка в КНДР продолжалось под воздействием таких факторов, как международная помощь,

развитие СЭЗ, деятельность Кэсонской промышленной зоны с участием южнокорейского капитала, усиливающаяся экономическая зависимость от КНР. Но все это дало совсем не те результаты, которые ожидалось северокорейским руководством. Процесс усиления рыночных стимулов, который, по задумке руководства, должен был поднять эффективность производства и ускорить развитие северокорейской экономики, постепенно стал перерастать дозволенные рамки и все более активно вторгаться в сферу общественных отношений.

Поддерживать контролирующие функции, как было ранее, государству стало гораздо сложнее, хотя на улицах Пхеньяна, как и в прежние времена, висят агитационные плакаты с призывами выполнить экономические задачи, поставленные в начале 2012 г. ЦК Трудовой партии Кореи (ТПК). Надписи гласят: «Совершим промышленную революцию в этом веке!», «Обеспечим повышение уровня жизни населения!», «Добьемся роста промышленного производства!». На других можно увидеть призывы сделать 2012 г. годом «великих достижений в легкой промышленности» и «ликвидировать дефицит электричества»⁸. Особое внимание уделяется идее о необходимости решения экономических проблем собственными силами — за счет привлечения местных сырьевых ресурсов и резервов, включая научные и технологические.

Таким образом, можно резюмировать, что первый опыт «реформирования» в направлении внедрения и усиления рыночных стимулов развития в северокорейскую экономику не принес прорывных решений и в целом не улучшил экономическую ситуацию в стране, но в то же время не пропал впустую.

Смерть руководителя страны Ким Чен Ира в декабре 2011 г. еще более обострила проблему хозяйственного реформирования. Увеличивающийся разрыв в уровнях развития Севера и Юга Кореи также усугубляет проблемы в экономическом сотрудничестве и сближении двух корейских государств. Но даже решение и более скромных, но имеющих чрезвычайно важное значение для Северной Кореи задач, как, например, празднование в апреле 2012 г. 100-летия со дня рождения Ким Ир Сена, для нового руководства страны оборачивается большими затратами и напряжением для ее экономики, которые она пытается смягчить за счет внешней помощи.

В чем же проблемы северокорейской экономики? Почему она с трудом воспринимает опыт других стран догоняющего развития? Эволюционный путь реформирования китайской экономики привлекателен для северокорейского руководства. Но приходится принимать в расчет существующие различия хозяйственных систем, структур ВВП и занятости населения, экономических потенциалов двух стран, различия по численности населения, размерам территории государств и т.д. Представляется также, что существенным субъективным различием является то, что КНР признала необходимость господства рынка, либерализации и демократизации общества и нашла оптимальный для себя баланс госрегулирования и частной инициативы; КНДР же пока не признает вообще самой возможности частного хозяйствования (за исключением иностранных инвестиций). Поэтому переход к рыночным реформам в КНДР станет возможным, когда в стране созреют предпосылки в части не только уступок государственной структурой своих административно-командных прерогатив, но и допуска частных структур к участию в модернизации экономики.

Анализ этих проблем занимается немалый штат зарубежных экспертов. Ведь перевод одной из последних оставшихся стран с административной экономикой на рыночные основы в значительной мере облегчил бы и решение многих политических проблем международного характера.

В числе факторов «отторжения» Северной Кореей известных вариантов переходного опыта бывших социалистических стран можно назвать следующие:

- объективные (различие потенциалов и структур экономик, их весомости в мирохозяйственных связях);
- субъективные (различие характеров властных структур, определяющих основные цели и методы проведения реформ, степень их глубины, эволюционность, формы взаимодействия с мировым сообществом и т.д.).

Каковы могут быть ориентиры будущих трансформаций в северокорейском экономическом развитии и как этому может содействовать внешнеэкономическое сотрудничество Северной Кореи с соседними странами, и в частности с Россией?

Для КНДР не просматривается других перспектив модернизации своей отсталой экономики. Весь мир говорит на «рыночном

языке». В пользу того, что КНДР надо переходить к рыночным реформам, говорит следующее:

- все более увеличивающееся экономическое и социальное отставание страны;
- отставание в техническом, технологическом, научном планах;
- сужающиеся возможности самоподдерживающегося роста экономики *сонгун*, исчерпание экстенсивного, закрытого варианта развития;
- накапливающийся внешний долг и рост долгового бремени в отношении к ВВП, экспорту и валютным резервам страны, что замедляет развитие;
- усиливающаяся зависимость от КНР (помощь, инвестиции, аренда, разработка полезных ископаемых, «опасная возможность» присоединения к КНР в качестве «четвертой северо-восточной провинции», что лишь означает степень серьезности проблемы; особое значение имеют китайские инвестиции, а также китайские концессии, в основном связанные с добычей полезных ископаемых);
- возможность экономического коллапса и шанса «неблагоприятного присоединения» к Южной Корее в ходе экономического поглощения как более слабого партнера;
- невозможность поддержания политической независимости в условиях чрезмерной привязки к экономике КНР, сужающиеся возможности для маневрирования между основными партнерами по внешнеэкономическим связям.

Поэтому представляется, что КНДР в среднесрочной перспективе (оценочно в пределах текущего 5-летия) должна будет вступить на путь рыночных реформ в эволюционном формате. Не исключено, что этот путь будет видоизменен по сравнению с китайским в сторону вьетнамского опыта, так как с этой страной есть некоторые сходные черты, в первую очередь нет громадной разницы по численности населения и размерам территории, объединяет опыт длительного существования в условиях разделенной страны при определенном, конечно, различии. Однако уже сейчас ясно, что северокорейский вариант будет обладать своей спецификой, присущей стране со своей укорененной системой правопреимственности власти, где проблема стабильности экономики

означает не только незыблемость социально-экономической системы страны, но и сохранность сложившейся государственной иерархии. История знает немало примеров успешных реформаторов — продолжателей традиций и политики своих предшественников по родственной линии.

Можно высказать предположение, что для КНДР вступление во власть нового человека, внука Ким Ир Сена — исторической личности для каждого корейца — это в определенной мере надежда на обновление, начало новой жизни, а значит, и позитивных перемен. Прошедший после ухода лидера Ким Чен Ира период свидетельствует о стабильной в целом внутривластной ситуации в КНДР, о стремлении ближайшего соседа — КНР — оказать всемерную поддержку новой власти. Россия также исходит из того, что не следует «раскачивать лодку», надо строить дружеские, взаимовыгодные отношения с главами соседних государств, облегченными доверием своих граждан.

Переход к рыночным реформам, их сроки и результаты могли бы стимулироваться всемерным расширением и созданием новых форм участия КНДР в мирохозяйственных связях, в том числе и укреплением сотрудничества с соседними с ней странами. Внешняя торговля КНДР невелика по своему объему, и в 2010 г. она составила 6,08 млрд долл., экспорт — 2,55 млрд долл., импорт — 3,53 млрд долл.

Торговля России с КНДР имеет свою историю взлетов и падений. В 2010 г., после нескольких лет сокращения, двусторон-

Таблица 2

Основные внешнеторговые партнеры КНДР (2005–2010 гг.), % *

	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Китай	43	39	42	49	53	56,9
Республика Корея	28	31	38	32	33	29,2
Япония	5	3	0,2	0,1	-	3,4
Россия	6	5	3	2	0,97	3,9

* Данные включают межкорейскую торговлю.

Источники: North Korea's Economy. Economic Data (2008). Korea Economic Institute Washington, DC. (www.keia.org); Банк Кореи (2008-2009); KOTRA (2010, 2011); Korea Development Institute (2011); KBS World News. 2012.01.31.

Таблица 3

Товарооборот между Россией и КНДР в 2005–2010 гг.

	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	январь 2010 г.	январь 2011 г.
ОБОРОТ	233,2	210,5	159,8	110,8	49,4	98,7	1,3	2,3
динамика, %	11,4	-9,7	-24,1	-30,7	-55,4	99,8	-45,1	78,5
ЭКСПОРТ	226,3	190,4	126,1	96,9	41,6	82,3	0,9	0,5
динамика, %	10,6	-15,1	-33,8	-23,2	-57,1	97,8	-51,9	-41,2
ИМПОРТ	6,9	20,1	33,7	13,9	7,8	16,4	0,4	1,8
динамика, %	43,8	291,9	68,1	-68,6	-44,2	110,3	-25,0	456,6
САЛДО	219,5	170,4	92,4	82,9	33,8	65,9	0,5	-1,3

Составлено по данным ФТС России.

ний товарооборот увеличился на 99,8% и составил 98,7 млн долл., в том числе российский экспорт в КНДР увеличился на 97,8% (82,3 млн долл.), а импорт — на 110,3% (16,4 млн долл.).

Однако не только в абсолютных, но и в относительных значениях Россия потеряла ведущие позиции в экономике Северной Кореи, которые она имела в конце 1980-х годов, когда ее доля в товарообороте КНДР превышала 50%. В 2010 г. такую долю (56,9%) имела КНР, а Россия — немногим более 1%. Но и удельный вес КНДР среди других стран СВА в товарообороте России весьма незначительный.

Восстановление темпов роста российско-северокорейской торговли в 2010 г. по сравнению с 2009 г. связано с увеличением

Таблица 4

Внешнеторговый оборот России со странами СВА,

млрд. долл.; % от общего товарооборота России

Страны	Годы		
	2000	2008	2010
Китай	6,2 (4,8%)	56,1 (7,7%)	59,3 (9,6%)
РК	1,5 (1,1%)	18,9 (2,6%)	17,7 (2,9%)
Япония	3,5 (2,7%)	29,2 (4,0%)	23,1 (3,7%)
КНДР	0,05 (0%)	0,1 (0%)	0,06 (0%)
Монголия	0,2 (0,2%)	1,2 (0,2%)	1,0 (0,2%)
Всего со странами СВА	11,5 (8,8%)	105,6 (14,5%)	101,2 (16,4%)

Источник: ERINA REPORT (Economic Research Institute for Northeast Asia.) 100 Commemorative Issue. 2011, July. № 100. P. 15.

российских поставок в КНДР машинно-технической продукции (в 3,8 раза до 41,5 млн долл.) и минерального топлива (в 3,2 раза до 27,8 млн долл.).

Основными товарами российского экспорта в КНДР в 2010 г. были машины, оборудование и транспортные средства, минеральное топливо (нефть и нефтепродукты), древесина и целлюлозно-бумажные изделия, металлы и изделия из них, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье.

Основными товарами российского импорта из КНДР в 2010 г. были машины, оборудование и транспортные средства, минеральное топливо (нефть и нефтепродукты), продукция химической промышленности, текстиль и изделия из него, обувь, металлы и изделия из них.

Что касается инвестиционного сотрудничества, то, возможно, урегулирование проблемы задолженности Северной Кореи перед Россией и бывшим СССР (осенью 2011 г.), которая составила около 11 млрд долл., откроет перед обеими странами новые перспективы и в этой сфере. Пока же это сотрудничество было весьма слабым.

Перспективными направлениями сотрудничества считаются железнодорожный транспорт (реализация проекта соединения Транскорейской железной дороги с Транссибирской магистралью — общий вопрос сотрудничества с КНДР и РК); электроэнергетика (реализация проекта передачи электроэнергии из России в Республику Корея транзитом через КНДР позволит привлечь инвестиции в инфраструктурные проекты в Дальневосточном федеральном округе, а для КНДР — частично решить проблему энергоснабжения и дефицита электроэнергии); строительство и эксплуатация линии электропередачи 500 кВ «РФ–КНДР» (Владивосток — Краскино — Чхонджин) с последующей поставкой электроэнергии; строительство и эксплуатация линии электропередачи постоянного тока «РФ–КНДР–РК»; строительство дополнительных генерирующих мощностей в Дальневосточном федеральном округе.

15 сентября 2011 г. ОАО «Газпром» и Kogas подписали Дорожную карту по осуществлению поставок природного газа из РФ в РК через территорию КНДР. В тот же день Газпром и Министерство нефтяной промышленности КНДР подписали меморандум о взаи-

мопонимании и договорились создать рабочую группу по строительству газопровода на Корейский полуостров⁹.

В настоящее время ОАО «РЖД» и Северная Корея на двусторонней основе реализуют пилотный проект соединения железных дорог двух стран, который предполагает восстановление участка от ст. Хасан (Россия) до порта Раджин (КНДР) и строительство в порту Раджин контейнерного терминала для организации интермодальных перевозок с выходом на Транссиб. 13 октября 2011 г. состоялся пробный прогон движения по совмещенной колее Хасан — Раджин¹⁰.

Подводя итоги вышеизложенному, отметим, что трансформация северокаорейской экономики и вхождение КНДР в мировой рынок на условиях равноправного и взаимовыгодного сотрудничества — это два взаимообусловленных процесса. Без каждого из них Северная Корея в современных условиях не сможет реализовать свои планы ускорения в преодолении экономической отсталости, а тем более — в построении, как было ею заявлено, «экономики знания» и «общества, ориентированного на благосостояние» ее граждан.

¹ KBS WORLD NEWS, 16.02.2012.

² KBS WORLD NEWS, 17.01.2012.

³ The Bank of Korea. News Release. 11.03.2011.

⁴ Bloomberg, 03.11.2011.

⁵ KBS WORLD NEWS, 17.01.2012.

⁶ В конце ноября 2009 г. КНДР осуществила широкомасштабную денежную реформу, которая предусматривала деноминацию цен в соотношении 100:1. Однако из-за чрезмерной инфляции себестоимость новой купюры достоинством 100 вон, на которую заменили купюру достоинством 10 тыс. вон, равна стоимости старой 250-воновой купюры. Стоимость риса традиционно считается в КНДР стандартным показателем цен на все товары.

⁷ О северокаорейском экономическом росте. 05.11.2011; КНДР: безысходность по-северокаорейски. 07.19.2011. www.slou.ru

⁸ РИА Новости. 31.01.2012. На улицах Пхеньяна появились новые агитационные плакаты с призывами выполнить экономические задачи, поставленные в начале 2012 г. ЦК Трудовой партии Кореи. Об этом сообщает местная пресса.

⁹ Первое заседание созданной российско-северокаорейской рабочей группы по строительству газопровода прошло в конце ноября — начале дека-

бря 2011 г. в Москве. По южнокорейским данным, экономия на транспортировке природного газа по трубопроводу из России составит от 30 до 70%. КНДР же смогла бы получать от 100 до 200 млн долл. в год за транзит газа через свою территорию. По существующим соглашениям, после 2017 г. РК будет импортировать из России 10 млрд куб. м природного газа ежегодно. При этом наиболее оптимальным и дешевым способом поставки газа была признана прокладка газопровода через территорию КНДР. В августе—сентябре 2011 г. работа по подготовке к реализации этого проекта активизировалась и получила поддержку на высшем уровне со стороны всех стран-участниц. Как следует из интервью российского посла в Пхеньяне В. Сухинина, новый лидер КНДР Ким Чен Ын также поддерживает проект строительства газопровода, и контакты по этому вопросу между соответствующими ведомствами двух стран продолжаются.

¹⁰ Открытие контейнерного терминала в порту Раджин планируется на лето 2012 г. После завершения работ по обустройству контейнерного терминала пропускная способность железной дороги составит 15 пар поездов в сутки, что полностью покрывает потребность для обеспечения контейнерных грузоперевозок в количестве 200 тыс. ДФЭ в год (в двух направлениях). Такая инфраструктура может использоваться для перевалки контейнерных грузов из Южной Кореи и других стран АТР с выходом на сеть российских железных дорог.

*Д. Н. Верхотуров **

ГАЗОПРОВОД В КОРЕЮ: ВАРИАНТЫ РАЗВИТИЯ

Строительство газопровода из России в Республику Корея является одним из наиболее крупных проектов экономического сотрудничества на Корейском полуострове. Проект строительства газопровода, появившийся в начале 2000-х годов, довольно быстро занял приоритетное место и сейчас воспринимается, пожалуй, как наиболее перспективный.

Строительство газопровода обсуждалось во время встречи президента России Д. А. Медведева и главы КНДР Ким Чен Ира во время визита корейского руководителя в Россию в августе 2011 г. Во время переговоров была достигнута договоренность о создании трехсторонней комиссии для развития сотрудничества в газовой сфере. Однако скоростная смерть Ким Чен Ира 17 декабря 2011 г. поставила реализацию проекта под сомнение.

В связи с наметившейся паузой имеет смысл рассмотреть общую ситуацию с газопроводными проектами в регионе и обозначить возможные варианты строительства газопровода в Республику Корея.

Изменение ситуации: 2005–2012 гг. За прошедшие годы ситуация с поставками газа в Северо-Восточную Азию значительно изменилась, и эти новые обстоятельства нужно принимать во внимание. Основываясь на докладе автора, сделанном на IX научной конференции корееведов России и стран СНГ в 2005 г., можно сделать следующие выводы.

1. В начале осуществления проекта поставки газа предполагалось обеспечивать его добычей на Ковыктинском месторождении в Иркутской области, тогда как газовые месторождения Сахалина рассматривались как конкурирующие в рамках поставок сжи-

женного природного газа (СПГ). Однако в настоящее время сахалинские месторождения оказались главными для обеспечения корейского газопровода, тогда как вспомогательными считаются месторождения газа в Южной Якутии. Ковыктинское месторождение фактически выпало из проекта.

2. В 2005 г. планировалось строить газопровод из Иркутской области в РК по двум вариантам: через территорию КНР и через морской участок или через Приморский край и далее через КНДР. В настоящее время основным направлением стал газопровод «Сахалин–Хабаровск–Владивосток» протяженностью 1800 км, проектной мощностью в 30 млрд куб. м газа, первая очередь которого мощностью в 6 млрд куб. м газа была запущена в эксплуатацию 8 сентября 2011 г.

3. В 2005 г. подвод российского газа в приграничный с КНДР регион России был еще гипотетическим, его реализация не имела четкого календарного графика. В силу того что основным месторождением считалось Ковыктинское, предполагалось, что строительству газопровода в РК должно предшествовать строительство газопровода из Иркутской области в Приморский край. В настоящий момент газ подведен в приграничный с КНДР регион, и реализация проекта может быть начата гораздо быстрее, параллельно с достройкой второго пускового комплекса газопровода «Сахалин–Хабаровск–Владивосток».

4. В Китае в июне 2011 г. был введен в строй второй транскитайский газопровод «Запад–Восток-2» мощностью 30 млрд куб. м газа в год для транспортировки туркменского газа в бассейны рек Янцзы и Чжуцзян. Обсуждается строительство третьего транскитайского газопровода, и даже четвертой и пятой его ниток. Следовательно, китайский рынок может быть обеспечен газом из Центральной Азии, а одна из ниток газопровода «Запад–Восток» может быть направлена в Северо-Восточный Китай.

5. В 2005 г. общие запасы сахалинского газа по трем проектам (Сахалин-1, -2, -4) оценивались в размере 1,58 трлн куб. м. В настоящее время разведанные ресурсы четырех проектов (Сахалин-1, -2, -3, -4) оцениваются в размере 1,91 трлн куб. м, прогнозные – в 1,5 трлн куб. м. Суммарные геологические ресурсы сахалинского шельфа оцениваются в размере 3,3 трлн куб. м газа². Запасы сахалинского газа за это время значительно выросли.

* Верхотуров Дмитрий Николаевич, редактор ИА «Илбек Сибирь», Москва. E-mail: verkhoturrov@gmail.com

6. Считалось, что РК будет трудно обойтись без российского трубопроводного газа в увеличении своего энергопотребления. В 2004 г. потребление газа в РК составляло 21,9 млрд куб. м. Между тем в 2010 г. РК импортировала 44,4 млрд кубометров газа³, обеспечив прирост его потребления на 50 % за счет СПГ.

7. Стоит отметить невысокую достоверность российских публикаций по газовой и энергетической проблематике Корейского полуострова. Так, монография М. М. Стеклова показывает, что еще в 2003 г. РК имела ряд долгосрочных контрактов, заключенных на период до 2013–2024 гг., на поставку СПГ и в целом не особо нуждалась в поставках природного газа из России⁴. Досадные ошибки повторялись и в недавних публикациях. Так, в публикации «Российской газеты» от 13 сентября 2011 г. утверждалось, что должен быть построен газопровод «Сахалин–Хабаровск–Владивосток», между тем к моменту публикации была построена и введена в строй его 1-я очередь. Для реализации таких крупных проектов, как строительство газопроводов, необходимо улучшение качества экспертной работы и своевременности публикации материалов по экономике стран-партнеров.

Таким образом, можно констатировать, что ситуация с газопроводными проектами в регионе значительно изменилась в корне не отличается от ситуации 2003–2005 гг. В оценке перспектив развития газового проекта были допущены серьезные ошибки и просчеты. В силу этих обстоятельств необходимо сделать переоценку перспектив и планов развития сотрудничества в газовой сфере.

Возникающие проблемы. В сфере сотрудничества в газовой сфере можно выделить несколько основных проблем, которые могут крайне существенно повлиять на строительство газопровода.

Во-первых, регион не столь уж и нуждается в российском природном газе, что и было доказано практикой 2005–2011 гг. РК может обеспечивать свои нужды в природном газе за счет поставок СПГ, ориентируясь в том числе и на российские проекты на Сахалине. Китай быстрыми темпами развивает собственную газопроводную систему, ориентируясь на ресурсы природного газа Центральной Азии (СУАР КНР, Туркменистан, Узбекистан, частично Казахстан). Потому «окно возможностей» не столь велико и в обозримой перспективе может закрыться.

Во-вторых, в РК происходит изменение в структуре потребления газа, который перебрасывается на нужды городских сетей по отоплению (по прогнозу, к 2015 г. — 75,2% всего потребления газа), тогда как потребление в электроэнергетическом секторе снизится с 33,9 до 24,8%⁵. Подобное изменение означает, что сфера применения природного газа сокращается и его потребление в Южной Корее вскоре стабилизируется.

В-третьих, характерно, что политическое руководство РК обставляет свое участие в проекте строительства газопровода через территорию КНДР рядом условий, в которые входит успех на шестисторонних переговорах. 13 октября 2011 г. на совместной пресс-конференции с президентом США Б. Обамой президент РК Ли Мен Бак заявил, что газопровод не может быть построен в ближайшем будущем⁶. Это показатель того, что сам газопровод Южной Корее не нужен, а используется лишь как средство давления на КНДР.

Эти проблемы весьма серьезны и вполне могут сделать проект строительства газопровода в Корею нереалистичным. Рассмотрение обстоятельств позволяет сказать, что в рамках прежнего подхода, выражаемого фразой — «Корея — перспективный рынок сбыта газа», решение этих проблем не может быть найдено. Надо признать, что в РК российский трубопроводный природный газ не нужен.

Возможные варианты решений. Пока идет процесс поиска компромисса между РК и КНДР по трубопроводному вопросу, который вряд ли может быть найден при сложившихся политических обстоятельствах, какие-либо возможности для строительства газопровода и сбыта российского газа в Корее, скорее всего, будут упущены.

Выход из сложившейся ситуации может быть найден в совершенно другой плоскости — предложении проекта долгосрочного (на перспективу 40–50 лет) сотрудничества в области энергетики и энергетических технологий. Для этого нужно предложить РК пересмотреть свой подход к природному газу в качестве энергетического источника. В настоящий момент сложился подход к газу как к топливу для коммунальных нужд.

Между тем использование газа имеет куда более широкие перспективы. *Во-первых*, это весьма экологически чистый источник

энергии, превосходящий в этом отношении уголь. Расширение потребления природного газа (трубопроводного и СПГ) позволяет резко снизить потребление угля в электрогенерации и снизить объем загрязняющих веществ. Иными словами, нужно предложить РК план переориентации газа на нужды электрогенерации с вытеснением угля и мазута, которые, по прогнозам на 2015 г., в сумме составляют 34,4% источников энергии для электрогенерации. Это вытеснение даст дополнительный объем потребления в размере 9,6 млн т СПГ (13,1 млрд куб. м газа). В этом случае суммарный объем потребления природного газа в РК для 2015 г. составит 38 млн т СПГ (52 млрд куб. м газа). Прирост рынка составит 45%.

Высвобождение большого количества угля и мазута позволит РК перенаправить дополнительные ресурсы топлива в промышленность, в особенности усилить нефтепереработку и нефтехимию — важную экспортную отрасль.

Во-вторых, система использования газа имеет большое значение в свете перспектив освоения ресурсов подводных газогидратов, прогнозные ресурсы которых превышают все известные ресурсы нефти и газа на суше и на шельфе. Вовлечение подводных газогидратов в разработку и снабжение позволит планировать топливный баланс РК на перспективу как минимум 100 лет.

В-третьих, возможно производство синтез-газа или генераторного газа из каменного и бурого угля, торфа, биомассы, что может быть одной из разновидностей использования возобновляемых источников энергии. РК может тогда обеспечивать свои топливные потребности как импортом торфа из России и Индонезии, так и выращиванием водорослей на топливные нужды.

Все эти пути развития энергетического сектора предполагают сохранение и развитие существующей системы газораспределения. Поставки природного газа из России позволяют получить значительное время, примерно 15–20 лет и более, для разработки, опробования и запуска в эксплуатацию альтернативных способов получения энергоносителей.

Варианты строительства газопровода. В ходе разработки проекта обсуждались всерьез только два варианта прокладки газопровода: через территорию КНР и через территорию КНДР. Однако оба варианта были неприемлемы для РК по политическим причинам.

В настоящее время можно предложить 4 варианта прокладки магистрального газопровода.

Первый: Хабаровск (Владивосток) — Дацин (КНР) — Инчхон через морской участок протяженностью 540 км. Это один из первых вариантов газопровода в Корею, и его не стоит сбрасывать со счетов.

Второй: строительство прямого газопровода Владивосток (Находка) — Каннын (Тонхэ) через акваторию Японского моря с протяженностью морского участка примерно 620 км. Обычно против этого проекта выдвигаются технические сложности: протяженный морской участок и большие глубины акватории моря. Однако в недавней практике Россией было построено два крупных газопровода с морскими участками. Первый — «Голубой поток» с протяженностью морского участка в 396 км, с глубинами 2120 м. Этот газопровод является рекордным по глубине заложения подводного дюкера. Второй — «Северный поток» с протяженностью морского участка в 1224 км в акватории Балтийского моря. Эти примеры показывают, что сооружение газопровода с протяженным морским участком и глубоким заложением является технически достижимым.

Третий: строительство газопровода по маршруту Сахалин—Саппоро—Ниигата—Хиросима—Пусан. Этот вариант имеет протяженность около 2000 км, но при этом переходит сравнительно неширокие проливы с небольшими глубинами и связывает Россию, Японию и РК единой энергетической структурой. Этот вариант представляется наиболее предпочтительным с точки зрения поставок газа в крупнейшие страны-потребители СПГ.

Четвертый: строительство газопровода через КНДР в «морском варианте». Под этим подразумевается строительство 700-километрового отрезка газопровода без компрессорных станций и задвижек на территории КНДР, с компрессорной станцией на территории России. Этот вариант исключает возможность для КНДР вмешательства в поставки газа в РК и перекрытие газопровода по политическим мотивам. Аренду земли и долю КНДР в поставках энергоносителей можно компенсировать поставками газа по отдельному газопроводу или в виде электроэнергии.

Таким образом, есть варианты строительства газопровода, технически реализуемые и приемлемые как с экономической, так и

с политической точек зрения. Газопроводная система может быть выполнена с полным исключением возможности политического вмешательства в процесс поставок природного газа.

*Л. В. Захарова **

¹ *Верхотуров Д.Н.* Проблемы газоснабжения Дальнего Востока России и Корейского полуострова // *Корея: новые горизонты. Доклады, представленные на IX научной конференции корееведов России и стран СНГ*, Москва, 29–30 марта 2005 г. М.: ИДВ РАН, 2005. С. 235–240.

² *Топалов А.* «Сахалин-4» потерял перспективу // *Газета.ру*. 0303.2009. URL: <http://www.gazeta.ru/business/2009/03/03/2951931.shtml>

³ URL: http://www.tpp-inform.ru/analytic_journal/1562.html

⁴ *Стеклов М.М.* Проблемы развития топливно-энергетического комплекса Южной Кореи. М.: Navona, 2009. С. 151.

⁵ Там же. С. 50.

⁶ URL: <http://actualcomment.ru/news/31620/>

КИТАЙСКО-СЕВЕРКОРЕЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В 2000-е ГОДЫ

Экономическое сотрудничество КНДР и КНР является неотъемлемым элементом двустороннего взаимодействия, подкрепляющим военно-политический союз двух стран. После установления дипломатических отношений между КНР и РК в 1992 г. отношения между Китаем и Северной Кореей вступили в фазу охлаждения, динамика двусторонней торговли в 1990-е годы не отличалась стабильностью. На фоне общего значительно сокращения объема внешнего товарооборота КНДР торговля с Китаем к 1999 г. по сравнению с 1992 г. сократилась почти в 2 раза. В начале первого 10-летия XXI в. объем торговли Северной Кореи с Китаем составлял примерно столько же, сколько и с Японией¹.

С начала XXI в. и особенно после того, как в 2003 г. главой КНР стал Ху Цзиньтао, китайско-северокорейские политические и экономические отношения стали быстро улучшаться, свидетельством чему явился ряд двусторонних переговоров на высшем уровне, в ходе которых были подписаны важные экономические соглашения. После начала 2-го ядерного кризиса на Корейском полуострове и последовавшего ухудшения отношений КНДР с США и внешним миром, а также резкого сокращения товарооборота между КНДР и Японией доля Китая во внешнеторговом обороте Северной Кореи стала постоянно расти. С 2008 г. на фоне стагнации межкорейских экономических связей этот процесс стал происходить еще активнее. В результате, с 2000 по 2010 г. доля торговли с Китаем во внешнеторговом обороте КНДР (включая

* Захарова Людмила Владимировна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН. E-mail: ludmila_hph@rambler.ru

Таблица 1

Основные внешнеторговые партнеры КНДР (2001–2010 г.)*,
% к общему объему внешней торговли КНДР **

Страны	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Китай	28	25	33	42	43
Республика Корея	15	22	23	22	28
Япония	18	13	9	8	5
Россия	3	3	4	7	6

Страны	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Китай	39	42	49	53	57
Республика Корея	31	38	32	33	31
Япония	3	0,2	0,1	0	0
Россия	5	3	2	1	1,6

* Рассчитано южнокорейскими специалистами

** Данные об общем объеме внешней торговли КНДР включают межкорейскую торговлю.

Источники: North Korea's Economy. Economic Data (2008). Korea Economic Institute Washington, DC. (www.keia.org); Банк Кореи (2008-2010), KOTRA (2008); Korea Development Institute (2009).

межкорейскую торговлю) возросла с 28 до 57% (табл. 1). К концу первого 10-летия XXI в. экономические связи с Китаем стали важным элементом поддержания северокорейской экономики, а КНР стала для КНДР главным торговым партнером, инвестором и источником помощи².

В абсолютном выражении двусторонний товарооборот, составлявший 488 млн долл. в 2000 г., в 2005 г. превысил 1,5 млрд долл., а в 2011 г. достиг 5,63 млрд долл.³ Как видно из рисунка, особенно значительным ростом отмечается период с 2008 г., когда межкорейские экономические связи оказались в кризисе и Северной Корее пришлось компенсировать прекращение значительных поставок помощи Сеула за счет расширения торговли с Китаем. Сокращение объема торговли между КНР и КНДР на 4% в 2009 г. было обусловлено последствиями мирового финансового кризиса⁴ и было быстро компенсировано удвоением двустороннего товарооборота за 2010–2011 гг.

Как видно из рисунка, Северная Корея имеет хронический дефицит в торговле с Китаем. До 2005 г. он составлял от 200 до

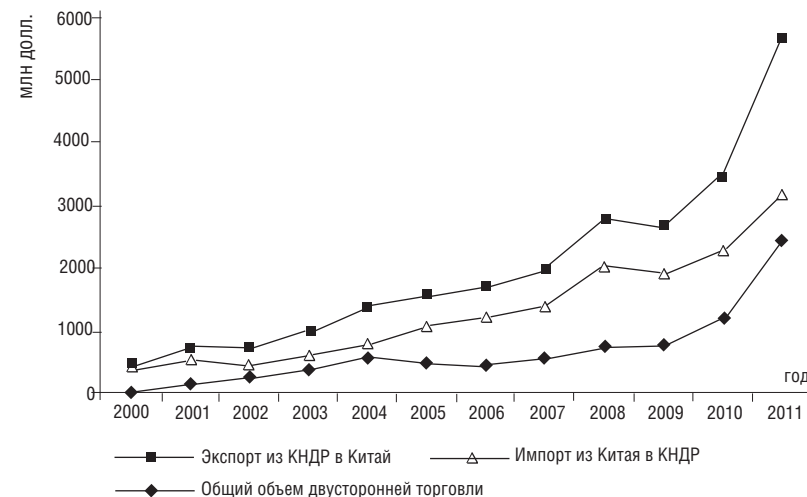

Рисунок. Динамика торговли КНДР с Китаем в 2000–2011 гг.

Источники: KOTRA, KITA.

400 млн долл. в год. Но уже в 2008 г. отрицательное сальдо в торговле с КНР превысило 1 млрд долл. Однако с 2009 г., в связи с существенным ростом экспорта из КНДР в КНР, дефицит Северной Кореи в двусторонней торговле стал сокращаться и в 2011 г. составил около 710 млн долл.

Основными статьями экспорта КНДР в Китай являются сырьевые товары, среди которых уголь, рудные полезные ископаемые, рыба и морепродукты, а также металлы и текстиль. При этом Северная Корея импортирует из КНР сырую нефть, топливные и продовольственные товары, текстиль, машины и оборудование, транспортные средства, металлы, продукцию химической промышленности и многое другое.

После введения Южной Кореей 24 мая 2010 г. мер, следствием которых стало прекращение всех торговых связей КНДР и РК, за исключением Кэсонского промышленного комплекса, экспорт из Северной Кореи в Китай существенно вырос, прежде всего за счет поставок угля-антрацита и рудных полезных ископаемых. В результате, по данным KOTRA, в 2010 г. 63% северокорейского

Таблица 2

Динамика притока инвестиций из Китая в КНДР, млн долл.

1999 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
0,61	2,6	1,5	3,5	14,1	6,5	11,1	18,4	41,2	5,86

Источник: Министерство торговли КНР; Статистический бюллетень прямых зарубежных инвестиций Китая 2009; ЮНКТАД.

экспорта в Китай пришлось на уголь и железную руду⁵. В 2011г. эта тенденция сохранилась, и экспорт КНДР в Китай вырос более чем в 2 раза, прежде всего за счет увеличения поставок угля и железной руды. Основными товарами северокорейского импорта из КНР в 2011 г. стали сырая нефть, дизельное топливо, азотные удобрения и синтетические ткани⁶.

В 2000-е годы Китай также стал активно инвестировать в КНДР. В 2007 г. общая сумма прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) в Северную Корею, по данным ООН, составила 67 млн долл. (без учета инвестиций из РК); из них, по данным официальной китайской статистики, 18,4 млн долл. пришли из Китая. В 2008 г. из общего объема иностранных инвестиций в КНДР, составившего 44 млн. долл., на долю КНР пришлось 41,2 млн долл. (табл. 2)⁷.

В то же время реальный объем китайских инвестиций в КНДР оценить достаточно тяжело. Официальные данные КНР и данные южнокорейских министерств и ведомств существенно разнятся. Например, по китайским данным, в 2004 г. инвестиции из КНР в Северную Корею составили 14,1 млн долл., а по данным Министерства объединения РК – около 50 млн долл.⁸ Некоторые аналитики считают, что китайцы могут сознательно преуменьшать цифры, так как не хотят афишировать истинные размеры помощи КНДР, а также чтобы снять опасения северных корейцев, которые могут отменить крупные экономические проекты из-за излишней огласки⁹.

Важной особенностью китайских инвестиций в КНДР является высокая роль государства с обеих сторон и тесная взаимосвязь торговли и инвестиций между ними.

К концу 1990-х годов лишь несколько китайских фирм вкладывали свои средства в рестораны, рыбные фермы и предприятия

торговли в Северной Корее¹⁰. Комплекс «мер по улучшению управления экономикой», которые северокорейское руководство начало проводить с 1 июля 2002 г., создал условия для существенного роста и диверсификации инвестиций китайских предпринимателей в КНДР.

Важную роль в стимулировании этого процесса сыграло и китайское правительство. Начавший проводить политику «выхода за границу» Пекин позитивно воспринял введение рыночных элементов в северокорейскую экономику после 1 июля 2002 г. и стал активно поощрять сотрудничество китайских компаний с КНДР, предоставляя им финансовые стимулы и гарантии¹¹. В 2004 г. председатель Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил, что китайское правительство «поощряет участие китайских предприятий во взаимовыгодных проектах сотрудничества с Северной Кореей»¹². В том же году был создан ряд организаций для облегчения подобных инвестиций, а также учреждена Китайско-северокорейская корпорация дружбы и обменов, которая заложила основы государственного управления и поддержки компаний, выходящих на северокорейский рынок.

В 2005 г. между КНДР и КНР было подписано Соглашение о поощрении и защите инвестиций, а Госсовет КНР выступил с «мнением» о желательности того, чтобы северо-восточные провинции увеличили зарубежные инвестиции, особенно в транспортную и совместную разработку полезных ископаемых. Также официальными лицами был поднят вопрос о необходимости инвестирования в строительство дорог и портов, связывающих оба государства¹³. В 2006 г., подчеркивая желание КНР отойти от прежнего формата односторонней торговли и помощи к инвестированию в прибыльные проекты в соответствии с рыночными принципами, премьер Вэнь Цзябао озвучил 3 принципа китайско-северокорейского экономического сотрудничества: «инициативы правительства, участие бизнеса, рыночное функционирование»¹⁴.

В результате указанных выше процессов с 2003 г. области приложения китайских инвестиций в КНДР стали расширяться от сферы услуг и торговли до области производства и обрабатывающей промышленности, а также добывающего сектора и объектов инфраструктуры. Из 138 совместных предприятий, легально созданных китайцами в КНДР между 1997 и 2010 гг., 41 % был зарегистриро-

ван в добывающей промышленности, 38% — в легкой промышленности, 8% — в тяжелой индустрии и 13% — в сфере услуг¹⁵.

Среди экономических факторов, способствовавших росту инвестиций КНР в КНДР в 2000-е годы, можно выделить следующие.

Фактор 1 — заинтересованность в минеральных ресурсах Северной Кореи. Северо-восточные регионы Китая (провинции Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин), экономика которых сильно зависит от минеральных ресурсов, к концу 1990-х годов стали испытывать трудности в связи с истощением собственных месторождений. Стоимость северо-кореических минеральных ресурсов (среди которых богатые запасы угля, железной руды, меди, золота, цинка, никеля и редкоземельных металлов) оценивается от 2 трлн долл.¹⁶ до 6 трлн долл.¹⁷ В связи с этим участие в проектах добычи полезных ископаемых в КНДР, транспортировка которых в Китай может осуществляться с невысокими транспортными затратами, оказалось очень привлекательным для региональных правительств и компаний данного региона КНР. КНДР же были необходимы инвестиции в добывающий сектор для того, чтобы увеличить экспорт природных ресурсов, ставший важным источником получения иностранной валюты. В результате совпадения интересов сторон в ресурсодобывающей отрасли в середине 2000-х годов сформировалась система взаимовыгодного китайско-северо-кореического сотрудничества по принципу бартера: в обмен на свои инвестиции (в форме оборудования, электричества, технологий и т.п.) китайские компании получают часть добываемых полезных ископаемых.

Среди примеров вложений китайцев в добычу северо-кореических полезных ископаемых можно назвать инвестиции China Minmetals Corporation (в совместное предприятие по добыче угля)¹⁸, Tonghua Iron and Steel Group (в разработку Мусанского месторождения железной руды)¹⁹, Wanxiang Resources Limited Company (в добычу меди на Хэсанском руднике северо-кореической пров. Рянган)²⁰, Zhaoyuan Shandong Guoda Gold Stockholding Company (в совместное предприятие для добычи золота в пров. Южная Хамген)²¹.

Фактор 2 — создание нужной Китаю транспортной инфраструктуры. Необходимость обеспечить пути бесперебойной доставки минеральных ресурсов стимулирует вложения китайцев в строительство инфраструктурных объектов в Северной Корее.

Например, в октябре 2009 г. во время визита Вэнь Цзябао в Пхеньян стороны договорились о строительстве моста через р. Ялу (Амнок)²² в районе перехода Дандун—Синьйичжу, финансирование которого (около 150 млн долл.) взяла на себя китайская сторона. В октябре 2010 г. провинция Цзилинь и Министерство железных дорог КНР начали строительство железнодорожной ветки Хэйлун—Нампхен—Мусан, чтобы обеспечить пути транспортировки добываемой железной руды из Мусана в Китай²³.

Другой важной причиной инвестиций северо-восточных провинций Китая в КНДР является получение выхода к Японскому морю. С 1995 г. КНР подписывала с КНДР различные соглашения, дающие Китаю право пользоваться портом Раджин. В 2008 г. стало известно, что Китай получил эксклюзивные права на использование пирса № 1 в порту Раджин на 10 лет, а в 2010 г. была достигнута договоренность о продлении этих прав еще на такой же срок, т.е. до 2028 г. Порт Раджин, расположенный в торгово-экономической зоне (ТЭЗ) Расон, является главной потенциальной базой для экспорта товаров из Китая в Японию и страны ЮВА, а также на внутренний рынок юга КНР. По имеющимся сообщениям, китайская Chuangli Group из Даляня в 2009 г. инвестировала 3,8 млн долл. в модернизацию пирса № 1 и построила там дополнительные складские помещения площадью 40 тыс. кв. м²⁴. С осени 2010 г. в Расоне активизировалось строительство новых дорог и фабрик, а также модернизация уже существующих, в 2 раза увеличился грузопоток через границу с Китаем⁵.

Использование порта Раджин очень выгодно для китайских грузоотправителей. Груз из Хунчуня (КНР) обычно проходит через порты Дандун или Далянь, прежде чем быть экспортированным в Японию, и этот процесс занимает от 3 до 4 дней. По оценкам местных китайских менеджеров, отправка груза через Раджин сократит время груза в пути до Японского порта Ниигата до 10 часов²⁶. Однако для этого необходимо создать функционирующий транспортный коридор от Хунчуня до Раджина.

Фактор 3 — расширение рынка сбыта китайских товаров. С конца 1990-х годов производственные возможности китайской экономики стали превышать спрос на внутреннем рынке. В результате китайские компании устремились на поиск новых рынков сбыта за рубежом, в том числе и в КНДР. Инвестиции в совместные

предприятия стали одним из способов закрепиться на местном рынке. После 2002 г., по мере увеличения покупательной способности населения Северной Кореи и неспособности экономики страны удовлетворить возросший спрос, китайские компании стали проявлять повышенный интерес к сфере торговли КНДР и открывать там новые рынки и магазины. Например, в 2004 г. Шеньянская муниципальная ассоциация содействия торговле открыла в Пхеньяне Дандунский рынок, а китайская Zhongxu Group подписала с КНДР контракт на управление пхеньянским универсамом № 1 в течение 10 лет²⁷.

Находящийся в пров. Ляонин г. Дандун стал не только основным перевалочным пунктом китайско-северокорейской торговли (через него проходит более 70 % товарооборота), но и основным плацдармом для осуществления инвестиций. Многие государственные северокорейские компании открыли здесь свои офисы. Компании из прибрежных регионов КНР также стали открывать свои представительства в городе, рассматривая возможности экономического сотрудничества с КНДР и видя в ней прежде всего привлекательный рынок сбыта для своих товаров²⁸.

С самого начала основную долю китайских инвесторов в КНДР составили малые и средние предприятия во главе с торговцами корейского происхождения из пров. Ляонин и Янбянь-Корейского АО (пров. Цзилинь). Однако в последние годы доля этнических корейцев среди инвесторов из КНР сократилась за счет увеличения количества этнических китайских бизнесменов, имеющих связи с местными китайскими правительствами. Помимо инвесторов из провинций Цзилинь и Ляонин (на них приходится более 60 % от общего числа), совместные предприятия в КНДР создали предприниматели из Пекина, Шанхая, Тяньцзиня, провинций Шаньдун, Цзянсу и Чжечзян²⁹.

Экономическое сотрудничество с КНДР в XXI в. оказалось тесно связанным с новым национальным планом Китая по экономическому развитию северо-восточных провинций страны. В ноябре 2002 г. на XVI съезде КПК официально была принята стратегия по развитию этого региона, а осенью 2009 г. объявлено о Плана развития и открытия пилотной зоны «Чан-Цзи-Ту» (Чанчунь—Цзилинь—Тумень, занимающей 1/3 территории пров. Цзилинь. План предполагает увеличение объема регионально-

го ВВП к 2020 г. в 4 раза и превращение пров. Цзилинь и района вдоль р. Тумэньцзян в «промышленный и логистический центр с научно-техническими инновациями и современным сельским хозяйством»³⁰.

Одним из направлений реализации стратегии по развитию северо-восточных провинций Китая стало совместное развитие свободных экономических зон (СЭЗ) на приграничных территориях КНДР, в частности в районе ТЭЗ Расон, а также пограничной зоны Дандун—Синьйчжу. В феврале 2011 г. КНДР и КНР создали Совместный управляющий комитет по совместному развитию и управлению торгово-экономической зоной Расон и экономической зоной на островах Хвангымпхен и Вихва³¹, председателями которого стали с китайской стороны министр торговли КНР Чен Демин, а с северокорейской — заместитель председателя ГКО КНДР Чан Сон Тхэк. Особое внимание проект совместного развития экономических зон привлек в связи с тем, что он получил поддержку центрального китайского правительства. До этого Китай предпочитал, чтобы в совместных проектах с КНДР участвовали местные правительства и частные компании³².

Важной уступкой со стороны Пхеньяна стало предоставление инвесторам значительной самостоятельности в различных сферах их деятельности на территории экономической зоны (ЭЗ) Хвангымпхен—Вихва. В частности, помимо условий об отмене таможенных пошлин на ввоз сырья и оборудования и вывоз произведенных в ЭЗ товаров, частичном освобождении от уплаты налогов, гарантий права наследования имущества, вывоза прибылей и т. п., китайские инвесторы получили свободу открывать филиалы своих банков, использовать иностранную валюту для расчетов, нанимать северокорейских работников и подписывать с ними трудовые контракты напрямую, а также беспрепятственно пользоваться мобильной связью и Интернетом³³.

23 мая 2011 г. КНДР опубликовала проект Плана совместного развития Китаем и КНДР Расонской и Хвангымпхенской торгово-экономических зон. По данным южнокорейского новостного агентства Ёнхап, на территории ТЭЗ Расон планируется строительство 4 крупных индустриальных комплексов, состоящих из центров хранения, логистики и распределения, а также производств оборудования, одежды, продовольствия и высокотехноло-

гичных товаров. В Раджине планируется строительство новых доков для производства и технического обслуживания морских судов. Поставлена цель превращения зоны Расон в международный туристический центр³⁴. В ЭЗ Хвангымпхен планируется создание 4 крупных индустриальных комплексов, специализирующихся на информации, туризме и культуре, современном сельском хозяйстве и пищевой промышленности³⁵. В дальнейшем эту создаваемую в районе Хвангымпхен логистическую, туристическую и производственную базу планируется связать с китайским промышленным комплексом, строительство которого уже активно идет в районе Дандуна³⁶.

6 июня Президиум ВНС КНДР принял решение создать экономическую зону на островах Хвангымпхен и Вихва, развитие которой было решено начать с района Хвангымпхен³⁷. После этого Китай подписал соглашение об аренде острова на 50 лет с тем, чтобы получить эксклюзивные права на его развитие с помощью китайского капитала. КНР также выделила 10 кв. км своей земли для использования в поддержку развития острова.

8–9 июня 2011 г. состоялись официальные церемонии начала совместного развития Китая и КНДР Хвангымпхен-Вихвадоской экономической зоны и Расонской торгово-экономической зоны. В качестве начального этапа совместного развития ТЭЗ Расон было объявлено о начале реконструкции автострады от порта Раджин до приграничного северокорейского города Вонджон³⁹, состоялись церемонии закладки строительства Атхэ-Расонского цементного завода и создания опытного района высокоэффективного сельского хозяйства г. Расон и пров. Цзилинь⁴⁰.

В начале 2012 г. появились сообщения о том, что Китай получил в долгосрочную аренду на 50 лет три (4-й, 5-й и 6-й) из шести⁴¹ терминалов северокорейского порта Раджин. Кроме того, стало известно о планах китайцев инвестировать до 2020 г. в создание инфраструктуры СЭЗ около 3 млрд долл., построив там электростанции, аэропорт, железную дорогу и прочие объекты⁴².

В целом, по состоянию на начало 2012 г. проект совместного развития ТЭЗ Расон реализуется достаточно динамично по сравнению с ЭЗ Хвангымпхен, процесс выработки конкретных рабочих планов развития которой, по поступающим обрывочным сообщениям, не проходит гладко. Однако, учитывая опыт РК

в Кэсоне и Кымгансане, для Северной Кореи это можно считать обычной деловой практикой.

В перспективе создание промышленного пояса, объединяющего две совместные СЭЗ, имеет высокие шансы стать пробным проектом нового этапа расширяющегося китайско-северокорейского сотрудничества, когда по договоренности между правительствами и в основном средствами частного китайского капитала на специально выделенной территории КНДР будут на рыночных принципах функционировать экспортные отрасли промышленности и услуг.

* * *

К концу первого 10-летия XXI века КНДР активизировала усилия по привлечению иностранных инвестиций в развитие своей экономики. В условиях ограниченности источников внешних капиталовложений (кризис в отношениях с Западом из-за ядерной проблемы, охлаждение отношений с РК при Ли Мен Баке), по сути, единственным возможным партнером остается Китай, заинтересованный в поддержании стабильности на Севере и имеющий свои экономические интересы на Корейском полуострове. Инвестируя в КНДР, Китай имеет возможность получать эксклюзивные права на добычу минеральных ресурсов и использование инфраструктуры, необходимой КНР, на выгодных условиях, одновременно поддерживая северокорейскую экономику и помогая предотвратить ее коллапс. Кроме того, учитывая рост доходов китайского населения, значимым фактором, притягивающим китайских предпринимателей в СЭЗ на территории КНДР, все больше будет становиться наличие там относительно дешевой и дисциплинированной рабочей силы. В связи с этим с высокой долей вероятности можно прогнозировать продолжение расширения и углубления китайско-северокорейского экономического сотрудничества в краткосрочной и среднесрочной перспективах, особенно если КНДР пойдет на постепенное проведение рыночных реформ.

При этом экономическая экспансия Китая в Северную Корею прежде всего негативно сказывается на экономических позициях РК в КНДР и на возможности создания в перспективе экономического сообщества Севера и Юга, о котором грезит Сеул. Южнокорейские аналитики предсказывают, что из-за потерян-

го времени даже после улучшения межкорейских отношений РК, возможно, придется покупать северокорейские полезные ископаемые у Китая по завышенным ценам⁴³.

России, взявшей в аренду на 50 лет пирс № 3 порта Раджин и восстановившей железнодорожную ветку Хасан—Раджин для осуществления перевозок Азия—Европа через Транссиб с расчетом на южнокорейских грузоотправителей, стоит рассмотреть варианты сотрудничества с Китаем для обеспечения необходимого объема грузооборота планируемого контейнерного терминала в Раджине.

¹ В 2000 г. торговый оборот КНДР с КНР был равен 488,03 млн долл., а с Японией — 463,65 млн долл. (*Источник*: Korea Trade-Investment Promotion Agency. North Korea's Trade Trends 1999–2000. Seoul: KOTRA, 2001. P. 73, 91).

² При этом в 2008 г. КНДР была лишь на 64-м месте по объему экспорта китайских товаров и на 70-м месте по объему импортируемой в КНР продукции. (*Источник*: Congressional Research Service Report, China-North Korean Relations. Washington: DC, January 2010).

³ По данным Корейской международной ассоциации торговли (PK)// NORTH KOREA NEWSLETTER N°. 195 (February 02, 2012).

⁴ По данным Корейского института развития, внешняя торговля КНДР в целом за тот же период сократилась по крайней мере на 5%. (*Источник*: KBS World. 10.03.2010).

⁵ Yonhap. 07.05.2011.

⁶ По данным KOTRA // NORTH KOREA NEWSLETTER N°. 191 (January 05, 2012).

⁷ При этом общий объем прямых зарубежных инвестиций Китая в 2008 г. составил 55,91 млрд долл., и инвестиции в КНДР — лишь 0,07% от него.

⁸ ROK, Ministry of Unification // Weekly Report on North Korea. № 761 (05.10.7–10.13). P. 20.

⁹ *Jae Cheol Kim*. The Political Economy of Chinese Investment in North Korea. // The Asian Survey. Vol. 46. Issue 6. November/December 2006. P. 899.

¹⁰ *Choi Soo Young*. North Korea-China Economic Relations Expansion and South Korea's Corresponding Plan. Seoul: Korea Institute for National Unification, 2007. P. 49.

¹¹ Однако когда в 2002 г. Пхеньян объявил о создании СЭЗ Синьйчжу на границе с КНР, видимо, не согласовав этот вопрос с правительством Поднебесной, в Китае был арестован Ян Бинь, которого Северная Корея поставила во главе СЭЗ, и проект так и не был реализован. КНР не захотела «нового Макао», куда бы утекал китайский капитал.

¹² Renmin Ribao. April 22, 2004.

¹³ *Jae Cheol Kim*. The Political Economy of Chinese Investment in North Korea. // The Asian Survey. Vol. 46. Issue 6. November/December 2006. P. 902.

¹⁴ Renmin Ribao. January 19, 2006.

¹⁵ *Drew Thompson*. Silent Partners: Chinese Joint Ventures in North Korea // A U.S.-Korea Institute at SAIS Report. February 2011. P. 4.

¹⁶ URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/06/11/AR2009061102323.html>

¹⁷ URL: <http://www.eastasiaforum.org/2011/02/18/north-korea-s-minerals-sector-chinas-gain-south-koreas-loss/>

¹⁸ URL: http://www.minmetalsusa.com/detail.jsp?article_millseconds=200512150171&column_no=03

¹⁹ Считается крупнейшим в Азии открытым месторождением этого вида полезных ископаемых, запасы оцениваются в 3–5 млрд куб. м (*Источник*: *John C. Wu*. 2005 Minerals Yearbook - North Korea. Washington, DC: U.S. Department of the Interior, U.S. Geological Survey. June 2007. P. 15.2).

²⁰ Синьхуа. 19.09.2011.

²¹ A Study Report on the DPRK Mineral Resources. Shanghai Northeast Asia Investment & Consultancy Company, December 07, 2007. OSC ID: KPP20080123032002.

²² ЦТАК. 04.10.2009.

²³ URL: http://ifes.kyungnam.ac.kr/eng/FRM/FRM_0101V.aspx?code=FRM1012_000413

²⁴ Jamestown Foundation China Brief, Strategic Implications of China's Access to the Rajin Port. Washington, DC. March 18, 2010.

²⁵ Vantage Point. Developments in North Korea. Vol. 34. No. 6, June 2011. Yonhap News Agency. P. 19

²⁶ China Gains Sea of Japan Trade Access // Global Times. March 10, 2010. URL: http://china.globaltimes.cn/diplomacy/2010-03/511351_2.html.

²⁷ *Jae Cheol Kim*. Op. cit. P. 901, 909.

²⁸ Ibid. P. 904.

²⁹ *Drew Thompson*. Op. cit. P. 53.

³⁰ Синьхуа. 19.11.2009.

³¹ Острова Хвангымпхен и Вихва расположены в устье р. Ялу в районе китайского города Даньдунь и северокорейского Синьйчжу.

³² URL: <http://www.atimes.com/atimes/Korea/MG08Dg02.html>

³³ URL: <http://38north.org/2012/02/hgp021712/>

³⁴ URL: http://ifes.kyungnam.ac.kr/eng/FRM/FRM_0101V.aspx?code=FRM110526_0001

³⁵ Ibid.

³⁶ Vantage Point. Developments in North Korea. Vol. 34. No. 7, July 2011. Yonhap News Agency. P. 14.

³⁷ ЦТАК. 06.06.2011.

³⁸ URL: http://ifes.kyungnam.ac.kr/eng/FRM/FRM_0101V.aspx?code=FRM111005_0001

³⁹ Таким образом, дан старт строительству ключевого логистического звена – дороги, соединяющей китайский город Хуньчунь с портом Раджин (53 км).

⁴⁰ URL: http://naenara.com.kp/ru/periodic/f_trade/index.php?contents+1791++2011-04+52+17

⁴¹ Первый уже достаточно давно арендуется теми же китайцами, второй власти КНДР оставили себе для обработки международных грузов, третий терминал арендует Россия.

⁴² URL: <http://www.rzd-partner.ru/news/2012/02/15/373933.html>

⁴³ URL: <http://koreajoongangdaily.joinsmsn.com/news/article/article.aspx?aid=2931111>.

*О.В. Кирьянов**

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КНР и КНДР в 1992–2011 гг.

Распад мировой социалистической системы и крушение СССР, который долгое время выступал главным поставщиком экономической помощи для КНДР, стали сильным ударом для северокорейской экономики. Другой главный союзник КНДР – Китай, хотя и сохранил социалистическую идеологию, но с начала 1990-х годов взял курс на активное развитие в первую очередь торгово-экономического сотрудничества с Южной Кореей, установив в 1992 г. дипломатические отношения с Сеулом. Вслед за Советским Союзом Китай также настоял на введении в экономических расчетах с КНДР нового рыночного механизма, что и было закреплено в соответствующем двустороннем соглашении.

Спад в 1990-х годах и подъем в 2000-х годах. Данные неблагоприятные для экономики КНДР факторы нашли свое отражение в резком снижении объемов торговли и прочих видов сотрудничества со странами бывшего соцлагеря. Не миновала подобная тенденция и экономическое сотрудничество КНДР с Китаем. После 1992 г., когда объем китайско-северокорейской торговли составил около 700 млн долл., и вплоть до конца 1990-х годов наблюдалось неуклонное сокращение масштабов торговли между Пекином и Пхеньяном. К 1999 г. этот показатель упал до 370, 4 млн долл., что стало самым низким показателем после 1974 г.¹

Однако ситуация стала заметно меняться с 2000 г., когда был зафиксирован рост масштабов китайско-северокорейской торговли до 488 млн долл. Время показало, что данный феномен не был случайным, а стал сигналом начала долгосрочной тенденции на

* Кирьянов Олег Владимирович, обозреватель отдела международной информации ФГУ «Редакция “Российской газеты”». E-mail: alec_kir2002@yahoo.com

восстановление и активизацию экономического сотрудничества между Пекином и Пхеньяном.

Уже в 2003 г. этот показатель преодолел рубеж в 1 млрд долл., составив 1 млрд 22 млн. В 2000–2005 гг. объемы двусторонней торговли росли в среднем почти на 30 % ежегодно².

Хотя впоследствии темпы роста время от времени замедлялись, однако не прекращалась. По итогам 2010 г. двусторонний товарооборот составил 3 млрд. 465,7 млн долл. Хотя на момент подготовки данной статьи окончательный показатель за 2011 г. не был известен, но было очевидно, что будет поставлен очередной рекорд. Так, только за 11 месяцев 2011 г. объем торговли между КНР и КНДР уже превысил показатели предыдущего года, достигнув 4 млрд 673 млн 650 тыс. долл.³

Хронический торговый дефицит Северной Кореи с Китаем. Ана-лиз торгово-экономических связей Китая и Северной Кореи позволяет выделить ряд отчетливых тенденций. Так, одной из самых важных черт является существенное преобладание импорта (с точки зрения КНДР) над экспортом, что привело к хроническому отрицательному торговому балансу Северной Кореи в отношениях с Китаем.

С точки зрения относительных показателей обозначенная тенденция очень отчетливо заметна в 1995–2000 гг. Это был катастрофический период для экспорта КНДР. За исключением 1997 г., когда экспорт в КНР составил 120 млн долл., все остальное время общие объемы поставок в Китай составляли всего лишь 40–60 млн долл. в год. В эти годы импорт из КНР превышал экспорт в 7–12 раз. Не случайно, что хронологически это совпало с крайне сложным для КНДР периодом, когда, в том числе и по причине крайне неблагоприятных природных условий, большая часть населения вынуждена была бороться за физическое выживание.

Что касается абсолютных показателей, преобладание импорта над экспортом стало ярко выраженным после 2005 г. По итогам 2005 г. торговый дефицит КНДР в торговле с КНР вырос более чем в 2 раза по сравнению с предыдущим годом и составил 588 млн. Эта тенденция нашла свое продолжение: 2006 г. – 764 млн., 2007 г. – 811 млн., превзойдя в итоге рубеж в 1 млрд долл. Только за один 2008 г. дефицит составил почти 1,3 млрд долл. (1 млрд 278,2 млн долл.). В 2009 г. он также остался на отметке более

1 млрд, хотя и несколько сократился по сравнению с предыдущим годом – 1 млрд 94,7 млн долл. Примерно на том же уровне – 1 млрд 85 млн – дефицит сохранился и в 2010 г. За период с 1991 по 2010 г. общий показатель дефицита КНДР в торговле с Китаем составил 10,2 млрд долл., при этом 40 % этой суммы – более 4 млрд долл. – пришлось на 4 последние года этого периода – 2007–2010 гг.

Сырьевая направленность северокорейского экспорта в КНР.

В целом можно отметить, что среди продукции, вывозимой из КНДР в КНР, преобладает сырье, природные ресурсы и товары с невысокой долей добавленной стоимости. С 2000 г. львиная доля экспорта КНДР приходится на продукцию сельского и морского хозяйств, природные ресурсы, металлические изделия и текстиль.

Так, в период с 2001 по 2004 г. в экспорте КНДР в Китай очень большую долю занимала продукция сельского и морского хозяйств. На нее приходилось от 46 до 59 % всех северокорейских поставок. Однако затем, к 2009 г., доля этого вида продукции резко снизилась до 7–8 %, составив в 2010 г. уже 5 %.

Судя по всему, место продукции сельского и морского хозяйств в экспорте КНДР заняла продукция горнодобывающей промышленности, природные ресурсы, что стало особенно заметно после 2005 г. Так, вплоть до 2003 г. включительно продукция горнодобывающей промышленности составляла всего лишь 8,4 % экспорта. Затем произошел резкий скачок: 2004 г. – 19,5 %, 2005 г. – 41,7 %, 2006 г. – 48,6 %, 2007 г. – 59,4 %, 2008 г. – 58,5 %. В 2009–2010 гг. этот показатель уже превысил 60 %. В этом спектре очень большую долю занимали поставки угля, а также железной руды (33,4 % и 21,1 % соответственно в 2010 г.)⁵, тогда как сырую нефть КНДР приходилось практически в полном объеме импортировать из КНР. Согласно данным южнокорейских источников, всего лишь за 8 лет, с 2002 по 2010 г., объемы экспорта природных ресурсов из КНДР в Китай выросли в 17 раз – с уровня в 50 млн до 860 млн долл. за год. При этом первые 3 места в списке ресурсов заняли соответственно каменный уголь, железная руда и черные металлы⁶.

Программы развития северо-востока КНР и торговля с КНДР.

В последние годы крайне важную роль для динамики и тенденций развития северокорейско-китайского экономического сотрудничества стал играть целый ряд принятых в КНР крупномасштаб-

ных программ, нацеленных на развитие трех северо-восточных провинций страны: Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян. В 2003 г. правительством КНР была утверждена стратегия экономического и социального развития этих провинций, предусматривавшая реализацию около 100 крупных проектов на общую сумму 61 млрд юаней.

Данная стратегия позже была конкретизирована и стала реализовываться в виде отдельных планов и программ, предназначенных для каждой из трех провинций. Так, в августе 2007 г. был принят План развития северо-востока сроком на 15 лет, в июле 2009 г. — программа развития «приморского пояса пров. Ляонин», в августе того же года Госсовет КНР одобрил программу по созданию «Региональной пилотной зоны экономического развития» в пров. Цзилинь в треугольнике городов Чанчхун, Цзилинь и Тумэнь⁷.

Во всех этих программах для нас важными являются два факта. *Во-первых*, именно эти провинции непосредственно граничат с КНДР. А активизация уровня экономического развития этих регионов вольно или невольно приводит к развитию связей и с этой соседней страной. *Во-вторых*, в китайских планах развития регионов прямо прописана «увязка» развития северо-востока КНР с реализацией ряда инфраструктурных проектов в Северной Корее. Это понятно: китайским поставщикам необходим выход к портам Восточного (Японского) моря, которые находятся на территории КНДР буквально в нескольких десятках километров от китайско-северокорейской границы. Так, в опубликованном в июне 2005 г. Положении о расширении зарубежного сотрудничества и открытости устаревшей промышленной базы северо-востока КНР прямо указана необходимость «координации строительства и формирования в едином ключе развития дорог, портов и районов» северо-востока КНР и северокорейских объектов⁸. До 2020 г. северо-восточные провинции КНР примут участие в 9 проектах соединения транспортных артерий Китая и Северной Кореи. На эти нужды планы развития провинций Ляонин и Цзилинь предусматривают расходы в размере 2 млрд 370 млн долл.⁹

Рост доли КНР во внешней торговле КНДР. Параллельно с увеличением абсолютных показателей двусторонней торговли наблюдается и другой важный феномен — рост и относительной доли Китая во внешней торговле КНДР в целом.

Вплоть до 2000 г. доля Китая была достаточно стабильной и колебалась в районе 24–27 %, лишь однажды (в 1993 г.) превысив 30 % (31,8 %). На сопоставимом уровне за указанный период были показатели и другого крупнейшего торгового партнера КНДР — Японии.

Но с 2001 г. доля Китая стала быстро увеличиваться, и эта тенденция стала особенно ярко выраженной после 2005 г. Так, за период 2003–2009 гг. средняя доля КНР во внешней торговле КНДР составила 42,1 %, достигнув в конечном итоге в 2010 г. рекордного показателя в 56,9 %. На 2-м месте с большим отрывом расположилась Южная Корея, на которую за тот же период в среднем приходилось 29,2 %¹⁰. У расположившихся следом ведущих торговых партнеров КНДР — Таиланда, России и Японии — показатели были гораздо скромнее — 5,9; 3,9 и 3,4 % соответственно. Можно при этом отметить, что Япония вплоть до 2002 г., наряду с КНР и Южной Кореей, была одним из ведущих партнеров КНДР, но затем, в связи с резким ухудшением двусторонних политических отношений, Токио практически полностью запретил любые экономические связи с Пхеньяном, сведя двустороннюю торговлю к нулю¹¹.

Как уже отмечалось, рост значения КНР в качестве торгового-экономического партнера Северной Кореи ускорился после 2005 г. На этом фоне стала сокращаться доля Южной Кореи. Это позволяет предположить, что оба явления в определенной степени обратны взаимосвязаны. По мере ухудшения межкорейских отношений у Пхеньяна реально не осталось выбора, как компенсировать это еще большим развитием сотрудничества с Китаем, который остался единственной для КНДР альтернативой. В результате доля Южной Кореи в торговом балансе КНДР за период 2007–2010 гг. сократилась с 38,9 до 31,4 %, а Китая — выросла с 42,7 до 57 %.

Здесь стоит обратить особое внимание на 2009 год. Впервые после распада СССР доля одного государства во внешнеторговом балансе Северной Кореи превысила 50%¹². Таким образом, Китай окончательно укрепился в положении главного и доминирующего торгового-экономического партнера Пхеньяна, что позволило ряду зарубежных специалистов активно заговорить о «чрезмерной зависимости КНДР от Китая»¹³.

Одним из свидетельств роста зависимости КНДР от поставок из Китая является также доминирование китайских продуктов на

северокорейских рынках. Хотя официальная статистка на данный счет отсутствует, согласно опросам, проведенным южнокорейскими специалистами среди беженцев из КНДР, на долю Китая приходилось около 60–70 % продуктов питания, около 90 % промышленных товаров, около 50–60 % продаваемого риса, до 50 % кукурузы и 85–90 % муки. Опросы также показывают, что аналогичная ситуация присутствует и в сегменте полуфабрикатов, а также оборудования, реализуемого на стихийных рынках КНДР. По личным впечатлениям опрошенных, около 70–80 % данной продукции также китайского происхождения¹⁴.

В результате к концу первого десятилетия XXI в. в сфере китайско-северокорейских отношений мы имеем следующую ситуацию: по тем или иным причинам КНР окончательно превратилась в безусловно главного и доминирующего торгово-экономического партнера и основного внешнего инвестора в Северную Корею. При этом, насколько можно судить, эта тенденция со временем не ослабевает, а наоборот, усиливается. На долю только одного Китая приходится больше товарооборота КНДР, чем на все остальные страны, вместе взятые.

Обеспокоенность Сеула по поводу возможной «потери» КНДР. Рост торгово-экономической зависимости КНДР от Китая, а также превращение Пекина в безусловно главного, доминирующего партнера Пхеньяна привлекли пристальное внимание со стороны специалистов самых разных стран. Наибольшую заинтересованность в отслеживании и анализе ситуации продемонстрировали в первую очередь представители Южной Кореи.

Выдвигаются различные объяснения причин формирования подобной ситуации. Подробный анализ имеющихся по данному вопросу научных точек зрения выходит за рамки данной статьи; отметим лишь, что их можно разбить в целом на 3 большие группы.

Одну из таких точек зрения можно условно назвать «теорией о превращении КНДР в четвертую северо-восточную провинцию Китая». Сторонники этой точки зрения считают, что Пекин намеренно провоцирует зависимость КНДР от Китая и имеет при этом далеко идущие планы. В самом радикальном виде эта теория утверждает, что Китай вынашивает планы полной аннексии КНДР и присоединения ее к Поднебесной или как минимум намерен

установить при удобном случае протекторат над КНДР¹⁵. То есть Северная Корея станет вслед за уже существующими на северо-востоке КНР провинциями Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян «четвертой северо-восточной провинцией» Китайской Народной Республики¹⁶.

С этой точкой зрения контрастирует вторая, распространенная в Южной Корее версия. Согласно ей, нынешняя экономическая зависимость Северной Кореи от КНР объясняется не столько преднамеренной политикой Пекина, направленной на установление в том или ином виде контроля над Пхеньяном, сколько объективными факторами¹⁷.

Третий подход является в той или иной мере дополняющим один из первых двух. Согласно этой точке зрения, Пекин, развивая торгово-экономическое сотрудничество с Пхеньяном, пытается таким образом продемонстрировать для КНДР достоинства пути реформ и открытости, стремясь в конце концов подтолкнуть Север к проведению соответствующих преобразований у себя в стране. Естественно, никто не считает, что только это стремление заставляет Пекин активизировать связи с Пхеньяном, но предполагается, что такого рода рассуждения могут быть «одной из причин»¹⁸.

К сожалению, рамки доклада не позволяют нам детально как проанализировать обоснованность южнокорейских точек зрения на торгово-экономическое сотрудничество между КНР и КНДР, так и представить аргументацию своей позиции.

Если говорить в самых общих чертах, то можно отметить, что некоторые опасения представителей Южной Кореи имеют под собой определенную почву, хотя порой и принимают гипертрофированные формы. С другой стороны, КНДР не имеет сейчас другой альтернативы потому, что другие государства, за исключением Китая, либо намеренно свернули с нею свое экономическое сотрудничество (Япония, США, ряд стран Европы), либо также целенаправленно не пытаются его активизировать (Южная Корея), либо не имеют возможности для резкого увеличения масштабов взаимодействия с Пхеньяном (Россия и некоторые другие страны). Китаю же нецелесообразно отказываться от того, что несет выгоду либо необходимо по другим причинам. Как следствие — неуклонный рост торгово-экономического сотрудничества между

КНР и КНДР с постоянным увеличением зависимости Севера от Китая в сфере деловых отношений.

Перспективы развития ситуации. Несмотря на постоянно циркулировавшие в последние годы среди экспертов и представителей СМИ слухи и разговоры о серьезных проблемах со здоровьем у лидера КНДР Ким Чен Ира, его смерть, произошедшая 17 декабря 2011 г., стала достаточно большой неожиданностью.

С точки зрения ближайшей перспективы можно предположить, что две страны и при новом руководстве в КНДР будут только укреплять и активизировать связи друг с другом, следствием чего будет расширение двустороннего товарооборота и прочих видов сотрудничества.

Здесь интересы Пекина и Пхеньяна совпадают по самому главному вопросу: обе страны заинтересованы в том, чтобы ситуация в КНДР, несмотря на потрясения и неопределенность, вызванные смертью Ким Чен Ира, оставалась стабильной и предсказуемой.

Точка зрения о том, что после смерти Ким Чен Ира Пекин и Пхеньян будут еще больше сближаться, находит поддержку у подавляющего большинства южнокорейских специалистов по КНДР. Так, профессор Университета северокорейских исследований в Сеуле Ли У Ен отметил, что «КНДР для гарантии своей стабильности будет уделять еще больше внимания торговле с Китаем. КНР, в свою очередь, также заинтересована в устранении всякой неопределенности, касающейся КНДР. Принимая все это во внимание, две страны возьмут курс на дальнейшее сближение»¹⁹.

Одновременно эксперты сходятся во мнении, что в ближайшей перспективе объемы торгово-экономического сотрудничества между Китаем и КНДР будут расти. Параллельно будет продолжаться увеличиваться и доля Пекина во внешней торговле Северной Кореи. То есть тенденция, которая стала отчетливо заметна примерно с середины 2000-х годов, продолжится. Так, проведенный среди южнокорейских экспертов опрос показал доминирование следующей точки зрения: смерть Ким Чен Ира приведет лишь к усилению влияния Пекина на Пхеньян. 80% опрошенных согласились с этим мнением, остальные 20 % считают, что «останется на прежнем уровне». Примечательно, что ни один из них не считает, что зависимость КНДР от Китая при новой власти в Северной Корее уменьшится.

Южнокорейские специалисты обоснованно прогнозируют, что, с учетом пассивности Сеула, нежелания либо невозможности других стран увеличивать свою торговлю с КНДР, продолжения режима международных санкций, доля Китая в общем внешне-торговом обороте Северной Кореи продолжит расти.

Вместе с тем отметим, что если в краткосрочной перспективе увеличение доли Пекина во внешней торговле Пхеньяна и общее усиление влияния Китая на КНДР, пожалуй, неизбежно, то в средней и долгосрочной перспективе многое будет зависеть от того, какую позицию здесь займут окружающие страны — в первую очередь речь идет о Южной Корее.

Уже сейчас очевидно, что кто бы ни пришел к власти на Юге в результате запланированных на конец 2012 г. президентских выборов, новая администрация неизбежно будет вносить коррективы в позицию Сеула по отношению к Пхеньяну. Очевидно, что вне зависимости от причин, при президенте Республики Корея Ли Мен Баке межкорейские отношения серьезно ухудшились, что отразилось на возможности Юга влиять на КНДР. В том числе и это стало одной из причин, продолжающих подталкивать Пхеньян к развитию сотрудничества с Пекином. Однако появление в КНДР нового руководства во главе с Ким Чен Ыном, а также приход к власти в Южной Корее других людей могут стать хорошим поводом «начать с чистого листа». Если данный подход реализуется, высока вероятность того, что Юг опять начнет играть роль противовеса растущему влиянию Китая на КНДР. Кроме того, насколько можно судить, в Пхеньяне в полной мере осознают все опасности и риски, связанные с чрезмерным ростом зависимости КНДР только от одной страны, пусть даже считающейся «главным другом и союзником»²¹. Открытым, правда, остается вопрос, готова ли сама Южная Корея проводить долгосрочный курс на расширение сотрудничества с КНДР.

¹ Данные Korea International Trade Association (KITA) за соответствующие годы. www.kita.net.

² Пукханы тэвемуктонхян 1998—2009 (Тенденции внешней торговли Северной Кореи в 1998—2009 гг.) // Статистический справочник КОТРА (Кор. яз.). Сеул: КОТРА, 2009.

³ Пукхандо оль мук сасан чхвего (КНДР и в этом году поставит рекорд по объемам внешней торговли). (Кор. яз.) // Хангук Ильбо. 13.12.2011.

- ⁴ Статистические справочники КОТРА, КИТА и Министерства по делам объединения Южной Кореи за указанные годы.
- ⁵ Данные КИТА за указанные годы.
- ⁶ Пук тэчунгук кванмульсучхуль 8 нен саи 17 пэ (Экспорт минеральных ресурсов из КНДР в Китай за 8 лет вырос в 17 раз). (Кор. яз.) // Енхп-Ньюсы. 07.05.2011.
- ⁷ Сон Чхэ Ги. Пук-чун кенчжекванге мильчагы ыми: есокхваинга? (Значение сближения экономических отношений между Китаем и КНДР: происходит ли подчинение?). (Кор. яз.). Сеул: KIDA, 2010. С. 2–4.
- ⁸ Вон Дон Ун. Тонбуккончжоны нэчжехва, чунгук тонбукчиек инпхыра кэбары чоллякчжок хамы (Осуществление плана сосуществования в СВА, стратегическое значение китайских инфраструктурных проектов на северо-востоке). (Кор. яз.) // Кукчечончхи. 2009. 49-1. С. 237.
- ⁹ Самсонкенджеенгусо. Пукчун кенчжемильчагы пэгенгва сисачом (Экономическое сближение Северной Кореи и Китая: общая ситуация и замечания). (Кор. яз.). Сеул: SERI, 2010. С. 12.
- ¹⁰ Статистические справочники за указанные годы агентства КОТРА.
- ¹¹ Усредненная доля Японии во внешней торговле КНДР за период 1991–2002 гг. составляла 19,2%, но с введением санкций этот показатель стал резко сокращаться, постепенно сойдя почти к нулю. Так, в 2003 г. этот показатель упал до 8,5%, через год – до 7,1%, в 2005 г. – 4,8%, в 2006 г. – 2,8%, в 2007–2009 гг. не превышал 0,1–0,2%. [Им Су Хо, Чхве Мен Хэ. Пукчун кенчжемильчагы пэгенгва сисачом (Экономическое сближение Северной Кореи и Китая: общая ситуация и замечания). (Кор. яз.). Сеул: SERI. 2010. С. 4.
- ¹² Доля СССР во внешнеторговом обороте КНДР в 1980 г. составила 26,3%, в 1985 г. – 39,9%. Пик был достигнут в 1990 г. – 53,1%, после чего с распадом Советского Союза доля России, выступившей правопреемницей СССР, резко упала (Им Су Хо, Чхве Мен Хэ. Указ. соч. С. 5).
- ¹³ Чунгукчонбу тэбуктхучжагым 80% тамбо, пукхани тонбук че 4 сони твеоттаным сихотхан (Правительство КНР дает 80% залога для инвестиций в КНДР, это является сигналом превращения Северной Кореи в четвертую северо-восточную провинцию Китая). (Кор. яз.) // www.nksis.com. 12.02.2011; Пук, чунгуге пхаллил виги? (Север на грани кризиса продажи Китаю?) (Кор. яз.) // И-Дэйли. 14.02.2011.; Snyder, Scott A. North Korea's Deepening Economic Ties with China // The Atlantic Monthly (интернет-версия), 2011-09.
- ¹⁴ Тэвенкенчжечончхэкенгвон. '2002нен 7•1 чочхи иху тхальбукхан 165меньль тэсаныро хан сольмунчоса. (Опрос 165 перебежчиков из КНДР, покинувших страну после реформ 1 июля 2002 г.). (Кор. яз.). Сеул: Тэвенкенчжечончхэкенгвон, 2005.
- ¹⁵ Пук, чунгуге пхаллил виги? (Север на грани кризиса продажи Китаю?) (Кор. яз.) // И-Дэйли. 14.02.2011; Юн Док Мин. Пукханын чунгуге ви-

сонкукка твего маль госинга? (Превратится ли Северная Корея в государство-спутник Китая?). (Кор. яз.) // Сеул: Мирэчоллякенгвон, 2006. Р. 1.

- ¹⁶ Is North Korea Becoming China's Fourth Northeastern Province? // Chosun Ilbo. 15.10.2005; Gries, H. Piter. The Koguryo Controversy, National Identity, and Sino-Korean Relations Today // East Asia: An International Quarterly 22:4 (Winter 2005). P. 3–17; Choo, Jaewoo. Mirroring North Korea's Growing Economic Dependence on China // Asian Survey, Vol. XLVIII. № 2. March/April 2008. P. 371–372.
- ¹⁷ Choo, Jaewoo. Op. cit. P. 368.; Чхве Су Ен. Пукчун Кенчжеквангева нампуккенхепы тэбук пхагыпхекква пигепунсок. (Сравнение и анализ эффекта северокорейско-китайского экономического сотрудничества и межкорейских связей на экономику Северной Кореи). (Кор. яз.). Сеул: Тхонильенгвон, 2010. С. 26–27.
- ¹⁸ Kim, Heungkyu. From a Buffer Zone to Strategic Burden: Evolving Sino-North Korea Relations during the Hu Jintao Era // Korean Journal of Defense Analysis. Vol. 22, N° 1. March 2010. P. 65; Kim, Jae Cheol. The Political Economy of Chinese Investment in North Korea // Asian Survey. Vol. XLVI. N° 6. November/December 2006. P. 906.
- ¹⁹ NK reliance on China will accelerate // The Korea Times. December 20.
- ²⁰ Чун, тэбукенхэннек то кхочжиль гот» 80% (80% экспертов считают, что «влияние Китая на Север увеличится»). (Кор. яз.) // Соуль Синмун. 22.12.2011.
- ²¹ Choo, Jaewoo. Op. cit. P. 371.

Е. Б. Мудрова*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Развитие государств на современном этапе предполагает различное по степени и характеру взаимодействие друг с другом. В мире уже не осталось крупных человеческих сообществ, которые не были бы вовлечены в процессы обмена, миграции, коммуникации. Интеграция становится основополагающим фактором развития общества и, по сути, означает создание взаимозависимых форм устройства экономики, политики, культуры и общества разных стран.

Накопленный опыт развития интеграционных процессов в мировом хозяйстве свидетельствует о необходимости прохождения четырех этапов.

Первый этап — образование зоны свободной торговли с отменой таможенных тарифов и других торговых ограничений между странами-участницами.

Второй этап — образование таможенного союза с установлением единых тарифов в торговле и в движении рабочей силы и капитала.

Третий этап, представляющий начальную фазу реальной экономической интеграции, — возникновение экономического союза, формирующего общее рыночное пространство, общий рынок.

Четвертый этап — полная интеграция с единой экономической политикой, общей валютой и органами наднационального регулирования.

На современном этапе развития Республика Корея вступила в первый этап интеграции. При этом наиболее полно и активно ею используется только инструмент соглашений о свободной торговле

* Мудрова Евгения Борисовна, директор представительства ОАО «Мечел» в РК. E-mail: mudrova2004@hotmail.com

ле (ССТ). Формирование единого таможенного союза РК, Китая и Японии пока находится в стадии изучения.

В настоящее время динамика работы РК по ССТ выглядит следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Динамика заключения РК соглашений о свободной торговле

Стадия	Соглашения	Годы
Вступили в силу	РК – Чили	2004
	РК – Сингапур	2006
	РК – страны ЕАСТ	2006
	РК – АСЕАН	2007–2009
	РК – Индия (соглашение о более тесном сотрудничестве)	2010
	РК – ЕС	2011
	РК – Перу РК – США	2011 2012
Переговоры	С Канадой, Мексикой, Австралией, Новой Зеландией, Турцией, Колумбией	наст. время
Рассмотрение возможности заключения	С Китаем, Японией, РК-Китаем-Японией, Меркосур, Россией, Израилем, Вьетнамом, Монголией, Малайзией, Индонезией	

Действия корейского правительства в процессе заключения ССТ можно разделить на 2 этапа: *первый этап* — накопление опыта (2004–2007 гг.) — ССТ с Чили, Сингапуром, ЕАСТ, странами АСЕАН); *второй этап* — переход к интеграции с основными торговыми партнерами после 2007 г. — ССТ с США, ЕС, Соглашение с Индией.

Первое поколение ССТ (Чили, Сингапур, ЕАСТ, АСЕАН) предполагало в основном открытие рынка для товаров потребления за счет отмены пошлин. Ранние соглашения не ставили перед собой цель совершенствования и сближения торговых систем участвующих стран.

Соглашение с США, подписанное в 2007 г., но ратифицированное только в марте 2012 г., стало первым документом, содержащим требования по улучшению системы экономических отношений двух стран. После его вступления в силу Национальной ассамблее РК еще потребуется пересмотр и внесение поправок в более чем 30 сопутствующих законов. Впервые соглашение включает

в себя положения, дерегулирующие сектор услуг и укрепляющие права иностранных инвесторов. Данное соглашение по существу является первым реальным шагом РК по развитию своих интеграционных связей, поскольку ожидаемый эффект коснется практически всех сфер взаимодействия партнеров.

Путь от ССТ с Чили в 2004 г. до ратификации соглашения с США в начале марта 2012 г. интересен для понимания процессов формирования интеграционной политики Южной Кореи, ее целей, основных тенденций и результатов.

Особенности ранних Соглашений о свободной торговле

РК– Чили. К моменту заключения первого соглашения в 2004 г. товарооборот двух стран составлял 1,8 млрд долл., из которых порядка 30 % приходилось на южнокорейские поставки и 70 % – на товары чилийского производства. За 7 лет действия соглашения товарооборот увеличился почти в 4 раза – до 7,2 млрд долл. (2011). При этом экспорт из РК вырос почти в 5 раз – до 2,4 млрд долл., а импорт в РК – в 4 раза – до 4,8 млрд долл.¹

Данное ССТ является ярким примером исключительно торговой составляющей интеграционного курса РК.

Впечатляющим ростом характеризовались поставки автомобилей (764 % за 2003–2010 гг.), цветных телевизоров (150 %) и мобильных телефонов (200 %) из РК, так как на них распространилась полная отмена пошлин сразу после заключения соглашения. Примечательно, что в 2004 г. на эти 3 позиции приходилось 65 % всего экспорта из Кореи в Чили. К 2010 г. данный показатель снизился до 30 %, так как за 7 лет структура двусторонней торговли значительно расширилась².

Из чилийских поставок наибольший прирост наблюдался у минеральной продукции (медь, медные заготовки) – почти в 3 раза, виноградного вина – в 10 раз. На медную продукцию приходится порядка 50 % всех чилийских поставок в настоящее время. По позициям на корейском рынке вина Чили вплотную приблизились к 1-му месту (т.е. уровню Франции), нарастив свою долю рынка с 7 % в 2003 г. до 22 % в 2010 г.

Необходимо пояснить, что соглашение предусматривало многоступенчатую отмену пошлин. Каждая сторона постаралась защитить ряд позиций. Для Чили это стали стиральные машины и

холодильники, которые производит местная промышленность: на них вообще не распространяются преференции Соглашения. РК утвердила весьма запутанную схему для защиты наиболее уязвимых при конкуренции с Чили позиций сельского хозяйства. Так, на виноград будут отменены все пошлины только к 2014 г., и то на период ноябрь–апрель, когда виноград не выращивается в самой РК. Говядина, курятина и ряд других продуктов получают преференции по пошлинам только к 2014 г. и только в сочетании с определенной количественной квотой. Почти закрытым остался для Чили и рынок лука, чеснока, красного перца и молочной продукции. Не снижены пошлины на рис, груши и яблоки.

Таким образом, соглашение дало наибольший положительный эффект для поставок автомобилей из РК и вина из Чили. По другим позициям наблюдался последовательный рост без явного пересечения с конкурентами местных рынков. В целом, позиции РК в Чили заметно укрепились. Для Чили важным достижением стало постепенное проникновение на аграрный рынок РК, которое должно принести свои плоды в будущем.

Корея – Сингапур. В 2006 г. РК заключила свое 2-е по счету ССТ с Сингапуром.

За год до соглашения (2005 г.) торговый оборот двух стран составлял порядка 12,7 млрд долл. со значительным профицитом в пользу корейских предпринимателей – 3,6 млрд долл.³ К 2012 г. оборот вырос более, чем в 2 раза – до 30 млрд долл. При этом профицит РК удвоился. В табл. 2 показана динамика экспорта и импорта стран за 2005–2011 гг.

Таблица 2

Динамика торговли между РК и Сингапуром

Годы	Экспорт РК		Импорт РК	
	Всего, млрд долл.	Рост, %	Всего, млрд долл.	Рост, %
2005	7,4	31,0	5,3	19,2
2006	9,5	28,1	5,9	10,7
2008	16,3	36,4	8,4	21,9
2010	15,2	11,9	7,9	-0,3
2011	20,8	36,7	9,0	1,2

Источник: по данным Корейской Ассоциации внешней торговли КИТА, 2012.

За 5-летний период действия соглашения произошел опережающий рост экспорта РК над импортом. Экспорт вырос почти в 3 раза, импорт — только в 2. Изменилась и товарная номенклатура в корейских поставках. Так, в 2005 г. 50 % (3,7 млрд долл.) всего корейского экспорта в Сингапур приходилось на электронные микросхемы, 15 % — на минеральное топливо, масла (1,1 млрд долл.), 9 % — на комплектующие для электроники, 7 % — на корабли. В 2010 г. наблюдалось более ровное распределение. На долю электронного оборудования уже приходилось 30 % (5,1 млрд долл.), на минеральное топливо и сырье — 23% (3,6 млрд долл.). Значительно увеличились поставки кораблей — третья позиция (20 % и 3,4 млрд долл.).

Наибольшие изменения произошли в течение последних 5 лет в сфере инвестиций. Объем корейских вложений в экономику Сингапура вырос почти в 4 раза — с 134 млн долл. в 2005 г. до 483 млн долл. в 2010 г.⁴

В данном соглашении заметны первые попытки южнокорейского правительства углубить свой интеграционный курс. В документ помимо торговых параметров включены такие сферы взаимодействия, как инвестиции, финансы, электронная торговля, государственные закупки, соотнесение технических стандартов. Особо важным для РК пунктом соглашения стало признание Сингапуром товаров, произведенных в северокорейской экономической зоне в Кэсоне в рамках межкорейского сотрудничества, южнокорейской продукцией.

Корея — ЕАСТ. Данное соглашение было подписано со странами Европейской ассоциации свободной торговли (Исландия, Норвегия, Швейцария и Лихтенштейн) в 2005 г. и вступило в силу с сентября 2006 г. По своей сути, документ был схож с аналогичным соглашением с Чили, включая в себя стандартный перечень взаимных уступок в торговле.

Торговый оборот РК со странами ЕАСТ занимает не более 1 % от общих торговых связей данных стран. В 2011 г. он составил 7 млрд долл., из них на экспорт из РК пришлось 1,8 млрд долл., на поставки из ЕАСТ — 5,2 млрд долл.⁵

Основной статьей корейских поставок являются танкеры, корабли, плавающие конструкции — 84,3 %. Около 3 % занимают продажи автомобилей.

Поставки из стран ЕАСТ более разнообразны: 11,6 % — механические приборы, 5,3 % — компоненты крупной инфраструктуры (мосты, башни и т.п.), 4,4 % — электрические насосы, 4,4 % — металлические покрытия, 3,5 % — медикаменты и т.п.⁶

Данное соглашение не было спорным или принципиальным, оно больше служило для декларации активного интеграционного курса РК.

РК — АСЕАН. Соглашение с 6 странами АСЕАН (Индонезией, Таиландом, Малайзией, Сингапуром, Филиппинами, Вьетнамом) было заключено в 2006 г. — по товарным позициям и в 2007 г. — по сфере услуг. В 2009 г. было подписано дополнительное соглашение об инвестициях в рамках ССТ.

За период 2006–2010 г. товарооборот двух стран вырос в 2 раза до уровня 120 млрд долл. с положительным балансом для РК в размере 18 млрд долл. Однако в товарном отношении баланс у РК с блоком АСЕАН сильно разнится. Если основные экспортные поставки из АСЕАН — это сырые нефтемасла, нефтегаз, уголь, то в импорте из РК доминируют товары с более высокой добавленной стоимостью: нефтепродукты, телефоны, полупроводники, суда, металлопродукция. При этом импорт из АСЕАН в основном не препятствует развитию местных отраслей южнокорейской промышленности, а наоборот, способствует, так как поставляет преимущественно те товары, в которых нуждается местная экономика.

Анализ самых первых соглашений показывает, что они были заключены с небольшими странами и в определенной степени позволили РК отработать на них свою интеграционную модель развития.

Очевидно, что выбор стран для первых ССТ производился из соображений в первую очередь максимальной выгоды для РК и отсутствия видимых спорных моментов. Помимо экономических соображений, такой выбор был продиктован и даже, возможно, в большей степени политическими мотивациями. Первые соглашения должны были подготовить благоприятную общественную почву для дальнейших интеграционных планов государства, показав гражданам страны, что соглашения о свободной торговле не несут экономике и их благополучию каких-либо угроз, а наоборот, дают исключительно положительный эффект.

Таблица 3

**Динамика роста внешней торговли
со странами-партнерами по ССТ**

Страны-партнеры	Средний товарооборот в течение 3 лет до заключения ССТ (А)		Товарооборот после заключения ССТ (Б) (2011 г.)	
	Сумма, млрд долл.	Годовой рост, %	Сумма, млрд долл.	Годовой рост, %
Чили	1,4	6,9	7,2	24,3
Сингапур	10,9	19,8	30,0	30
ЕАСТ	3,0	3,6	7,0	31,6
АСЕАН	50,5	16,7	120,0	30

Составлено на основе данных Корейской Ассоциации внешней торговли КИТА, 2012.

Данная цель требовала от первых ССТ только одного — усиления позиций корейского экспорта, минимальных противоречий импорта с местным производством.

Статистика в целом подтвердила задачи правительства РК (табл. 3). После заключения первых ССТ ежегодный прирост товарооборота со странами-партнерами составлял 20,5–31,6%, что в разы превышает аналогичные показатели до заключения договоров⁷.

Сводный анализ всех первых ССТ показывает, что в первую очередь вырос корейский экспорт текстиля, металлопродукции, нефтехимии, автокомпонентов и импорт электроники. При этом по указанным статьям прирост со странами первых ССТ значительно опережал прирост в торговле с остальным миром.

РК — США и ЕС. В 2007 г. правительство РК завершило работу над соглашением о свободной торговле с США — своим важнейшим военным, политическим и экономическим партнером, что сразу привлекло к этому документу серьезное общественное внимание.

Максимальный урон процессу ратификации, который был завершен только в марте 2012 г., нанес скандал с открытием доступа на корейский рынок американской говядины. Данный продукт в разы дешевле аналогов корейского производства при сравнительном качестве, однако в течение нескольких лет из-за карантина не допускался на рынок. Принятие Ли Мен Баком, тогда только пришедшим к власти, условий американской стороны

о снятии запрета чуть не стоило ему политического дефолта (в стране больше месяца бушевали демонстрации) и заморозило процесс ратификации на 5 лет.

Среди особенностей ССТ с США следует отметить следующие.

1. Первоначально во внешней торговле двух стран действовали установки средневзвешенной пошлины на сельскохозяйственный и промышленный импорт из РК в США в пределах 5%, в то время как на аналогичные американские товары в РК применялись средние ставки 30% и 10%⁸ соответственно. Очевидно, что от ССТ получают больше выгод США после того, как будет упразднено большее количество ограничений.

2. Прогнозные оценки увеличения американского экспорта после введения в действие ССТ составляют 10 млрд долл., южнокорейского — 7 млрд долл.⁹ Основные товары США, получающие наибольшую положительную отдачу от ССТ — аграрная продукция (молочные продукты, фрукты, овощи, мясо, а также продукция химической промышленности, полимеры и некоторые виды машиностроительной продукции). Следует отметить, что сразу освобождаются от пошлин именно аграрные продукты США, которые составляют около 2/3 всего корейского импорта из этой страны.

3. Основные товары РК, получающие наибольшую положительную отдачу от ССТ — обувь и текстиль (рост поставок 85–90%), автомобили (рост поставок 90%)¹⁰.

По мнению различных сельскохозяйственных ассоциаций, корейская сторона не сможет подготовиться к такой резкой отмене пошлин в этом секторе экономике.

Политический прессинг со стороны США на корейское правительство особенно заметен при сравнении ССТ с США с аналогичным соглашением с ЕС, которое вступило в силу летом 2011 г.

Основные выгодные позиции для ЕС — это также сельскохозяйственная продукция. Но аграрные позиции двух сторон в товарообороте значительно расходятся, не создавая угроз вытеснения после подписания ССТ. Наоборот, прогнозируется диверсификация потребляемых продуктов из ЕС в Корею и расширение присутствия корейских товаров на европейском рынке. Основное преимущество от ССТ с ЕС получили сыры и вина — не самая популярная статья

корейского производства. При этом, если сравнивать с США, одни и те же аграрные позиции получили разную степень защиты с явным преимуществом для США. Так, для США значительно короче сроки полного упразднения ставок, введены промежуточные меры в отношении говядины, свинины, кукурузы и т. п.

Сравнительный анализ также подтверждает и явно более выгодные позиции США перед ЕС по поставкам легковых автомобилей на корейский рынок. Пошлины для США сразу сокращаются на 50 % и полностью отменяются через 5 лет, ЕС же придется ждать 6 лет без промежуточных сокращений ставок. Такая же ситуация по гибридным и электронным автомобилям. В сегменте небольших грузовиков при отмене всех пошлин для США сразу после ССТ, ЕС получит право сокращения ставок только через 4–6 лет в зависимости от литража двигателя.

По остальным параметрам оба соглашения имели много общего. Так, ССТ откроют доступ на полностью закрытый корейский рынок юридических услуг. Американские и европейские инвесторы также получат право приобретения контрольных пакетов акций в местных телекоммуникационных компаниях, кроме таких крупных в РК компаний, как KT Telecom и SK Telecom. Важным является и отмена ограничений для США в сфере кинематографа. Для американских фильмов и программ будет постепенно отменена квота в 73 дня в году на просмотр, при этом компании США получат право на приобретение контрольных пакетов акций в местных телевизионных программах.

Общий подход США и ЕС выражен и в статьях, касающихся товаров, произведенных в Кэсоне (КНДР). Если Сингапур, страны ЕАСТ, АСЕАН, Индия признавали эти товары как южнокорейские, то с США и ЕС корейское правительство смогло договориться только о возможности переговоров об этом в будущем посредством специально созданных комиссий.

Анализ соглашений Республики Корея с США и ЕС показывает завершение перехода на новый этап интеграционного курса. К сожалению, анализ эффектов от углубленного интеграционного курса РК не может быть полным и разносторонним ввиду еще сравнительно небольших сроков действия ее ССТ. В случае с ЕС прошло только полгода после вступления в силу ССТ. В связи с этим можно констатировать только самые общие факты.

За июль–декабрь 2011 г. товарооборот двух стран увеличился на 4% по сравнению с аналогичным периодом 2010 г. — до уровня 103 млрд долл., несмотря на такие негативные факторы, как кризис в Евроне и общая стагнация экономики во всем мире. Статистика по экспорту из РК показывает, однако, уменьшение на 700 млн долл. Специалисты и РК и ЕС объясняют это общим сокращением потребления в ЕС, а не негативными последствиями соглашения.

Соглашения с ЕС и США как пример более глубоких интеграционных связей, чем с другими странами, дает и более противоречивую картину. Если ранние ССТ не создают сильных вызовов для местных незащищенных отраслей экономики, усиливая при этом позиции корейских товаров на внешних рынках, то ССТ с ЕС и США уже не носят такой однозначный характер. Более того, эти соглашения довольно сильно открывают доступ иностранным компаниям на внутренний аграрный рынок РК, традиционно защищаемый государством от более конкурентоспособных импортных аналогов. Действия правительства РК, а именно масштабная кампания в СМИ, научных кругах по продвижению ССТ с ЕС и США придает этим интеграционным процессам сильный политический аспект. Гражданское общество же РК продолжает сохранять скептический подход, полагая, что данные соглашения не выгодны для РК. Большие опасения вызывают планы государства по ослаблению регулирования участия европейских и американских компаний на внутреннем рынке информации, телекоммуникации, что уже затрагивает сферы национальной безопасности.

Однако сильна и экономическая мотивация этого курса РК на заключение ССТ как можно с большим числом стран мира. В числе главных факторов выступают: экспортно-ориентированный характер развития экономики страны, необходимость закрепиться на все новых рынках, завоевывать более сильные позиции в производстве и торговле по товарам с высокой добавленной стоимостью. Все это заставляет южнокорейское правительство включаться в интеграционные процессы, одновременно изучая свой собственный вариант развития в этом направлении.

Для России опыт Южной Кореи является интересным, так как в своей интеграционной политике РК охватывает не только страны с дифференцированной товарной структурой торговли, но и

те, которые сильно зависят от экспорта энергоносителей и сырья (например, Индонезия). Пока опыт Южной Кореи подтверждает тот факт, что максимальная выгода от экономической интеграции достижима для стран с развитой промышленной системой и активно участвующих в мировой торговле товарами с высокой добавленной стоимостью. С 2005 г. идет процесс изучения целесообразности ССТ между Россией и Кореей. С учетом явного дисбаланса внешней торговли наших стран в сторону энергоносителей из России и промышленной продукции из РК, данное соглашение с товарной точки зрения выглядит для нас менее привлекательным, чем для корейских партнеров. Однако следует продолжать углубленное изучение всех факторов возможного интеграционного взаимодействия, и в частности вопросов защиты технологий и интеллектуальной собственности, для поиска взаимоприемлемого и взаимовыгодного формата российско-южнокорейского экономического партнерства.

¹ По данным Корейской Ассоциации внешней торговли КИТА, 2012.

² По данным Корейской Ассоциации внешней торговли КИТА, 2012.

³ По данным Корейской Ассоциации внешней торговли КИТА, 2012.

⁴ По данным Корейского Экспорт-Импортного Банка Korea EXIM Bank, 2012.

⁵ GTI, Global Trade Atlas, November 2011.

⁶ По данным Корейской Ассоциации внешней торговли КИТА, 2012.

⁷ По данным Корейской Ассоциации внешней торговли КИТА, 2012.

⁸ По данным Таможенной службы Кореи, 2012.

⁹ 10 Myths about KORUS and FTA, Brian Riley, p. 3.

¹⁰ KORUS FTA vs KOREU FTA: why the difference? Yong Kwang Song, p.2.

*В. Г. Самсонова**

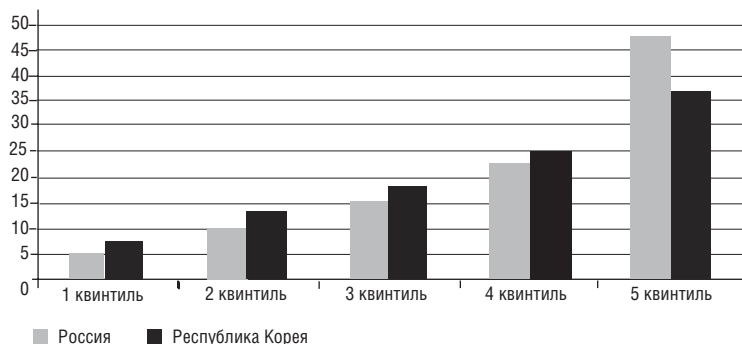
ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЮЖНОКОРЕЙСКИХ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА

Республика Корея по праву может гордиться своими экономическими достижениями: показатели ВВП (1,1 трлн долл.) и ВВП на душу населения (28 тыс. долл.) достаточно высоки, страна обрела себе мировую известность в производстве многих технологических новинок, количество населения с высшим образованием велико, уровень безработицы (4,2%) не так уж и высок, — но так ли безоблачно все в южнокорейском государстве? Довольны ли его граждане? Стабилен ли их доход и потребительский спрос?

На первый взгляд — да: доходы растут (среднемесячный доход домохозяйств составляет 3 млн 812 вон в месяц, что на 5,8% выше чем в 2010 г., рост доходов влечет за собой уверенность в завтрашнем дне, и в том числе уменьшение удельного веса товаров первой необходимости в среднестатистической системе расходов южнокорейца. На 1-е место выходят расходы на сферу услуг, развлечений, при этом акценты смещаются на так называемую систему well-being¹: well-being спорт, well-being жилье, well-being еда и др.

Но можем ли мы сказать это обо всем обществе, если все чаще в южнокорейских СМИ звучат опасения, связанные с углублением проблемы поляризации по уровню доходов: богатые живут все лучше, а бедные все хуже. В 2011 г. уровень доходов 5-го квинтиля (в эту группу входят граждане с самым высоким уровнем доходов) в РК превышает в 5,73 уровень доходов 1-го квинтиля (группы с са-

* Самсонова Виктория Георгиевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН. E-mail: vikapak@yandex.ru

Рассчитано автором по данным Росстата РФ и Корейской национальной статистической службы.

Рис. 1. Распределение общего объема денежных доходов по 20%-ным группам населения России и РК в 2010 г.

мым низким уровнем доходов). В России же показатель еще хуже, и доходы самой богатой группы населения в 9 раз превышают доходы самой бедной группы (рис. 1). Растет и показатель Джини в РК (0,311 в 2011 г. против 0,31 в 2010 г.), тогда как в России этот показатель в 2010 г. составил 0,421. И соответственно, чем выше этот показатель, тем больше разрыв в доходах.

Если потребительские предпочтения высшего квинтиля все более смещаются в сторону непродовольственных товаров (развлечения, спорт, образование), то о низшем квинтеле мы этого сказать не можем.

Потребительские предпочтения индивида складываются под влиянием многих факторов и рассматриваются через призму различных уровней отношений. Г. М. Россинская в своей работе «Потребительское поведение домохозяйства в условиях трансформации российского общества»² описывает 4 уровня, в которых потребитель формируется, существует и реализуется:

1. На уровне индивида, с его определенными потребностями, установками, психологическими реакциями, системой ценностей (индивидуальный субъект потребительского поведения).

2. На микроуровне – как домохозяйство, в рамках которого складывается консенсус относительно индивидуальных потребностей членов семьи и осуществляется экономическое взаимо-

действие с другими домохозяйствами, фирмами, государством (коллективный субъект потребительского поведения).

3. На мезоуровне – как «совокупный региональный потребитель».

4. На макроуровне – как «совокупный потребитель страны в целом».

На уровне индивида действуют специфические для данного уровня индивидуально-психологические факторы. При этом на факторы данного уровня оказывают свое воздействие факторы микроуровня – микрофакторы (например, те или иные изменения в распределении доходов, динамика и соотношение цен меняют ожидания, настроения, намерения потребителей); изменения на макроуровне и мезоуровне (например, раскручивание инфляции, изменение государственной политики в области доходов, контроля над ценами, внешней торговли, регулирования валютного курса, изменение региональной социальной политики, отраслевая структура занятости в регионе), т. е. макро- и мезофакторы тоже воздействуют на факторы уровня индивида. На микроуровне – уровне домохозяйств РК – действуют такие факторы, как доходы семьи, ее состав, потребности и т. п. Важнейшим фактором потребительского поведения на всех уровнях выступает государство, используемые им формы и методы участия в социально-экономическом развитии, регулирования социально-экономических процессов. Государство определенным образом воспитывает потребителя, контролируя пропаганду через средства массовой информации тех или иных потребительских установок и стереотипов.

Каковы же потребности индивида? Для того чтобы понять это, необходимо провести сегментирование населения РК. В маркетинге встречаются различные методики сегментации: по уровню доходов, образованию, возрасту (т. е. по одному из демографических признаков). Не останавливаясь на всех методиках, попробуем проанализировать потребительское поведение южнокорейского гражданина, сегментировав население по демографическому признаку.

Например, общество РК можно разбить на 2 основные группы: первая группа – это подростки 13–18 лет, или как их еще называют, поколение 1318, вторая группа – это люди в возрасте 19–64 года, или поколение 1964.

Что объединяет молодое поколение 1318 — так это тяга к увеличению использования Интернет-услуг, не только для игр и общения, но и для совершения Интернет-покупок. Без сомнения, потребление Интернет-услуг несет в себе массу положительных моментов, но не стоит забывать и о негативных тенденциях. В частности, в РК не понаслышке знают, что такое Интернет-зависимость.

Южнокорейцы подсчитали, что общий уровень Интернет-зависимости по стране в 2012 г. составил 7,7%, среди подростков — 10,4%. Число зависимых в критической степени составило 1,7%. Вообще, проблема Интернет-зависимости стоит достаточно остро, в основном она касается детей и подростков, которые предпочитают жить и общаться больше в виртуальном мире, чем в реальном. В 2010 г. в связи с этой проблемой среди молодежи было анонсировано несколько новых правил, касающихся возможной блокировки доступа несовершеннолетних к онлайн-играм после полуночи. Как только часы пробьют полночь, несовершеннолетние пользователи будут вынуждены завершить игровую сессию, так как доступ в Интернет будет автоматически прекращен³.

В категории 1964 мы не будем рассматривать все возрасты, а остановимся лишь на старшем поколении, рост которого все явственнее обнажает демографические проблемы в РК.

Вообще, демографические проблемы присущи и РФ и РК. Инерция депопуляции, сложившаяся в России в 1990-х — начале 2000-х годов, к 2020 г. может привести к сокращению общей численности населения до 140 млн человек (с 142,1 млн в 2007 г.), населения трудоспособного возраста — до 77,8 млн человек (с 89,9 млн в 2007 г.). К 2030 г. население России в этих условиях может сократиться до 137 млн человек, что создаст угрозу безопасности и целостности страны, особенно за счет депопуляции восточных регионов России⁴. Что касается РК, то, в соответствии с ежегодным отчетом Фонда ООН в области народонаселения «Мировое население—2009», суммарный коэффициент рождаемости в стране составляет 1,22. Таким образом, Республика Корея занимает предпоследнее место по данному показателю среди 185 учтенных стран мира. Рост средней продолжительности жизни на фоне низкой рождаемости ускорит процесс старения общества, что вызовет рост потребностей в дополнительных медицинских

и социальных услугах. К 2050 г. доля пожилых людей в возрасте 65 лет и старше приблизится к 40%, а средний возраст корейца увеличится с нынешних 37,3 года до 56,7 года, т.е. почти на 20 лет. Между тем численность молодых людей, способных ухаживать за престарелыми, будет сокращаться в результате низкой рождаемости. Очевидно, что сокращение внутреннего рынка, уровня потребления и нехватка рабочей силы приведут к снижению темпов экономического роста до 2,9% в 2020 г. Если в 2005 г. на каждого пенсионера приходилось в среднем по 7,9 работающих, то в 2050 г. этот показатель может сократиться до 1,4⁵.

Старение населения в РК — это процесс двоякий. С одной стороны, увеличение продолжительности жизни — это положительный момент, свидетельствующий о росте уровня жизни и здравоохранения в стране, с другой — бремя заботы за стариками оказывается часто не под силу современной южнокорейской молодежи. Если раньше одиноких и брошенных стариков было не так уж много, то теперь число их растет, при этом более 1/3 из них фактически одинокими не являются, так как имеют и детей и внуков.

Интересен тот факт, что южнокорейский пенсионер — это активный потребитель и желанный гость в торговых точках. В настоящее время пенсионеров в РК даже считают новой потребительской силой. По данным торгового центра Лотте, 21% всех покупок совершают лица старше 50 лет. Основными характеристиками пожилого потребителя в РК являются: забота о здоровье, большой объем свободного времени, экономическая стабильность. Основные мотивы потребительских предпочтений старшего поколения можно разделить на 3 группы: стремление быть молодым, ностальгия по прошлым временам, работа над собой (самообразование).

Стремление быть молодым. На рынке косметики РК, который составил 8,9 трлн вон в 2011 г.⁶, продажи косметических средств по борьбе со старением растут на 30% каждый год. Согласно исследованию торгового центра Лотте, продажа одежды (молодежного дизайна) для потребителей старше 50 лет выросла на 22% в 2010 г. по сравнению с 2009 г. К примеру, торговая марка «Ле Бейж», нацеленная на возрастную целевую аудиторию, продала товаров в 2009 г. на 12 млрд вон, а в 2010 г. — уже на 30 млрд. При этом южнокорейские и японские маркетологи предупреждают,

что для возрастной категории, основной целью которой является выглядеть моложе, в рекламных кампаниях не стоит использовать слоганы, напоминающие о возрасте. Неудачным примером такой кампании явилась кампания фирмы Шисейдо, которая запустила косметическую линию под слоганом «Красивые 50-летние изменят Японию».

Ностальгия по прошлым временам. При посещении культурных мероприятий взрослое население испытывает ностальгию. В марте 2011 г., несмотря на то что билеты на концерт группы Иглс превышали 300 тыс. вон (примерно 300 долл.), они все были распроданы, при этом основной аудиторией были 40- и 50-летние граждане.

Работа над собой (самообразование). В 2010 г. в торговом центре Шинсеге (Shinsegye) основными покупателями в отделах для гольфа, походов по горам являлись люди старшего возраста. В 2008 г. из-за высокого спроса производство обуви для горных восхождений, а также палаток выросло на 71% и 46% соответственно по сравнению с 2007 г.

Все большее количество семей предпочитают жить нуклеарно, и поэтому растет значимость такой сферы, как «серебряная сфера» — уход за стариками. Южнокорейская пресса приводит следующие данные: процесс старения общества в РК привел к увеличению койко-мест в домах престарелых за последние 5 лет более чем в 2 раза. По данным Института по контролю за медицинским страхованием, на конец 2011 г. во всех домах престарелых страны насчитывалось 135 тыс. койко-мест, что в 2 раза больше, чем в 2007 г. Что касается медицинских учреждений, то здесь данный показатель составил 574 тыс. мест, что на 30% больше, чем 5 лет назад.

Рассмотрим следующий уровень — домохозяйство. В период с 2000 по 2010 г. в статье расходов домохозяйств растут расходы на образование и здравоохранение. В 2010 г. расходы на образование в среднем составили 13,3% против 11,2% в 2000 г., расходы на здравоохранение — 6,6% против 5,5% в 2000 г. Практически в любом рекламном перерыве на южнокорейском телевидении зритель может увидеть рекламу различных медицинских новинок, спортклубов, чимчильбанов (саун) и др. По данным Корейской торговой-промышленной палаты, в последние 3 года набирает обороты

система well-being в южнокорейском обществе. В частности, был проведен анализ содержания покупок у 3 тыс. домохозяек, произведенных в течение 3 лет. Выяснилось, что уровень потребления полезных для здоровья продуктов питания увеличился на 112%. А расходы на основные нужды, напротив, либо понизились, либо не изменились. Расходы на еду и безалкогольные напитки уменьшились на 3% с 16,8% в 2000 г. до 13,8% в 2010 г. Расходы на газ, электричество, воду остались практически неизменны — на уровне 10%. При этом распределение расходов по статьям, естественно, различны для каждой из доходных групп (квнтилей). Например, в 1-м квинтиле (низший доход) более 1/3 расходов приходится на основные статьи расходов: еда — 20,5%, расходы на газ, электричество, воду — 16%, тогда как в 5-м квинтиле (высокий доход) уровень расходов на основные статьи низок (11,4% на еду, 8,2% — на газ, электричество, воду). Население в группе 5 предпочитает тратить большую часть денег на образование (15,4%), тогда как население в 1-м квинтиле тратит на это 7,8%⁷.

В 2011 г. из-за инфляции произошло снижение потребления среди населения, в июне 2011 г. цены на потребительские товары выросли на 4,4% по сравнению с 2010 г. Согласно данным Корейской корпорации сельского хозяйства и рыболовства, цены на многие товары выросли, например, цена на рис увеличилась на 19,6% по сравнению с 2010 г., достигнув 39 тыс. вон за 20 кг. Увеличение цены заставляет население менять свои потребительские привычки, например, из-за роста цен на корейскую свинину индекс ее продаж упал до 77,3, тогда как индекс продаж импортной свинины увеличился до 737,8. Более того, на потребительские цены оказывает влияние и ситуация в экономике Китая: согласно расчетам экономического исследовательского института Самсунг, увеличение на 1% потребительских цен в Китае ведет к увеличению инфляции в РК на 0,04%⁸.

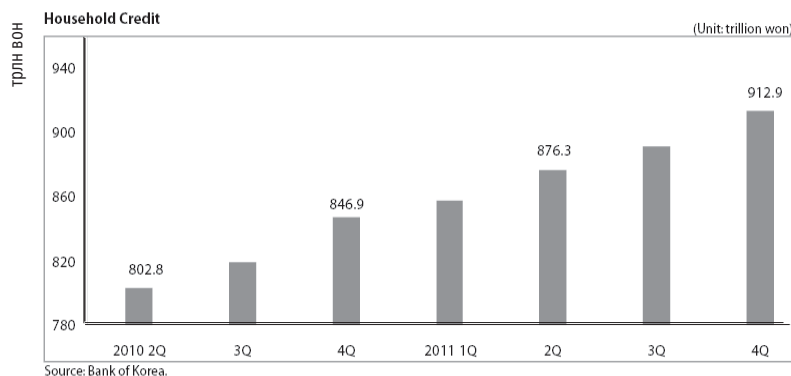
По поводу экономической стабильности и роста благосостояния населения существуют двойные оценки. С одной стороны, экономическая стабильность и рост уровня заработной платы привели к росту уровня доходов домохозяйств: в 2005 г. доля домохозяйств, зарабатывающих более 3 млн вон, составила 42,1% против 37,4% в 2004 г. Но, несмотря на то что доходы домохозяйств растут, с ними же растут и расходы. Основными статьями расхо-

дов в семье остаются налоги, страховки, кредиты и образование. По данным, представленным в «Сеульской газете», ежемесячные расходы на семью из четырех человек в Сеуле складываются следующим образом:

- ипотека на 100 млн. вон с рассрочкой на 10 лет – 1 млн. вон;
- образование для двоих детей – 1 млн 100 тыс. вон;
- страховки – 430 тыс. вон;
- налоги – 320 тыс. вон;
- автомобиль – 500 тыс. вон;
- связь – 200 тыс. вон;
- коммунальные услуги – 300 тыс. вон;
- карманные расходы – 1 млн вон;
- питание – 600 тыс. вон.

В сумме получаем 5 млн 450 тыс. вон в месяц. То есть расходы практически в 2 раза превышают доходы. Получается, что большинство жителей Сеула живет в долг⁹, и поэтому долги домохозяйств неуклонно растут. По данным Банка РК, в IV квартале 2011 г. долги домохозяйств достигли 900 трлн вон (рис. 2).

Новым трендом в потребительском секторе является увеличение числа домашних хозяйств, которые ведут одиночки (примерно 1/5 от всех домохозяйств). Эта тенденция повлекла за собой увеличение потребительского спроса на товары и услуги, необходимые одиноким людям, такие, как стирка и сушка одежды, по-

Составлено по данным Банка РК.

Рис. 2. Долги домохозяйств РК, трлн. вон

купка продуктов, доставка готовых блюд, производство продуктов питания в мини-объемах и др. Этот сегмент рынка является достаточно перспективным, например, согласно данным компании E-mart, продажи продукции, рассчитанной на одиночек, увеличились в этом году на 60%¹⁰.

В 3-й и 4-й группах, т.е. на мезо- и макроуровнях велика роль государства в формировании потребительских предпочтений и образа жизни южнокорейцев.

Приведем лишь некоторые примеры:

1. Изменения в трудовом законодательстве.

В первую очередь, свою роль играет изменение в трудовой системе РК. В частности, начиная с 1 июля 2004 г., введена 5-дневная рабочая неделя для служащих государственных корпораций, финансовых и страховых компаний и для частных предприятий с количеством работающих более 1 тыс. человек. Это нововведение дало возможность более чем 1,8 млн человек увеличить выходные, тем самым изменив уклад жизни и повлияв на рост сферы услуг. Все большей популярностью в РК пользуются туры выходного дня. Увеличивается количество свободного времени у граждан: в 2005 г. в среднем количество свободного времени в рабочие дни составляло 3 ч. 50 мин., в субботу – 5 ч. 14 мин., в воскресенье – 6 ч. 23 мин. В свободное время граждане предпочитают смотреть ТВ (1-е место), сидеть за компьютером (2-е место), ходить в горы (3-е место) (см. табл. 1).

2. Государственные меры по либерализации торговли, открытию внутреннего рынка, облегчению миграционного законодательства в РК привели к тому, что многие некогда чуждые товары и услуги находят своего потребителя в РК.

Интересными, на наш взгляд, являются происходящие изменения в системе питания в РК: с каждым годом увеличивается количество иностранных компаний на рынке общественного питания, соответственно растет и потребление. Например, популярными среди южнокорейских потребителей являются сети быстрого питания, такие, как Макдональдс, KFC, сети кофеен Starbucks, Dunkin Donuts и др.

Популярность фастфуда и увеличение его потребления ведет к увеличению проблем со здоровьем, в частности растет количество граждан, страдающих ожирением. Если лет 5 назад на южноко-

Таблица

Деятельность граждан РК в свободное время в 2005 г., %

Род деятельности	В среднем по всем возрастам	Возраст, лет				
		10–19	20–29	30–39	40–49	50 и старше
Мужчины						
ТВ	21,7	13,4	13,4	27,1	25,1	26,1
Компьютер	24,7	51,9	46,3	20,3	10,7	2,8
Поход в горы	9,3	0,3	1,5	6,4	14,1	23,5
чтение	3,6	3,5	3,0	3,2	4,4	3,7
Просмотр фильмов	2,8	0,8	5,2	4,4	1,3	0,9
Женщины						
ТВ	31,9	31,3	35,0	31,1	26,6	36,4
Компьютер	14,0	29,9	24,5	14,7	4,4	2,7
Поход в горы	6,5	-	0,8	4,8	11,2	13,6
чтение	7,0	5,3	5,1	7,8	9,9	5,6
Просмотр фильмов	3,3	3,4	6,3	4,0	2,2	0,4

рейском ТВ внимания этому не уделялось, то сейчас программы по борьбе с весом пользуются популярностью; суть их в том, что участники состязаются друг с другом в количестве сброшенных за время реалити-шоу килограммов. Подсчитано, что количество южнокорейцев, страдающих ожирением, выросло в 1,5 раза в течение последних 10 лет, более 40% мужчин в возрасте от 40 до 60 лет страдают ожирением¹¹.

Параллельно с ростом популярности фастфуда растет и потребление кофе и чая в специализированных заведениях. По данным южнокорейской статистики, рост продаж напитков — кофе и чая — продолжится, и если в 2011 г. их продажи составили 159 млн долл. (кофе) и 19,54 млн долл. (чай), то в 2015 г. эти цифры могут вырасти до оценочных показателей в 208,9 млн и 24,8 млн долл. соответственно (рис. 3)¹². И это несмотря на высокую стоимость напитков, в среднем примерно 5 тыс. вон за кружку. Кроме того, активное подписание приглашений о свободной торговле повлекло за собой еще большее увеличение потребления среди населения вин (чилийских и завезенных из стран ЕС).

В итоге можно отметить, что в современных условиях происходит изменение потребительских предпочтений в южнокорейском обществе. В этих трендах есть как положительные, так и от-

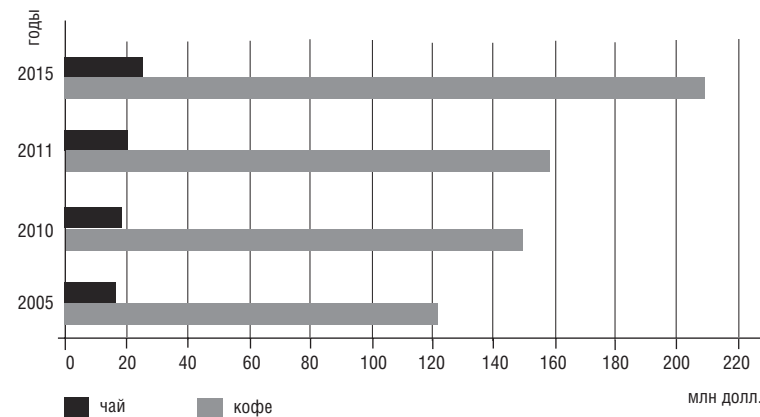

Рис. 3. Продажа чая и кофе в заведениях общественного питания

рицательные моменты. Необходимо отметить, что на фоне «среднестатистической» тенденции роста доходов населения происходит дальнейшее усиление поляризации доходов различных групп населения: высокодоходная группа становится все богаче, население с низким доходом — все беднее. Соответственно, различия в структуре потребительских расходов домохозяйств, относящихся к разным доходным группам, становятся все более заметными. Нарастает дифференциация в потреблении продуктов питания, платных услуг, непродовольственных товаров, в показателях имущественного накопления. Становится все более заметным расходование жизненных и потребительских стандартов семей, относящихся к «элите», и остальных семей. Также под влиянием западной массовой культуры растет вестернизация общества, которая влечет за собой изменения в структуре потребления граждан РК.

¹ Под товарами и услугами well-being подразумеваются товары и услуги, направленные на укрепление физического и ментального здоровья, ведение правильного образа жизни, в том числе правильного питания и т.д.

² URL: [http://www.ugatu.ac.ru/publish/vu/stat/ugatu-2009-3\(32\)/03.pdf](http://www.ugatu.ac.ru/publish/vu/stat/ugatu-2009-3(32)/03.pdf)

³ URL: http://ruskorcons.com/society_games_ban.html

⁴ Основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020–2030 гг. Приложение к концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации.

⁵ URL: www.koilaf.org.kr

⁶ URL: http://www.seriworld.org/03/wldKetV.html?mn=E&mncd=0302§no=3&key=db20120326002&p_page=1&sort=D

⁷ SERI. Korean Households' spending and inflation. Sohn Min-Jung. P. 11.

⁸ Rising market basket prices squeeze consumers. SERI. 2012. P. 7.

⁹ URL: <http://dl.dropbox.com/u/16176413/sg-4.pdf>

¹⁰ URL: http://ruskorcons.com/seoul_solo.html

¹¹ SERI. www.seriworld.org

¹² South Korea. Food and drink report. 2012. Business Monitoring International.

*А. Ф. Синякова **

ЮЖНАЯ КОРЕЯ: ПОЛИТИКА ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ И «ЗЕЛЕНОЕ» СТРОИТЕЛЬСТВО

С точки зрения скорости урбанизации прежде аграрной страны Республика Корея является уникальным примером. Корейский опыт может быть очень ценным для других стран с переходной экономикой, а корейские компании, которые реализовали успешные проекты внутри страны, могут уже экспортировать технологии и соответствующие услуги. Значимость этого опыта становится еще более очевидной, если принимать во внимание следующие факты.

Численность населения Земли превысила уже 7 млрд человек и, согласно прогнозам ООН, можно ожидать прирост в 40 % в течение ближайших 40 лет¹. При этом к 2050 г. 69 % населения будет проживать в городах, т.е. в мировом масштабе процесс урбанизации будет активно продолжаться.

Наиболее высокие темпы урбанизации можно ожидать в развивающихся странах: прогнозируется, что к 2050 г. 5,19 млрд человек из развивающихся стран будут проживать в городах, что составит 82,5 % от урбанизированного населения мира (см. рис. 1).

Высокие темпы урбанизации означают, что развивающимся странам необходимо модернизировать существующую инфраструктуру, а растущее население будет создавать еще больший спрос на новые дома и сопутствующие услуги. Чтобы удовлетворить прогнозируемый спрос, потребуются построить порядка 13 тыс. новых городов.

Мировой рынок урбанизированного развития, включая строительство и услуги, оценивался в 2008 г. в 611 млрд долл. Особенно

* Синякова Анна Филимоновна, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры японского, корейского, индонезийского, монгольского языков МГИМО (У) МИД России. E-mail: annasinyakova@

Источник: UN World Urbanization Prospects, the 2009 Revision. <http://esa.un.org/unpd/wup/>

Рис. 1. Население мира и урбанизированное население развивающихся стран

большой спрос был отмечен на мировом строительном рынке, в частности с конца 1990-х годов активное строительство продолжается во Вьетнаме, Малайзии, в странах Персидского залива (ОАЭ, Катар), в Алжире, Азербайджане, Казахстане, также в Китае и Индии.

Наиболее быстрые темпы урбанизации отмечаются в Китае: половина населения страны проживает в городах, ожидается, что к 2050 г. эта цифра достигнет 70%². Высокие темпы урбанизации в Китае предоставляют хорошие возможности для привлечения компаний, занятых в сфере строительства и развития инфраструктуры. Китайские проекты ближайшего будущего – это проекты «эко-городов» и экологически чистых промышленных парков. Создание и развитие «эко-территорий» является частью

государственного плана по снижению негативных последствий урбанизации, таких, как смог, высокое энергопотребление, а также по одновременному привлечению инвестиций, технологий и инженерной экспертизы, что очень привлекательно для корейских компаний.

Первые зарубежные строительные заказы корейские компании получили еще в 1965 г., что было связано со строительным бумом на Ближнем Востоке, затем, в середине 1990-х годов, последовало активное строительство в Юго-Восточной Азии – Сингапуре и Малайзии, – в котором также принимали участие корейские строительные корпорации. В настоящее время можно также говорить о периоде динамичного развития сектора зарубежного строительства. В 2010 г. объем зарубежных заказов корейских компаний достиг рекордной суммы в 71 млрд долл., а суммарный показатель всего осуществленного объема строительства с конца 1960-х годов превысил 400 млрд долл.³

«Зеленое» строительство является исключительно актуальным во многих странах мира, в том числе и в РК, правительство которой несколько лет назад объявило о политике «низкоуглеродного» экономического роста. Одной из основных задач стало снижение объемов выбросов парниковых газов, источником которого являются преимущественно города и городские поселения, в которых живет более 90% населения Южной Кореи. При этом доля промышленного сектора в суммарном выбросе парниковых газов составила 52,6%, доля домашних хозяйств и коммерческого сектора – 25,6%, транспорта – 16,7%⁴.

Несмотря на большие объемы выбросов парниковых газов именно от зданий, строительные компании не стремились внедрять технологии, способствующие их уменьшению, – основной причиной этого были высокие цены на недвижимость. Стремясь изменить такую тенденцию, правительством был разработан комплекс мер, принудительных и стимулирующих, для того, чтобы компании постепенно внедряли энергосберегающие технологии и технологии по уменьшению выбросов парниковых газов. Эти меры привели к тому, что крупнейшие строительные корпорации представили пилотные проекты по сооружению «зеленых» зданий.

В 2008 г. доля строительного сектора в суммарном энергопотреблении составила 22,2%, опережал его лишь сектор промыш-

ленности. Это несколько ниже, чем средний по странам ОЭСР показатель в 36 %⁵.

В потреблении энергии по типам зданий (жилые, коммерческие, общественные) лидирующее место занимают жилые здания, основную долю потребления энергии которых (54%), так же, как и в коммерческих зданиях (36%), занимает отопление (рис. 2, 3). Поскольку высокий уровень энергопотребления имеет одновременно и большой потенциал для снижения этого потребления, Южной Корее необходимо предпринять соответствующие меры.

Таким образом, наибольшим потенциалом для снижения энергопотребления и, соответственно, выброса парниковых га-

Рис. 2. Энергопотребление жилого здания

Рис. 3. Энергопотребление коммерческого здания

зов обладает именно сектор жилых зданий, и в частности, отопление. Однако и коммерческие здания, строительство которых будет активно продолжаться в связи с потребностями экономики, должны быть вовлечены в процессы внедрения «зеленых» технологий.

Для того чтобы реализовать цели заявленного президентом в 2008 г. курса «Низкоуглеродная экономика и экономический рост, основанный на природосберегающих технологиях»⁶, правительство в 2009 г. разработало комплекс мер по развитию «зеленого» строительства и экологически чистых городов⁷. Основной задачей выделено постепенное снижение ежегодного энергопотребления во всех типах зданий. Первым этапом является снижение на 30 % от текущего потребления к 2013 г. и на 60 % – к 2017г. К 2025 г. ожидается, что новые жилые здания будут зданиями с нулевым энергетическим балансом, т.е. вся потребляемая зданием энергия будет вырабатываться им же преимущественно за счет возобновляемых источников, без получения энергии извне. Эти планы представляются несколько завышенными, и их реализация потребует большого количества усилий. В сравнении с другими странами задачи, которые обозначены в РК, сопоставимы с американскими и европейскими, хотя практика строительства «зеленых» зданий и «активных» домов в западных странах получила гораздо более раннее развитие.

В заявленном правительством плане содержатся 2 группы мер: обязательные для исполнения и добровольные.

К *обязательным мерам* относятся:

- 1) введение новых стандартов для строительства «зеленых» зданий: установка оборудования по снижению энергопотребления приборов в режиме ожидания; улучшенная вдвое оконная теплоизоляция, оборудование новых домов системами «умный дом»;
- 2) повышение требований к использованию энергии: установление ограничений по годовому энергопотреблению зданий; повышение требований к энергосбережению, включая выдачу разрешений на строительство лишь при наличии проекта по энергосбережению в новом здании;
- 3) бюджетное софинансирование строительства 1 млн «зеленых» зданий, площади которых в дальнейшем будут продаваться либо сдаваться в аренду;

4) внедрение экологической сертификации и расширение использования возобновляемых источников энергии в общественных зданиях.

К *добровольным мерам* относится, в первую очередь, внедрение стандартов энергетического и экологического проектирования. Системы экологической и энергетической сертификации зданий были впервые введены в Республике Корея в 2002 г., а с 2010 г. все новые здания должны проходить сертификацию в обязательном порядке. Здания, которые получают высшие оценки «отлично» и «очень хорошо» по системе экологической сертификации, могут рассчитывать на налоговые льготы. Здания с наивысшими показателями энергоэффективности также имеют налоговые льготы. Оценка новых зданий по существующим критериям осуществляется на министерском уровне.

В настоящее время все строящиеся общественные здания должны соответствовать максимально высоким критериям энергоэффективности.

Мировые тенденции экологизации новых зданий и городов, а также амбициозные планы непосредственно корейского правительства вынуждают корейские строительные компании активно работать, внедрять новые технологии, а также проводить собственные исследования и разработки с тем, чтобы занять свою нишу на динамично развивающемся рынке.

Пилотные проекты домов с нулевым энергобалансом и домов с минимальным уровнем выбросов уже реализованы.

Уникальный пример представила компания Daelim Industrial — ведущая строительная компания РК, которая в 2005 г. спроектировала и представила так называемый «трехлитровый дом — three-litre house»⁸. Особенность проекта в том, что потребление энергии на отопление снижено на 80%. Это было достигнуто за счет высокотехнологичных окон, двойной изоляции стен, улучшенной теплоизоляции, вентиляторов-теплоутилизаторов, использования солнечной энергии, рециклинга дождевой воды и нестандартных форм озеленения — на крышах и фасадах. Другие проекты «зеленых» зданий были представлены компанией Samsung C&T и Корейским институтом энергетических исследований.

Наряду с высокотехнологичным развитием и созданием пилотных проектов в массовое строительство уже введены здания

с улучшенными показателями энергоэффективности, включая светодиоды, панели — солнечные батареи и улучшенную теплоизоляцию для сбережения энергии.

В настоящее время РК находится на начальном этапе развития «зеленого» строительства и внедрения экологических технологий в городское хозяйство. Способствовать более активному продвижению в этом направлении может динамичное развитие сопряженных отраслей, отрасли возобновляемых источников энергии, научные и инженерные разработки в сфере уменьшения энергетических затрат.

Сложности, с которыми сталкивается сфера «зеленого» строительства в Южной Корее, заключаются в:

1) недостаточном взаимодействии строительных фирм, которые вышли на рынок энергоэффективных зданий, и производителей материалов и оборудования;

2) слабой заинтересованности частного сектора, что объясняется непредсказуемостью рынка и вызывает опасения в наличии в будущем соответствующего спроса, который сможет окупить высокие затраты;

3) дефиците технологий и квалифицированной рабочей силы.

Перечисленные проблемы не уникальны, и все страны, которые раньше Республики Корея начали проявлять практический интерес к «зеленому» строительству и «активным» или «умным» домам, уже сталкивались с ними.

В связи с тем, что инициативы, касающиеся экологических зданий, приняты на государственном уровне, строительный рынок РК претерпит неизбежные изменения, и можно ожидать, что степень взаимной интегрированности строительных компаний и фирм-поставщиков строительных материалов возрастет. Однако сама индустрия материалов, оборудования и т.п. для «зеленого» строительства находится в процессе становления и, скорее всего, потребуются импорт зарубежных материалов, что может как стимулировать в дальнейшем внутренне производство, так и, наоборот, сдерживать его.

На мировом рынке сейчас существуют две наиболее глобальные международные системы экологической сертификации:

▪ BREEAM (метод экологической оценки эффективности зданий) — система, разработанная в Великобритании;

▪ LEED (Руководство в энергетическом и экологическом проектировании) — система, разработанная в США.

Большинство зданий и материалов, претендующих на статус экологически чистых, оценивается согласно одной из них. Официально в РК, как и в большинстве других стран, не утверждена ни одна из систем, и каждое конкретное здание, исходя из пожеланий заказчика, может быть сертифицировано по любой из них. Одним из вариантов, который рассматривается в РК, является формирование собственного консорциума экспертов, который объединит строительные фирмы, фирмы-производители материалов, архитектурные бюро и финансовые организации, на который будет возложена функция давать собственную оценку энергоэффективности зданий.

Для того чтобы стимулировать частный капитал для активного участия в рынке «зеленого» строительства как со стороны строителей и подрядчиков, так и со стороны покупателей и арендаторов, наиболее важной является организация обширной рекламной кампании, которая сможет продемонстрировать все преимущества экологичных строений для жизни и для работы. Налоговые льготы и бюджетное софинансирование также являются эффективными инструментами для привлечения строительных фирм на рынок. И дальнейший выкуп в общую сеть избыточной энергии, производимой зданием посредством возобновляемых источников, также может повлиять на приток инвесторов на рынок строительных услуг.

Роль государства, притом что традиционно преимущественно частные компании занимаются исследованиями и разработками, могла бы еще более стимулировать внедрение «зеленых» технологий в строительство через проектирование, создание и управление зданиями, потребление энергии в которых было бы снижено без значительного роста строительных расходов.

¹ UNFPA State of World Population 2011. URL: <http://foweb.unfpa.org/SWP2011/reports/EN-SWOP2011-FINAL.pdf>

² UN World Urbanization Prospects, the 2009 Revision. URL: <http://esa.un.org/unpd/wup/>

³ *Park Yong-Gyu*. Exporting Korea's Development Expertise. *SeriQuarterly*.

URL: http://www.seriquarterly.com/05/qt_contents_page.html?pubseq=20120115

⁴ *Kang Heechan*. Korean Green Building Code. Presidential Committee on Green Growth, Measures to Develop Green Cities and Buildings. URL: <http://readperiodicals.com/201010/2165371631.html#b>

⁵ Energy Balances of OECD Countries. International Energy Agency (2008), OECD. URL: www.iea.org

⁶ ESCAP Press Release: Korea-ESCAP partnership to promote low carbon green growth. URL: <http://www.unescap.org/unis/press/2008/oct/g48.asp>

⁷ *Kang Heechan*. Op. cit.

⁸ Improving Energy Efficiency in Buildings. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/3/62/39370363.pdf>; <http://www.basf.com/group/corporate/us/en/sustainability/press-releases/regions/asia-pacific-area-africa/three-litre-house>

*А.Н. Рязанова**

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ. ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И РК (ТОМСК – УЛЬСАН)

Одна из стратегических целей Республики Корея в начале XXI в. – стать одним из лидеров экономического развития в мире. Современный экономический рост невозможен без своевременного развития сферы науки и техники, образования международного уровня, а также внедрения НИОКР в современную промышленность и производство. Будучи четвертой экономикой Азии (после Японии, КНР, Индии), Южная Корея имеет весьма амбициозные планы – стать десятой экономической державой в мире. Для этого РК делает ставку на развитие научно-технологического сотрудничества с США, Японией, Китаем, странами Евросоюза, а также с Россией¹.

Южная Корея всегда проявляла интерес к расширению научно-технологического сотрудничества с Российской Федерацией. Но в годы перестройки российской экономики это сотрудничество нельзя было назвать плодотворным для обеих сторон, так как РК пыталась получить российские технологии по невысокой цене. В начале XXI в. со стабилизацией внутреннего положения российской науки международное сотрудничество стало более стабильным и взаимовыгодным.

Позитивным примером научно-технического диалога между двумя странами является, в частности, сотрудничество между научными центрами г. Томска и г. Ульсан. Эти города стали городами-побратимами в 2003 г. Официальное соглашение об этом было подписано в Томском государственном университете. С российской стороны меморандум скрепили своими подписями

* Рязанова Анастасия Николаевна, аспирант Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: Anastasiyan.Ryazanova@gmail.com.

мэр Томска А. Макаров и председатель томской городской думы Н. Николайчук. С южнокорейской стороны документ подписали мэр Ульсана Пак Мэн У и председатель городского совета Ким Чхоль Ук². Соглашение о побратимстве между двумя городами предусматривает активизацию двусторонних связей в области экономики, торговли, науки, культуры, спорта и туризма³.

В настоящий момент Ульсан имеет побратимские связи с 7 городами и 1 провинцией иностранных государств: Хаги (Япония), Вареном (Тайвань), Портлендом (США), Чаньчунем (КНР), Кокаели (Турция), Сантосом (Бразилия), Томском (Россия) и провинцией Хань Хоа (Вьетнам).

Ульсан является одним из 7 наиболее крупных городов Южной Кореи. Изначально являясь рыбным портом, г. Ульсан стал промышленным катализатором в развитии национальной экономики начиная с 27 января 1962 г. Тогда, в соответствии с первым национальным 5-летним экономическим планом (1962–1966 гг.) и приказом Кабинета министров № 403, эта территория была объявлена Особой промышленной зоной, в рамках программы модернизации страны⁴. Важную роль в жизни города играет порт, один из старейших и быстроразвивающихся в стране. Его мощности позволяют одновременно принимать до 100 судов различного тоннажа и перерабатывать до 164 млн т грузов в год (это около 16 % всего грузооборота страны)⁵.

Город имеет уникальную региональную экономику, являясь родиной таких производств, как:

- 1) крупнейший автомобильный комплекс и 5-й в мире производитель автомобилей Хендай Мотор [Hyundai Motor, (HyMC)];
- 2) Крупнейшая верфь и кораблестроитель, компания Хендай Хеви Индастрис [Hyundai Heavy Industries (HyHI)];
- 3) 4-й крупнейший производитель контейнеров среднего размера Хендай Мипо Докьярд Компании [Hyundai Mipo Dockyard Co. (HyMD)];
- 4) 2-й крупнейший комплекс в мире по производству нефтепродуктов.

Здесь также расположены 2 нефтеперегонных предприятия, управляемые Эс Ка Энерджи (SK Energy) и Эс-Ойл (S-Oil), которые совместно перерабатывают ежедневно больше сырой нефти (1,4 млн баррелей в 2010 г.), чем какой-либо другой город в мире⁶.

Девиз города — «Гармония и подъем. Великий Ульсан». В связи с этим в начале XXI в. муниципальные власти выдвинули 7 приоритетных целей в своей политике: создание промышленной системы высокого уровня; позиционирование Ульсана как привлекательного прогрессивного «зеленого» города; систематическое улучшение благосостояния жителей; интенсивное развитие культуры, туризма и образования; совершенствование дорожной инфраструктуры и сферы услуг; создание основы для города будущего; преобразование муниципальной власти в целях превращения Ульсана в первоклассный мировой мегаполис.

В Ульсане созданы благоприятные условия для привлечения иностранного капитала. В частности, здесь функционируют 2 крупных национальных индустриальных комплекса — Ульсан-Мипосский и Онсанский, — в которых размещены десятки предприятий иностранных корпораций из Японии, США, Германии, Англии и др. Успешная деятельность данных объектов побудила власти Ульсана увеличить число индустриальных комплексов и свободных экономических зон в городе.

В 2003 г. был создан фонд продвижения промышленности, а 27 декабря 2004 г. был открыт технопарк г. Ульсан как центр региональной инновационной системы. Основная идея и задача центра — это налаживание сотрудничества между промышленностью, академическими и исследовательскими организациями с помощью поддержки малого бизнеса, создание пилотных проектов, привлечение инвестиций. В сентябре 2006 г. был открыт центр автомобильных инноваций, в марте 2007 г. запущен в эксплуатацию центр тонкой химической промышленности, в марте 2009 г. открыл свои двери центр бизнес-аналитики и головной офис технопарка.

Стратегия развития технопарка разделена на 3 периода.

1. *Краткосрочный план* (2004—2009 гг.) под названием «Класстер поддержания технологического развития». В данный период были созданы и запущены следующие объекты: центральный офис технопарка, центр автомобильной промышленности, центр бизнес-инкубирования для малых предприятий.

2. *Среднесрочный период* (2010—2015 гг.). Создание университетско-промышленного центра. В данный период идет работа над созданием совместных программ для аспирантов, программ по стратегическому развитию промышленности, создание междуна-

родного исследовательского центра, центра поддержки бизнеса, а также строительство гостиницы.

3. *Долгосрочный период* (2016—2020 гг.). Создание инновационного кластера «Знания и культура». В планах южнокорейского правительства — создание общественных исследовательских институтов, конференц-центров и экологического парка в г. Ульсан.

Бюджет технопарка на 2009 г. составил 28,7 млн долл. (где 10 млн из государственного бюджета, 7,9 млн из городского бюджета, 0,3 млн — частный фонд, 10,5 млн — от частных инвесторов)⁷.

По данным на 2010 г., в технопарке было зарегистрировано 142 компании, 136 из которых являются арендаторами площадей у инкубатора. Штат технопарка насчитывает 692 сотрудника. Основные отрасли компаний — резидентов технопарка — это автомобильная промышленность, химия, новые материалы, кораблестроение, защита окружающей среды⁸.

В Ульсане действует около 1000 учебных заведений различного уровня, включая 5 университетов, почти 2000 учреждений системы здравоохранения, а также десятки музеев, физкультурно-спортивных сооружений и массово-развлекательных объектов.

Большую роль в развитии региона играет университет г. Ульсана. Одна из важнейших задач, стоящая перед университетом, — это создание консорциума университета, промышленности и исследовательских структур. При университете был открыт инновационный бизнес-инкубатор, что особенно важно для поддержки молодых развивающихся компаний (стартапов). Молодые компании могут использовать исследовательские возможности университета бесплатно. Также в рамках этого проекта существуют различные обучающие программы⁹.

Что касается научно-технического сотрудничества между научными центрами двух городов, то на данный момент соглашения о сотрудничестве подписаны между университетом г. Ульсан и Национальным исследовательским Томским политехническим университетом (ТПУ) и Национальным исследовательским Томским государственным университетом (ТГУ). В рамках этих соглашений ежегодно происходит обмен студентами и аспирантами университетов.

30—31 августа 2011 г. Томск посетила делегация из ульсанского технопарка. Итогом визита стало подписание сразу трех доку-

ментов — соглашения о сотрудничестве с Томским государственным университетом, Томским политехническим университетом, а также меморандума о взаимопонимании с Томской особой экономической зоной (ОЭЗ).

Основная цель встреч в 2011 г. — обмен опытом и знакомство южнокорейской делегации с томскими научными разработками. В ходе визита иностранные гости посетили Томский научный центр СО РАН, ТГУ, ТПУ и студенческий бизнес-инкубатор Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР).

Документ, подписанный в ТГУ, позволит и дальше развивать налажившиеся контакты, даст возможность продвижения наукоемкой продукции на рынок Южной Кореи и, возможно, способствует открытию научно-исследовательских центров южнокорейских компаний в Томске.

В ходе посещения площадок Томской ОЭЗ ее генеральный директор А. Барышев проинформировал представителей южнокорейского технопарка о возможностях, предоставляемых ОЭЗ, об инновационном потенциале томских компаний и подчеркнул, что томские и южнокорейские компании могут и должны найти точки соприкосновения. Подписание меморандума, по его мнению, стало стартом успешного сотрудничества между инновационными компаниями наших стран. В свою очередь, президент технопарка г. Ульсан Шин Донг-сик отметил, что направления деятельности южнокорейских компаний совпадают с направлениями деятельности резидентов ОЭЗ¹⁰.

В рамках реализации меморандума планируется создание совместных российско-южнокорейских предприятий как в Томске, так и в РК. Стороны также договорились консультировать друг друга по вопросам особенностей национального законодательства, налогового и таможенного права, патентного права, законов, регулирующих деятельность обеих сторон.

По результатам этих встреч 14–18 мая 2012 г. в технопарке г. Ульсан состоится конференция под названием «Новые материалы и их применение». На этой конференции будут представлены проекты и компании томских университетов, а так же резиденты Томской ОЭЗ. Все представляемые проекты можно отнести к нескольким группам: новые покрытия и материалы, химия, элект-

рооборудование, проекты в области экологии и рационального природопользования, IT-проекты, фармакология, экологически чистые продукты.

Южнокорейский Ульсан и российский Томск имеют большой потенциал для развития двухсторонних связей на выгодной основе. Администрация Томской области надеется на долговременное и цивилизованное сотрудничество между сторонами, открытие совместных предприятий, развитие совместных НИОКР и сотрудничество в области образования.

¹ Денисов В.И. Южнокорейская политика в области науки и техники. Некоторые аспекты научно — технического сотрудничества России и Республики Корея. URL: www.vestnik.mgimo.ru/.../13/vestnik_13_02.pdf

² По материалам газеты Томского государственного университета «Alma Mater» № 2354 от 14.11.2003.

³ Там же.

⁴ *Sungchul Chung*. Innovation, competitiveness and growth: Korean Experiences. Science and Technology Policy Institute (STEP).

⁵ По данным официального сайта мэрии города Ульсана (Ulsan Metropolitan City). URL: <http://english.ulsan.go.kr/>

⁶ US EIA. Country analysis briefs: South Korea energy data, statistics and analysis-oil, gas, electricity, coal. Washington DC: US Energy Information Administration 2010.

⁷ Официальная брошюра ульсанского технопарка; официальный сайт технопарка: <http://www.utp.or.kr>

⁸ Там же.

⁹ Официальный сайт мэрии г. Ульсана (Ulsan Metropolitan City): <http://english.ulsan.go.kr/>

¹⁰ По данным официального интернет-портала Томской области: <http://tomsk.gov.ru/ru/news/index.html?year=2011&month=8&version=print>

*Е. Б. Цой, А. М. Гущина, В. Е. Королева**

СОТРУДНИЧЕСТВО УНИВЕРСИТЕТОВ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ С ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ И ИХ РОЛЬ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ

Изучение опыта передовых стран по взаимодействию университетов с промышленностью особенно важно в свете последних тенденций в экономике, связанных с переходом к экономике знаний. Полезным для России, на наш взгляд, является исследование опыта Республики Корея, прошедшей процесс перехода от индустриализации к экономике знаний в рекордные сроки. Представляется целесообразным проанализировать историю создания инновационной системы РК, а также процесс создания модели промышленно-университетского сотрудничества.

Переход экономики любой страны на инновационный путь развития предполагает формирование конкурентоспособной в глобальном масштабе национальной инновационной системы (НИС). Основными элементами НИС являются: высшее образование, сектор исследований и разработок, предпринимательский сектор, инфраструктура, государственная инновационная политика.

Согласно теории тройной спирали (Triple Helix Thesis), созданной в начале XXI в. совместными усилиями профессора университета Ньюкасла Генри Ицковицем (Henry Etzkowitz) и профессором амстердамского университета Лойетом Лейдерсдорфом (Loet Leydesdorff), сотрудничество между властью, бизнесом и университетом является условием конкурентоспособности инновацион-

* Цой Евгений Борисович, профессор, проректор НГТУ по международным связям; Гущина Анна Маратовна, кандидат исторических наук, директор центра международных проектов и программ НГТУ; Королева Виктория Евгеньевна, магистрант первого года обучения НГТУ по специальности международный менеджмент. E-mail: ebcoi@nstu.ru, anna.gouschina@inter.nstu.ru, victoria.koroleva@inter.nstu.ru

ной системы любой страны. Исходя из модели тройной спирали, университеты должны быть напрямую связаны с промышленностью для того, чтобы максимизировать индустриализацию знаний. Это несет в себе третью миссию университета — миссию экономического развития, наряду с функцией обучения и проведения передовых исследований.

Модель тройной спирали показывает включение во взаимодействие определенных институтов на каждом этапе создания инновационного продукта. На начальном этапе генерации знаний взаимодействуют власть и университет, затем в ходе трансфера технологий университет сотрудничает с бизнесом, а на рынок результат выводится совместно властью и бизнесом. Роль университета в модели тройной спирали неоспорима. Большинство стран сегодня переходит к экономике знаний, в которой ключевым фактором конкурентоспособности государства становятся новые знания и технологии. Именно университеты, ведущие исследования и разработки, становятся в такой ситуации важнейшим ресурсом для наукоемкого производства¹. Взаимодействие университетов и промышленности способствует ускорению процесса коммерциализации инноваций и позволяет университетам вести разработки по наиболее приоритетным направлениям, отвечающим нуждам промышленности.

Для стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) после окончания Второй мировой войны было характерно построение национальных экономик путем производства высококачественных продуктов по более низкой цене и в больших объемах для мирового рынка. Став странами-производителями, они адаптировали зарубежные технологии и методы, не производя инновационные продукты или системы, которые были бы уникальны. Ситуация в ЮВА относительно инноваций изменилась по четырем основным причинам:

1. Современная экономическая рецессия повлияла на переориентацию технологической инфраструктуры, упор стал делаться на «зеленую» энергию, «зеленые» автомобили и те виды производства, которые подразумевают неординарное мышление и инновации.

2. Для оживления экономики азиатских стран необходимо было освоение новых видов промышленности путем создания высокотехнологичных продуктов.

3. Неазиатские страны, в особенности США, начали осознавать необходимость оживления собственных производственных предприятий с целью создания рабочих мест в собственных странах. Тенденция прошлых лет, связанная с переносом производств в страны ЮВА и обеспечением азиатских стран рабочими местами, а также последующим импортом товаров из этих стран, в скором времени будет переломлена.

4. Крупные азиатские компании становятся более глобальными и конкурентоспособными на мировом рынке².

Именно по этим причинам Китай, Япония и Корея улучшают инфраструктуру высшего образования, развивают исследовательский и инновационный потенциал. Несмотря на некоторую схожесть в инновационном развитии стран ЮВА, процесс создания НИС в этих странах проходил по-разному.

Создание НИС в Южной Корее можно условно разделить на несколько периодов:

- 1960–1970 гг. — трансфер передовых технологий, полученных от западных стран, открытие правительственных исследовательских институтов;
- 1980–1990 гг. — запуск национальных проектов по развитию НИОКР, трансфер и усовершенствование передовых технологий;
- середина 1990-х — 2003 г. — продвижение инноваций, создание инновационной инфраструктуры, крупномасштабные инвестиции в НИОКР;
- 2004 г. — настоящее время — создание национальной инновационной системы, развитие экономики знаний, начало трехстороннего сотрудничества: университет—правительство—бизнес.

Для Республики Корея на начальном этапе построения НИС (1960–1980-е годы) университетам отводилась роль исключительно образовательных институтов, в них не проводились передовые исследования. В РК университеты и исследовательские институты изначально имели разные роли. Исследовательские институты были созданы для реализации целенаправленных исследований для правительства и промышленности, в отличие от университетов, функцией которых было лишь обучение студентов, ведение исследований в них было невозможно. В теории такое деление было создано для четкого разграничения сфер влияния, отвечающего нуждам РК³.

До 1990-х годов ни правительство, ни национальные университеты не были заинтересованы в разработке патентного права и в коммерциализации патентов, так как право патентообладания для университетов не было достаточно проработано. Сотрудничество университетов и промышленности в сфере инноваций было ограничено, а совместные исследования были чрезвычайно редким явлением.

Этому было несколько причин: *во-первых*, отсутствие интереса у промышленных предприятий в технологическом сотрудничестве с университетами. Большинство южнокорейских компаний продолжало догонять своих конкурентов из наиболее развитых стран в технологическом плане, основное внимание уделялось сотрудничеству с зарубежными компаниями, нежели с местными. *Во-вторых*, компании РК были нацелены на быстрый результат, заинтересованы в прикладных технологиях, которые можно было сразу внедрить и получить прибыль, ведение длительных и дорогостоящих научных исследований с целью получения долгосрочного преимущества не было для них приоритетным.

В качестве другой причины можно выделить тот факт, что южнокорейские университеты не имели статуса исследовательских институтов, на самом деле университеты рассматривались гражданами как образовательные институты, в которых ведение исследований не было основной целью. *В-третьих*, не было инфраструктуры, позволяющей проводить подобное сотрудничество эффективным образом, в университетах отсутствовали офисы трансфера технологий, которые могли бы обеспечить взаимодействие с промышленностью⁴.

Большинство патентов, зарегистрированных в период с 1990 по 2001 г. в РК, приходилось на долю частных фирм (78,8%), тогда как университеты произвели 0,5%, а оставшиеся 17% являются личными патентами⁵.

Для решения этих проблем Закон о патентах и Закон о содействии технологическому трансферу были дополнены специальными положениями, позволяющими национальным университетам приобретать и управлять патентными правами. Для продвижения сотрудничества между университетами и промышленностью были созданы специальные фонды, одним из первых — Фонд по

содействию сотрудничеству с промышленностью Сеульского национального университета.

В то же время научные эксперименты в лабораториях университетов часто приводили к разработке коммерчески конкурентоспособных и быстрореализуемых товаров. Коммерческий успех и технологический трансфер из таких лабораторий в бизнес-сектор явился ключевым моментом в развитии южнокорейской промышленности. Защита интеллектуальной собственности, или патентное право, стало развиваться наряду с процессом создания системы сотрудничества университетов с промышленностью. В связи с этим университеты стали более заинтересованы в управлении интеллектуальной собственностью. Знание основ патентного права и умение его применять являются основой инвестирования в большее количество разработок и продвижения трансфера технологий.

Азиатский кризис 1997 г. привел к реорганизации исследовательской системы университетов РК и к системе поощрения предпринимательства на базе университетских исследований. В 1998 г. вышел закон, который подразумевал развитие высокотехнологичного предпринимательства через трансфер технологий из университетов в промышленность. На базе университетов стали создаваться офисы трансфера технологий для патентования и управления трансфером технологий. Такие офисы имели право на передачу патентов от университета частному сектору. К 1999 г. университетам было разрешено создавать малые компании на базе университета и коммерциализировать результаты изобретений и исследований.

Начиная с 2000-х годов сотрудничество между университетами и промышленностью усилилось. Благодаря этому увеличилось число малых предприятий на базе университетов с 337 в 2000 г. до 1708 к 2004 г. Руководство южнокорейских фирм осознало необходимость ориентации на современные разработки в области науки и технологии, в чем им помочь могли именно университеты.

Таким образом, Республика Корея перешла к модели тройной спирали, согласно которой роль университета является одной из ведущих, так как университет выступает своеобразным двигателем создания инноваций.

Росту экономической активности университетов способствует создание надлежащих стимулов для ведения исследовательской

деятельности. До 2000 г. сотрудничество университетов с промышленностью осуществлялось лишь через административные структуры либо через личные связи профессоров. Традиционно ни у университетов, ни у профессоров не было стимула для развития связей с промышленностью. К 2000 г. приоритетным стало сотрудничество на институциональном уровне через лицензирование технологий. Другим стимулом стало то, что вклад в развитие промышленности был добавлен в качестве одного из критериев к профессиональной оценке преподавателей (наряду с числом публикаций, рейтингом цитируемости (SCI), количеством студентов, магистрантов, аспирантов и т.д.).

Введение в силу Закона о продвижении технологического трансфера в 2001 г. символизирует переход к индустриализации знаний. Согласно этому закону, университеты должны создавать специальные подразделения, такие, как офисы лицензирования технологий, которые ответственны за трансфер технологий и подготовку специалистов. Продвижение сотрудничества университетов с промышленностью стало более всеобъемлющим после того как в 2003 г. вышел Закон о промышленном образовании и сотрудничестве университетов и промышленности, на базе университетов стали создаваться так называемые фонды по сотрудничеству университетов и промышленности.

Только с выходом этого закона права на интеллектуальную собственность стали формально принадлежать университету, а не профессорам. Уже к 2007 г. 134 университета открыли у себя в кампусах фонды по сотрудничеству университетов и промышленности, из которых 80 университетов (59,8 %) имели офисы лицензирования технологий⁶.

РК начала массированно инвестировать в образование как в основной ресурс для развития инновационного потенциала нации. Так, в 2008 г. южнокорейское правительство потратило 20 % бюджета на поддержку образования.

Ярким показателем перехода к экономике знаний стало то, что Ли Мен Бак, ставший президентом в 2008 г., объединил Министерство коммерции промышленности и энергетики с Министерством информации и коммуникаций и Министерством финансов и экономики, в результате чего было создано Министерство экономики знаний, отвечающее вызовам XXI в.

Таким образом, наступил переломный момент в инновационном развитии страны. Южнокорейские компании, достигшие определенных успехов в технологическом аспекте, были заинтересованы в развитии собственных технологий и исследовательских навыков. В то же время правительственное и частное финансирование университетских исследований значительно расширилось, в результате чего, по данным Министерства науки и технологий за 2007 г., вложения в НИОКР выросли в 3 раза за 10-летие. В 2007 г. РК заняла 4-е место по затратам на НИОКР среди стран ОЭСР и продолжает удерживать эту позицию⁷.

Подобные тенденции инновационного развития способствовали тому, что во многих университетах резко начался процесс создания инновационной инфраструктуры с целью содействия сотрудничеству между университетами и промышленностью.

В качестве примера такого сотрудничества предлагается рассмотреть Корейский политехнический университет (КПУ), открытый в 1998 г. с целью улучшения системы технического образования страны. В КПУ заканчивается реализация масштабного проекта по строительству второго кампуса в мультитехно-долине Сихва (Sihwa Multi Techno Valley), который превратит университет в наиболее развитый многоцелевой образовательный центр.

В КПУ располагается образовательный центр для содействия сотрудничеству промышленности и университета, носящий название «инженерный дом». Последний является единственной в своем роде корейской программой по промышленно-университетскому сотрудничеству, в которой профессора, студенты, исследователи и специалисты сектора бизнеса вовлечены в исследование или подготовку специалистов на одной территории. Уникальность его состоит в том, что реальные исследовательские проекты решаются во время обычных практических занятий. Эта система была протестирована многими другими исследовательскими институтами и сейчас активно работает в университете.

На данный момент в КПУ порядка 50 «инженерных домов». Тремя основными областями исследований в них являются: IT, биотехнологии и современное материаловедение. Исследования проводятся совместно с 178 участвующими в проекте компаниями, которые их и «заказывают» под конкретные задачи, необходимые предприятиям на данный момент. Благодаря данной программе,

студенты могут получить лучшие возможности при трудоустройстве, бизнес получает больше разработок и квалифицированных специалистов.

На базе КПУ в 2000 г. была создана система партнерских (семейных) компаний, которая представляет собой сотрудничество между университетом и бизнесом, созданное для поддержки сотрудничества в сфере обмена технологиями, совместных предприятий в сфере НИОКР, прохождения студентами практики в компаниях-партнерах и совместного использования оборудования. Данная система меняет общеизвестную парадигму сотрудничества университета и промышленности и переносит фокус к сотрудничеству университета и бизнеса. В 2000 г. на базе университета действовали 273 компании-партнера, в 2004 г. их количество выросло до 1850, в 2006 г. — 2866, в 2010 г. — 3756, а в 2013 г. планируется создать сеть из 5000 компаний-партнеров⁸.

Другой моделью сотрудничества университета и промышленности является техно-инновационный парк (ТИП). ТИП является многоцелевым центром промышленно-академического сотрудничества. В одном здании располагается все необходимое для исследований: языковой образовательный центр; центр культуры; общежитие для студентов, аспирантов и исследователей (рассчитанное на 1600 человек); библиотека; книжные и продуктовые магазины. Таким образом, в ТИП созданы благоприятные условия для жизни, ведения исследовательской деятельности и подготовки высококвалифицированных специалистов для промышленности.

КПУ является ярким примером сотрудничества университета с сектором бизнеса и промышленностью, разработка новых технологий в нем ведется по наиболее приоритетным направлениям науки и техники, с применением передовых методик управления и инновационного предпринимательства.

Большинство университетов Республики Корея на данный момент вовлечено в процесс индустриализации знаний, имеют тесные связи с бизнесом и промышленностью. Это позволяет инновациям быстрее пройти процесс коммерциализации и стать товаром, востребованным на рынке. Политика страны, направленная на развитие НИС и становление мирового лидером в высокотехнологичном производстве, выводит инновации на 1-е место. Именно эти факторы способствуют развитию инновационного

и исследовательского потенциала университетов, а также все больше вовлекают их в экономику.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. НИС РК формировалось при участии и поддержке государства.

2. Государственное финансирование в НИОКР сыграло существенную роль в экономическом развитии Южной Кореи.

3. Переход к модели тройной спирали оказал положительное влияние на развитие инновационного потенциала страны. Промышленно-университетское сотрудничество повлияло на формирование конкурентоспособной инновационной системы.

4. Возможно использование передового опыта РК в построении НИС России, например, юридическое закрепление норм по продвижению технологического трансфера и промышленно-университетскому сотрудничеству. Также целесообразно использовать опыт по созданию фондов по сотрудничеству университета с промышленностью и сектором бизнеса.

¹ *Etzkowitz H.* The Triple Helix: University–Industry–Government. Innovation in action. Routledge. 2008. P. 180.

² *Nam P. Suh.* On innovation strategies – an Asian perspective. Glion Colloquium. Switzerland, 2009.

³ *Dong Won Sohn, Martin Kenney.* Universities, clusters and innovation systems: the case of Seoul Korea // World development. 2007. Vol. 35. № 6. P. 991–1004.

⁴ *Hemmert Martin.* An inquiry into the status and nature of university-industry research collaborations in Japan and Korea // Hitotsubashi, Journal of Economics 2008. № 49. P.166–167.

⁵ *Boo-Young Eom, Keun Lee.* Determinants of Industry – Academy Linkages and Their Impact on Firm performance: The Case of Korea as a Late-comer in Knowledge Industrialization, 2009. URL: <http://globelics2009dakar.merit.unu.edu/papers/KeunLee.pdf>

⁶ Ibid.

⁷ OECD Science, Technology and Industry Scoreboard-2011.

⁸ Корейский Политехнический Университет. Сеул, 2011.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

*А. М. Пастухов**

«ОТКРЫТИЕ» КОРЕИ И ПЕРВАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ СТРАНЫ (1875–1894 гг.)

В истории любого общества наступает момент, когда становится очевидной неизбежность модернизации. От того, как она проводится, на какие модели ориентируется, какие социальные слои поддерживают эту идею, зависит и будущее страны. Примером неудачно выбранной модели модернизации общества и ее последствий являются события в Корее в 1875–1894 гг.¹

Во второй половине XIX в. Корея столкнулась с системным кризисом. Слабела армия, приходило в упадок сельское хозяйство, пошатнулись позиции буддизма и конфуцианства. Одновременно Корея оказалась в центре пристального внимания европейских держав, США и Японии. Используя инцидент с канонеркой «Уньёкан» 20–23 сентября 1875 г.², Япония навязала Корее первый в ее истории неравноправный Канхваский договор от 26 февраля 1876 г.

Практически сразу же после подписания договора корейцы направили в Японию дипломатическую миссию во главе с Ким Ги Су. Его впечатления от поездки были внимательно выслушаны при дворе. Это не могло не вызвать ответной реакции со стороны Китая, продолжавшего считать Корею своим вассалом. Тяжелая борьба с мусульманскими мятежниками в Синьцзяне, продлившаяся до 1878 г., не позволила Китаю активно вмешаться в конфликт вокруг Кореи. Но все же всесильный вице-король Северного Китая Ли Хунчжан приложил усилия для разработки политики, которая позволила бы удержать Корею в сфере цинского влияния.

* Пастухов Алексей Михайлович, соискатель ИДВ РАН.
E-mail: chinesewarfare@inbox.ru

По его замыслу, Корея должна была заключить договоры с другими державами, а также с самим Китаем таким образом, чтобы в договорах фиксировались не только права и обязанности сторон, но и факт вассалитета Кореи по отношению к империи Цин.

Интерес к реформам вызвал создание в Корее негласной «партии реформ» и «путешествие *шэньши*», совершенное с ведома корейского монарха³: группа чиновников во главе с Ким Хон Джипом отбыла в феврале 1880 г. в Японию на японском корабле. Сам Ким Хон Джип по приезде в Токио посетил цинского посла, который передал ему два сочинения — «Путь дальнейшего развития Кореи» и «Слово перемен»⁴. Фактически это была программа преобразований страны. Под впечатлением успехов реформ Мэйдзи многие члены группы стали впоследствии проводниками японского влияния в Корее. В октябре 1880 г. группа подала коллективный доклад трону о своих впечатлениях. Однако выбор корейского правительства был уже сделан — оказать помощь должен был именно Китай, как в 1592 г.⁵

Все это время шла активная переписка между Ли Хунчжаном и влиятельным корейским сановником Ли Ю Воном относительно того, как следует играть на противоречиях держав и проводить собственный политический курс. Их общение вылилось в создание в 1881 г. принципиально нового для Кореи органа власти — правительства нового образца (*Тхонни гиму амун*), скопированного с китайского правительственного органа *Цзунли гэго шу ямэнь*. Новое правительство Кореи состояло из 12 управлений:

- 1) по отношению с государством-союзником (т. е. с Китаем);
- 2) по внешнеполитическим отношениям с другими государствами (кроме Китая);
- 3) вооруженных сил;
- 4) пограничной политики;
- 5) торговли;
- 6) промышленности;
- 7) флота;
- 8) военной промышленности;
- 9) следственного;
- 10) переводчиков;
- 11) цензуры;
- 12) юстиции.

В декабре 1881 г. корейское правительство отправило в Пекин группу из 38 студентов. В ее составе было 25 представителей сословия *чунбин*⁶ и 13 потомков обедневших *янбанских* родов. Им предстояло обучиться английскому, французскому и китайскому языкам, освоить профессии минера, топографа, телеграфиста, литейщика, механика⁷. По условиям соглашения, все расходы на обучение несла Корея. Корейские студенты не знали иностранных языков, математики, физики и химии. Это сильно осложнило ситуацию. 28 человек, не зная языка, не имея денег, предпочли к июню 1882 г. вернуться в Корею, так и не получив никакой квалификации. 10 человек, имевшие достаточно средств, чтобы нанять себе переводчиков и обеспечить сносные бытовые условия, также уехали в Корею, когда до них дошли сведения о начале солдатского мятежа в Сеуле. Попытка подготовить национальные кадры провалилась из-за малой заинтересованности корейского правительства в успехе замышляемых преобразований⁸.

В мае 1882 г. под дулами орудий цинских крейсеров Корея подписала американо-корейский торговый договор. В тексте договора не было статьи о вассалитете Кореи по отношению к Китаю. Впрочем, это было «исправлено» в ноте, которую корейский *ван* направил в США⁹. Так началось активное вмешательство Китая в процесс модернизации Кореи.

Обнадеженный поддержкой вице-короля Северного Китая, государь Кочжон начал реформы с реорганизации армии. Реформы сопровождались произволом в отношении солдат старой армии, вызвавшим голодный бунт, в ходе которого были убиты 9 подданных Японии — дипломаты, коммерсанты и офицеры. 24 июля 1882 г. восставшие взяли штурмом дворец Кёнбоккун, многие министры были убиты, государь Кочжон изолирован от общества, а его супруга бежала в г. Чхунджу.

Китай и Япония воспользовались этим инцидентом и направили в Сеул свои войска. Конфликт закончился восстановлением *status quo* и подписанием 30 августа 1882 г. в Чемульпо очередного неравноправного японо-корейского соглашения. Чтобы держать под контролем политику Кореи, Ли Хунчжан добился издания императорского указа о пребывании в Корее цинских войск на постоянной основе и передаче ведения корейских дел под его контроль. В октябре 1882 г. были обнародованы китайско-корейские

правила торговли, где говорилось, что Корея является вассальным государством. Ли Хунчжан надеялся, что впоследствии договоры между Кореей и другими иностранными державами будут включать и этот пункт, ссылаясь на прецедент китайско-корейского торгового соглашения.

Корея начала активно перенимать достижения Китая в рамках проводимой им политики самоусиления: в 1883 г. была создана система морских таможен, во главе которой, по настоянию Цинов, был поставлен немецкий барон Пауль фон Мёллендорф, в Корею были направлены цинские технические специалисты, прошедшие обучение в Европе и США. В Министерстве иностранных дел обосновались цинские политические советники. Корейская армия обучалась цинскими инструкторами, Китай передал Корее несколько сотен современных винтовок и патроны к ним, помог выстроить арсенал. Отборный батальон из 500 корейских солдат обучался под надзором молодого и подающего большие надежды военачальника Юань Шикая. Китай пошел на предоставление своему вассалу льготных займов на 100 тыс. *лянов* под 8% годовых (в отличие от займов, предоставленных Японией под 10–20% годовых) и обеспечение от доходов корейских морских таможен на строительство телеграфа. Были предприняты и другие попытки закрепить в экономике Кореи.

Присланные из Китая европейские горные инженеры обследовали горнорудные месторождения Кореи и пришли к выводу, что для их успешной разработки требовалось привлечение крупных инвестиций из-за рубежа. Однако корейское правительство не имело такой возможности. Китай также не был в состоянии вложить необходимые средства в горнодобывающую промышленность Кореи. Таким образом, Китай был вынужден ограничиться укреплением своего влияния на внешнюю политику Кореи и ее вооруженные силы, а также несколько расширить торговую экспансию в вассальном государстве.

Содержание войсковой группировки в Сеуле дорого обходилось Китаю. Ли Хунчжан попробовал вывести половину войск, о чем предварительно уведомил корейское правительство. Однако цинские солдаты являлись гарантией невмешательства со стороны Японии и успеха преобразований по цинскому образцу. Поэтому Кочжон упрямил Ли Хунчжана отложить эвакуацию цинского корпу-

са. Одновременно корейцы получили от Китая займ в 200 тыс. *лянов* под невысокий процент для проведения насущных преобразований в стране. Но верхушечные реформы, проводимые под защитой цинских штыков, не могли реально улучшить положение страны.

Весной 1884 г. началась франко-китайская война, вследствие чего цинские войска по большей части были выведены из Сеула в Тяньцзинь. Этим обстоятельством попытались воспользоваться прояпонские элементы в корейском правительстве, 4 декабря 1884 г. организовавшие государственный переворот. Согласно их плану, Кочжон должен был быть препровожден в японское посольство, сторонники прокитайской ориентации перебиты. После этого следовало приступить к изгнанию из Кореи цинских экспедиционных войск с помощью Японии.

Решительные действия цинских войск по восстановлению status quo, которые поддержала большая часть корейских военных, завершились успехом. Кочжон был возвращен во дворец под охраной цинских солдат. Популярность Китая в правительстве достигла наивысшей точки. Китайцы почувствовали себя хозяевами положения. У наиболее реакционных кругов в цинском правительстве даже возникла идея полностью оккупировать Корею и превратить ее в цинскую провинцию.

Тем временем японцы вновь навязали Корее неравноправный Сеульский договор, вынудив его подписать в январе 1885 г. Также Япония попыталась воспользоваться сложившейся ситуацией и настоять на том, чтобы Китай как страна-сюзерен выступил ответчиком за произошедшее. В марте 1885 г. в Тяньцзине произошла серия встреч японского посла Ито Хиробуми с Ли Хунчжаном. Стороны договорились вывести свои войска из Кореи в течение 4 месяцев и впредь посылать их для подавления каких-либо мятежей, только предварительно уведомив друг друга. Военные инструкторы обеих стран отзывались из Кореи, их место должны были занять инструкторы третьих стран.

В результате подписания 18 апреля 1885 г. Тяньцзиньского соглашения Китай усилил свое политическое влияние в Корее. Попытка Кочжона пригласить русских военных специалистов закончилась, едва успев начаться: приехавший в июле 1885 г. в Корею русский военный инструктор полковник Шнеур был вынужден покинуть страну буквально после окончания перегово-

ров. Большую роль в этом сыграли Ким Юн Сик и Юань Шикай. В августе 1885 г. был уволен с занимаемых постов и отозван в Китай и барон фон Мёллендорф: Ли Хунчжан считал, что тот не смог оправдать его надежд и был проводником прорусской, а не прокитайской политики в корейском правительстве. Многие промышленные начинания, задуманные фон Мёллендорфом в Корее, потерпели крах¹⁰. Чтобы упрочить влияние Китая в Корее, Ли Хунчжан ловко ввел в игру новые фигуры — бывшего генерального консула США в Шанхае О. Дэнни, а также американских военных инструкторов.

Корея продолжала оставаться под контролем Китая все последующее 10-летие. В ноябре 1885 г. Ли Хунчжан направил в Корею Юань Шикая, получившего официальный титул «резидента в Корее по торговым вопросам». Ловко воздействуя на корейских политиков, вмешиваясь в распри между представителями великих держав, Юань Шикай сделал свое положение в Сеуле исключительным: его не любили, опасались и признавали за ним большое влияние на корейцев. В 1885 г. Юань Шикай сумел провести в корейском правительстве выгодные для Китая решения о строительстве телеграфных линий Инчхон — Сеул — Ыйджу, Сеул — Пусан и Сеул — Вонсан на кредиты в 170 тыс. *лянов*, предоставляемых от империи Цин и частных китайских инвесторов на льготных условиях. Условия договора превращали эти линии в концессию Китая сроком на 25 лет¹¹. В 1891 г. Корея пыталась, согласно условиям цинско-корейского телеграфного соглашения от 1886 г., выкупить телеграфные линии и укомплектовать их корейскими телеграфистами. Однако Китай настоял на сохранении контроля за телеграфом, а также пресек попытку корейцев брать займы в иностранных банках. Льготной финансово-кредитной политикой Китай стремился крепче привязать к себе Корею.

За период 1885—1894 гг. в Корее появились китайские селтльменты в Сеуле и Инчхоне (наряду с европейским и японским), Пусане и Вонсане (вместе с японским), китайские предприниматели скупали землю в районе Инчхона, создавая крупные товарные овощеводческие хозяйства; китайские торговцы начали активную борьбу за монополизацию корейского рынка, добившись в этом существенных результатов: за период с 1885 по 1892 г. доля Китая в товарообороте Кореи увеличилась с 19 до 45 %, а японская, соот-

ветственно, понизилась с 81 до 55 %. Инчхон стал самым крупным торговым портом Кореи с ежегодным оборотом в 4 млн металлических рублей, существенно потеснив Пусан, где товарооборот упал с 2,5 млн металлических рублей до 800 тыс. металлических рублей, и Вонсан с товарооборотом в 1,5 тыс. металлических рублей. Огромную роль в этом играла координирующая деятельность Юань Шикая, способствовавшая концентрации усилий китайских коммерсантов. Внешние перевозки товаров между Китаем и Кореей также производились на китайских торговых судах, для чего в 1884 г. была учреждена регулярная линия Чифу — Инчхон — Пусан — Нагасаки — Шанхай, а в 1888 г. — Шанхай — Инчхон. Влияние Китая стало настолько сильным, что когда корейцы попробовали построить собственный монетный двор, европейские державы отказали им в кредите на приобретение оборудования, так как решение корейского правительства не было санкционировано Юань Шикаем¹². Когда в 1890 г. умерла вдовствующая королева¹³, Юань Шикай настоял на соблюдении древнего обряда выражения соболезнования королевской семье: из Пекина прибыло посольство, состоявшее из сановников-маньчжуров. По традиции, корейский монарх должен был встречать цинских послов обрядом *коутю* (3 коленопреклонения и 9 челобитий). В этот раз цинское посольство не только прибыло в Корею на боевых кораблях Бэйянского флота, но и сама унижительная церемония произошла на глазах у всего дипкорпуса, аккредитованного в Сеуле, произведя на дипломатов сильное впечатление. Мощь Китая была продемонстрирована так явно, что это оказало воздействие даже на Японию. Когда в 1894 г. в Корее вспыхнуло восстание *тонхак*, то корейский *ван* обратился к Юань Шикаю и Ли Хунчжану с просьбой спасти гибнущий режим.

Таким образом, неправильный выбор модели модернизации лишь ослабил Корею. Современная армия так и не была создана¹⁴; флот отсутствовал; морские таможни, служившие гарантированным источником получения доходов, подчинялись цинским ставленникам; телеграф находился под прямым контролем Цин; свободная печать и современное образование (в том числе военное и техническое) отсутствовало; разработка недр и рыболовецкие концессии находились в руках японцев. Основу экспорта страны продолжали составлять продукты сельского хозяйства, лесного и

рыбного промыслов. К тому же страна была вынуждена придерживаться архаических обычаев в своей внешней политике, а советники, приглашенные в Корею по наущению Китая, не смогли построить современной промышленности. Финансовая система страны была подорвана господством в расчетах с сюзереном китайского лян.

Безусловно, в неудаче корейских реформ виноваты не только внешние обстоятельства, заставившие Корею искать помощи со стороны Китая: больным оказалось все корейское общество. Так, несмотря на энергичные усилия фон Мёллендорфа, направленные на создание современной промышленности в Корее, его проекты по развитию шелкового производства, строительству спичечной фабрики и прочие идеи оказались лишь выгодной кормушкой для коррумпированного корейского чиновничества. Как только «организационный момент», сопровождавшийся выделением правительственного финансирования, оканчивался, корейцы теряли интерес к проекту. Коррупция принимала чудовищные формы¹⁵. Малый престиж технического и военного образования также тормозил модернизацию страны: обучение в Китае сорвали сами корейцы, а обучение корейских студентов и курсантов в Японии стало невозможным после событий 1882–1884 гг. Корейская элита, верная традициям партийной борьбы XVI–XVIII вв., не имела четкой программы действий. Все группировки, однако, были единодушны в том, что следует усилить эксплуатацию народа, постоянно вводя новые налоги и не следя за соблюдением законов в стране. В результате страна превратилась в поле боя между соперничающими державами, а затем и вовсе утратила самостоятельность.

¹ Указанные события хорошо отражены в таких корейских и китайских источниках, как Кочжон силлок (Истинные записи правления Кочжона) / Идجو силлок (Истинные записи правления дома Ли). Интернет-публикация; Чжунго дии лиши данъанъгуанъ гуанъцзан данъанъ гайшу (Китайский 1-й исторический архив – опись фондов). – Пекин, 1985; Яо Сигуан Дунфан бинши цзилюэ (Краткое описание военных событий на Востоке) / Чжун-Жи чжанъчжэн (Японо-китайская война). – Шанхай, 1956. Т. 1. С. 1–108.

² Канлодка «Уньёкан» незаконно вторглась в корейские территориальные воды и начала вести гидрографические съемки. В ответ на обстрел судна нарушителя со стороны корейской береговой охраны японцы ответным

огнем разрушили форты Чходжиджин и Ёнджонджин и сожгли рыбацкую деревню на о. Ёнджондо «в ответ за оскорбление японского флага».

³ Согласно корейским законам, ни один кореец без специального разрешения правительства не имел права покинуть территорию Кореи под страхом смертной казни. Отправка корейских аристократов в «путешествие» (*синса юрам*) была не просто увеселительной поездкой – она носила ярко выраженный ознакомительный характер, а в группе находились такие люди, как Ким Хон Джип, Хон Ён Сик, И Вон Хви и другие крупные политические деятели Кореи 1860–1880-х годов.

⁴ См.: Ли Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка. – М., 2000. С. 288.

⁵ В 1592 г. китайские войска пришли на помощь Корее, терпящей поражение в войне с Японией, а впоследствии оказали помощь в перестройке вооруженных сил.

⁶ Разночинцы. Происходили из незаконнорожденных сыновей *янбан*. Впоследствии дети *чунбин* также становились *чунбин*. Традиционно замещали все технические должности – врачей, переводчиков, юристов и т. д. Подробнее о сословии *чунбин* см.: Ланьков А. Н. Политическая борьба в Корее XVI–XVIII вв. – СПб, 1995. С. 44–46.

⁷ См.: Забровская Л. В. Политика Цинской империи в Корее 1876–1910 гг. – М., 1987. С. 23.

⁸ Отсутствие централизованного финансирования группы и неудачный выбор студентов, отсутствие престижа в освоении «низкой» профессии – вот причины провала Тяньцзиньской группы. Конечной целью всех проводимых мероприятий было не усиление страны, а сохранение власти правящей элиты и увеличение ее доходов.

⁹ В этой ноте президент США официально уведомлялся о том, что Корея является вассалом империи Цин.

¹⁰ Халберт Г. Барон фон Мёллендорф (некролог) // Вопросы истории Кореи. – СПб., 2002. С. 45–53.

¹¹ См.: Забровская Л. В. Указ. соч. С. 45.

¹² Юань Шикай настаивал на чеканке корейских монет с цинским девизом правления Гуансюй, как и полагалось по статусу зависимому государству, однако Кочжон стремился использовать корейское традиционное летоисчисление, что и привело к конфликту между Юань Шикаем и Кочжоном. См.: Забровская Л. В. Указ. соч. С. 47.

¹³ Супруга корейского монарха Чхольджона (1849–1863), предшественника Кочжона (1863–1907), бывшего непрямым наследником трона династии Ли.

¹⁴ По состоянию на 1894 г. корейская армия насчитывала всего около 7 тыс. солдат и офицеров и не более полусотни современных орудий, включая около 25 митральез. См.: Война между Китаем и Японией в 1894–1895 гг. – Новгород, 1896. С. 12–13.

¹⁵ Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа. – М., 1953. Вопросы коррупции в Корее второй половины XIX в. посвящен раздел 2 главы 1 (С. 34–60).

*В. А. Гринюк **

СТЕНОГРАММА СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА ПО ДЕЛУ АН ЧЖУН ГЫНА: ДРАМАТИЧЕСКИЕ ЭПИЗОДЫ ИСТОРИИ ЯПОНО-КОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

26 октября 1909 г. Ан Чжун Гын — боец корейской Армии справедливости, боровшейся против колониального закабаления родины Японией — застрелил председателя Тайного совета, бывшего генерального резидента Японии в Корее Ито Хиробуми. Теракт произошел на железнодорожном вокзале Харбина, входившем в состав принадлежавшей России Китайско-Восточной железной дороги. Арестованный российскими жандармами, корейский патриот был передан японским властям. В феврале 1910 г. в г. Порт-Артуре состоялся судебный процесс над Ан Чжун Гыном и его тремя товарищами. Ан Чжун Гын по приговору суда был казнен. В августе 1910 г. Япония навязала Корее договор ее об аннексии.

Опубликованная в феврале 1910 г. редакцией японской газеты «Мансю нити-нити симбун» стенограмма судебного процесса по делу об убийстве Ито Хиробуми содержит важный материал о драматических страницах в истории Японии и Кореи. Протоколы допросов Ан Чжун Гына и его товарищей дают представление о причинах возникновения и развитии антияпонского движения в Корее в период до аннексии страны. Так, Ан Чжун Гын во время допроса говорил: «В рескрипте его Императорского Величества императора Японии... о начале войны Японии против России... целями войны были провозглашены сохранение мира на Востоке и упрочение независимости Кореи. Поэтому корейцы в то время испытали воодушевление. Во время русско-японской войны многие корейцы действовали в интересах японцев. Когда был заключен

* Гринюк Владимир Александрович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра японских исследований ИДВ РАН. E-mail: vladimirgrinyuk@mail.ru

мирный договор между Японией и Россией, это было триумфом японской армии, и корейцы радовались так, как если бы это был триумф их собственной страны. Они говорили, что теперь независимость Кореи будет более прочной. Однако после этого князь Ито Хиробуми получил назначение на пост генерального резидента в Корее, затем был заключен договор из 5 статей, противоречащий цели укрепления независимости Кореи. Поэтому и в верхах и в низах корейского общества испытывали горькие чувства, люди выражали протест. Но этим дело не кончилось. Наступил 1907 год, и был подписан японо-корейский договор из 7 пунктов. Подобно предшествовавшему договору из 5 статей, этот документ не получил высочайшего одобрения Его Императорского Величества императора Кореи, с ним не был согласен и премьер-министр государства. Договор был подписан под давлением со стороны генерального резидента Ито. Все корейцы — независимо от положения в обществе — отказывались признавать этот пакт, проявляли несогласие с ним, выражали возмущение и были готовы объявить о своем негодовании всему миру»¹.

Поясним: договор из 5 статей — это заключенный 17 ноября 1905 г. Договор о протекторате, в соответствии с которым учрежденный в Корее японский контрольный орган — Управление генерального резидента — занимался вопросами внешних сношений Кореи. Договор из 7 пунктов означает подписанный 24 июля 1907 г. Корейско-японский новый договор о сотрудничестве, по которому значительно расширились права японского генерального резидента в Корее. После подписания данного договора во все министерства Кореи были назначены японские вице-министры.

В другой части стенограммы приводятся такие слова Ан Чжун Гына: «Став генеральным резидентом Кореи, Ито Хиробуми с помощью военной силы навязал нашей стране договор из 5 статей и договор из 7 пунктов. Но это не соответствовало священному пожеланию императора Японии, т.е. Ито Хиробуми ввел в заблуждение Его Императорское Величество императора Японии и обманул всех корейских подданных... Я совершил ликвидацию Ито Хиробуми, так как полагал необходимым уничтожить этого человека, чтобы спасти Корею, оказавшуюся в нынешнем тяжелом положении»². Из слов подсудимого видно, что его отношение к генеральному резиденту и к императору Японии было разным.

Очевидно, что даже в среде решительных борцов за независимость Кореи в то время сохранялись симпатии в отношении Японии, иллюзии о заботе руководства Японии, и прежде всего ее императора, о независимости и процветании Кореи и были распространены антироссийские настроения. Впрочем, такие иллюзии исчезли после захвата Кореи Японией, едва прикрытого договором об аннексии. Что касается антироссийского тона высказываний Ан Чжун Гына, то, вероятно, он объяснялся и его враждебностью в отношении российских властей, арестовавших корейского патриота и передавших его в руки японской полиции. Нельзя исключать и того, что Ан Чжун Гын прибегал к антироссийским высказываниям исходя из соображений тактики своего поведения во время суда.

Корейский патриот во время судебного процесса объявил, что является генерал-лейтенантом Армии справедливости, ответственным за операции на территории России и Китая, и требовал отношения к себе как к военнопленному. Из его показаний следовало, что отряды армии имелись во всех провинциях Кореи и объединяли в своих рядах тысячи представителей разных слоев корейского общества.

В обвинительной речи прокурор Мидзобути всячески оправдывал политику Японии в отношении Кореи, лицемерно утверждал, что она направлена на защиту независимости этого государства. «Нет места никаким сомнениям в том, что Японская империя не навязывала Договор о протекторате военной силой — он стал результатом того, что Корея последовала нашему доброму совету», — говорил прокурор³. Обосновывая необходимость вынесения подсудимому Ан Чжун Гыну смертного приговора, представитель обвинения ссылался на теории уголовного права, в то время распространенные в Европе. Эрудированность в вопросах уголовного права демонстрировали и защитники. Но контрастом с научнообразными рассуждениями японских юристов о правовых нормах на процессе прозвучали слова о варварском поведении японских захватчиков в Корею. Ан Чжун Гын в своих выступлениях говорил об убийстве японскими военными в октябре 1895 г. корейской императрицы Мин и о казнях тысяч борцов против японского колониального господства. По его словам, отрубленные головы людей выставляли на всеобщее обозрение, чтобы запугать корейцев⁴.

Большой интерес представляют речи защитников. Адвокат Мидзуно объяснял действия обвиняемого отсутствием у него достаточного образования и призывал судей проявить сочувствие к Ан Чжун Гыну. «Достоинно крайнего сожаления то, что обвиняемый в силу своего неразумения совершил такую ужасную ошибку, — говорил защитник. — Обвиняемый происходит из обеспеченной семьи, известной в своем регионе, но его образование ограничилось знакомством с несколькими учебниками и осталось на детском уровне... Причина заключается в несовершенстве государственной системы образования в Корею. И если бы обвиняемый родился в Японии или в другой цивилизованной стране, он мог бы получить прекрасное образование и не совершил бы такую ошибку... Притом реальные ресурсы корейского государства действительно ничтожны, и все права во внешней политике переданы Японии... Если бы мы поставили себя на место корейцев и оценили ситуацию в этой стране, мы бы тоже негодовали, руководствуясь патриотическими чувствами. Япония с самого начала искренне стремилась осуществлять протекторат в отношении Кореи. Но пока еще между Японией и Кореей существует государственная граница, и защиту Кореи нельзя доводить до унижения этой страны. Сегодня нельзя добиваться того, чтобы корейцы относились к Японии точно так же, как к Корее. Князя Ито и обвиняемого разделяет разное подданство... Обвиняемый не проникся доверием к искренним мотивам князя Ито в силу неизбежных причин: несовершенства системы образования в Корею и существования государственной границы между Японией и Кореей. Следовательно, нужно исправить систему образования и устранить государственную границу между Японией и Кореей»⁵.

Таким образом, японский юрист обосновывал интересами прогрессивного развития Кореи необходимость ликвидации самостоятельного корейского государства и его поглощения Японией. Далее, сравнивая Японию и Корею, адвокат высокомерно разглагольствовал о преимуществах Японии: «С одной стороны — японские подданные, которыми правит потомок богов — представитель непрерывной в тысяче поколений линии императоров. С другой — подданные корейского императора династии Ли, насчитывающей всего лишь 300 лет, причем в этот период страна переживала взаимное истребление представителей противостоящих группиро-

вок, соперничество чиновников, а также вымогательство, взяточничество и насилие»⁶.

Добиваясь определения для подсудимого мягкого наказания, защитник Мидзуно подчеркивал, что покойный Ито Хиробуми, если бы остался в живых, наверняка проявил бы снисхождение к преступнику, так как сам он совершал поступки, за которые ему впоследствии было стыдно. Адвокат рассказывал, что после состоявшегося в 1853 г. захода в Японию американской военной эскадры под командованием коммодора Пэрри самурай из княжества Тёсю Ито Хиробуми был одним из лидеров движения, выступавшего под лозунгом «Уважение — императору, изгнание — иноземцам». «Этот ошибочный лозунг поддерживали все заслуженные государственные деятели Японии старшего поколения, — говорил адвокат. — Когда дальновидный политик того времени Сакаи Тёраку стал выступать за политику открытия страны и инициативности на международной арене, Ито Хиробуми вместе с Кусака Харуёси и пятью другими самураями планировал покушение на Сакаю. Правда, осуществить покушение не удалось. Затем Ито Хиробуми вместе с маркизом Иноуэ и другими единомышленниками устроили поджог канцелярии британского посланника в Синагава. Впоследствии Ито Хиробуми посетил Британию. После этого он резко поменял свои взгляды, покаялся в своих прежних ошибках, стал поддерживать политику императора, направленную на открытие Японии внешнему миру и на проявление государством инициативности на международной арене. Ито Хиробуми стал наиболее заслуженным государственным деятелем Японии: был автором конституции и премьер-министром, но в те прошлые времена его поступки действительно походили на поступки нашего подсудимого»⁷.

Кроме того, чтобы облегчить участь Ан Чжун Гына и трех его соратников — обвиняемых на процессе, защита настаивала на том, что при определении наказаний обвиняемым суд должен применять нормы уголовного права Кореи. Однако оно не содержало правил относительно наказаний, совершенных за пределами территории Кореи. Поэтому, утверждали адвокаты, ввиду несовершенства закона следует признать обвиняемых невиновными.

Беззаветный борец за независимость Кореи, Ан Чжун Гын в ходе судебного процесса не думал о своем спасении, а проявлял

заботу лишь об интересах патриотического движения, символом которого он стал. Поэтому он отверг линию защиты, которую выстроили адвокаты. В своем последнем слове Ан Чжун Гын заявил, что его действия нельзя рассматривать как ошибку. Он говорил: «Оба защитника в своих речах отметили, что по китайско-корейскому договору о торговле от 3-го года Кванму (1899 г.) корейцы имеют право экстерриториальности на территории Китая, и Китай тоже имеет право экстерриториальности в Корею. Поэтому если кореец совершает преступление за пределами своей страны, то его нужно считать невиновным, так как нет документов, на основании которых можно было бы назначить наказание. Я считаю, что это крайне неверная теория. Сегодня все люди живут под защитой закона, и не может быть такого, чтобы нельзя было применить никаких санкций в отношении лица, убившего человека. Что касается меня, то я совершил этот акт не в личном качестве, а как военнослужащий Армии справедливости. Поэтому я убежден, что меня нужно считать воином, взятым в плен и оказавшимся перед судом. И я хочу, чтобы меня наказали в соответствии с международным, всемирным публичным правом»⁸.

Таким образом, в стенограмме судебного процесса над Ан Чжун Гыном изложены яркие эпизоды борьбы корейских патриотов против колониального захвата их страны Японией. В то же время в данном документе получил отражение поворотный момент в истории Японии и Кореи. На предшествующем этапе развития Япония совершила модернизационный рывок, добилась большого прогресса в области экономики, культуры, образования, в военном деле и встала в один ряд с первоклассными державами. Путь реформ в Японии был сложным и противоречивым. В то же время отставание Кореи, безуспешность попыток модернизации страны предопределили национальную трагедию: гибель корейского государства в августе 1910 г. Но аннексия Кореи стала для Японской империи очередным шагом на пути империалистических захватов. Этот путь привел Страну восходящего солнца к катастрофе 1945 г.

В связи со 100-летием со дня убийства Ито Хиробуми корейским патриотом, в японском журнале «Сэкай» в октябре 2009 г. был опубликован специальный материал. Эта публикация знакомит читателей с двумя сочинениями, написанными Ан Чжун Гыном

в тюрьме г. Порт Артура незадолго до казни — «Автобиография» и «Теория мира на Востоке»⁹. Переводы китайских иероглифических текстов (*камбун*) на современный японский язык сопровождаются комментарием, подписанным редакцией журнала «Сэкай»¹⁰.

Сохранение автографов Ан Чжун Гына стало возможным благодаря тому, что патриотизм и самоотверженность борца за национальную независимость вызывали уважение и даже тайное сочувствие у японцев, непосредственно контактировавших с ним или имевших отношение к его документам. Тюремный надзиратель, охранявший Ан Чжун Гына, принял на хранение его «Автобиографию». Чиновник министерства юстиции вынес из министерского здания приложенные к судебному делу Ан Чжун Гына тексты, включая «Теорию мира на Востоке», и сделал с них рукописные копии. Известно также, что один жандарм из тюремной охраны непосредственно перед казнью Ан Чжун Гына попросил его исполнить каллиграфическое письмо иероглифов: «Долг военного — беззаветно служить родине». Охранник до конца жизни бережно хранил автограф Ан Чжун Гына и регулярно совершал заупокойные службы по корейскому патриоту в соответствии с буддийским обрядом¹¹.

Комментируя ту часть «Автобиографии», в которой корейский патриот объясняет побуждения, в силу которых он совершил убийство Ито Хиробуми, представители редакции журнала «Сэкай» отмечают: «Из слов Ан Чжун Гына о мотивах его поступков видно, что он абсолютно верно понимал не только ситуацию кризиса на родине, но также и положение в Японии и смысл действий нашей страны»¹².

Далее, давая оценку поступку борца за независимость Кореи, авторы комментария подчеркивают: «Ан Чжун Гын уничтожил Ито Хиробуми не из-за личной вражды, и это не было актом индивидуального террора. Убийство было продолжением линии борьбы против армии захватчиков, угрожавшей национальной независимости. Ан Чжун Гын называл себя генерал-лейтенантом Армии справедливости и требовал от японской стороны, чтобы с ним обращались как с военнопленным»¹³.

«Сэкай» — японский общественно-политический журнал, связанный с газетной компанией «Асахи». В этом издании публикуются статьи известных историков, политологов, экономис-

тов Японии. В годовщину столетия аннексии Кореи в журнале «Сэкай» было напечатано совместное заявление представителей интеллигенции Японии и Южной Кореи под красноречивым заголовком: «Процесс аннексии Кореи был несправедливым и незаконным, договор об аннексии также несправедлив и незаконен». Заявление было подписано 214 учеными и публицистами Японии и Республики Корея, в том числе лауреатом Нобелевской премии писателем Оэ Кэндзабуро, почетными профессорами Токийского университета историками Вада Харуки и Сакамото Ёсикадзу¹⁴. Продемонстрированный редакцией журнала подход к Ан Чжун Гыну и его борьбе можно рассматривать как позицию основного течения японской общественной науки.

¹ Ан Дзюн Кон дзикэн кохан соккироку (Стенограмма судебного процесса по делу Ан Чжун Гына) / Мансю нитинити симбунся хакко. 1910. С. 4-5.

² Там же. С. 6.

³ Там же. С. 110.

⁴ Там же. С. 174.

⁵ Там же. С. 160-161.

⁶ Там же. С. 163.

⁷ Там же. С. 167.

⁸ Там же. С. 177.

⁹ Незаконченное сочинение Ан Чжун Гына «Теория мира на Востоке» посвящено анализу международной обстановки в Северо-Восточной Азии в 1894–1909 гг. Автор пишет о необходимости сплочения народов Японии, Кореи и Китая в противостоянии Западу.

¹⁰ Ито Тэруо. Ан Дзюн Кон (Тоё хэйва рон). [Ан Чжун Гын (теория мира на Востоке)] // Сэкай. 2009. № 10. С. 99–108.

¹¹ Там же. С. 102.

¹² Там же. С. 100.

¹³ Там же. С. 101.

¹⁴ См.: Гринюк В. А. Столетие аннексии Кореи // Япония наших дней. 2010. № 3. М.: ИДВ РАН. С. 80–88.

*Л. В. Овчинникова **

**ПОЛИТИКА КОЛОНИАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ
в КОРее в 1920–1930-е годы
и её ОТРАЖЕНИЕ в СЛУЖЕБНЫХ МАТЕРИАЛАХ
ЯПОНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА**

Исследование архивных материалов и документов всегда представляется для исследователей крайне важным и интересным. Оно помогает воссоздать картину того или иного исторического периода, при необходимости – скорректировать некоторые оценки и трактовки исторических событий. Расширение источниковедческой базы исследований становится важным направлением исторической науки, особенно в тех случаях, когда эта база представляется недостаточной. Поиск новых материалов, дополнительной информации приобретает большое значение. Это в полной мере относится и к колониальному периоду корейской истории.

Тема колониальной Кореи исследовалась и в советский период, она продолжает оставаться актуальной и в наши дни. Вместе с тем она требует дальнейшего исследования, новых подходов. Не подлежит сомнению факт, что японский колониальный режим рассматривал Корею в качестве плацдарма для экспансии в Восточной Азии, использовал ее как колониальный рынок. В то же время не следует забывать, что именно в период генерал-губернаторства в Корею началось строительство современной инфраструктуры; были созданы предпосылки для развития государственности, здравоохранения, образования. Тогда же появились железные и шоссейные дороги, начали выходить первые газеты, были изданы древние литературные памятники. Несомненно,

* Овчинникова Любовь Всеволодовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры японской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: sakura@online.ru

что главной и преобладающей частью колониальной политики Японии была колонизаторская, эксплуатационная составляющая, но с ней соседствовали элементы модернизации экономической и общественной жизни

Затронутую тему автор хотел бы рассмотреть сквозь призму служебных материалов, выпущенных на японском языке в Сеуле в 1930-х и начале 1940-х годов японским генерал-губернаторством. Это закрытые материалы полиции, суда, прокуратуры, являющиеся большей частью «секретными» или «особо секретными». Они были предназначены для очень узкого круга чиновников японской колониальной администрации.

Одно из наиболее значительных изданий, которое можно отнести к группе комплексно-аналитических, исследовательских – это книга «Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время (Сайкин-ни окэру тё:сэн дзиан дзё:кё)» (Сеул, 1939 г. и 1943 г.). В книге приведен большой материал о методах подавления колониальной администрацией антияпонских выступлений, о так называемых «идеологических преступлениях», даны сводки, таблицы, подробные данные о судебных процессах над их участниками. Чрезвычайные меры борьбы с «опасными элементами», включавшие не только репрессии, но и создание в колонии различных прояпонских организаций и разложение изнутри патриотических сил отражены в книге весьма наглядно.

Крайне важный для исследователей материал содержится в «Вестниках идеологии» (Сисо: ихо:) (в основном выпуски за 1934 г. № 12; 1936 г. № 6; 1937 г. № 11; 1938 г. № 14 и 16), которые можно отнести к группе оперативных материалов. В них приводятся отчеты прокуратуры Верховного суда касательно особо важных «идеологических преступлений» в Корею, сводки о судебных делах, об арестах членов подпольных групп, так называемых красных союзов. «Вестники идеологии», предназначенные для оперативной информации, раскрывают механизм действия карательной системы.

Обширный материал, представляющий значительную ценность для исследователей, содержится в секретных справочных изданиях: «Корейская полиция» (Тё:сэн кэйсац), Сеул, 1938 г. и «Словарь тайной полиции» (Ко:то: кэйсацу ё:годзитэн), Сеул, 1935 г. В первой книге приводятся данные о числе и характере пра-

вонарушений, об арестах по всем провинциям Кореи за период 1921–1937 гг. Здесь рассказано о народной борьбе и ее подавлении полицией и жандармерией за длительный период со времени аннексии страны Японией в 1910 г., обеспечении «общественного спокойствия» в колонии. Книга дает возможность выяснить структуру военно-полицейского режима, существовавшего в то время в Корее. Другое справочное издание – «Словарь тайной полиции» – является своего рода пособием для службы тайного сыска.

Автором исследованы и другие издания генерал-губернаторства, которые можно отнести к обзорным и которые полнее позволяют раскрыть общую обстановку в стране. Так, «Материалы комиссии по изучению чрезвычайных мер генерал-губернаторства» (Тё:сэн сотоку дзикёку тайсакай симонган санкосё), Сеул, 1938 г., куда входят издания: «Общественные учреждения и мероприятия», «Движение за возрождение корейской деревни», опубликованные под грифом «секретно», «Внешняя торговля Кореи», «Промышленные ресурсы Кореи», «Справочник по бюджету генерал-губернаторства», «Мероприятия, связанные со спецификой Северной Кореи» (под грифом «сов. секретно») и другие книги, говорят о возросшей роли Северной Кореи в военных планах Японии, о стремлении японцев укрепить свой тыл в период подготовки и ведения войны против СССР, превратить Корею в военно-стратегический плацдарм, а также о большом промышленном строительстве, которое там развернулось.

Необходимо отметить и публикации «30 лет управления Кореей» (Сисэй сандзюэнси), Сеул, 1940 г.; «25 лет управления Кореей» (Сисэй нидзюгонэнси), Сеул, 1935 г.; «Обстановка в Корее» (Тё:сэн дзидзё:), Сеул, 1941 г.; 1943 г. и др. Из этих книг исследователи могут почерпнуть сведения о том, что конкретно было создано Японией в своей колонии, о промышленном и железнодорожном строительстве, о развитии там культуры, что поможет преодолеть возможную односторонность в общей оценке колониального периода. В них отражена также роль, отводившаяся Японией Корее как своему военно-стратегическому плацдарму.

Рассматриваемые издания представляют для историков-востоковедов огромную ценность. Ведь они, словно зеркало, отражают деятельность японских властей в Корее, все стороны ее политики в колонии, включая экономические, социальные, культурные.

Несомненно, наиболее полно отражены методы управления и контроля японской колониальной администрации, сфера подавления антияпонской борьбы. В них раскрываются многообразные многоплановые террористические, идеологические и другие методы, которыми пользовались колониальные власти. Отражено в них и общее положение дел в этой стране, настроение корейской общественности, ее отношение к японскому господству. Отдельные данные из этих материалов использовались Ф. И. Куликовой-Шабшиной в «Очерках новейшей истории Кореи», «В колониальной Корее», в разделах «Истории Кореи»; комплексного же исследования служебных и секретных изданий японского генерал-губернаторства пока сделано не было.

Рассматриваемые секретные документы тайной полиции и другие материалы японской колониальной администрации помогают исследовать методы управления и контроля в колонии в 1920–1930-е годы. Эта система колониального управления складывалась уже в конце 1910-х – начале 1920-х годов. Сборники «Корейская полиция» и «Словарь тайной полиции» приводят данные по этому периоду, которые позволяют сделать вывод, что в данном интервале времени эти методы менялись, трансформировались. После народных волнений 1919 г. японские власти встали перед необходимостью реформ. Об этом, в частности, свидетельствует специальная секретная публикация издания штаба японской жандармерии «Беспорядки в Корее» (Тё:сэн со: дзё дзикё). Старые методы управления в колонии в новых мировых и внутренних условиях требовали значительных изменений, и реформы были проведены. Они охватывали различные области общественной жизни, урезанные, но вместе с тем ощутимые для народа. Была провозглашена так называемая эра культурного управления.

Наиболее существенным результатом реформ было некоторое расширение сфер деятельности корейской буржуазии – укрепление социальной опоры японских властей. В 1920 г. был отменен Закон о компаниях, существенно ограничивавший возможность создавать компании, торгово-промышленные общества, банки, что дало толчок к росту корейской буржуазии. Реформы коснулись и политической сферы: была создана система «местного самоуправления».

В качестве самой радикальной реформы объявлялось предоставление политических свобод. Разрешался выпуск некоторых новых корейских газет, свободу организаций власти пытались свести к созданию спортивных, деловых и научных обществ. При всей ограниченности курса реформ, они вызвали определенную либерализацию режима, облегчали условия антияпонской борьбы.

В справочнике «Корейская полиция» содержится материал, касающийся широко разрекламированной реформы «ликвидация жандармерии». Данные материалы показывают, что на самом деле произошло укрепление и расширение полицейского корпуса, что главным методом колониального господства остались репрессии. Число полицейских управлений в результате реорганизации в 1921 г. было увеличено по сравнению с 1917 г. на 155 %, участков — на 52 %, постов — на 36 %. Почти на 50 % по сравнению с дореформенным периодом возрос и полицейский корпус¹. В связи с тем, что охрана границы в 1923 г. перешла в ведение полиции, число полицейских увеличилось на 3254 человека и достигло к 1923 г. 20 758 человек². Расширилась и сеть тайной полиции.

По утверждению японской администрации, с введением реформ 1919 г., окончился период военно-полицейских методов контроля и началась «эра культурного управления». Основные акции колониальные власти направили в сферу укрепления своей социальной опоры, нейтрализацию недовольства и сопротивление национальной буржуазии.

Таким образом, в конце 1910-х — начале 1920-х годов Япония была вынуждена пойти на реформы. Одновременно материалы показывают многоплановость системы мер, предпринятых Японией, маневренность и гибкость ее политики. Хотя время реформации назвали периодом «культурного управления», источники свидетельствуют, что аппарат подавления колониальной администрации был укреплен в еще большей степени и в полную силу продолжал функционировать.

Период конца 1920-х — первой половины 1930-х годов — драматичный период колониальной истории. С одной стороны, Япония, наращивая милитаризацию и рассматривая Корею как военно-стратегический плацдарм, как базу продвижения на материк, все активнее добивалась спокойствия корейского тыла. С другой стороны, мировой экономический кризис и военные

приготовления Японии привели к дальнейшему ухудшению условий жизни широких слоев населения, обостряли их протест.

Больше всего, судя по материалам, власти беспокоила антиколониальная и усиливающаяся антивоенная направленность борьбы. Ультрареволюционный курс радикально настроенных подпольных групп, деятельность так называемых красных союзов, их лозунги как непосредственная опасность вряд ли воспринимались всерьез и в значительной мере даже облегчали полиции выявление «опасных элементов». Устраивал японскую администрацию и курс левых, направленный против единства действий с буржуазными националистами, но леворадикальное подполье в целом являлось влиятельной крупной силой освободительного антияпонского движения. Оно подтачивало, делало взрывоопасным корейский тыл, и против него был направлен основной огонь репрессий. Наряду с многочисленными арестами принималась система мер, ставящих своей целью углубление раскола патриотических сил с помощью самих же корейцев, засылки провокаторов в подпольные организации, инспирирования в них групповой борьбы. Издания полиции отмечают, что некоторые «раскаявшиеся» стали оказывать помощь мероприятиям японского правительства. Но вместе с тем «Вестник идеологии» пишет о сожалении властей, что были такие из них, кто снова нарушал закон об общественном спокойствии. «Предотвратить это — наша задача»³.

Расширилась сеть тайного сыска. Как следует из материалов, полиция особенно бдительно следила за связями с Москвой, компартиями Китая и Японии.

Следует подчеркнуть дифференцированный подход японских властей к разным слоям населения и их настроенности. Так, учитывая настроения крестьян, они с 1932 г. развернули движение «за возрождение деревни», главным образом в духовной области. Одновременно приняли 10-летний план по увеличению числа хозяйств крестьян-собственников, а в 1934 г. — земельный закон, устанавливающий 3-летний срок аренды. Это лишь часть примеров, упоминаемых в источниках. Что же касается рабочих, то колониальные власти тревожили главным образом их антияпонские действия в военно-промышленных центрах, где наряду с репрессиями применялись и некоторые методы усмирения экономического характера (изменились тарифы, ставки, зарплата).

Власти интересовались и деятельностью той части интеллигенции, которая была настроена патриотически. Стараясь ослабить связи интеллигенции с рабочим и крестьянским движением, с ней заигрывали, старались притушить ее острую реакцию на национальную дискриминацию.

И в рассматриваемое время, судя по материалам источников, японская администрация проявляла осторожность в отношении корейских традиций, проводила «японизацию» осмотрительно, дабы не сильно задеть национальные чувства и самолюбие корейцев.

В рассматриваемых материалах содержатся документальные сведения о методах управления и контроля колонией во второй половине 1930-х годов — о мерах, принимаемых администрацией и ее карательными органами, о результативности этих мер. Они многоплановы, тщательно продуманы. Главное в этих действиях — следующее: строгий учет изменений курса и расстановки сил в лагере антияпонской борьбы, ее негативов, просчетов, уязвимых точек, общей ситуации в стране и в мире и, соответственно, изменение тактики ее подавления. Неизменным средством при этом оставались репрессии, обеспечиваемые мощным полицейским аппаратом. Но в рассматриваемое время ограничиваться ими становилось все труднее, и была разработана, продумана и приведена в действие система дополнительных приемов. Они включали: меры по расколу и разобщению патриотических организаций, по недопущению единого антияпонского антивоенного фронта; инспирирование и разжигание групповых распрей; насаждение в массах недоверия, подозрительности, настороженности; провоцирование конфликтов между японцами и китайцами; широкое распространение круговой поруки через патриотические группы и другие меры. Полиция усилила преследования за провокационные слухи в связи с войной в Китае; здесь подчеркивается рост подобных слухов и серьезный вред, который они приносят Японии⁴.

Японская администрация усилила идеологическую обработку народа. Была создана целая организация борьбы с «идеологическими преступлениями» для воздействия на общественное сознание, подрыва влияния антияпонских, антивоенных сил. Была создана сеть новых организаций. Так, в 1937 г. была создана Лига патриотических идей. Особое место в системе управления и контроля в колонии принадлежало Союзу всеобщей мобилизации духа на-

ции» (1938 г.), ячейки которого — патриотические группы — были созданы по всей стране и механически охватывали все население поголовно. В 1939 г. в Корею насчитывалось 350 тыс. «патриотических групп», а в 1940 г. — 438 тыс. Численность их соответственно составляла 4600 тыс. и 7080 тыс. человек (учитывались только главы семей)⁵. Задачи на Союз были возложены комплексные: политические — всемерное содействие осуществлению политики Японии и акциям военного времени; полицейские, точнее сыскные, — выявление «опасных элементов», сомневающихся, колеблющихся и соответствующие меры в отношении них. Важной сферой деятельности Союза была идеологическая. Внедрение в общественное сознание идей величия Японской империи, необходимость всячески содействовать ее победе и т. п. стали буквально частью жизни корейцев. Усиленно внушались идеи японо-корейского единства. Лозунг «Корея и Япония — одно целое, одна семья» был призван ослабить нарастающий протест, стать бальзамом для больного национального самолюбия корейцев, повысить их усердие в труде.

С подобной целью были созданы еще несколько организаций: Корейская ассоциация по борьбе с коммунизмом, задачей которой среди прочих была всемерный подъем национального духа; профашистская молодежная группа «Молодежный корпус» (Сэйнэндан).

Создавались различные прояпонские общества, союзы, группы, куда входили представители корейской буржуазии, помещики. Так, в 1939 г. было основано Общество прогресса Кореи», широко пропагандировавшее идеи единства Кореи и Японии и девиз «Все углы мира — под одной крышей». Разжигая шовинистический угар, власти подчеркнуто изображали уважительное отношение к корейцам как к «собратьям». Внедрялась концепция единства, содружества метрополии с ее колонией. В «Состоянии общественного спокойствия...», к примеру, говорится о созданном в 1934 г. группой национал-реформистов обществе, пропагандировавшем идею «Япония и Корея — одна семья»⁶.

Учитывая, сколь важную роль в истории Кореи играют религиозные организации, последователи которых были способны расширить потенцию единого фронта антияпонских антивоенных сил, колониальная администрация приняла в отношении этих ор-

ганизаций серию акций. Они включали репрессии, аресты и меры политического и идеологического давления. В то же время с конца 1930-х годов настойчиво привлекались к сотрудничеству и религиозные организации. «Словарь тайной полиции» содержит на этот счет любопытный материал. В нем сказано, что после начала японо-китайской войны власти созвали представителей 18 храмов, и было решено оказывать помощь тылу. Согласно указанию генерал-губернаторства, в 31 храме была проведена мобилизация 7000 монахов «в помощь тылу»⁷.

Довольно много материалов содержится и о такой организации, как Общество возрождения отечества «Чхондогё»⁸. «Словарь тайной полиции» пишет о нем: «Хотя Общество встало во главе широких народных масс, его последователи пропагандировали выполнение народом своих обязанностей...»⁹. Позднее Общество было распущено. Источники содержат сведения и об Обществе «Чхонудан» (Общество друзей «Чхондогё»).

Все эти меры оказались в значительной мере действенными, результативными, может, даже в значительно большей мере, чем об этом писалось в работах советских востоковедов. В секретных материалах приводятся результаты деятельности властей: «В связи с изменением внешней и внутренней политики стал намечаться отход подпольщиков от своих убеждений. После китайских событий (1937 г.) многие опасные элементы, обладавшие большим практическим опытом работы, осознали свои ошибки и стали отдавать свои силы охране тыла. Но все же подпольная деятельность патриотических сил полностью не прекратилась; формы ее стали лишь более искусными»¹⁰.

Исследуемые материалы серьезно помогают анализу методов управления в колонии, стратегии и тактики подавления японскими властями корейской освободительной борьбы. Они позволяют сделать вывод об умелой маневренности и гибкости, о продуманности и многообразии методов подавления антиколониальной борьбы. Из них следует, что японскими властями тщательно учитывались внешние и внутренние условия, как стимулировавшие, так и ограничивавшие сопротивление масс колониализму и войне. Это касается факторов — экономических, политических, психологических, религиозно-этических, — уровня массового сознания, черт национального характера, курса руководящих сил раз-

ных потоков освободительной борьбы, вообще — специфических особенностей Кореи. Хотя главным методом управления являлись сыск и террор, этой цели служила и созданная японскими колонизаторами мощная идеологическая система, для которой характерны были не только наступательность и жестокость, но и осмотрительность, умение приспособиться к обстоятельствам, особенно в сфере корейских национальных традиций.

Введение в научный оборот новых, ранее не использованных служебных материалов японского генерал-губернаторства вносит весомый вклад в пополнение источниковедческой базы исследований колониального периода корейской истории.

Список исследуемых закрытых изданий японского генерал-губернаторства в Корее

1. Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время (Сайкин-ни окэру тё:сэн дзиан дзё:кё:). Сеул, 1939; Сеул, 1943 («секретно»).
2. Вестники идеологии (Сисо: ихо:). Сеул, 1934. № 12; 1936. № 6; 1937. № 11; 1938. № 14 и 16 («секретно»).
3. Корейская полиция (Тё:сэн кэйсацу). Сеул, 1938 («секретно»).
4. Словарь тайной полиции (Ко:то: кэйсацу ё:годзитэн). Сеул, 1935 («секретно»).
5. Материалы комиссии по изучению чрезвычайных мер генерал-губернаторства (Тё:сэн сотоку дзикёку тайсакай симонган санкосё) Сеул, 1938 г. Издания:
 - Общественные учреждения и мероприятия («секретно»).
 - Движение за возрождение корейской деревни («секретно»).
 - Внешняя торговля Кореи («секретно»).
 - Промышленные ресурсы Кореи («секретно»).
 - Справочник по бюджету генерал-губернаторства («секретно»).
 - Мероприятия, связанные со спецификой Северной Кореи («сов. секретно»).
 - Организация сухопутного транспорта («секретно»).
 - Телеграф, почта, радио («секретно»).
6. 25 лет управления Кореей (Сисэй нидзюгонэнси). Сеул, 1935.

7. 30 лет управления Кореей (Сисэй санджунэнси). Сеул, 1940.
8. Обстановка в Корее (Тё:сэн дзидзё:). Сеул, 1941.
9. Беспорядки в Корее (Тё:сэн со:дзё дзикё). Сеул, 1930.
10. Исследование поселков в Корее (Тё:сэн буракутё: тё:сахо: коку). Ч. 1. Сеул, 1924.
11. Город Сеул (Кэйдзё: фусэй иппан). Сеул, 1942 («секретно»).
12. Ежегодник национального движения в Корее (Тё:сэн миндзоку ундо: нэнкан). Сеул, 1932 («секретно»).
13. Приложение к законам и указам в Корее (Тё:сэн дзикёку канкэй хо:ки цуйроку). Т. 8. Законы и указы в Корее на 1 июля 1941 г. (Тё:сэн Гё:сэй гаккай хакко:). Сеул, 1941.

¹ Корейская полиция. Сеул, 1938. С. 23.

² Там же. С. 5–6.

³ Вестник идеологии. 1936. № 6. С. 93.

⁴ Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время. Сеул, 1939. С. 105.

⁵ Словарь тайной полиции. Сеул, 1935. С. 21–22.

⁶ Там же. С. 57.

⁷ Там же. С. 63.

⁸ Там же.

⁹ Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время. Сеул, 1943. С. 10–12.

¹⁰ Там же.

*К. В. Иванов**

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ ЯПОНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА КОРЕИ

Основной задачей ежегодных отчетов и юбилейных выпусков, издаваемых на английском языке генерал-губернаторством Кореи, несомненно, была демонстрация успехов Японии в управлении новоявленной колонией. До начала открытого противостояния Японии с Великобританией и США корейский колониальный дискурс в глазах западных держав хорошо вписывался в общеколониальный контекст. Поэтому при неоспоримом наличии искажений фактов в официальных изданиях, используя дополнительные источники, можно лучше понять не только то, какие достижения Японии считала своим долгом приукрасить, но и то, чему в действительности японская администрация уделяла много внимания.

В данном докладе речь пойдет об изданиях, целью которых было формирование определенного положительного образа за пределами изучаемого региона. А именно — об официальных изданиях японского генерал-губернаторства в Корее, которые выпускались на английском языке.

Несомненно, зачастую достоверность данных, приводимых в таких изданиях может показаться сомнительной, но стремление Японии вписаться в колониальный дискурс начала XX в. вынуждало ее придерживаться определенной степени откровенности. Многие данные, приведенные в этих, на первый взгляд исключительно рекламных, изданиях, подтверждаются сторонними источниками. Кроме того, в стремлении «уравнять» Корею в глазах

* Иванов Константин Владимирович, аспирант кафедры мировой истории и международных отношений ИГУ, г. Иркутск. E-mail: yangirk@gmail.com

западного мира, например, с колониальной Индией, японские составители не только старались использовать специфическую лексику, характерную для тогдашних работ, посвященных колониализму, но и зачастую подчеркивали схожесть проблем Японии и Великобритании в их «цивилизаторских» миссиях в Индии и Корее соответственно. Англоязычные издания генерал-губернаторства Кореи могут быть очень полезным материалом для изучения политики Японии на территории Корейского полуострова в первой половине XX в.

Необходимо определить, что автор понимает под словосочетанием «официальные издания». В период протектората (1905–1910 гг.) Японией была полностью взята под контроль вся периодика, поэтому начиная с 1910 г., после совершения аннексии, в Корее было невозможно законно напечатать что-либо, разительно не совпадающее с официальной точкой зрения генерал-губернаторства. Однако наличие цензуры не превращает автоматически всю корейскую периодику в официальный печатный орган. До 1932 г., когда для корейской и японоязычной прессы была введена общая система цензуры, на японоязычные газеты распространялась более мягкая система цензуры, аналогичная той, что была установлена в самой Японии. Самыми крупными газетами, принадлежавшими непосредственно генерал-губернаторству, были издававшаяся на японском языке «Кэйдзё ниппо» («Ежедневная газета Кэйдзё») и выходившая на корейском «Мэиль синбо» («Ежедневная газета»).

Однако эти периодические издания мало могли повлиять на общественное мнение за пределами Японии и Кореи. Поэтому начиная с 1904 г. — фактического занятия Кореи — Япония стала проводить агитационную кампанию за рубежом с целью улучшить свой имидж и укрепить авторитет молодой державы. Одним из способов определения «державности» в те годы было наличие колоний. Поэтому Япония решила вписаться в общеколониальный контекст тех годов, например, сравнивая себя с Великобританией, а Корею — с Индией.

Распространению подобных точек зрения способствовали как публиковавшиеся на Западе японцы, так и представители других держав. Иенага Тоёкити в своей статье «Японская аннексия Кореи» называет одной из причин аннексии «поддержку благопо-

лучия и просвещения Кореи», а также необходимость «умиротворения и восстановления Кореи»¹.

В формировании образа великой державы Японии сильно помогла русско-японская война 1904–1905 гг. Особенно возросло влияние Японии в Британской империи и США. Общественное мнение этих стран, приняв Японию как державу после успешной войны с Россией, было готово принять и тот факт, что новая-явленная держава обзавелась собственными колониями. Это очень хорошо показал Андре Шмид, приводя заголовки американских научных статей начала XX в.: «Корейцы: продукт прогнившей цивилизации», «Нравственные цели Японии» и т.п.² Он же, сравнивая двух американцев — хорошо знавшего Корею миссионера и журналиста Гомера Халберта и Джорджа Трамбулла Лэдда, который приехал в Корею по приглашению японского генерал-резидента Ито Хиробуми, — приходит к выводу, что, несмотря на их диаметрально противоположные мнения касательно японского присутствия на полуострове, их взгляды на Корею как на колонию были довольно близки³.

Япония не могла не использовать подобные настроения. Поэтому начиная с 1910 г. генерал-губернаторство наладило выпуск англоязычных изданий, посвященных описанию успехов Японии в колонизации и модернизации Кореи. Издания, рассматриваемые в данной статье, были выпущены в период с 1911 по 1935 г. Безусловно, корпус источников подобного рода очень велик, и мы не сможем охватить его в формате данного доклада. Тем не менее мы полагаем, что проведенная выборка вполне репрезентативна.

Исследуемые издания можно условно разделить на несколько групп:

- ежегодные отчеты генерал-губернаторства;
- тематические сборники;
- юбилейные издания.

Также вне этих групп хотелось бы выделить англоязычные издания Банка Кореи. Несмотря на то что эти книги изданы не генерал-губернаторством, они помогут четко выделить нам те аспекты, которые представлялись японцам важными.

К первой группе изданий мы можем отнести «Годовые отчеты о реформах и развитии в Корее» за 1910–1911 гг. и 1921–1922 гг.

[Annual report on reforms and progress in Chosen (Korea) (1910–1911); Annual report on reforms and progress in Chosen (1921–1922)]. Первым бросающимся в глаза отличием этих двух изданий является само заглавие: в первом случае японское название Кореи «Тёсэн» дублируется более привычной для западного человека «Кореей». Также продублировано и место издания – «Keijo (Seoul)» в первом случае и «Keijo» – во втором.

Общие различия между изданиями, на наш взгляд, полностью продиктованы переходом к так называемой политике культурного управления в Корею. В годовом отчете за 1910–1911 гг. один из первых разделов называется «Мир и порядок» (Peace and order). Довольно объемный раздел посвящен не только вопросам обороны и полиции, но подробно описывает результаты контроля над различными собраниями и обществами, контроля над распространением нелегальной прессы и борьбой с незаконным освоением земель⁴. В целом первый отчет после аннексии явно отражает цели Японии – подавляющее большинство глав так или иначе уделено «наведению порядка» либо развитию экономики, в особенности в области добывающей промышленности. Глава «Образование», состоящая из 23 страниц (общий объем издания – 268 страниц), красноречиво стоит в оглавлении последней.

Проблема сопротивления корейцев японскому управлению в рассматриваемых изданиях, как правило, упоминается лишь вскользь. Зачастую статистика говорит о «беспорядках», «бандитах», позже переключив внимание на проблему «коммунистических элементов». Однако в англоязычных изданиях подобная информация приводилась крайне дозированно ввиду необходимости демонстрации успеха Японии в «наведении порядка» на территории Кореи.

Первомартовское восстание 1919 г. поставило генерал-губернаторство перед необходимостью введения послаблений в Корею, а равно улучшения своего имиджа, в первую очередь – в США. Годовой отчет за 1921–1922 гг. поставил образование третьим пунктом оглавления, вслед за административными и финансовыми реформами. Глава, посвященная полиции, переместилась практически в самый конец книги и уменьшилась до 10 страниц. Кроме того, в отчете за 1921–1922 гг. появился подробный раздел, посвященный распространению религии в Корею, в особенности – христианства. Кроме того, в этом разделе генерал-губернаторство

в недвусмысленных выражениях дает понять, что оно готово к сотрудничеству с христианскими церквями, если их миссионерская работа не будет выходить за рамки, определенные генерал-губернаторством⁵.

На взгляд автора, выраженное здесь отношение к христианству во многом объясняется желанием улучшить отношения между Японией и Великобританией с США, в том числе – в свете проходившей незадолго до выхода книги в свет (1923 г.) Вашингтонской конференции 1921–1922 гг., во время которой, помимо прочего, был подписан договор между США, Великобританией, Францией и Японией, предусматривавший взаимное уважение прав на территории Тихоокеанского региона, принадлежавшей этим державам. Таким образом, Япония обезопасила себя от возможности иностранного вмешательства в корейские дела. Кроме того, есть основания утверждать, что Япония не только на бумаге, но и на деле стала уделять намного больше внимания религиозной политике, в первую очередь – в отношении христиан.

Также в этом отчете не только стали фигурировать данные по количеству корейцев, владеющих японским языком, но и признается необходимость знания корейского языка для японских чиновников, постоянно контактирующих с ними. Правда, успехи в деле обучения чиновников генерал-губернаторства корейскому языку более чем скромные: общее количество чиновников, изучающих корейский, в 1922 г. насчитывало лишь 674 человека⁶.

Другая, наиболее многочисленная, группа официальных изданий – тематические сборники, посвященные какой-то определенной проблеме, например, административным или образовательным реформам. Первое издание, которое мы здесь рассмотрим, – 95-страничная брошюра под названием «Результаты трехлетнего управления Кореей с момента аннексии» (Result of three years' administration of Chosen since annexation), в основе которой лежит, как сказано в ее предисловии, доклад, представленный первым генерал-губернатором Тэраути Масатакэ в 1914 г. императору Японии. С первых страниц автор излагает официальную цель Японии: «Превратить обветшалое королевство в процветающую и богатую страну»⁷.

Далее автор брошюры кратко упоминает о наличии «проблемы бунтовщиков» и, не сказав ничего об их целях, заверяет чи-

тателей, что к моменту написания книги эта проблема сошла на нет благодаря усилиям жандармерии и полиции⁸. Затем следует описание экономических вложений Японии в развитие Кореи. Особо отмечаются успехи в развитии транспорта. Тем не менее надо отметить, что, глядя на впечатляющие показатели вложений в развитие экономики Кореи, нельзя не учитывать факт, что к тому моменту значительная часть крупной промышленности и инфраструктуры была в руках японских подданных. Также можно вспомнить о грабительской земельной реформе, когда отсутствие письменных доказательств владения землей приводило к потере наделов. Таким образом, можно с большой степенью уверенности утверждать, что, вкладывая деньги в Корею, Япония в первую очередь улучшала то, что напрямую принадлежало ее собственным подданным.

Центральная идея следующих двух книг — административные и общественные реформы в начальный период проведения «культурной политики». В первой книге, изданной непосредственно генерал-губернаторством — «Новая администрация в Корее» (The new administration in Chosen), красной нитью проходит тема «гармонизации отношений между японцами и корейцами»⁹. Упоминается также необходимость знания корейского языка для тех, кто работает с корейцами «на местах». За это полагались надбавки к окладу. Провозглашались «уважительное отношение к корейским обычаям и культуре», а также необходимость доступности образования для корейцев, как начального, так и высшего¹⁰. Здесь мы можем отчетливо увидеть смену риторики. Если издание 1914 г. говорило о «необходимости просвещения и развития отсталого государства», в целом нелестно характеризуя корейцев, то издание 1921 г. уже относится к ним как к достойным идти своим собственным путем развития (правда, лишь в области религии и традиций) под прямым руководством Японии. Что интересно, развитию экономики и промышленности суммарно уделено не более половины от всего объема издания — своеобразный рекорд для генерал-губернаторства, которое предпочитало демонстрировать свои успехи, преимущественно используя статистические выкладки.

Другое издание — «Административные реформы в Корее» (Administrative reforms in Korea) — представляет собой сборник

статей из англоязычной газеты «The Seoul Press», издаваемой генерал-губернаторством. Не вдаваясь в подробности, здесь стоит сказать лишь то, что статьи откровенно рекламируют «культурное управление» Сайто Макото, стараясь играть на чувствах читателей и порой занимаясь словесной эквилибристикой. Данный сборник, в отличие от описанных выше, можно привести как пример издания, ориентированного на более-менее массового зарубежного читателя. В нем полностью отсутствуют какие-либо цифры и статистические выкладки, создание положительного образа Японии осуществляется лишь за счет ничем не подкрепленных деклараций о намерениях¹².

В изданиях Банка Кореи преобладает описание экономических достижений в развитии Кореи. Однако в данном случае нам интересны не статистические таблицы. Представляются любопытными то и дело проскальзывающие высказывания о необходимости использования корейцев не только для развития самой Кореи, но и для развития Японии. Например, в книге «Экономические контуры Кореи и Маньчжурии» (Economic outlines of Chosen and Manchuria, 1918) идет упоминание о сырьевом характере корейского экспорта, который практически полностью шел в Японию, несмотря на вложение крупных средств в развитие промышленности¹³. Или же довольно простодушный (особенно с современной точки зрения) пассаж в другом издании — «Иллюстрированные Корея и Маньчжурия» (Pictorial Chosen and Manchuria, 1919), в котором говорится о «большой физической силе корейцев», которые, однако, «презирают труд», что является «проклятием Кореи». Тем не менее, по словам издания, «в последнее время эта привычка уходит в прошлое, работают не только мужчины, но и женщины, которые показывают замечательные результаты», и в целом «умелый труд будет одной из важнейших ценностей в будущей Кореи»¹⁴.

Другой любимой темой в пропаганде японского колониализма за рубежом было развитие образования. Нельзя не признать, что в 1920-е годы генерал-губернаторство достигло в этой области определенных успехов. В 1924 г. в Кэйдзё (ныне Сеул) был открыт университет — первый и единственный императорский университет за пределами Японии. Расширились возможности для корейцев, которые желали учиться в Японии. Заметно увеличился охват корейского населения начальным образованием. Подобные вы-

воды возникают при первом взгляде на издание «Справочник по образованию в Корее» («Manual of education in Chosen») 1920 года. Однако при внимательном рассмотрении мы не сможем найти никаких данных о количестве корейцев, обучающихся в начальных (общих) школах. Зато те же данные по японским учащимся весьма подробны¹⁵. Более подробно расписаны лишь расходы на развитие образования и открытие новых школ без указания, кто в них обучается. Очевидно, генерал-губернаторство предпочитает хвастаться своими успехами, измеряя их исключительно объемом затраченных средств.

Как уже показано, распространение массового образования — начального, среднего и высшего — в Корее наблюдалось в основном в статистических документах. По официальным данным, в период с 1912 по 1919 г. количество корейских детей, посещающих начальную школу, выросло вдвое (японских детей — также примерно вдвое)¹⁶. Однако в 1919 г. начальную школу посещали лишь 3,7% корейских детей¹⁷. Надо ли говорить, как двояко можно было толковать статистические данные в угоду международному престижу?

Очень интересна богато иллюстрированная книга «Корея сегодня» (Chosen of To-day) 1929 г. В ней, помимо описания самой Кореи, можно найти несколько интересных моментов. Например, рассказывая о международной обстановке на Дальнем Востоке в начале XX в., составитель говорит о тормозящем развитии Кореи влиянии Китая и опасном для всего Дальнего Востока влиянии России, от владычества которой Корею спасла Япония¹⁸. Как и во всех японских изданиях, в этой книге говорится о необходимости «сближения двух родственных народов», однако, по нашему мнению, в ней есть некоторый намек на возможность участия других стран, в первую очередь США, в корейских делах. Выражено это посредством подробного описания истории и роли христианства в Корее. Христианству, в основном протестантского толка, приписывается значительное влияние на образованных (sic!) корейцев, причем указано, что количество христианских церквей и служителей культа превышает те же показатели у буддизма и синтоизма, вместе взятых¹⁹. На наш взгляд, такое внимание, уделяемое христианству, является одним из показателей либерализации религиозной политики генерал-губернаторства. К тому же, акцент

на христианстве протестантского толка явно был поставлен с расчетом на читателей из США.

В первой половине 1930-х годов генерал-губернаторство Кореи постепенно начинает отходить от «политики культурного управления». На первый план выходят панasiatские идеи. Здесь автор подразумевает то, что, несмотря на существование подобных идей еще с конца XIX в., в англоязычных изданиях генерал-губернаторства панasiatство стало одной из главных тем лишь в самом конце 1920-х — начале 1930-х годов. Одной из причин подобных перемен стал переход к дальнейшей внешней экспансии Японии, в частности в Маньчжурии. В издании «Прорывающаяся Корея: обзор 25-летнего периода управления» (Thriving Chosen: a Survey of Twenty-Five years' Administration) 1935 г. японский официоз в основном использовал не устоявшиеся выражения, вроде «просвещение и развитие отсталой страны», но «слияние двух народов во взаимном согласии»²⁰. Население Маньчжурии, к тому моменту уже подконтрольной Японии, подобных слов не достаивалось. Однако тут же рядом уточнялось, что «мир в дальнейшем поймет, что помощь и содействие Японии в развитии Маньчжоу-го окажет на Маньчжурию столь же благоприятное воздействие, что и на Корею»²¹. Подобные мысли были высказаны и в другом юбилейном выпуске «Краткое знакомство с двадцатилетним периодом управления Кореей» (A Glimpse of Twenty Years' Administration in Chosen) 1932 г. В плюс Японии ставилось развитие образования, здравоохранения, промышленности и сельского хозяйства²². Как мы уже показали выше, достижения генерал-губернаторства в области образования довольно спорные, со здравоохранением дела обстояли похожим образом. Как уже давно обоснованно утверждают в отечественных и зарубежных научных работах, достижения в области промышленности и сельского хозяйства в большинстве своем шли на развитие метрополии, а не Кореи. Мы можем с полной уверенностью утверждать, что с начала 1930-х годов англоязычные издания генерал-губернаторства Кореи стремились покрыть захватническую политику Японии на континенте, представляя метрополию благодетелем, призванным нести прогресс и развитие в «отсталые края» Дальнего Востока.

В начале 1930-х годов США и Англию, на которых и были в основном рассчитаны подобные издания, больше волновали

вопросы, совершенно далекие от Кореи: мировой экономической кризис, поразивший в основном США и страны Европы, подъем нацистской Германии. Лишь в конце 1930-х годов, из-за начавшейся в 1937 г. японо-китайской войны, общественное мнение Запада стало заметно критичнее относиться к Японии. Однако вплоть до декабря 1941 г. — начала ведения Японией активных боевых действий против США и Англии — проблема Кореи оставалась на задворках общественной дискуссии в этих странах.

Подводя итоги, можно с уверенностью сказать, что использование официальных публикаций генерал-губернаторства Кореи на английском языке может заметно помочь в реконструкции изменений во внутренней и внешней политике Японии в Корею и Маньчжурии. По ним можно проследить как проведение жесткой колониальной политики в 1910-х годах, так и ее смягчение в 1919–1929 гг., что во многом обуславливалось изменением внешнеполитической ситуации. Если в 1910-х годах Япония нужна была Англии, а затем — и США как союзник в Первой мировой войне, то после окончания мировой войны в англо-японских и японо-американских отношениях стала усиливаться напряженность. Наконец, очередная смена политической конъюнктуры прослеживается в первой половине 1930-х годов. Мы полагаем, что подобные издания вполне могли играть заметную роль в формировании общественного мнения англофонных стран. Зачастую в англоязычных изданиях, которые предназначались для чтения за пределами Кореи, можно встретить более открытые высказывания на тему эксплуатации Кореи как колонии по той причине, что колониальный дискурс в США и Англии вполне благоприятствовал такому положению дел до начала открытого столкновения с Японией. В этом свете использование англоязычных изданий генерал-губернаторства Кореи, по нашему мнению, представляется необходимым как при проведении исследований, посвященных внешней политике Японии, так и при исследовании внутренней политики, проводимой Японией в колониальный период на Корейском полуострове.

¹ *Iyenaga Toyokichi*. Japan's annexation of Korea // *Journal of Race Development*. Worcester, 1912. Vol. 3. № 2. P. 201–223.

- ² *Schmid Andre*. Two Americans in Seoul: Evaluating an oriental empire, 1905–1910 // *Korean Histories*. 2010. Vol. 2. P. 7–23.
- ³ *Op. cit.* P. 8.
- ⁴ *Annual report on reforms and progress in Chosen (1910–1911)*. Keijo (Seoul): Government-General of Chosen, 1911. P. 78–90.
- ⁵ *Annual report on reforms and progress in Chosen (1921–1922)*. Keijo (Seoul): Government-General of Chosen, 1923. P. 107–113.
- ⁶ *Op. cit.* P. 104–105.
- ⁷ *Result of three years' administration of Chosen since annexation*. Seoul: Government-General of Chosen, 1914. P. 1–2.
- ⁸ *Op. cit.* P. 8–10.
- ⁹ *The new administration in Chosen*. Seoul: Government-General of Chosen, 1921. P. 8–12.
- ¹⁰ *Op. cit.* P. 67–70.
- ¹¹ *Op. cit.* P. 20–30.
- ¹² *Administrative reforms in Korea* / Edited by Yamagata Isoh. Seoul: The «Seoul Press» Office, 1919.
- ¹³ *Economic outlines of Chosen and Manchuria*. Seoul: The bank of Chosen, 1918. P. 26–30.
- ¹⁴ *Pictorial Chosen and Manchuria*. Seoul: The bank of Chosen, 1919. P. 37.
- ¹⁵ *Manual of education in Chosen*. Seoul: The government general of Chosen. Bureau of education. 1920. P. 123–129.
- ¹⁶ *Oh Seong-Cheol, Kim Ki-Seok*. Japanese Colonial Education as a Contested Terrain: What Did Koreans Do in the Expansion of Elementary Schooling? // *Asia Pacific Review*. Seoul, 2000. Vol. 1. No. 1. P. 75–89.
- ¹⁷ *Khaled, Mortuza*. Aspects of Colonialism in Asia: A Comparative Study of the Japanese in Korea (1910–1945) and the British in India (1757–1947) // *In Embracing the Other: The Interaction of Korean and Foreign Cultures: Proceedings of the 1st World Congress of Korean Studies*. — Songnam, 2002. URL: <http://www.ikorea.ac.kr/congress/upload/history4-mortuzakhaled.pdf> (25.02.2012).
- ¹⁸ *Chosen of To-day* / Edited by Sainosuke Kiriyama. Keijo: Chikasawa Printing House, 1929. P. 7–8. *Ibid.* — P. 12–16.
- ¹⁹ *Thriving Chosen: a Survey of Twenty-Five years' Administration*. Seoul: Government-General of Chosen, 1935. P. 79–80.
- ²⁰ *Op. cit.* P. 81.
- ²¹ *A Glimpse of Twenty Years' Administration in Chosen* / Compiled by the government general of Chosen. Seoul, 1932.

Н. Н. Ким *

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА НА ЮГЕ КОРЕИ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Наше исследование является попыткой ответа на вопрос о том, допустимо ли описывать политический конфликт в Корее в 1945–1948 гг. в терминах классовой теории со всеми вытекающими выводами или же имеет смысл посмотреть на него с несколько иных теоретических позиций? Возможно ли представить политическую борьбу в Корее после освобождения как регулируемый политический конфликт, не посягающий на господствующий тип частной собственности и не имеющий цели утверждения власти рабочего класса?

Применительно к анализу внутривнутриполитического конфликта на Юге Кореи после освобождения необходимо обратить внимание на следующие положения марксистской теории: *во-первых*, на тезис Маркса об антагонистической природе межклассовых противоречий, снятие которых возможно только в результате революционной смены типа производственных отношений, а следовательно, и формы политического господства; *во-вторых*, на представление о современном буржуазном обществе как обществе, расколотом на «два больших враждебных лагеря, на два больших, стоящих друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат»; *в-третьих*, на суждение о потенциальной разрешимости социальных конфликтов путем введения общественной собственности на средства производства, утверждение власти свободных ассоциаций.

Предложенная Марксом теория классовой борьбы как главного двигателя социального прогресса идеально подходит для описания ситуаций, когда общество непрерывно сотрясает от мно-

* Ким Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, доцент отделения востоковедения НИУ ВШЭ. E-mail: plotnikovaN@mail.ru

гочисленных демонстраций, забастовок рабочих, крестьянских бунтов и пр. Все эти социальные катаклизмы создают отличную почву для политического переворота, который может быть легко проинтерпретирован как результат классовой борьбы.

Сложившаяся после освобождения Кореи социально-экономическая обстановка таила немало поводов для революционного взрыва, который в конечном счете мог бы привести к утверждению нового социально-политического порядка. Развернувшиеся на территории к югу от 38-й параллели социальные конфликты могут быть дифференцированы на политические, экономические, внутринациональные (борьба с японскими коллаборационистами). В любом случае, эти конфликты выражали глубокую социальную неудовлетворенность корейского народа внутривнутриполитической обстановкой, сложившейся в Корее после освобождения.

Любое политическое противостояние начинается с декларирования отдельными политическими группами своих целей и задач. Если в программных положениях нескольких партий имеются какие-то противоположные установки, то не исключено, что между ними может возникнуть острый политический спор. На Юге Кореи в зоне ответственности американских оккупационных войск существовало огромное количество политических партий, общественных организаций и ассоциаций. К наиболее крупным и известным партиям того времени можно отнести Корейскую коммунистическую партию (лидеры — Пак Хон Ен, Хо Хон), Народную партию (Е Ун Хен), Демократическую партию (Ким Сон Су), Национальную партию (Ан Дже Хон), Партию независимости (Ким Гу). Временное правительство во главе с Ким Гу, как, впрочем, и Комитет по скорейшей реализации независимости Кореи, возглавлявшийся Ли Сын Маном, хотя и не были политическими партиями в собственном смысле этого слова, но в сложившейся обстановке воспринимались всеми участниками внутривнутриполитического противостояния как политические партии.

Отличительной особенностью политического конфликта на Юге Кореи была поляризация политических групп на два противоположных лагеря. Правые корейские националисты охарактеризовали данное размежевание следующим образом: «В результате двухгодичного политического движения все политические пар-

тии и организации разделились на два больших лагеря. В первый входят все политические партии и общественные организации, являющиеся патриотическими, проамериканскими, соглашающиеся с политикой Американской военной администрации (АВА) и принимающие участие в строительстве государства. Во второй входят все организации, которые являются антинациональными, антиамериканскими, ведущими борьбу против политики АВА и проводящими разрушительную политику...»¹ Это весьма тенденциозное заявление отчетливо демонстрирует наличие ряда непримиримых противоречий между двумя крайними звеньями политического фронта в зоне американской оккупации.

Как писал Д. Растоу, «Серьезный и продолжительный характер борьбы, как правило, побуждает соперников сплотиться вокруг двух противоположных знамен, поэтому отличительной чертой подготовительной фазы перехода к демократии является скорее поляризация, а не плюрализм»². Думаю, что в условиях оккупации Юга Кореи американскими войсками, обладающими всей полнотой власти в зоне своей ответственности, поляризация национальных сил Кореи была неизбежным явлением. С августа 1947 г., обвинив левых в подготовке к восстанию, американские власти начали масштабные акции по задержанию лидеров левых партий и общественных организаций, входивших в состав Национального демократического фронта (НДФ) ³.

Описывая поляризацию национальных сил Юга Кореи как некий объективный факт, мы должны признать, что она произошла вопреки наличию сходных положений в программах борющихся политических групп. Корейские националисты, независимо от того, к какому лагерю они себя относили, правому или левому, одинаково понимали освобождение как переходный этап к независимой Корейской демократической республике. Ли Сын Ман (правый консерватор), так же, как и Ким Гу (умеренно правый) и Е Ун Хен (умеренно левый, центрист) и Хо Хон (коммунист), выступал за введение элементов плановой экономики, национализацию стратегически важных отраслей промышленности. Ниже в качестве сравнения мы приводим выдержки из корейских газет, где сообщается об основных мероприятиях, которые должно предпринять, по мнению корейских националистов, будущее правительство независимой Кореи.

План Ли Сын Мана включал следующие пункты: 1) конфисковать всю общественную и частную собственность, принадлежащую японцам и предателям; 2) ввести плановую экономику для совершения наиболее быстрой реконструкции промышленности; 3) национализировать всю тяжелую промышленность, шахты, леса, предприятия общественного пользования, банки, железные дороги и связь; 4) ввести государственный контроль над всеми торговыми и промышленными предприятиями в целях обеспечения справедливого отношения к покупателям, торговцам и производителям товаров; 5) распределить все конфискованные земли среди крестьян исходя из их возможностей по обработке; 6) перераспределить большие поместья на тех же основаниях с соответствующей компенсацией владельцам; 7) оплатить государству за перераспределенные земли на условиях долгосрочного кредита ⁴.

Хо Хон обозначил следующие задачи будущего Временного правительства Кореи: 1) осуществление демократической республики; 2) уважение личности, достоинства людей; охрана государственным законом неприкосновенности собственности и жилища, имущества и денег, принадлежащим отдельным лицам; 3) национализация крупной промышленности и транспорта; сохранение права свободного развития за средними и мелкими предприятиями; осуществление государством полного контроля за импорт-экспортными операциями; 4) конфискация всех земель, принадлежащих японцам, прояпонским элементам и помещикам; передача конфискованных земель крестьянам без выкупа ⁵.

Ан Дже Хон и Ким Гу имели схожие мнения по аграрному вопросу: «Национализация всех земель, принадлежавших ранее японцам, и передача их в первую очередь арендаторам пропорционально количеству членов семьи, учитывая работоспособность каждой семьи. Плату за выкуп земли отсрочить»⁶.

Как видно из вышеприведенного, корейские националисты очень аккуратно отнеслись к выдвиганию своих программных положений. В целом, они предусматривали мероприятия буржуазно-демократического толка, направленные на скорейшее преодоление пережитков феодальной экономики, нормализации социальной жизни корейского общества.

Несмотря на наличие определенных сходств в политических

программах, корейским националистам не удалось договориться и создать единый политический фронт. Возникает вопрос: по каким политическим разногласиям произошло роковое размежевание? Думаю, что ответ на данный вопрос надо искать в тех проблемах, которые считались корейской общественностью после освобождения наиболее актуальными.

Важно обратить внимание на то, что очень часто применительно к освобождению корейцы использовали эпитеты «полное», «совершенное». «Благодаря героическим подвигам союзников Корея освобождена от японского ига, но освобождение еще в полной мере не осуществлено...»⁷. Такого можно было достичь только путем совершенного избавления от всех остатков японского колониального прошлого. Требовалось наказать японских коллаборационистов, справедливо распределить японскую собственность, избавиться от японских чиновников, технических специалистов и поменять систему управления, действовавшую в период генерал-губернаторства.

Без решения данной задачи невозможно было снять усиленную экономическим кризисом социальную напряженность в южнокорейском обществе. То, что американцы не решились взяться за разрешение вопроса с национальными предателями, во многом дискредитировало их политику на Юге Кореи среди корейского народа. В свою очередь, отсутствие какого-то компромисса в этом вопросе между правыми и левыми стало роковым фактором, воспрепятствовавшим созданию единого политического фронта.

Правые группы корейских националистов не считали вопрос о японских коллаборационистах актуальной проблемой, предлагая решить его после создания Временного правительства. Левые партии, в том числе центристы, занимали противоположную позицию. Поэтому всякий раз, когда АВА выступала и инициативой создания того или иного представительного органа, будь то Демократическая палата или Законодательное собрание, левые отказывались в нем участвовать под предлогом того, что этот орган является собранием японских коллаборационистов.

Кого считать японскими коллаборационистами? Так называемые *чхинильпха* не имели классового лица. Это были люди совершенно разных социальных слоев, преимущественно представители государственной бюрократии, полиции, крупные зем-

левладельцы и предприниматели. Учитывая жесткость политики японского генерал-губернаторства, быстро пресекавшей всякие антияпонские поползновения, коллаборационистом можно было назвать всякого, кто с этим режимом примирился, и речь должна была идти о степени согласия с режимом: кто больше с ним сотрудничал, помогал ему, того и правомерно было считать национальным предателем.

До тех пор пока действующая на Юге Кореи администрация официально не опубликовала список чхинильпха, нападения на полицейские участки⁸ и поджоги имений корейских землевладельцев были привычными явлениями.

Требования изгнать из госучреждений и полиции национальных предателей, прекратить террор со стороны последней числились среди первых условий прекращения забастовок рабочих осенью 1946 г. Только в восстании в Тэгу (октябрь 1946 г.), по некоторым данным, было убито около 75 полицейских, многие считались пропавшими без вести⁹. Всего же с 15 августа 1945 г. по август 1948 г. официально было зафиксировано 225 атак на здания полиции¹⁰.

Действия корейской полиции на о. Чечжу спровоцировали восстание местного населения в марте 1948 г. Так, 1 марта полиция арестовала 2500 молодых людей — участников демонстрации против сепаратных выборов, 6 человек были убиты. Народ потребовал наказать виновных в убийстве и уволить главу полиции Чечжу, но глава Национальной полиции Чо Бен Ок, наоборот, увеличил аресты, тем самым спровоцировав сопротивление жителей. Когда лидер восставших Ким Даль Сам встретился с командиром 9-й дивизии Ким Ик Рёлем, первое, о чем он попросил, касалось действий полиции: 1) сформировать администрацию и полицию из жителей о. Чечжу; 2) наказать народных предателей, злостных полицейских, членов организации «Северо-западная молодежь»; до формирования полиции из жителей острова разрешить исполнение ее функций народной армии¹¹.

Но приведенные выше факты борьбы корейского населения с собственной полицией представляют собой лишь частные акты вымещения народного гнева, тогда как в действительности масштаб социального недовольства внутренней политикой АВА был намного шире. Корейцы были очень недовольны не только

нерешенностью проблемы японских коллаборационистов, но и отсутствием адекватным социальным ожиданиям решения вопроса с японской собственностью. Как известно, АВА вместо того чтобы каким-то справедливым образом распродать или, лучше всего, распределить японскую собственность, приняло решение временно перевести ее под собственное управление. Имеет смысл также упомянуть здесь и о проблеме японских специалистов, которые длительное время по просьбе АВА продолжали оставаться на своих местах, несмотря на настойчивые требования корейцев немедленно уволить их из органов государственного управления.

Проблема *чхинильхва* не являлась единственным источником социального раздражения. Огромное значение имел вопрос о земле, но АВА по некоторым причинам предпочла его вообще не касаться. Впервые обсуждение земельного вопроса на уровне консультаций с представителями корейских политических партий состоялось лишь в декабре 1947 г. Предложенный на рассмотрение Законодательной палаты проект предусматривал безвозмездную конфискацию земель японских собственников и выкуп государством сверх определенной нормы земель корейских собственников. Выкуп устанавливался из расчета трех среднегодовых урожаев и должен был выплачиваться в течение 15 лет. После длительных обсуждений, растянувшихся на целых 4 месяца, Законодательная палата решила отложить принятие окончательной резолюции по данному проекту. Но даже если бы она его приняла, предложенный проект не был бы популярен среди южнокорейского крестьянства. Крестьянский союз, входивший в состав НДФ, предлагал безвозмездную конфискацию земель с последующим бесплатным распределением между крестьянами-арендаторами, тогда как правые группы исходили из тезиса о возмездной конфискации земель. Диаметрально противоположные подходы к решению аграрного вопроса стали второй причиной, помешавшей объединению правых и левых групп корейских националистов в единый национальный фронт.

До сих пор мы говорили о политических размежеваниях в политическом лагере на Юге Кореи с точки зрения некоего идейного противостояния правых и левых. Но реальное политическое противостояние в обществе начинается не с декларирования партиями своих целей и задач, а с момента, когда в это противостоя-

ние вовлекаются огромные массы населения и партия становится рупором миллионов граждан.

Социальными индикаторами политической борьбы являются различного рода массовые протестные движения. Восстания в Тэгу, Чечжу, Есу — это наиболее яркие примеры выражения социального гнева, крайнего недовольства внутривластной ситуацией на Юге Кореи после освобождения. Все эти восстания начинались с выдвижения умеренных экономических требований. Это был регулируемый конфликт, для разрешения которого американские оккупационные власти обладали достаточными средствами и механизмами. К политическим требованиям бастующие обращались отнюдь не на начальном этапе забастовочного движения. Как правило, политизация требований протестующих происходила под влиянием активной пропагандистской работы корейских коммунистов. Радикальные левые группы использовали разразившийся социальный конфликт для того, чтобы добиться своей политической гегемонии. Массовый голод, высокая инфляция, безработица — все эти социальные бедствия играли на руку корейским коммунистам, пытавшимся еще глубже разжечь страсти, превратив стачки и восстания в средства борьбы за политическую власть.

Это не значит, что левые не были популярны на Юге. Нет, корейские коммунисты были действительно популярны благодаря организованной работе в массах, героическому прошлому и близости основных идей партии социальным чаяниям крестьянства (прежде всего, конечно, в вопросе о земле). о было бы заблуждением считать, что левые группы были сильны на Юге Кореи потому, что их идеи были очень популярны среди народа. Интересны в этом смысле некоторые высказывания южнокорейских крестьян: «Хотя народ и несознательен, но он не приветствует коммунистов не слушает их агитацию...», «В настоящее время крестьяне нашего уезда находятся на грани голодной смерти. Они еле-еле поддерживают свою жизнь, питаясь корой деревьев. Голодные люди не интересуются ни установлением амостоятельности, ни опекой»¹². Все, что нужно было корейскому крестьянству в это время, — это рис, земля, национальная независимость. Поскольку ничего из этого ему получить не удалось сразу после освобождения, неудивительно, что социальное негодование с течением времени только

нарастало, выливаясь в вооруженное сопротивление властям.

Социальные конфликты, разразившиеся на Юге Кореи после августа 1945 г., не имели в целом антиамериканской направленности. Их стоит воспринимать скорее как действия, призывающие АВА урегулировать спорные вопросы, но оккупационные власти, поддержанные консервативно правыми группами корейских националистов, воспринимали любые акции протеста как «красную угрозу», сознательно политизируя конфликт даже в тех случаях, когда объективно он не имел ярко выраженного политического характера.

В принципе, принимая во внимание социально-экономические условия Кореи переходного периода, вполне вероятно, что корейским коммунистам удалось бы захватить власть на Юге Кореи, если бы не присутствие американских войск и активная поддержка их политики корейскими правыми националистами.

Р. Дарендорф, пытаясь понять, каковы предпосылки совершения социалистических революций, писал, что революции подобного рода возможны в тех обществах, где требования гражданских прав сочетаются с требованиями создания новых форм экономики. «В настоящее время мы привыкли к распространению этого синдрома, который во всем мире проявляется в борьбе против традиционализма и колониализма»¹³. Эпоха освобождения в Корею была как раз тем переходным периодом, который должен был пройти под знаком разрушения традиционной социальной структуры и проведения интенсивной индустриализации на национальной независимой основе. Следовательно, в Корею после освобождения были социальные предпосылки для совершения революции марксистского толка — даже несмотря на то, что рабочий класс был очень слабый, но ведь и в России в 1917 г. он не был сильным. Но если бы даже она произошла, это было бы результатом некой «исторической случайности», стечением обстоятельств, а не классового антагонизма.

Теория классовой борьбы, предложенная Марксом, не позволяет адекватно понять социально-политические процессы в Корею переходного периода. Маркс выделял в обществе несколько классов по принципу отношения к собственности. Классовая борьба в такой схеме предстает как борьба вокруг собственности, но социальные конфликты эпохи освобождения разворачивались не

столько в русле межклассового противостояния, сколько внутринационального. Принадлежность того или иного человека к *чхинильпха* имело не меньшее значение в социальном противостоянии, чем его обладание материальной собственностью. Учитывая то, что национальные предатели не имели определенного «классового лица», весьма затруднительно идентифицировать конфликт подобного рода как межклассовый.

¹ Чаю синмун. 06—07.11.1947.

² *Растоу Д.* Переходы к демократии // Полис. 1996. № 5. С. 10.

³ 11 июля 1947 г. АВА был опубликован список членов Трудовой партии Южной Кореи, обвиняемых в подготовке к свержению власти американских оккупационных войск. Под этим предлогом полиция приступила к арестам сначала лидеров ТПЮК, а с августа 1947 г. к массовым арестам представителей партий и общественных организаций, входящих в состав Демократического национального фронта (НДФ) // Тон-а ильбо. 12.07.1947, 13.08.1947; Тоннип синбо. 28.08. 1947; Тэханильбо. 14.08. 1947 и др.

⁴ Сеул таймс. 03.03.1946.

⁵ Чосон инминбо. 25.04.1946.

⁶ Хансон ильбо. 14.04.1946.

⁷ Хэбан ильбо. 14.04.1946.

⁸ Несмотря на освобождение, полицейские кадры, особенно в регионах, состояли из тех же лиц, которые занимались этим при японцах.

⁹ *Чве Сан Ен.* Американская военная администрация и корейский национализм (кор. яз.). Сеул, 1998. С. 266.

¹⁰ Там же. С. 169.

¹¹ *Син Бок Рен.* Политика разделения Корейского полуострова (кор. яз.). Сеул, 2001. С. 546—547.

¹² Тэдон синмун. 12.04.1946.

¹³ *Дарендорф Р.* Тропы из утопии. М., 2002. С. 390.

С. О. Курбанов*

КИМ ГУ И ЕГО СУДЬБА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ КОРЕИ **

Проблема роли личности в истории

Проблема роли личности в истории является частью общего комплекса вопросов, связанных с закономерностями исторических изменений.

В странах зарубежного Дальнего Востока (Китай, Корея, Япония) историография древности и средневековья связывала закономерности истории (повторяемость сходных событий в сходных условиях) с категорией моральности и волей Неба. Так, если человек совершал «добрые поступки», то он должен был быть вознаграждаемым (социумом или Небесами), а общество, в котором данный человек действовал (семья, государство), должно было приходить к состоянию гармонии. Таким образом, в дальневосточной средневековой историографии закономерность изменений в обществе в целом или в жизни каждого отдельного человека связывалась с личными качествами каждого отдельного человека, которые оценивались как самим обществом, так и «высшими силами» (Небесами)¹.

В отечественной историографии XX в. в вопросе роли личности в истории было принято ориентироваться на сочинения Г. В. Плеханова, и в частности на его статью «К вопросу о роли личности в истории».

Напомним основные положения этой статьи. Отдельные «личности благодаря данным особенностям своего характера могут влиять на судьбу общества». «Но личность может проявить свои

* Курбанов Сергей Олегович, доктор исторических наук, профессор СПбГУ. E-mail: sokspb@inbox.ru.

** Настоящая работа выполнена при поддержке Академии Корееведения Республики Корея в 2011–2012 гг. (проект AKS-2011-CAA-2101).

таланты только тогда, когда она займет необходимое для этого положение в обществе»². При этом «случайность есть нечто относительное. Она является лишь в точке пересечения необходимых процессов»³ (выделено автором).

Занятие «необходимого места в обществе» поясняется Г. В. Плехановым следующими положениями. Для того чтобы личность стала действительно исторической, необходимо, чтобы были выполнены два условия:

«Во-первых, ... талант [человека] должен сделать его более других соответствующим общественным нуждам данной эпохи... Во-вторых, существующий общественный строй не должен загораживать дорогу личности, имеющей данную особенность, нужную и полезную как раз в это время»⁴. То есть, «всякий талант, ставший общественной силой, есть плод общественных отношений»⁵ (выделено автором).

В развитие указанных положений о роли личности в истории приведем нижеследующие соображения.

1. Роль личности в истории определяется ее воздействием на ход исторического процесса.

2. При этом воздействие личности может быть а) *синхронным* (случай, когда действие личности непосредственно (сразу) отражается на историческом процессе или б) *отложенным во времени* [случай, когда воздействие личности на ход исторического процесса проявляется не сразу, а с некоторой задержкой (может даже проявляться и после смерти личности)].

3. Для реализации *синхронного* воздействия личности требуется, чтобы личность обладала *рычагами социального механизма*, которые позволяют проецировать волю личности на широкие социальные поля (например, принятие исторического решения президентом «великой державы» или полководцем во время решающей битвы и т.п.).

Однако в этом случае определяющим является то, о чем говорил Г. В. Плеханов: деятельность такой *неординарной* личности станет исторической только в том случае, если она будет действовать в рамках, определяющих общественно-исторические тенденции эпохи.

Для иллюстрации последнего случая приведем пример из знаковой читателям истории Кореи. Государь Енсан-гун (1494–1506)

попытался возродить буддизм и противиться тенденции усиления конфуцианства. В результате был свергнут с престола, а все его начинания были упразднены.

4. Для реализации *отложенного* во времени воздействия личности требуется, чтобы та или иная личность действовала в «тенденцеобразующем модуле» социума, т.е., иными словами, чтобы личность совершала особые действия в том модуле, существование которого станет началом появления и развития новой социально-исторической тенденции (например, изобретение лампочки человеком (рядом людей), который на момент изобретения был одним из множества ученых, но чья деятельность впоследствии будет оценена как историческая).

Социальные модули могут быть различными по масштабам. Размер модулей непостоянен. Модули могут расти, трансформироваться и создавать новые, сложные многомодульные структуры, а могут сокращаться и исчезать. Модули могут быть «ординарными», т.е. составляющими обычные структуры разного порядка, а могут быть направляющими, «тенденцеобразующими». «Тенденцеобразующий» модуль, несмотря на то что в момент зарождения тенденции может «выглядеть» небольшим и маловажным («ординарным»), в конечном итоге может стать определяющим в развитии (или деградации) общества или его части.

Таким образом, если талантливая личность действует в большом модуле, который даст в дальнейшем толчок к развитию новых общественно-исторических явлений (тенденций), или если талантливая личность обладает рычагами социально-исторического механизма, позволяющего продуцировать его волю на большие «социально-исторические поля» и при этом его деятельность соответствует требованиям эпохи, то такие личности (в указанных двух случаях) становятся *историческими личностями*.

Теперь обратимся к отдельным страницам биографии известного борца за независимость Кореи, одного из руководителей Временного правительства Республики Корея в Китае — Ким Гу — в свете изложенных выше теоретических положений и попытаемся понять, почему он не смог стать первым главой южнокорейского государства, возрожденного после освобождения Кореи от японского колониального господства, и поставим вопрос о том, можно ли говорить о Ким Гу как *исторической личности*.

Судьба Ким Гу и проблема роли личности в истории Кореи

В жизни каждой исторической личности можно выделить *подготовительный* период, который чаще всего соотносится с детством и юностью. Роль подготовительного периода определяется тем, какие *качества* смогла приобрести за это время будущая историческая личность и *местом* в социуме, которое она смогла занять.

Если говорить о личности Ким Гу, то для него «подготовительным периодом» можно определить все время, которое предшествовало его приезду в Шанхай в 1919 г. и началу работы во Временном правительстве Республики Корея.

Ким Гу (1876—1949) родился в семье (как утверждают отдельные биографические издания) «бедного крестьянина»⁶ в г. Хэчжу (пров. Хванхэ), 29 августа (11-й день 7-го лунного месяца) 1876 г. Он был единственным сыном в семье. Однако вряд ли его семья была крестьянской, так как в своих мемуарах Ким Гу писал, что его семья происходит от семьи Кимов из Андона и ведет свое начало от силлаского государя Кенсун-вана (927—935)⁷; в эпоху Корё его предки также занимали высокое положение.

С раннего возраста родители пытались дать сыну конфуцианское образование, с тем чтобы он, как это и полагалось молодым людям того времени, смог сдать экзамен на государственную должность и стать чиновником. Ким Гу начал обучаться конфуцианской классике и корейской грамоте в 1884 г., в возрасте 9 лет, а в возрасте 17 лет (1892 г.) пытался сдать классические экзамены, но провалился и никакой должности не получил.

Однако ему удалось получить не только классическое конфуцианское образование, но и познакомиться с наиболее значимыми идейными течениями, господствовавшими в Корее на рубеже XIX—XX вв. В 1893 г. Ким Гу присоединился к крестьянскому движению *тонхак*, идейной основой которого было одноименное учение — «восточное учение»⁸, и даже был одним из руководителей восстания *тонхак*.

В 1899 г. Ким Гу знакомится с буддизмом. После побега из Инчхонской тюрьмы, в которой он отбывал срок за убийство японского чиновника по фамилии Судзита (в 1896 г.), он скрывался в буддийском монастыре Магокса и даже принял монашеский

постриг, взяв себе имя Вончжон, но вскоре покинул буддийский монастырь и с 1903 г. присоединился к протестантизму.

В дальнейшем, вплоть до 1919 г., Ким Гу живет и работает в основном в северной части Кореи: Пхеньян, провинции Пхенан и Хванхэ. Он занимается, в частности, просветительской деятельностью, работая в школах, основанных корейскими протестантскими организациями, включается в антияпонскую деятельность⁹.

Так, в 1907 г. он становится членом патриотической организации *Синминхве*, созданной в 1906 г. Среди инициаторов ее создания — вернувшийся из США Ан Чханхо, а также Ли Доннён, Ли Донхви — люди, которые в дальнейшем проявят себя как заметные лидеры движения за независимость Кореи.

Таким образом, в «подготовительном периоде» жизни Ким Гу мы можем увидеть не только события, ставшие основой для становления им высокообразованным человеком, знавшим как настроения народа, так и основные религиозные и идейные течения Кореи, но и процесс постепенного завязывания тесных отношений с будущей элитой национально-освободительного движения. Именно последнее подготовило почву для того, чтобы к 1919 г. он смог занять то место в системе национально-освободительного движения (в «тенденцеобразующем модуле»), которое в дальнейшем даст ему определенные «рычаги воздействия», которые дадут ограниченную возможность «синхронного воздействия» на ситуацию в модуле «национально-освободительного движения Кореи» в 1930–1940-е годы.

Итак, в 1919 г. вместе с «15 товарищами» Ким Гу морем направляется из Синьчжу в Китай: сначала в Хуанпу, а оттуда — в Шанхай, где будет участвовать в формировании Временного правительства Республики Корея. С 1923 г. положение Ким Гу во Временном правительстве начинает постепенно повышаться: сначала он начинает исполнять функции министра внутренних дел, а с 1924 г. — «по совместительству» функции исполняющего обязанности премьер-министра. С 1927 г. (после того, как Ли Сын Ман был снят с поста «президента» в 1925 г.) он возглавил Государственный совет, став фактически во главе «Временной Республики Корея».

Очевидно, что в конце 1920-х годов перспектива возвращения Кореи независимости становится все более отдаленной:

сказываются «положительные» результаты нового «культурного правления», которое Япония проводит в Корею начиная с 1920 г. Соответственно, и роль Временного правительства, а с нею и роль его членов на какое-то время становится менее значительной. Появляются проблемы с финансированием. Семья Ким Гу уезжает из Шанхая¹⁰. Ким Гу, параллельно с деятельностью во Временном правительстве, пытается создавать (или участвовать в создании совместно с другими) различные политические организации, как, например, «Партия независимости Кореи» (1930 г.) или «Объединенная Лига корейского антияпонского фронта» (1932 г.). Основная «практическая деятельность» Временного правительства сосредоточивается на организации антияпонских террористических актов (1932 г.).

Однако поворотным в деятельности Ким Гу в Китае становится 1933 год. Тогда ему удается познакомиться с Председателем Китайской Республики — Чан Кайши. Именно эта встреча дает толчок к изменению основной направленности деятельности Временного правительства: от единичных террористических актов — к подготовке армии, офицерского состава будущей Армии возрождения Кореи (о создании объявлено 15 сентября 1940 г., причем при официальной поддержке властей Китая).

Таким образом, начиная с середины 1930-х — начала 1940-х годов Ким Гу занимается деятельностью, целью которой становится подготовка Временного правительства к практической деятельности на территории Кореи. Для этого Временное правительство должно было: 1) иметь конкретные инструменты и механизмы реализации своей воли; 2) быть признанным мировой общественностью.

Реализация первой из указанных выше задач как через создание армии, так и посредством таких шагов, как выпуск паспортов граждан Республики Корея для соотечественников, проживавших в Китае (1943 г.), также объективно способствовала созданию механизма *синхронного воздействия* личности на социум, т.е. повышала историческую роль Ким Гу.

Его неоднократные обращения к властям Китая, США, СССР с просьбой о признании Временного правительства Республики Корея (1941–1944 гг.), двукратное объявление Японии войны от имени правительства Республики Корея (9 декабря 1941 г. и

февраль 1945 г.) преследовали цель международного признания Временного правительства Республики Корея как единственно легитимного правительства в будущей освобожденной Корее.

Однако механизм *синхронного* воздействия воли личности (или группы личностей) на социум — Временное правительство Республики Корея — оказался построенным на слишком зыбком фундаменте — на союзе с властями Китайской Республики.

После разгрома милитаристской Японии в самом Китае начинается гражданская война (или «революция») между войсками легитимной Республики Китай и китайскими коммунистами. В этой войне (1945–1949 гг.) правительство Чан Кайши стремительно теряло контроль над территорией Китая, будучи вынужденным, в конечном итоге, переправиться на о. Тайвань. С другой стороны, новые коммунистические власти не признавались США, игравшими доминирующую роль в южной части Корейского полуострова после сентября 1945 г., и, более того, воспринимались как вражеская сила.

Таким образом, Ким Гу, вернувшийся в Корею в качестве частного лица только 23 ноября 1945 г., не имел в своих руках никаких действующих механизмов *синхронного* воздействия на социум. Только его авторитет, индивидуальные качества и личные связи с рядом деятелей движения за независимость, в том числе и с Ли Сын Маном, позволили ему и после ноября 1945 г. занять в обществе Южной Кореи достаточно высокое положение, такое, как, например, заместитель председателя Чрезвычайного национального собрания (с 3 февраля 1946 г.) или заместитель председателя Демократической палаты Южной Кореи; а также лидер Партии независимости Кореи.

Однако Ким Гу оставил заметный след в истории Кореи не столько потому, что возглавлял Временное правительство Республики Корея в эмиграции, а по причине тех действий, которые он предпринял уже после возвращения в Корею — действий, направленных на построение единого независимого корейского государства. В связи с этим прежде всего следует сказать о движении против иностранной опеки, развернутом Ким Гу. Так, 8 февраля 1947 г. при его участии был создан Комитет борьбы за независимость против опеки. Вторым значимым аспектом деятельности Ким Гу после освобождения Кореи стали попытки

установить контакты с политическими лидерами Севера Кореи. В частности, особое значение имел визит Ким Гу вместе с Ким Гю Сиком в Пхеньян в апреле 1948 г.

Продолжение политической деятельности Ким Гу, направленной против иностранного влияния, в частности «за вывод всех иностранных войск» (читай — американских) из Кореи в январе 1949 г., шло вразрез с тенденцией укрепления независимого государства на Юге Корейского полуострова, строившего тесные союзные отношения с США. Поэтому убийство Ким Гу 26 июня 1949 г. офицером южнокорейской армии Ан Ду Хи было в известной степени предсказуемым.

Таким образом, возвращение в Корею после долгой эмиграции в Китае не принесло Ким Гу ни должного признания как возможного главы будущего корейского государства, ни достаточных возможностей для самостоятельной политической деятельности. В контексте указанного выше встает вопрос, был ли Ким Гу исторической личностью, сыгравшей заметную роль в истории Кореи?

Ответ на данный вопрос, безусловно, должен быть положительным. Ким Гу сыграл и сыграет определенную роль в истории Кореи как лицо, действовавшее в рамках «тенденцеобразующего модуля» и оказавшего «отложенное во времени» воздействие на ход исторического процесса. И здесь следует говорить о тенденции *временного разделения* Кореи, тенденции, направленной на *воссоединение* двух корейских государств, создание единого независимого корейского государства.

Ким Гу был *первым* заметным политическим лидером, который выступил против разделения Кореи, и первым лицом, кто начал *активную* деятельность за воссоединение (в то время еще не окончательно разделенной) Кореи, кто отдал свою жизнь за то, чтобы Корея была единой.

¹ *Син Хен Сик*. Хангуксахакса (Историография Кореи). Сеул, 1999. Р. 15–17.

² *Плеханов Г.В.* К вопросу о роли личности в истории // Избранные философские произведения в 5 тт. Т. 2. М., 1956. С. 322.

³ Там же. С. 323.

⁴ Там же. С. 327.

⁵ Там же. С. 329.

- ⁶ Бекбом илчжи. (Дневник Пэкпома [Ким Гу]). Сеул: Екминса, 1997. С. 391.
- ⁷ Там же. С. 39.
- ⁸ Подробнее о *тонхак* см.: *Тягай Г. Д.* Крестьянское восстание в Корее 1893–1895 гг. М., 1953; *Курбанов С. О.* История Кореи с древности до начала XXI в. СПб., 2009. С. 309–317.
- ⁹ Здесь и далее биографическая информация о Ким Гу почерпнута из издания «Бекбом илчжи» (Дневник Пэкпома [Ким Гу]).
- ¹⁰ Вообще с семейной жизнью Ким Гу, что называется, «не везло». В 1902 г. он вступает в брак в первый раз, но уже в 1903 г. молодая жена «умирает от болезни». В 1904 г. Ким Гу женится во второй раз. Первая дочь Ким Гу, родившаяся в 1907 г., умерла в следующем 1908 г. Вторая дочь родилась в 1910 г. и смогла прожить только до 1914 г. Третья дочь родилась в 1915 г. и умерла в 1918 г. В 1918 г. у Ким Гу рождается первый сын. Второй сын родился в 1922 г. В 1924 г. скончалась вторая жена Ким Гу. В 1927 г. его сыновья вместе с бабушкой возвращаются в Корею, и начиная с этого времени Ким Гу живет один, без семьи, всецело отдавая себя движению за независимость.

*В. С. Акуленко**

ЭВОЛЮЦИЯ АВТОХТОННЫХ ТЕОРИЙ ЭТНОГЕНЕЗА КОРЕЙЦЕВ В КНДР

Проделанная за последние 100 лет огромная работа по сбору сведений о древнейшем этапе существования человека на Корейском полуострове позволила ученым выдвинуть множество теорий происхождения, развития и становления корейского этноса.

Все они могут быть поделены на два основных направления: теории, выступающие за постепенную эволюцию человека на Корейском полуострове (начиная с наиболее ранних представителей человека современного типа) и превращения его в нынешнего корейца — автохтонные теории этногенеза корейцев; и теории, согласно которым корейский народ сформировался в результате миграции предков корейцев на Корейский полуостров извне и смены древнего населения пришлыми племенами — миграционные теории. Надо отметить, что миграционные теории предполагают несколько возможных вариантов этногенеза корейцев в зависимости от того, какие этнические группы рассматриваются в качестве возможной антропологической основы для населения отдельных эпох.

Современные российские, да и большинство зарубежных корееведов привыкли говорить о палеолите Корейского полуострова, а не о палеолите Кореи. Это в первую очередь связано с тем, что с названием «Корея» прежде всего ассоциируется народ, ныне проживающий на территории Корейского полуострова — корейцы, предками которых, скорее всего, древнее население полуострова не является. Однако такого мнения придерживаются не все ученые, занимающиеся изучением палеолита Корейского полуост-

* Акуленко Вадим Сергеевич, ассистент кафедры корееведения ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: vakulenco@mail.ru

рова, что в значительной степени влияет на их восприятие процесса этногенеза корейцев.

Понимание палеолита Корейского полуострова как неотделимой части истории корейского народа является одним из основных отличий между современной исторической школой КНДР и другими корееведческими школами, в том числе и российской. Большинство современных историков, живущих за пределами КНДР, склонны воспринимать палеолит Корейского полуострова как один из периодов истории именно Корейского полуострова, но не корейского народа, период формирования которого, скорее всего, стоит относить к появлению в этом регионе металла.

Автохтонные теории этногенеза корейцев в КНДР, пройдя долгую эволюцию, в настоящий момент стали неотъемлемой частью государственной идеологии и провозглашают Пхеньян и его окрестности родиной всех корейцев и одним из центров возникновения и эволюции человека на Земле. В нашей работе мы намерены рассмотреть автохтонные теории этногенеза корейцев, выдвинутые северокорейскими учеными, проследить их эволюцию, дать им оценку и попытаться ответить на вопрос: возможно ли на основе представленных северокорейскими учеными доказательств подтвердить генетическую преемственность между палеолитическими насельниками Корейского полуострова и современными корейцами.

Понимание палеолита Корейского полуострова как неотделимой части истории корейского народа является одним из основных отличий между современной исторической школой КНДР и другими корееведческими школами. Надо полагать, что точкой отсчета в формировании такого понимания можно назвать 1966 год, когда в селе Хунгу уезда Санвон был обнаружен палеолитический памятник Комынмору, и сомнений в том, что человек жил на территории Корейского полуострова со времен нижнего палеолита, ни у кого не осталось.

Однако основа для построений автохтонных теорий была заложена лишь 10-летие спустя, в 1970-е годы. Тогда археологам удалось обнаружить важные для проведения антропологических исследований останки древних людей. В 1973 г. в на горе Сынърисан (уезд Токчхон пров. Южная Пхенан), которая расположена в верховьях реки Тэдонган, была найдена нижняя челюсть 35-летнего

мужчины. В этом же году здесь же были обнаружены два окаменевших человеческих зуба: первый коренной зуб нижней челюсти и второй коренной зуб верхней челюсти. Найденного ископаемого человека северокорейские археологи назвали «токчхонский человек». В 1977 г. в пхеньянском районе Тэхендон обнаружили череп 7-8-летнего ребенка, названного впоследствии «рекпхосский человек»¹.

Еще до обнаружения «токчхонского человека», в 1972 г. в памятнике-пещере на горе Сынърисан в слое, отличном от слоя, где был обнаружен скелет «токчхонского человека», была найдена кость нижней челюсти мужчины, которого северокорейские ученые отнесли к человеку современного вида. Этот костяк известен под именем «сыннисанского человека»². А в ходе раскопок 1979–1980 гг. в районе Сынхондон северокорейской столицы археологи нашли сравнительно целые кости черепа и нижней челюсти 20–30-летнего мужчины, которого также назвали по месту находки «мандалским человеком», и каменные орудия эпохи позднего палеолита. Другой скелет современного человека был раскопан в 1980 г. в селе Рёнгокри уезда Санвон г. Пхеньян. В пещере были обнаружены многочисленные кости туловища и две кости черепа с лицевыми костями. Также окаменелые останки человека обнаружены в пещере Кымчхан, находящейся в селе Чунри того же уезда.

Одновременно с археологическими изысканиями северокорейская историческая наука старалась заглянуть как можно глубже в историю корейского народа и выдвинуть свои теории этногенеза корейцев взамен существующих, большой вклад в разработку которых внесли японские, европейские и американские историки. Причину разработки своей теории в КНДР можно объяснить не только желанием реконструировать процесс этногенеза: как известно, японские ученые стали для северных корейцев врагами кровными, а их американские и некоторые европейские коллеги — идеологическими. Поэтому в 1970-е годы была сформирована вошедшая в крупнейшее северокорейское историческое издание — многотомник «История Кореи»³ так называемая теория единого происхождения (кор. *танилькивонсоль*), которая стала основой для последующего формирования теории происхождения корейцев от палеолитических жителей полуострова (кор. *понтхокивонсоль*).

Теория единого происхождения стала северокорейской альтернативой различным миграционным теориям, получившим развитие не только в западном и южнокорейском, но и в советском и в российском корееведении.

В современном российском корееведении теория смешанного происхождения хорошо известна под названием теории двух этно-расовых пластов, прекрасно описанной Джарылгасиновой. Сами северокорейские ученые объясняют неприемлемость данной теории тем, что она делит предков нынешних корейцев на южные и северные племена, имеющие различное происхождение, что, по их мнению, оправдывает нынешнее разделение Кореи⁴.

Выдвинутая северокорейскими учеными теория единого происхождения подразумевает самостоятельное формирование в Восточной Азии с центром на Корейском полуострове предков современных корейцев — «древних корейцев» (кор. *чосон эт юхёнсарам*) начиная с периода неолита. Именно тогда, согласно «Полной истории Кореи», у «древних корейцев» сложились характерные для них антропологические черты — небольшая, но высокая голова; крутой лоб средней ширины; широкое, немного высокое лицо, ширина и высота которого практически одинаковые, формирующие лицевую пластину среднего размера. Кроме того, у древних корейцев были слегка выдающиеся скулы⁵.

Однако теория единого происхождения в том виде, в каком она вошла в том I «Полной истории Кореи», вовсе не предполагает развитие человека на территории Корейского полуострова со времен палеолита. Касаясь темы этногенеза, авторы вполне разумно отмечают тот факт, что палеолит слишком удален хронологически от самого процесса этногенеза и формирования единой корейской культуры, и об этом процессе стоит говорить лишь с наступлением на Корейском полуострове неолита⁶. Вместе с тем в предисловии к этому же изданию говорится, что предки нынешних корейцев жили на Корейском полуострове с периода палеолита⁷. Таким образом, можно предположить, что в конце 1970 годов сложились предпосылки для формирования новой теории, еще более удрежняющей корейский народ и его культуру, делая сначала Корейский полуостров, а затем Пхеньян и долину реки Тэдонган одним из центров зарождения человечества.

В 1980-е годы на основе выдвинутой ранее теории единого

происхождения и значительных успехов в изучении палеолита Корейского полуострова в КНДР сформировалась теория происхождения от коренных жителей. По мнению северокорейских историков, все найденные в 1970–1980-е годы костяки людей («токчхонского», «сыннисанского», «рёкпхосского», «мандальского» и т.д.) представляют собой три эволюционных этапа развития древних корейцев: первобытный человек (кор. *вонбин*) — древний человек (кор. *коин*) — современный человек (кор. *синин*), которые жили соответственно во времена нижнего, среднего и верхнего палеолита⁸. На основе сравнения останков была «доказана» преемственность между ними, а также выдвинута уже упомянутая выше теория происхождения от коренных жителей, подразумевающая непрерывную генетическую преемственность между палеолитическим населением Корейского полуострова и современными корейцами.

Положение данной теории хорошо передают слова северокорейского историка Чан Учжина: «Древние корейцы связаны кровными узами с людьми современного типа — мандальским или сыннисанским человеком, эволюционировавшими на территории нашей Родины; и все они были предками современных корейцев. Таким образом, корейцы — народ, развившийся на собственной территории, и мандальский человек — предок корейцев»⁹.

То есть и в наступивших после палеолита мезолите и неолите, как, в прочем, и в бронзовом веке, по мнению северокорейских историков, жили прямые генетические потомки палеолитических насельников Корейского полуострова — «древние корейцы». При этом «обнаруженные» в «гробнице Тангуна» скелеты «Тангуна» и его «супруги» представляются северокорейскими учеными как те самые «древние корейцы», имеющие прямую генетическую связь с палеолитическими жителями полуострова. Однако проверить достоверность этих фактов не представляется возможным: останки мифического основателя первого корейского государства недоступны для исследователей¹⁰.

Теория происхождения от коренных жителей, в отличие от своей предшественницы — теории единого происхождения — не подвергается никакой серьезной критики. Дело в том, что у наиболее близкого хронологически к современным жителям Корейского полуострова «мандальского человека», жившего в период верх-

него палеолита, голова доликоцефального типа, а у современных корейцев она, в основном — брахицефальная. Таким образом, прямая генетическая преемственность, на которой настаивают северо-корейские ученые, хорошо прослеживается только на бумаге путем построения хитроумных сравнительных таблиц и запутанных фраз.

Однако если допустить, что в этногенезе корейцев принимали участие несколько народов, имеющих разное происхождение, факт появления «брахицефального» большинства легко объяснить миграцией племен, имеющих, к примеру, алтайское происхождение. Но в рамках теории происхождения от коренных жителей такое допущение невозможно.

Кроме того, данная теория не способна объяснить такие факты, как распространение гребенчатой керамики (распространенной на Корейском полуострове) в Сибири, связь корейского языка с алтайской языковой семьей, распространение шаманизма и прочие факты, подтверждающие общую связь культур Кореи и Алтайского региона¹¹. Все эти противоречия также легко снимаются, если допустить миграцию древних корейцев (или какой-то их части) на Корейский полуостров в период неолита-бронзы из Алтайского региона. Однако северо-корейские ученые настойчиво игнорируют неудобные факты и выдумывают все новые «доказательства» верности своих теорий.

В недавно озвученном на конференции, посвященной 65-летию основания Университета им. Ким Ир Сена, докладе Чан Вончана «Успехи исследования палеолитической культуры Кореи»¹², его автор с очень интересной стороны подходит к доказательству непрерывного развития человека на Корейском полуострове. В доказательство теории происхождения от коренных жителей Чан приводит следующие логические построения:

1. Археологические исследования показывают, что многочисленные представители фауны эволюционировали на Корейском полуострове в мезозойскую и кайнозойскую эры, что означает, что Корейский полуостров является прекрасным местом для эволюции вида, а значит и люди здесь вполне могли эволюционировать.

2. Анализ материалов, найденных в естественных пещерах, говорит о том, что климат Корейского полуострова в четвертом пе-

риод кайнозойской эры был умеренным и весьма подходил для обитания человека, что автоматически означает, что Корея была одним из регионов мира, где человек обитал с момента своего появления.

3. Из пунктов 1 и 2 следует, что корейцы появились и самостоятельно эволюционировали на Корейском полуострове.

В заключение своего доклада Чан подводит итог многолетнего изучения палеолита Корейского полуострова северо-корейскими учеными: «Результаты изучения палеолита Корейского полуострова показывают, что Корея является не только одной из колыбелей человечества, но и доказывают, что корейский народ существует с зари человеческой истории и создал древнюю и блестящую культуру»¹³.

Однако теория происхождения от коренных жителей не стала вершиной творчества северо-корейских историков. В тяжелые для КНДР 1990-е годы на основе уже разработанных теорий был выдвинут тезис о существовании так называемой «тэдонганской археологической культуры» и появилась теория о центральном месте Пхеньяна и долины р. Тэдонган в формировании корейского народа. Суть теории сводится к тому, что Пхеньян и его окрестности являются одним из центров зарождения человечества и, естественно, родиной всего корейского народа.

Подтверждением своей теории северо-корейские исследователи считают тот факт, что к настоящему моменту в окрестностях Пхеньяна и в долине р. Тэдонган найдено большое количество археологических артефактов, датируемых историческими периодами начиная с эпохи нижнего палеолита. Кроме останков жизнедеятельности человека археологи обнаружили здесь и окаменевшие скелеты человека, морфологический анализ которых, по мнению северо-корейских ученых, подтверждает тот факт, что Пхеньян является родиной корейцев.

Северо-корейские антропологи считают, что у любого корейца, вне зависимости от места его нынешнего проживания, наблюдаются морфологические особенности строения костей черепа, характерные только для корейца: довольно велика высота кости черепа, но не так велика высота кости лица, лоб не закинута назад, а вертикальный, глазница сравнительно неглубокая, челюсти широкие, а нос сравнительно узкий и высокий¹⁴.

Такие же морфологические особенности строения черепа, по мнению северокорейских ученых, наблюдаются и у раскопанных в районе Пхеньяна и в бассейне р. Тэдонган «мандальского», «рён-гоккского» и «пхунгокского» человека. У «мандальского» и «рён-гоккского» человека велика высота кости черепа, лоб — вертикальный, при этом высота лицевой кости — средняя. Окаменелые кости носа «пхунгокского человека» тоже показывают те или иные свойства корейцев¹⁵.

По мнению северокорейских ученых, жители соседней Маньчжурии имеют совершенно иное строение черепа: высота кости черепа не очень велика, зато лицевая кость сравнительно высокая, лоб закинут назад, а нос низкий и широкий. Это, по мнению корейских теоретиков, является доказательством того, что корейский народ возник в этом регионе раньше других, при этом Пхеньян стал местом его происхождения, формирования его единства и центром всей его деятельности¹⁶.

То есть, по мнению приверженцев теории о центральном месте Пхеньяна в формировании корейского народа, все корейцы, независимо от их места рождения, являются потомками одних и тех же «соотечественников», чьи окаменелые останки раскопаны в районе Пхеньяна.

Таким образом, теория происхождения от коренных жителей в 1990-е годы получила дальнейшее развитие в рамках теории о центральном положении Пхеньяна в этногенезе корейцев, а также позволила говорить о существовании так называемой «тэдонганской археологической культуры».

Надо ли говорить, что теория о центральном положении Пхеньяна в этногенезе корейцев полностью дискредитировала и без того спорные положения теории происхождения от коренных жителей.

Южнокорейские историки, в отличие от своих северокорейских коллег, не питают иллюзий относительно автохтонного развития корейского народа со времен палеолита. Более того, со стороны нового поколения южнокорейских ученых нарастает обоснованная критика подобных суждений (Ли Чон Ук¹⁷ и др.), хотя и в Южной Корее есть сторонники теории генетической преемственности между верхнепалеолитическими и неолитическими жителями полуострова (Син Ен Ха¹⁸).

Действительно, предполагать, что древние жители Корейского полуострова самостоятельно эволюционировали в современных корейцев, очень сложно, если не сказать — невозможно. Современные генетические исследования показывают, что человек современного вида появился в Восточной Африке 200—150 тыс. лет назад и примерно 100 тыс. лет назад двинулся в Евразию, замещая всех прочих живших гоминид, при этом, что важно, не скрещиваясь с последними¹⁹. То есть предполагать генетическую преемственность возможно только начиная с периода верхнего палеолита, когда на Корейский полуостров проникает человек современного вида.

Естественно, предполагать абсолютное исчезновение верхнепалеолитического населения и дальнейшее заселение древними корейцами пустующего Корейского полуострова, в то время как на сопредельных территориях продолжали жить люди (что подтверждается археологическими находками), также весьма нелогично. Однако доказать эту гипотетическую преемственность, основываясь на данных, предоставляемых северокорейскими учеными, также представляется невозможным.

¹ *Ким Чонбэ*. Хангук кодэсаипмун. (Введение в древнюю историю Кореи). Сеул: Тосочхулпхан Синсовон, 2006. Т 1. С. 25—26.

² Тангун — родоначальник Кореи. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1994. С. 136.

³ Чосончонса (История Кореи). Пхеньян: Квахак, пэкквасачжончхулпханса, 1979. Т 1.

⁴ Там же. С. 348.

⁵ Там же. С. 333.

⁶ Там же. С. 307.

⁷ Там же. С. 11.

⁸ *Сон Енчжон, Пак Енхэ, Ким Енган*. Очерк корейской истории. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1992. Т 1. С. 1—7.

⁹ *Ким Чонбэ*. Указ. Соч. С. 26.

¹⁰ *Чан Хеем*. Хангугый кодэсарыл хэбуханда (Анализ древней истории Кореи). Сеул: Омунсхакса, 2008. С. 251.

¹¹ Там же. С. 252.

¹² *Jong Bong Chan*. Successes in Research on the Culture of Paleolithic Age of Korea // International Symposium in Commemoration of the 65th Anniversary of the Foundation of Kim Il Sung University (History). Pyongyang: Kim Il Sung University, 2011. P. 47—51.

- ¹³ Там же. С. 49–51.
- ¹⁴ Тангун — родоначальник Кореи. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1994. С. 138.
- ¹⁵ Там же. С. 137.
- ¹⁶ Там же. С. 138.
- ¹⁷ *И Чонбук*. Минчогинга, куккаинга? Силла Нэмульванъ ичон ёксаэ таби итта. (Нация или страна? Ответ есть в истории государства Силла до короля Нэмуль-вана). Сеул: Сонам, 2006.
- ¹⁸ *Син Енха*. Кочочон кукахёнсонъый сахвеса (Социальная история становления государства Древний Чосон). Пхачжу: Чисиксанопса, 2010.
- ¹⁹ *Муравик Г. Л.* Парадокс человека: новый взгляд на старую проблему // Христианство и наука. IX международные рождественские образовательные чтения. М., 2001. С. 322 – 350.

*Д. Г. Инчоль **

ОСОБЕННОСТИ КОРЕЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Как категория социально-гуманитарных наук «идентичность» представляет собой отношение, которое формируется и трансформируется исключительно в ходе социального взаимодействия¹.

В структуре идентичности можно условно выделить два уровня: «индивидуальный» и «социальный». Персональная идентичность — совокупность характеристик, сообщающих индивиду качество уникальности; а социальная идентичность — результат отождествления индивида с ожиданиями и нормами его социальной среды².

В зависимости от того, что выступает основанием идентификации, выделяют различные типы социальной идентичности: этническую, профессиональную, региональную, политическую.

Место этнической идентичности в структуре личности может меняться. При одних условиях она не играет существенной роли или вообще не выражена (этнический индифферентизм), при других — выступает на первый план или даже доминирует, вытесняя иные идентификации индивида. Процессуальный и ситуативный характер этнической идентичности становится очевидным в мегаполисе. Самоидентификация индивидов с той или иной этнической группой зависит от целого ряда обстоятельств: наличие ярко выраженных понятий «свои» — «чужие»; возможностей социальной интеграции; политических и правовых норм, действующих в определенном сообществе по отношению к культурным меньшинствам и др. В любом случае активизация этнической идентичности связана с наличием ситуации, обуславливающей опреде-

* Инчоль Данрика Григорьевна, соискатель Сургутского государственного педагогического института. E-mail: Helin03@mail.ru

ленный тип поведения, в частности коллективную солидарность по этническому признаку. Решающим фактором в проявлении этнической идентичности или этничности выступает не набор «вещественных» признаков (языка, культуры, религии), а их значение в процессе социальной коммуникации. Самоидентификация в качестве члена некоторой этнической группы или дезидентификация, т.е. отказ от этнической принадлежности, определяются различными критериями: общностью происхождения, совместным ожиданием в будущем, общими культурными традициями, поведенческими навыками и т.д. Этническая идентичность складывается не столько в результате внешнего определения, сколько в результате самоопределения индивида³.

Следует также различать понятия «этническая» и «национальная» идентичность. Национальная идентичность предполагает самоидентификацию с определенным политическим (национальное государство) и культурным (национальная культура) сообществом⁴.

В современном мире большинство государств представляют собой полиэтнические образования, в которых гражданско-политическое и культурное измерение национальной идентичности имеет приоритет над ее этническим измерением⁵. Однако, в отличие от полиэтнических государств, в Республике Корея, которая является мононациональной страной, понятия «национальная» и «этническая» идентичность можно считать тождественными. Иными словами, у корейцев нет различия между гражданином страны, являющимся членом политического сообщества, и представителем корейской нации, воспринимаемой как общность связанных кровным и культурным родством индивидуумов⁶. Следовательно, такие понятия, как «этнические корейцы» и «корейское гражданство», в сознании этого народа неотделимы друг от друга, что является первой наиболее важной особенностью корейской национальной идентичности.

В основе этой характерной черты корейцев лежит «представление о единстве нации», которое укоренилось в их сознании как убеждение, что они представляют собой однородную, исторически сложившуюся социально-экономическую и духовную общность людей. Какие же факторы повлияли на формирование представления о единстве корейской нации?

Во-первых, тот историческим факт, что населяющий Корейский полуостров народ принадлежал к одной политической общности и находился под централизованным управлением династии Ли (1392–1910 гг.), усиливал гомогенизацию базовых национальных элементов – корейского языка и культуры⁷. С этого времени Корея превратилась в государство Чосон со столицей Сеул. Внешнеполитический статус Чосона был урегулирован в ходе специальных переговоров с минским Китаем, в результате чего Корея получила автономию в обмен на признание сюзеренитета Китая⁸.

Структура корейского государства, несмотря на установление формальной вассальной зависимости от Китая, отличалась внутренней устойчивостью, которая позволяла сохранять и отстаивать независимость страны. Официальной государственной идеологией стало конфуцианство в его неоконфуцианской чжусианской модификации, а фундаментальный принцип учения Конфуция о патрилинейной патриархальной системе сыграл ключевую роль в закреплении представления о единстве корейской нации⁹.

Во-вторых, в эпоху колониализма Корея была единственным государством, оказавшимся под господством не западной, а восточной державы – Японии. В отличие от многовекового сюзеренитета Китая, японская колониальная экспансия Корейского полуострова и превращение страны в протекторат Японии привели Корею к потере собственной государственности, что повлекло за собой лишение корейского народа права на сохранение своей национальной идентичности. В результате произошла трансформация этнической идентичности корейцев, понимаемой как общность их происхождения и культуры, в характерную особенность корейского национализма¹⁰.

В период колониальной зависимости от Японии все корейцы были объявлены японскими подданными, японский язык стал официальным, корейский язык запрещено преподавать в школах, использовать в государственных учреждениях, употреблять в дело- и судопроизводстве. Хранение книг по корейской истории каралось штрафом или тюремным заключением. Корейцам запрещалось принимать участие не только в политических организациях, но и в научных, культурных и спортивных кружках. Для корейцев и японцев действовали различные законы и регуляции; функционировали отдельные суды, магазины, гостиницы и транспорт¹¹.

В то же самое время японские колонизаторы активно продвигали идеи паназиатизма, призывая к объединению народов «желтой расы», допуску корейцев в административный аппарат и созданию лояльной к Японии прослойки корейского общества. Наряду с этим, японские власти продолжали осуществлять политику жестокого военно-полицейского террора, направленную на подавление любых проявлений национально-патриотических чувств корейского народа¹². В итоге корейцы, находящиеся в подчиненном положении и лишённые собственной государственной власти, языка, истории и культуры, вынуждены были формировать свою собственную, отличную от японского народа, национальную идентичность, которая базировалась на все той же идее о единстве нации.

В-третьих, в пользу утверждения представления о единстве корейской нации выступал и тот исторический факт, что никакая другая народность или этническая группа, не проживала на корейском полуострове с ранних периодов существования государства Чосон¹³. К тому же ни последующее переселение в Корею большого числа японцев в эпоху колониализма, ни нахождение на территории страны с первой половины XX в. определенного числа этнических китайцев не изменили представление корейцев о единстве нации.

Несмотря на то что представление о единстве корейской нации содействовало распространению настроений единения и согласия среди лиц корейской национальности, оно одновременно способствовало формированию особого отношения к представителям других национальностей. Ярким примером негативного проявления данного убеждения служит дискриминация этнических китайцев, проживающих на юге Корейского полуострова и представляющих собой национальное меньшинство. В основном это потомки переселившихся в начале XX в. мигрантов, которые после установления власти китайских коммунистов на территории континентального Китая и образования КНР в 1949 г. вынужденно остались в Корее и столкнулись сразу с несколькими разновидностями дискриминации.

Во-первых, с правовой дискриминацией, которая находит свое отражение в неравноправном отношении со стороны органов правосудия и в использовании дискриминационных по содержа-

нию законов¹⁴. В качестве такового выступал Закон о корейском гражданстве, вступивший в силу 20 декабря 1948 г. и являвшийся легальным выражением корейской национальной идентичности¹⁵. Этот закон отдавал приоритет этническому измерению национальной идентичности корейцев, базирующейся на принципах кровного и культурного родства. Так, в соответствии с Законом о корейском гражданстве этнические китайцы, рожденные в Корее, юридически приравнивались к иностранцам и не имели никаких привилегий при получении гражданства РК¹⁶.

Для того чтобы стать натурализованными корейцами, представители китайской общины должны были:

- непрерывно находиться в Корее в течение 5 лет;
- достичь 20-летнего возраста и считаться дееспособными по законам своей страны;
- демонстрировать благонадежное поведение;
- обладать средствами или возможностями, необходимыми для того, чтобы поддерживать самостоятельное существование (ст. 5)¹⁷.

Во-вторых, с гендерной дискриминацией, юридически закрепленной в том же законе, которая привела к тому, что этническим китайцам, женившимся на кореянках, не оказывалась помощь в получении корейского гражданства¹⁸.

В-третьих, с экономической дискриминацией, которая проявляется в недопущении к занятию определенными видами экономической деятельности и нанесении непосредственного материального ущерба¹⁹. В данном случае южнокорейское правительство наложило на этнических китайцев дополнительное бремя в форме экономических санкций. Ко времени освобождения Кореи от японского колониального господства многие китайцы, проживающие в стране и занимающиеся торгово-ремесленной деятельностью, значительно улучшили свое благосостояние. Однако введение принудительного регулирования иностранных средств обращения в 1950-е годы, последующее проведение денежных реформ и лишение иностранцев права на владение недвижимостью в Корее в 1961 г. привело большинство из них к банкротству с конфискацией имущества²⁰.

В-четвертых, преднамеренное ущемление прав и интересов китайцев на государственном уровне как представителей другой

национальности привело к ксенофобии, межличностному антагонизму и социальной изоляции этнических китайцев в корейском обществе.

В целом политика корейского правительства в отношении этнических китайцев в Корее была направлена на сохранение китайской национальной идентичности и тем самым не только препятствовала ассимиляции китайцев в корейское общество, но и ограничивала любые возможности установить доверительные и благожелательные отношения между представителями корейской и китайской национальностей.

Результатом этой дискриминационной политики стал массовый отъезд из страны начиная с середины 1970-х годов проживавших в Корее китайцев²¹.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что представление о единстве корейской нации отражает основную суть корейской национальной идентичности и служит ключом к пониманию других характерных особенностей идентичности корейцев, таких, как:

- отождествление национальной и этнической идентичности;
- приоритет этнического измерения национальной идентичности над ее гражданско-политическим и культурным измерениями;
- дискриминационная политика в отношении иностранцев.

На рубеже 1980–1990-х годов в Республике Корея начался процесс утверждения прав и свобод человека и введения норм парламентарной демократии²². В это же время Южная Корея с ВВП на душу населения около 10 тыс. долл. вошла в число экономически развитых государств²³. В связи с этим страна стала испытывать недостаток работников, согласных выполнять 3D (difficult, dirty and dangerous) – тяжелую, грязную и опасную, т.е. непрестижную, низкоквалифицированную работу, что спровоцировало большой приток трудовых мигрантов из менее развитых государств. Одновременно набирал обороты и процесс так называемой «обратной эмиграции» (репатриации) зарубежных корейцев, получивших иностранное гражданство, которые возвращались на свою историческую родину, где оставались в течение длительного периода времени как на легальной, так и на нелегальной основе.

Все эти изменения, а также сопутствующие им факторы, такие, как деятельность гражданских групп, направленная на унич-

тожение различных видов дискриминации в корейском обществе, и необходимость привлечения иностранного капитала, вызванная финансовым кризисом 1997–1998 гг., привели к формированию у корейцев иного отношения к представителям других национальностей и к трансформации корейской национальной идентичности²⁴.

Это способствовало всестороннему пересмотру ограниченных национальными предрассудками политической и правовой систем РК. Так, в 1997 г. корейское правительство внесло поправки в Закон о корейском гражданстве, положив тем самым начало процессу трансформации корейской национальной идентичности²⁵.

Во-первых, произошла замена принципа патрилинейного *jus sanguinis*, который ограничивал возможности граждан других государств и лиц иных национальностей в получении южнокорейского гражданства, билинейным *jus sanguinis*. В результате чего «...любой ребенок, рожденный в РК, автоматически становился корейским гражданином» (ст. 2 Закона о корейском гражданстве)²⁶.

Во-вторых, была ликвидирована гендерная дискриминация при получении южнокорейского гражданства посредством вступления в брак с корейским гражданином. Закон предоставил право приобретать гражданство РК тем иностранцам, которые женились или выходили замуж за корейских граждан. Для этого иностранные супруги южнокорейских граждан должны были получить одобрение Министерства юстиции РК, основанием для выдачи которого служило пребывание в стране в течение, по крайней мере, 2-летнего периода времени. При этом была увеличена продолжительность нахождения в Южной Корее иностранных супругов корейских граждан женского пола, и уменьшена – супругов мужского пола. Кроме того, закон расширил действие принципа *jus sanguinis* на женщин и распространил понятие *jus domicili* (в рамках которого корейское гражданство определялось местожительством и трудоустройством на юге корейского полуострова) на вопросы приобретения гражданства²⁷.

В-третьих, было юридически закреплено равноправное обращение с иностранцами, состоящими в официальном браке с этническими корейцами. Так, в соответствии с первым вариантом закона, граждане из экономически развитых стран обладали преимуществами при получении гражданства РК по сравнению с гражданами развивающихся государств. Второй вариант того же

закона устранил такого рода дискриминацию между иностранцами, увеличив продолжительность их пребывания в Южной Корее и снизив экономические требования, которым должны удовлетворять претенденты на приобретение корейского гражданства²⁸.

В итоге изменения в Законе о корейском гражданстве привели к тому, что была существенно облегчена процедура получения корейского гражданства (ст. 6), что значительно улучшило положение этнических китайцев, представляющих собой самую многочисленную группу иностранцев, постоянно проживающих в Южной Корее. Дело в том, что большинство национально-смешанных браков в РК заключается между китайцами и кореянками, поэтому это послабление позволило мужьям-китайцам легализоваться в стране путем приобретения корейского гражданства²⁹. Более того, для тех этнических корейцев, чье гражданство не было установлено, предусматривалось проведение специальных процедур с целью определения их гражданской принадлежности (ст. 20). Это нововведение позволило разрешать спорные вопросы, связанные с установлением гражданства уроженцев Северной Кореи³⁰.

Таким образом, пересмотренный Закон о корейском гражданстве ослабил негативные проявления корейской национальной идентичности, разделив понятия «национальная» и «этническая» идентичность, и поспособствовал увеличению числа иностранцев, получивших гражданство Республики Корея.

Однако на процесс трансформации корейской национальной идентичности оказали значительное влияние поправки, внесенные и в другие законодательные акты, в частности в Закон об иммиграционном контроле (1998 г.). Так, был в положительную сторону изменен правовой статус тех иностранцев, которые проживают в Южной Корее продолжительный период времени. В результате проведенной ревизии срок пребывания в стране этой категории иностранцев – обладателей визы F-2 – был увеличен с 3 до 5 лет. Данная поправка к Закону об иммиграционном контроле имела положительное значение и для этнических китайцев, проживающих в Республике Корея. В дополнение к этому была обнародована Специальная мера для этнических китайцев в Корее, в соответствии с которой этническим китайцам, чьи члены семьи утратили свое гражданство, был официально предоставлен статус резидентов РК³¹.

В то же самое время южнокорейское правительство приступило к пересмотру дискриминационной политики в отношении иностранцев, что в первую очередь сказалось на положении этнических китайцев. Так, Закон о приобретении земельной собственности иностранцами, вступивший в силу в июне 1988 г., устранил ограничения права собственности на землю для иностранцев. Введение данного законопроекта предназначалось в первую очередь для привлечения иностранных инвестиций в Корею, но впоследствии оказало благотворное влияние на благосостояние этнических китайцев, которым на протяжении длительного времени было отказано в праве владения недвижимостью на территории РК. Более того, в 2002 г. произошло повышение статуса школ для этнических китайцев от «содержащихся на добровольные взносы организаций» до «частных школьных объединений»³².

Однако наиболее значимые изменения, которым подверглась правовая система Южной Кореи, касались иностранных рабочих, а именно:

- проведена частичная ревизия системы «производственной стажировки» иностранцев, введенной в 1991 г.³³;
- учреждена система «обучения и занятости» иностранцев в 1998 г.³⁴;
- расширена область применения норм трудового права на рабочих-мигрантов с 15 октября 1998 г.³⁵;
- ужесточен Закон о регулировании въезда и выезда трудовых мигрантов³⁶;
- началась реализация положений Закона о легализации нелегально проживающих иностранцев с марта 2003 г.³⁷;
- принят Закон о вопросах найма иностранных работников, вступивший в силу 17 августа 2004 г.³⁸

Все эти меры свидетельствуют о том, что Республика Корея приступила к проведению новой миграционной политики, целью которой является управление привлечением и использованием иностранной рабочей силы. Кроме того, правительство РК в большей мере, чем когда-либо, учитывает необходимость содействия социальной и профессиональной адаптации трудовых мигрантов, устанавливая более жесткий контроль над условиями их жизни и труда, а также сокращая численность нелегальных рабочих.

Таким образом, всесторонний пересмотр политической и правовой систем Южной Кореи запустил процесс разрушения исключительной природы корейской национальной идентичности, тем самым способствуя:

- искоренению дискриминации в отношении граждан других государств (включая этнических корейцев с иностранным гражданством);
- созданию благоприятных условий для социальной и профессиональной адаптации иностранцев (включая этнических корейцев с иностранным гражданством);
- сплочению корейской нации и укреплению связей зарубежной корейской диаспоры с исторической родиной;
- формированию поликультурного сознания у современного поколения этнических корейцев;
- обеспечению благоприятной среды для воспитания и образования детей из национально-смешанных семей.

¹ Новая философская энциклопедия. В 4 т. /Под ред. В.С. Степина. М.: Мысль, 2001. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/419/идентичность

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ *Jeon Jaeho*. Changes in the Korean identity in the globalization era // Korea Focus. July-August 2005. № 4. P. 129.

⁷ Op. cit. P. 130.

⁸ *Васильев Л. С.* История Востока. В 2 т. М.: Высшая школа, 2001. Т. 1. С. 449.

⁹ *Jeon Jaeho*. Op. cit. P. 130.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Новейшая история стран Азии и Африки, XX век. В 2 ч. / Под ред. А.М. Родригеса. — М.: ВЛАДОС, 2001. Ч. 1. С. 72.

¹² Там же.

¹³ *Jeon Jaeho*. Op. cit. P. 130.

¹⁴ Национальные отношения: Словарь /Под ред. В. Л. Калашникова/. М.: ВЛАДОС, 1997. С. 44.

¹⁵ *Jeon Jaeho*. Op. cit. P. 132, 136.

¹⁶ Ibid. P. 135.

¹⁷ Ibid. P. 132–133.

¹⁸ Ibid. p. 135.

¹⁹ Национальные отношения: Словарь. Указ. соч. С. 44.

²⁰ *Jeon Jaeho*. Op. cit. P. 135.

²¹ Ibidem.

²² *Васильев Л. С.* Указ. соч. С. 458.

²³ *Ким К. Е.* Законодательство Республики Корея о труде работников-иммигрантов // Корея — новые горизонты. Материалы IX конференции корееведов России и стран СНГ. Москва, 29–30 марта 2005 г. — М.: Ин-т Дальн. Востока РАН, 2005. С. 272.

²⁴ *Jeon Jaeho*. Op. cit. P. 141–144.

²⁵ Ibid. P. 136.

²⁶ Ibid. P. 132, 136.

²⁷ Ibid. P. 134, 136–137.

²⁸ Ibid. P. 137.

²⁹ Ibid. P. 140.

³⁰ Ibid. P. 138.

³¹ Ibid. P. 140.

³² Ibid. P. 135–136, 141.

³³ Ibidem.

³⁴ Ibid. P. 141.

³⁵ Ibidem.

³⁶ *Ким К. Е.* Указ. соч. С. 273.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

Е. В. Ким*

РАЗВИТИЕ ДИАСПОРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (1993–2012 гг.) И ЕЕ ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Все больше государств пересматривают свою внешнюю политику в пользу развития стратегий взаимодействия с зарубежными соотечественниками. Они признают, что наличие влиятельной и консолидированной общины за рубежом отвечает их национальным интересам¹. В этом контексте становится важным изучать и анализировать диаспоральные стратегии стран с целью оценки их эффективности, разработки альтернатив и понимания основной направленности. В частности, научные работы, анализирующие диаспоральные стратегии, могут выступить в качестве вспомогательного материала для улучшения еще достаточно молодой, но развивающейся диаспоральной политики РФ.

Республика Корея (РК) в последнее 10-летие разворачивает одну из наиболее активных и разнообразных диаспоральных программ по отношению к своим зарубежным соотечественникам по всему миру. В связи с этим изучение истории и анализ южнокорейского опыта может быть полезным не только для развития корееведения в России, но и для развития внешнеполитического курса нашей страны.

Российские теоретики диаспоральной политики утверждают, что малоэффективная в прошлом политика РФ по отношению к зарубежным соотечественникам должна претерпеть конкретные изменения в направлении сближения и консолидации^{2,3}.

Диаспоральная политика прежде всего связана с термином «зарубежный соотечественник», вокруг которого идут ожесточенные споры. К. Ф. Затулин подчеркивает, что «даже такие страны,

* Ким Екатерина Валериановна, соискатель Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск. E-mail: ux_0001@hotmail.com

как Китай, Франция, Германия, Венгрия, Израиль, имеющие богатый опыт работы с диаспорой, не предпринимали попыток дать определение понятия «соотечественники за рубежом» или определить их правовой статус своим внутренним законодательством»⁴. Ввиду всего вышесказанного, в данной работе рассматривается определение «зарубежные соотечественники» согласно южнокорейскому законодательству.

Типология диаспоральных стратегий. Предлагается начать с рассмотрения типологий диаспоральных стратегий. Отечественная историография настаивает на следующей схеме:

- Репатриационная (переселение на историческую родину).
- Патерналистская (защита прав соотечественников и оказание им материальной поддержки).
- Прагматическая (модель, опирающаяся на использование политического, экономического, лоббистского потенциалов диаспоры)⁵.

Но как утверждает А. В. Чепурин, ни одна из стран не ограничивается использованием лишь одной из данных стратегий.

Схожую типологию с упором на менее очевидную теоретическую базу предлагает британский исследователь Гамлен. Она заключается в следующем. Он опирается на высказывание Мишеля Фуко о том, что «способность осуществлять власть заключается в трех видах отношений: властные отношения, коммуникационные отношения и завершающие мероприятия»⁶. Таким образом, Гамлен в своей работе утверждает, что государства сначала стремятся установить коммуникационные отношения в транснациональном масштабе, основываясь на идее нации — системы символов и знаков, с помощью которых государство может осуществлять власть. Затем государство ставит целью создать объективный потенциал для реализации властных отношений путем учреждения диаспоральных институтов. И наконец, под завершающими мероприятиями осуществления подобной транснациональной власти государства исхода понимается расширение прав и получение обязательств от нерезидентов. На основе этого Гамлен выделяет 3 типа диаспоральных стратегий, это меры по:

- наращиванию потенциала, направленные на создание «транснационального национального общества» вокруг государства и учреждение сети соответствующих государственных институтов;

▪ расширению прав диаспоры, таким образом играя роль «законного правителя»;

▪ получению обязательств от диаспоры, основанные на предположении о том, что мигранты должны быть верны этому «законному правителю»⁷.

Взгляд Гамлена несколько более прагматичен, однако две типологии не только не исключают, но и дополняют друг друга. К тому же обе типологии — это прежде всего организация знаний о диаспоральной политике, а не взаимоисключающая классификация моделей. Гамлен, как и отечественные исследователи, говорит о сочетании всех трех типов мер в диаспоральной политике отдельно взятой страны, что доказывает пример РК.

Этапы развития диаспоральной политики РК. РК с общей численностью населения 50,2 млн человек имеет почти 7-миллионную зарубежную диаспору⁸. Странами с наибольшим проживанием корейцев являются Китай (2,3 млн), США (2,1 млн), Япония (912 тыс.), страны СНГ (537 тыс.). Корейская диаспора в каждой из стран имеет разную историю переселения и культурную среду проживания и, соответственно, различное социальное положение и уровень этнического самосознания.

Например, корейская диаспора России представляет собой консолидированное сообщество. Действуют как общероссийские, так и региональные ассоциации корейцев, культурные центры и общества. При этом корейская диаспора в России и СНГ отличается наибольшей степенью интеграции в принимающее общество по сравнению с корейскими диаспорами других стран⁹. Однако при наибольшей интеграции корейцев России отличается наименьшее знание корейского языка, приверженности к культуре и внутриэтническим бракам, что является показателями сравнительно низкого уровня этнического самосознания. Повышение этнического самосознания и является первоочередной задачей диаспоральной политики.

РК активизирует стратегию взаимодействия со своими зарубежными соотечественниками с конца 1990-х годов как часть внешнеполитического курса. К тому времени страна подошла с накопленным значительным экономическим потенциалом, однако без существенного политического влияния в мире. И в целях преодоления дисбаланса экономической и политической мощи

РК занимается поиском путей взаимодействия и влияния на международном уровне. И хотя в официальных документах целями диаспоральной политики признаются сохранение этнической идентичности зарубежных соотечественников и формирование из них образцового сообщества в рамках принимающего общества¹⁰, в действительности планы РК идут намного дальше.

Началом современного диаспорального дискурса в РК принято считать 1998 г., несмотря на то что подготовка и первые шаги в данном направлении были предприняты ранее¹¹. И поскольку меры взаимодействия с зарубежной диаспорой РК подчинены президенту¹², данный раздел структурирован в хронологическом порядке в соответствии с президентскими правлениями Ким Ен Сама (1993–1998), Ким Дэ Чжуна (1998–2003), Но Му Хена (2003–2008), Ли Мен Бака (2008 – наст. вр.).

1. Итак, диаспоральная политика при президенте Ким Ен Саме (1993–1998) посвящена подготовке соответствующего закона и аппарата осуществления. Именно в этот период были учреждены основные органы по управлению диаспоральной политикой:

- секретариат по вопросам зарубежных соотечественников при администрации президента (май 1993 г.);
- комитет по диаспоральной политике под руководством премьер-министра (февраль 1996 г.);
- фонд зарубежных корейцев (октябрь 1997 г.)¹³.

Однако, несмотря на все усилия, представленный в 1997 г. законопроект не был принят в парламенте¹⁴. Иными словами, на подготовительном этапе были учреждены основные институты реализации диаспоральной политики, проведена теоретическая работа и начато обсуждение закона.

2. С приходом к власти президента Ким Дэ Чжуна диаспоральное направление внешней политики получило новый толчок. Специальный закон о юридическом статусе зарубежных соотечественников, опубликованный 5 августа 1998 г., был адресован не только проживающим за границей гражданам Кореи, но и иностранным гражданам, имеющим корейские корни¹⁵. Данный законопроект вызвал волну опасений со стороны Китая, стран СНГ и Японии в связи с влиянием этого закона на взаимоотношение зарубежных корейцев со странами проживания¹⁶. Это в итоге привело к пересмотру предложения и принятию исправленного вари-

анта в августе 1999 г.¹⁷ Исправления прежде всего касались сокращений привилегий, выдвинутых первоначальным проектом, но главное — по-новому определяло понятие «зарубежный соотечественник». Согласно принятому в 1999 г. закону, «зарубежными соотечественниками» признавались:

- 1) граждане РК, проживающие за границей;
- 2) лица, в прошлом имевшие гражданство РК, а также их прямые наследники, определяющиеся по решению президента¹⁸.

Ключевым моментом здесь является положение о гражданстве РК, которая была образована в 1948 г. Таким образом, согласно закону из понятия «зарубежные соотечественники» были исключены все мигранты, покинувшие страну до 1948 г. А именно они и составляют большинство зарубежных корейцев Китая и стран СНГ. В связи с этим законопроект еще до вступления в силу вызвал бурю негодования общественности вплоть до обвинения в нарушении гарантируемого конституцией права на равенство¹⁹.

Второй этап становления диаспоральной политики на современном этапе выявляет ее экспериментальный характер. В итоге к закону, дарующему широкие права, приняли поправку, ограничивающие эти права, однако впервые была сделана попытка определить юридический статус «зарубежных соотечественников».

3. В итоге после долгих дискуссий при президенте Но Му Хёне в 2004 г. в силу вступила поправка к закону о зарубежных корейцах, согласно которой «зарубежными корейцами» признавались:

1) Бывшие граждане РК, имеющие вид на жительство за границей, а также граждане Кореи, проживающие за границей с целью получить вид на жительство.

2) Лица, в прошлом имевшие корейское гражданство (включая тех, кто эмигрировал из страны до основания РК), а также их прямые наследники, определяющиеся по решению президента²⁰.

Однако, несмотря на поправку 2004 г., в целях предотвращения паники на трудовом рынке зарубежным корейцам из Китая и стран СНГ сложнее было получить вид на жительство²¹. В связи с этим в 2008 г. визу зарубежных соотечественников (F-4) лицам с высшим образованием, лицам, занимающимся торговлей или производством, стали выдавать вне зависимости от гражданства, поскольку это не представляет угрозы рынку физического труда²².

4. Подводить итоги диаспоральной политики действующего президента Ли Мен Бака пока рано, поскольку он еще не завершил свой срок. Однако, согласно первым программам президента, государственный интерес к диаспоральной политике несколько упал. Президентом был выдвинут план из 193 государственных задач (43 центральных, 68 средней важности и 82 общих задач), и среди наименее важных по значимости задач заявлена «Защита зарубежных граждан и поддержка деятельности зарубежных соотечественников»²³.

Как бы то ни было, при рассмотрении хода развития диаспоральной политики РК за последние 20 лет, можно сказать, что в целом заметна положительная динамика юридического становления и расширения прав зарубежных соотечественников, несмотря на трудности в вопросах равноправия.

Основные направления диаспоральной политики РК. Что касается действующей на данный момент диаспоральной политики РК, то в первую очередь коротко рассмотрим деятельность Фонда зарубежных корейцев (создан при МИД РК и финансируется за счет его бюджета), который является институтом осуществления диаспоральной политики страны. Основными направлениями в деятельности Фонда являются:

1. *Налаживание обменов с зарубежной диаспорой.* Главным здесь является поддержка деятельности сообществ корейцев за границей и мониторинг обеспечения прав соотечественников.

2. *Осуществление образовательных программ.* Речь идет о поддержке центров преподавания корейского языка за рубежом, Фонд также осуществляет и выдачу стипендий представителям диаспоры для обучения в Корее.

3. *Поддержка коммерческой деятельности диаспоры.* Среди данного направления можно особо выделить организацию и проведение Форума бизнесменов — зарубежных корейцев, поддержку создания Конвенции корейского бизнеса и пр.

4. *Информационная поддержка.* Организация Всемирного дня корейцев, исследования, создание международной сети корейских политиков и пр.

5. *Создание сети Глобальной Кореи.* Управление расширением общей сети зарубежных корейцев, создание и управление базой данных об отдельных личностях и организациях зарубежных корейцев, поддержка IT пространства²⁴.

Все вышеуказанное можно отнести к мерам по наращиванию потенциала. Поддержка корейских культурных центров в разных странах мира, проведение культурных фестивалей, организация курсов корейского языка (в первую очередь для корейцев СНГ), выдача стипендий для обучения в РК (в первую очередь для корейцев из развивающихся стран) и прочие меры способствуют сохранению и усилению национального самоопределения соотечественников.

Наряду с этими мерами правительство упростило въезд и право на трудовую деятельность зарубежных корейцев в РК. Существует два основных типа виз для этнических корейцев: Н-2 – виза для занятия неквалифицированным трудом (максимум пребывания 5 лет) и F-4 – виза для квалифицированных работников²⁵. И необходимо отметить, что корейцы Китая являются наиболее многочисленной группой иностранных граждан, проживающих и работающих в РК²⁶.

Среди мер по расширению прав диаспоры можно отметить опыт РК в проведении репатриации корейцев о. Сахалин, которые были мобилизованы японским правительством для физического труда во время аннексии 1910–1945 гг.

Что касается мер по получению обязательств, то это сложный и долгосрочный процесс, результаты которого оценивать еще рано. Однако, во-первых, в РК действует упрощенная инвестиционная политика, быть зарубежным инвестором корейского происхождения проще и выгоднее, чем просто зарубежным инвестором. И, во-вторых, действуют упрощенные правила на покупку недвижимости и проведение финансовых операций для этнических корейцев²⁷. Иными словами, зарубежные корейцы занимают промежуточное положение между гражданами страны и иностранцами.

Диаспоральная политика РК эволюционировала за время существования, начавшись лишь с попыток создания символической системы, связанной со страной происхождения, пройдя этап дискуссий о правах и равенстве представителей диаспор разных стран и переходя на стадию получения обязательств со стороны диаспоры. При рассмотрении деятельности Фонда зарубежных корейцев можно сделать вывод, что диаспоральная политика в первую очередь направлена на взаимодействие с уже организованной диаспорой, что возможно лишь на определенном уровне развития со-

общества, и прежде всего с образованной и квалифицированной частью этой диаспоры.

Перспективы развития диаспоральной политики РК. Как уже отмечалось ранее, диаспоральная политика подчинена президенту страны, и ныне действующий президент Ли Мен Бак уделяет сравнительно мало внимания ее поддержанию. Избежать подчинения главе государства диаспоральная политика как часть государственного курса не может, однако привлечение социальных институтов в процесс ее разработки и осуществления сможет внести некую стабильность в ее проведение.

В разработке диаспоральной политики исследователь Чой У Гиль говорит о необходимости учитывать особенности корейской диаспоры в каждой отдельно взятой стране²⁸. Таким образом, необходимо разрабатывать не только общую диаспоральную политику, но и отдельную диаспоральную политику по отношению к корейцам Китая, Японии, США, России и т.д. с учетом идеологической, демократической, культурной ситуации в странах проживания²⁹.

Чой У Гиль также подчеркивает необходимость отбросить лишь стратегическое или экономическое отношение к зарубежным соотечественникам и заняться поиском ответов на более теоретические вопросы идентичности³⁰.

Диаспоральный опыт РК включает в себя элементы наращивания потенциала, защиты прав соотечественников и получения обязательств от диаспоры. Ввиду различного финансового и социального положения корейских диаспор в мире стратегии взаимодействия с соотечественниками представляют собой довольно широкий спектр мер: от поддержки корейских культурных центров и упрощенного разрешения заниматься неквалифицированным трудом в РК до упрощенных процедур покупки недвижимости и инвестирования. Находясь на одной из наивысших ступеней развития диаспоральной политики, РК имеет возможность отойти от лишь юридическо-символического взаимодействия и перейти на уровень политико-экономического многостороннего общения. Меры, предпринятые РК, способствовали усилению диаспор за рубежом, и теперь у них есть возможность «отплатить» инвестиционной или прокорейской политической деятельностью. Как бы то ни было, еще не время

делать окончательные выводы, однако корейский опыт, несомненно, заслуживает быть исследованным подробнее.

- ¹ *Ченурин А. В.* «Три кита» российской диаспоральной политики [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2009. № 3. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_13207.
- ² *Градировский С.* Диаспоральные образования на границах диаспоральной империи [Электронный ресурс] // Полит.ру. – 2000. URL: <http://polit.ru/news/2000/07/20/550635/>.
- ³ *Зевелев И. А.* Соотечественники в российской политике на постсоветском пространстве [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2008. №1. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_10265
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Ченурин А. В.* Указ. соч.
- ⁶ *Gamlen A.* Diaspora Engagement Policies: What are they, and what kinds of states use them? [Электронный ресурс] // Centre on Migration, Policy and Society, Working Paper No. 32, University of Oxford, 2006. URL: <http://www.compas.ox.ac.uk/fileadmin/files/pdfs/WP0632-Gamlen.pdf>
- ⁷ Ibid.
- ⁸ Брошюра Фонда зарубежных корейцев [Электронный ресурс]. URL: <http://www.okf.or.kr/portal/PortalView.do?PageGroup=USER&pageId=1283437318546&query=>
- ⁹ *Yoon In-Jin.* Understanding the Korean Diaspora from comparative perspective. // [Электронный ресурс]. Asia Culture Forum 2006. URL: http://www.cct.go.kr/data/acf2006/multi/multi_0201_In-Jin%20Yoon.pdf
- ¹⁰ Сайт Фонда зарубежных корейцев [Электронный ресурс]. URL: <http://www.okf.or.kr/portal/PortalView.do?PageGroup=USER&pageId=1328006198603&query=>
- ¹¹ *Чон Ин Сон.* Чеведонпхопоб (Закон о зарубежных соотечественниках). – Сеул: Сарансэнгак, 2002.
- ¹² Чеведонпхо чхурипгукква попчок чивие кванхан попрюл №10275 (Закон о въезде и выезде зарубежных соотечественников и их юридическом статусе) [Электронный ресурс]. Сайт Министерства иностранных дел и торговли. URL: <http://mofaweb.mofat.go.kr/LawInfo.nsf/all/B54FEB9608D9FEB04925695F0023BD70?opendocument>.
- ¹³ *Чон Ин Сон.* Указ. соч.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.

- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Чеведонпхо чхурипгукква попчок чивие кванхан попрюл №10275 (Закон о въезде и выезде зарубежных соотечественников и их юридическом статусе)...
- ²¹ *Чон Дал Су.* Чеуэдонгпхочончек хёнхвангква хянгху пангхянг (Настоящее положение и будущие направления диаспоральной политики) // Мидыри. 2010. № 4. С. 24–31.
- ²² Там же.
- ²³ *Чой У Гил.* Ли Мен Бак чонбуый чеведонпхочончхэк кваче: чеведонпхо-сахвёый мунчева чеведонпхочончхэге пичво (Задачи диаспоральной политики правительства Ли Мен Бака: освещение проблем сообщества зарубежных корейцев и диаспоральной политики) // Материалы конференции, посвященной 60-летию государства. С. 75–97.
- ²⁴ Сайт Фонда зарубежных корейцев [Электронный ресурс]. okf.or.kr.
- ²⁵ Сайт иммиграционной службы Республики Корея [Электронный ресурс]. URL: http://www.hikorea.go.kr/pt/InfoDetailR_en.pt
- ²⁶ Ежегодный статистический отчет отдела миграции и иммиграционной политики. 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.hikorea.go.kr/pt/InfoDetailR_en.pt
- ²⁷ Сайт иммиграционной службы Республики Корея [Электронный ресурс]. URL: http://www.hikorea.go.kr/pt/InfoDetailR_en.pt
- ²⁸ *Чой У Гил.* Указ. соч.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.

*Л. Б. Хван **

РУССКАЯ И КОРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Судьбоносной потребностью, определяемой всем контекстом развития современной мировой цивилизации, является всемерное усиление демократических тенденций, гуманизация социальных отношений как важнейшего условия этнического и межэтнического сближения, сохранения целостности всего человечества, его выживания.

Все это настоятельно требует согласования многообразия, толерантности, межкультурного диалога, ограничения вызовов, по своей природе заключающих в себе нарушение диалога, противостояние, асимметрию силы и воли, осознания пагубности человеческой разобщенности, вражды. В связи с этим примечательным представляется суждение А. Д. Сахарова о том, что «разобщенность человечества угрожает ему гибелью. Лишь планетарное сотрудничество в условиях интеллектуальной свободы, высших нравов и идеалов позволит людям преодолеть и угрозу всеобщей войны, и голод, лишения, справиться со многими бедами и трудностями, которые поджидают человечество в третьем тысячелетии»¹.

Здесь свое высокое назначение должна выполнять культура, в частности литература как одна из самых животворных уникальных источников межкультурного, универсального диалога между «опытом людей, народов всех исторических эпох», как важнейший инструмент гуманизации, сближения наций и народов.

В данном докладе делается попытка сквозь призму типологических особенностей русской и корейской литератур определить

¹ Хван Людмила Борисовна, кандидат педагогических наук, профессор, зав. кафедрой русской филологии факультета иностранных языков Каракалпакского государственного университета имени Бердаха. г. Нукус, Узбекистан. E-mail: xvan45@mail.ru

точки их соприкосновения в раскрытии великих бедствий, являющихся свидетельством трагического опыта истории человечества, связанного множеством нитей с культурным контекстом веков, обличающих истребительские распри, агрессию, осуждающих насилие, вражду между людьми, народами, выражающих дружелюбие, великодушие, определяющих безопасность мира.

История свидетельствует, что «за 5000 лет человеческой истории только 292 года на Земле не было войны, а 15 513 больших и малых войн унесли почти 4 млрд жизней»². Понятно, почему размышления о пагубности войны, агрессии, военных конфликтов, политики насилия, осуждение этнических и межэтнических распрей, стремление к миру, дружбе обретают вечную жизнь в каждой литературе, включая корейскую и русскую.

В этом аспекте непреходящую ценность представляют произведения «Валерик» М. Ю. Лермонтова; «Скифы» А. Блока; «Закливание», «Потомкам» М. Волошина; «Зверинец», «Опять войны разноголосица» О. Мандельштама и многие другие, в которых духовные искания творцов, несмотря на национальное различие, несхожесть, неоднородность социально-политических условий, разность исторического времени, созвучны художественному миру произведений «Табувон» Чо Чжин Хуна, «Два поколения — два инвалида» Ха Гын Хана, «Лунная ночь» Ли Хо Ун, «На меже», «Родной дом», «Шанс» Ким Со Воля, «Нобуко» Ли Гван Су и др.

К числу вершинных произведений М.Ю.Лермонтова относится «Валерик» («Я вам пишу случайно, право» (1840 г.) — послание, которое, по предположению известного лермонтоведа И. Андронникова, обращено к В. А. Бахметьевой (урожденной Лопухиной). В послании, в качестве вставной части, дан рассказ о Валерикском кровопролитном сражении — одном из эпизодов Кавказской войны, активным участником которого был сам поэт. Кавказ становится частью духовной плоти Лермонтова, источником выражения русской ментальности, бескорыстной любви к иным мирам, сострадания чужим бедствиям и невзгодам, чувства высокой гражданственности. «Валерик» М. Ю. Лермонтова свидетельствует, что поэт, как и Пушкин, использовал форму послания не только для выражения личностных, дружеских чувств, но и воплощения гражданских взглядов и убеждений. Признаваясь в любви своей возлюбленной, лирический герой уверяет ее, что,

несмотря на разлуку, тяготы жизни, он никогда не забывал, «долго, долго любил ее». Порукой истинной любви является его исповедь любимой о постижении им смысла жизни, о сближении его с иноверцами, любви к их пророку, к ним:

Быть может, небеса Востока
Меня с ученьем их пророка
Невольно сблизили

Или:

Люблю я цвет их желтых лиц
Подобно цвету ноговиц
Их шапки, рукава худые.
Их темный и лукавый взор
И их гортанный разговор

Нравственное восхождение героя происходит после сражения на реке Валерик. Рассказ об этом сражении составляет центральную часть произведения. Автор подробно говорит об этом смертном бое, с предельной точностью описывает ужасы сражения:

Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь.
Ручей телами запрудили.
... мутная волна
Была тепла, была красна.

Жестокости войны, мучительная смерть множества людей рождает в герое мысли о пагубности войны, вражды, розни между людьми:

Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?

Подлинного драматизма исполнен вопрос автора — «Один враждует он — зачем?», вмещающий в себя больше, чем осуждение войны, неприятие между людьми, народами вражды и розни. Отсюда не случаен в произведении образ Галуба — единственного героя, наделенного именем. Автор вкладывает в него большой гуманистический смысл, называет его «кунаком», близким другом:

Галуб прервал мое мечтанье,
Ударил по плечу; он был кунак мой.

Спасение от вражды между людьми, народами поэт видит в сближении людей, уважительном отношении к иноверцам, «взаимопонимании их исконных “установлений”, которое может уничтожить возникающие барьеры и обратить врага в кунака»³.

Ассоциации, близкие к стихотворению М. Ю. Лермонтова «Валерик», содержит стихотворение «Табувон» Чо Чжин Хуна, в котором размышления о трагичности войны, бессмысленности кровопролития, злодеяниях, пагубности вражды составляют основной лейтмотив произведения. В нем говорится об осаде деревни Табувон, стоящей на подходе к городу Тэгу. Будучи очевидцем страдания народа, раздираемого корейской войной, Чо Джин Хун с болью подробно описывает все ее ужасы:

Вот труп всадника — в устах застрял последний крик.
Подняты в отчаянии к небу головы,
Рожденные под небом Кореи.
Наша жизнь теперь —
Лишь, сдуваемый прохладным осенним ветром,
Запах тлеющих тел — Табувон⁴.

Сходство «Табувон» со стихотворением «Валерик» М. Ю. Лермонтова выражается не только в трагической коллизии, связанной с войной, но и в особенностях его поэтического воплощения. Образ земли у Чо Чжин Хуна, как и у М. Ю. Лермонтова, — не в неизмеримости абстрактного пространства, он выражен со всей конкретностью — это Табувон — деревня в огне войны, лишившей родного дома живых и мертвых:

Живые и мертвые — все
Остались без дома.
И только ветер дует над Табувон
Многозначительно звучат строки:
Люди, не спрашивайте,
Для чего эта жертва⁵.

Они перекликаются с риторическим вопросом М. Ю. Лермонтова: «Враждует он — зачем?» Смысл их вмещает в себя больше, чем осуждение войны, служит предостережением уберечь мир.

Осознание пагубности войны, истребительских завоеваний, необходимость борьбы за предотвращение смертельной угрозы, нависшей над человечеством, отражает уникальный в своей ин-

дивидуальности Ха Гын Чан, автор рассказа «Два поколения — два инвалида», вышедшего в 1957 г.

В названном рассказе находят кровавый отсвет трагедии, которые принесли 35-летняя аннексия Кореи Японией (1910—1945), Корейская война (1950—1953), выражена острая боль писателя за судьбу народа, угнетаемого поработителями, потерявшего из-за этнического противостояния основы единого бытия.

Внимание автора сосредоточено не на кровавых сражениях, а на душевных муках, логике рассуждений не исключительных героев, а простых людей, на духовно-эмоциональной сфере их натуры.

Заглавие «Два поколения — два инвалида» служит смысловым ключом, которое задает рассказу скорбную тональность. Одно поколение — это поколение отцов, испившее чашу японской агрессии, представленное в образе Ман До, который во время насильственного отбывания трудовой повинности в Японии потерял руку. Второе — поколение детей, вынесшее муки Корейской войны. Оно изображено в образе сына Ман До, Чин Су. Японская агрессия и война искалечили судьбы отцов и детей. С пронзительной болью писатель говорит о тяготах, невыносимой адской жизни народа в условиях оккупации Кореи японцами. Из чудовищного ада поращенной Родины Ман До не по своей воле отбывает трудовую повинность на острове тихоокеанского архипелага: «Жизнь на острове была изнуряющей, мучительной: работал человек и вдруг падал замертво»⁶.

В процессе изнурительной работы у Ман До оторвало руку. Он мучительно осознает ужас своего положения: «Ман До с трудом разлепил глаза, прямо перед собой он увидел руку. Она лежала отдельно. Он с ужасом понял, что это его собственная рука, и потерял сознание»⁷ (с. 123). Однако трудности не сломили дух Ман До. Он находит силы восхищаться трудовыми подвигами людей: «А люди — великая сила. В ложбине, среди гор, они построили аэродром». Основной идейный смысл рассказа связан с самым счастливым днем в жизни Ман До, встречей с сыном Чин Су, с которым его разлучила Корейская война.

Автор раскрывает радость Ман До, его надежду, веру на благополучие сына: «Хорошо, что мой единственный сын не погиб. Конечно, это справедливо, что он жив и возвращается. Он выпи-

сался из больницы, значит, его ранили. Хорошо, что не покалечили, как меня! Наверно, его ранили в ногу. Если б ему оторвало руку, он бы не выдержал боли, не то что я, — бормотал старик»⁸. Однако надежда отца не оправдалась. Автор нагнетает состояние ужаса, отчаяния отца, увидевшего сына, встреча с которым преподнесла ему новые муки и страдания: «Ман До удивленно обернулся и замер. Перед ним стоял его сын Чин Су, но совсем не такой, каким его помнил отец. Он опирался на костыли, одна штанина болталась. Сердце Манн До дрогнуло от жалости. Он нахмурился, тяжело, со стоном вздохнул»⁹.

Писатель оставляет героев лицом к лицу, «расстегивает муки чувственности», сосредоточивает внимание на процессе мышления отца, выражающего высоту национального духа, стремящегося приободрить сына, потерявшего смысл жизни, приблизить его к истинно человеческому существованию, сопротивлению тяжести жизни:

«— Отец! Ну как мне жить после этого?

— Что значит, как жить? Как все живут. Ты живой — вот главное, а об остальном не думай.

— Не могу.

— Ты на меня посмотри: без руки живу и ничего. Не хуже других. Что можно делать сидя — будет твоя работа, а где ходить надо — я займусь. Пойдет?

— Пойдет.

Чин Су облегченно вздохнул и благодарно посмотрел на отца»¹⁰.

Глубина идейного смысла рассказа «Два поколения — два инвалида» Ха Гын Чана сосредоточена в заключительной строке рассказа, в которой писатель для раскрытия безысходности героев прибегает к предельно лаконичной пейзажной зарисовке и портретным деталям, отличающимся жестоким натурализмом изображения, усиливающего постижение неприглядной правды о войне, ее пагубности как для погибших, так и для оставшихся в живых, несущих на себе тягостные ее последствия, обрекшие их на мучительную жизнь: «Горы и небо безмолвно глядели на безрукого старика и безногого молодого парня»¹¹.

Ха Гын Чан сумел трагические события национальной истории довести до общечеловеческого уровня, оценить их с позиции

«большого времени», определяющего отношение человечества к своему прошлому, настоящему, будущему.

В лучших образцах русской и корейской литературы сквозь размышления авторов о трагичности войны, противостоянии народов, разрушающих «законы естества», утверждаются здоровые идеи человеколюбия, мира, дружбы.

Необходимость извлечения уроков прошлого, осознания непреложной ценности — единства человеческого рода, — обуславливающего сближение людей, составляет основной смысл стихотворения М. Волошина «Потомкам» (1922).

Мотивация трагического прошлого преисполнена страстным желанием героя донести до потомков слова о зверствах войны, губительности войны между людьми, о неодолимости любви:

Никто из Вас не ведал то, что мы
Изжили до конца, вкусили полной мерой
Свидетели великого распада.
Мы видели безумья целых рас,
Крушенья царств, косматая светила —
Прообразы последнего Суда.
Мы пережили Илиады войн
И Апокалипсисы Революции!
На дне темниц мы выносили силу
Неодолимую любви...

С особой силой автор говорит о том, что в разрушительном противостоянии народов, нарушении «законов естества» повинны все:

Стал человек — один другому дьявол.
Ослушники законов естества.
В себе самих укрыли наше солнце.

Высокое миропонимание автор выражает в заключительных строках, в которых говорит о святости близости людей, о вкладе каждого в преодоление смерти:

Далекие потомки наши! Знайте,
Что если вы живете во вселенной,
Где каждая частица вещества
С другою слита жертвенной любовью.

Мировосприятие М. Волошина близко Ли Гван Су, о чем свидетельствует рассказ последнего «Нобуко» (1924), в котором дей-

ствительность представлена в свете непреложных ценностей, значимых для всех времен и народов — любви человека к человеку, доброты, сострадания, укрепляющих вселенскую близость людей, народов. Показательна в этом отношении судьба студента-корейца Ким Сана, у которого под влиянием любви и доброты японок — старушки, у которой он снял квартиру, и Нобуко, которая беззаветно полюбила его, — происходит переоценка жизненных ценностей. Ким Сан отказывается от предвзятого отношения к японцам, проявляет к ним дружеские чувства.

Истинные чувства японок, их любовь рождает у Ким Сана высокий строй мыслей о единстве и братстве народов: «Наши отношения за длительное время перестали быть чисто денежными, перешли в дружеские, и мне открылась сокровенная глубина человеческой доброты. Такая доброта и является семенем для грядущего рая на земле: « У меня, одинокого иностранца в чужой стране, столь заботливое отношение со стороны человека, который вовсе не приходится родней, вызвало на глазах слезы»¹². Ли Гван Су обосновывает убеждение, что бескорыстная любовь, добросердечие сближают даже некогда враждовавшие народы: «Иная страна, другой народ — это всего лишь внешняя оболочка, а внутри единого человечества плещутся белые знамена сердечных ощущений. И если я раньше все же относился к японцам несколько предвзято, то теперь готов был полюбить их от всей души. Мы все — солдаты и политики. Но давайте сбросим свои маски, скинем свои мундиры — и предстанем друг перед другом, такими, какие мы есть. А мы все братья! Мы — братья и сестры»¹³.

Мысль о связи человеческого существования со вселенской жизнью, мотивация мира, дружелюбия находит глубинное выражение в произведении «Скифы» великого поэта России Александра Блока. Ключом к пониманию его идейного смысла служат слова самого поэта: «В поэтическом ощущении мира нет разрыва между личным и общим, чем более чуток поэт, тем неразрывнее ощущает он “свое” и “не свое”».

Для поэта бедствия, страдания, ужасы войны противоестественны человеческому бытию. Историческое призвание России поэт видит в любви:

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!

Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Вобрав «бури и натиски» революции, ужасы войны, трагические коллизии своего времени, поэт с бесстрашной искренностью призывает к братству:

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем — братья!

Строй мыслей, аналогичный «Нобуко» Ли Гван Су, «Скифам» А. Блока, выражается в творчестве Осипа Мандельштама, вынесшего на себе трагические катаклизмы «века-волкодава», сумевшего «сделать художественные произведения из самого себя». Изображая мученическую жизнь народа в вихре революционных потрясений, тягот «сумрачного времени», поэт в стихотворении «Зверинец» (1916) неустанно вселяет веру в торжество разумных отношений:

И умудренный человек
Почтит невольно чужестранца,
Как полубогом, буйством танца
На берегах великих рек.

Характерной особенностью палитры О. Мандельштама является неустанное его обращение к «кровоавому» веку, призыв хранить память о невосполнимых потерях, человеческих жертвах, служащих своеобразным набатом, зовом поэта к новой жизни, без войны и распрей между народами. Следует подчеркнуть, что вселенской мыслью пронизано все творчество поэта, с особой силой она ощущается в стихотворениях «Век», «Пусть имена цветущих городов», «Опять войны разноголосица». Одной из отличительных их особенностей является обращенность автора в сегодняшний день, вера в мирное, радостное сосуществование человечества. Так, в стихотворении «Опять войны разноголосица» (1923) поэт выражает уверенность в том, что наступят новые времена, где не будет кровавых войн. Чтобы ускорить их наступление, автор призывает человечество к добродетельности:

Давайте слушать грома проповедь,
Как внуки Себастьяна Баха.
И на востоке и на западе

Органные поставим крылья.
Давайте бросим бури яблоко
На стол пирующим землянам.
Давайте все покроем заново
Камчатной скатертью пространства,
Переговариваясь, радуясь,
Друг другу подавая брашна.

Жить в любви, без ненависти, как природа призывает корейский поэт Ли Хо Ун («Лунная ночь»):

Грязь и ненависть в сердце исчезли,
Осталась любовь.

В едином дыхании чистом сливается мир¹⁴.

Со святым призывом к человечеству жить в любви на общей земле обращается великий поэт Ким Со Воль:

Творите молитвы солнцу и небу
День за днем неизменно!
Радости, умножая, живите —
В любви вместе на общей земле¹⁵.

Остеречь человечество от войн, противостояний, розни, от забвения божественной любви, милосердия, добродетельности — главный смысл рассмотренных произведений, пронизанных вселенским духом, определяющих бытие мира в едином мировом согражданстве.

¹ Сахаров А. Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 16.

² Аргументы и факты. 04-10.04.1987. С. 1.

³ Кошелев А. В., Кошелев В. А. «Галуб прервал мое мечтанье...»: Об одном восточном персонаже М.Ю.Лермонтова // Роль и место русского языка и культуры России в истории цивилизации Востока и Запада. Самарканд, 2008. С. 216.

⁴ Здесь и далее текст цитируется по книге: Солдатова М. В., Пак Н. А. Современная литература Кореи. Владивостока, 2003. С. 50.

⁵ Там же. С. 51.

⁶ Здесь и далее текст цитируется по книге «Избранные корейские рассказы новейшего времени». М., 2003.

⁷ Там же. С. 123.

⁸ Там же. С. 121.

⁹ Там же. С. 122.

¹⁰ Там же. С. 126.

¹¹ Там же. С. 127.

¹² Там же. С. 31.

¹³ Там же. С. 57.

¹⁴ Там же. С. 32.

¹⁵ Здесь и далее цитируется по книге: *Ким В.Н., Сейдазимова У.Т., Пак И.Л.* Литература страны изучаемого языка. С. 98.

*А. А. Гурьева**

ЁНПХЁНДО, ФУКУСИМА, ТОКТО: ЮЖНОКОРЕЙСКИЕ ПОЭТЫ О НЕКОТОРЫХ ТЕКУЩИХ СОБЫТИЯХ

События 2010–2011 гг. – обстрел острова Енпхендо, землетрясение в Японии, проблема острова Токто – находят отклик в творчестве поэтов Республики Корея, побуждают к сочинительству блогеров. Также текущие события служат темой для творческих заданий в школах Республики Корея, и некоторые дети предпочитают поэтическую форму выполнения задания. Ниже будут рассмотрены отдельные образцы поэтических произведений на эти темы.

Наиболее многочисленными текстами представлена тема японской трагедии 11 марта 2011 г. Рассмотрим ее в первую очередь.

Землетрясение в Японии. Через 4 дня после землетрясения, 15 марта 2011 г., газета Хангёре опубликовала стихотворение одного из наиболее знаменитых поэтов Республики Корея – Ко Ына «Послание учтивости к Японии» (*일본에의 예의*). Стихотворение состоит из 6 строф. Первая часть текста весьма эмоциональна. Поэт подчеркивает свою равнодушную позицию:

Как можно раскрыть рот
И говорить пустые слова об этом страшном бедствии,
Как можно закрыть рот
И отвернуться от вида мрачной катастрофы...

Затем Ко Ын одной строфой описывает масштабы трагедии: многочисленные человеческие потери, утрата родных и близких, разрушение домов, летавших, «словно игрушечные, машины».

* Гурьева Анастасия Александровна, старший преподаватель кафедры филологии ЮВА и Кореи Восточного ф-та СПбГУ. E-mail: nastyaгур@hotmail.com

Третья строфа носит философский характер. Произошедшее в Японии приводит поэта к размышлениям о человечестве в целом:

Сколь же горестно то,
что называют комфортом человечества,
Сколь же бесславно то,
что называют человеческой цивилизацией,
Сколь же тщетно то,
что называют достоинствами людей...

Эта мысль акцентирована в тексте при помощи распространенного в традиционной и современной корейской поэзии приема параллелизма. В каждой из трех строк, построенных по единой модели, содержится также противопоставление.

Следующая строфа соотносится с названием стихотворения. Ко Ён восклицает: «Как прекрасна Япония!», развивая тему достоинства, с которым японский народ переносит горе:

Не совершая преступлений,
Не опустошая полки,
Не создавая беспорядков,
Каждый за другого, как за себя —
Они терпят крайнее страдание
И переносят его, во что бы то ни стало.

Последние две строфы объединены идеей восстановления Японии из руин. Стихотворение заканчивается строкой:

«И с такой Японией сегодня
Япония будущего непременно воспрянет».

Таким образом, с точки зрения содержания в тексте можно выделить 5 основных частей, распределенных по 6 строфам. Разделение последней строфы на 2 части можно трактовать как композиционный прием, использованный автором, чтобы зрительно выделить фразу: «Япония сегодня — это снова Япония завтрашнего дня» — пожелание поэта «своему соседу» (내 이웃 일본).

Стихотворение Ко Ёна привлекло внимание Интернет-пользователей. Блогер hwnu2009 помещает этот текст под фотографией рыдающей японской девушки, сидящей среди обломков разрушенных зданий. Деликатность личного комментария, сообщающего о факте публикации стихотворения в газете, позволяет фотографии и поэтическому тексту говорить самим за себя.

Особая эмоциональность отличает также стихотворение Ли Су Ена «После цунами в Японии» (일본 쓰나미를 보고). Для создания эмоционального фона автор использует поэтические образные средства. Метафора:

Словно ядовитая кобра с раскрытой пастью,
пронеслась черная волна цунами, сметая города,
сменяется сравнением:
Подобно останкам на поле боя,
Остались лишь развалины.
Текст помечен личностным отношением:
Как же, как же так,
душа болит, как за себя...

К поэтическому творчеству обращаются и сопереживающие японской трагедии блогеры. Например, блогер insect0503 울곡EE сообщил своим читателям о том, что он сочинил несколько стихотворений, посвященных землетрясению в Японии. Одно из них он разместил тут же в блоге. С точки зрения композиции этот текст представляет собой поэму из 12 частей, обладающих различной структурой и посвященных отдельной стороне темы. Рассмотрим пример структурных различий. В 4-й части, которая называется «Но» (인데), каждая строка состоит из одного слова или из части слова, вынесенного в заглавие: основы связки — 이다 - 이, оформленной интродуктивным деепричастием — ㄴ데. Образец строфы из этой части текста:

Цветы,
Но
Землетрясение!

Совершенно иной структурой обладает 9-я часть, получившая название «Проза руин» (폐허의 산문), представляющая собой стихотворение в прозе. Каждая из трех строф фрагмента ритмически организована путем использования лексических или грамматических повторов.

План содержания поэмы также разнообразен. Эмоциональная реакция автора на трагедию выражена в образах плачущего стекла, плачущих руин. Некоторые части поэмы написаны от имени таких объектов — безмолвных свидетелей трагедии. В 7-й части автор затрагивает такую проблему, как реакция окружающих на случившееся:

гора превратится в море,
Море превратится в гору,
А я и ты стоим на краю этой весны.

В образе моря, которое превращается в гору, угадывается волна цунами, но прямого указания на такое значение строки в тексте нет.

Следует сказать несколько слов о заглавии стихотворения «На краю мая». Слово «край», вынесенное в заглавие текста, символизирует окончание текущего времени года, момент перехода к новому состоянию природы. Одновременно этот край подобен обрыву, с которого лирический герой наблюдает за происходящей природной метаморфозой.

Обращения к теме размышлений о неспособности человека понять законы мироустройства можно найти в современной корейской поэзии второй половины XX в. Примером могут служить строки из стихотворения Чон Хен Чжона «Ритуал памяти-1» (기억제 -1):

Знаете ли вы радость познания
Золотой тайны времени?
<...>
Помните:
Отбросы хмельны в самом низком месте,
Звезды хмельны в небе,
А вы стоите на мосту меж ними
И не знаете, что делать!

Следует отметить, что стихотворение Ким Хэ Сона открывает майский выпуск журнала «Хангук си» (Корейская поэзия, 한국 시), на страницах которого опубликовано также эссе специалиста по России профессора Пак Чон Хё, посвященное Чернобыльской трагедии.

Енпхендо. Еще одно событие, отмеченное в творчестве современных поэтов, – это обстрел острова Енпхендо. Рассмотрим стихотворение Ли До Хена «Гнев одного пилота» (어떤 조종사의 울분). Стихотворение характеризуется сменой точек зрения в рамках одного текста. Так, первые две строки содержат образ, в котором сконцентрировался эмоциональный накал текста:

Кулак пилота
Свела судорога.

В последующих строках этот образ раскрывается:

В ту ночь, когда горел остров Енпхендо,
Обстрелянный врагом,
В небе плакал отважный воин.
Он сжимал гашетку.

Вторая строфа перемещает внимание читателя на остров, словно наблюдателем является сам пилот:

В черном дыму пороха
Струей била кровь.

Последующие строки представляют собой мысли пилота, что фиксирует точку зрения в строфе. Примечательно, что враг, к которому он обращается, не персонифицирован: ненависть пилота сосредоточена на вражеском самолете, производящем обстрел:

Эй, самолет МИГ, только появившись,
Только попробуй выпустить ракету.

Однако в следующей строфе читатель словно оказывается на острове, до которого «доносится клятва пилота»².

Динамика композиции текста, когда читатель то становится в позицию стороннего наблюдателя, то взирает на остров с точки зрения пилота, то словно оказывается на самом острове, призвана передать происходившие события. Масштабность событий акцентируется четким обозначением в тексте неба и земли как верхней и нижней границы описываемого пространства. Эти координаты также служат формированию в строках традиционной дальневосточной триады: Небо—Земля—Человек (천지인 天地人). Тем самым передано восприятие автором случившегося как событий космической значимости. Эта идея дублируется строками, в которых происходящее под «небом Енпхендо» влечет за собой изменение космической ситуации: ночь обстрела – это

Ночь, когда особенно ярко
Сияли семь звезд Большой Медведицы.

Токто. Проблема споров о принадлежности о. Токто не раз освещалась поэзией Республики Корея. В качестве примера можно назвать цикл «Строфы о Токто» (독도 시편) О Чжон Бана, написанный несколько лет назад. В 2011 г. было опубликовано стихотворение под лаконичным названием «Токто» (독도) Ли Ен Дока. Характерной чертой текста является личное обращение автора

к острову Токто как к живому собеседнику, в отдельных строках отличающееся пафосом. Утверждение о том, что этот остров является «землей Республики Корея» (너는 대한민국 땅) аргументируется различными поэтическими средствами на нескольких уровнях. Отметим несколько таких мест.

1. Словосочетание «Обращенный к небу корейский народ» в первой строфе и параллельное словосочетание «Обращенная к стране душа». Можно предположить, что у многих корейских читателей эти строки вызывают ассоциацию со стихотворением сичжо поэта XV в. Чон Мон Чжу, завершающееся словами: «Разве может изменить обращенное к государю сердце». *Сичжо* – стихотворный отказ на предложение служить иному государю, за который поэт был казнен, – стало символом преданности, связи между государем и подданным, старшим и младшим. Приведенная выше строка из стихотворения восходит к еще более древним представлениям о душе-сознании, которая, будучи обращенной к старшему, хранит в себе его облик и способствует его поддержанию³.

2. Это любовь, хранящаяся в сердцах,

Выточенная в костях сорока восьми миллионов.

Метонимическое обозначение народа Республики Корея через количество населения страны придает фразе современный характер. При этом в тексте можно усмотреть и традиционный элемент. Так, любовь в тексте соотносится с сердцем [букв. «душа» (*маым*)] и остовом [букв. «внутренность костей» (*пнёсок*)] как составными частями человека. В поэзии прежних эпох душа (*маым*) и остов (*пёкколь*, букв. «белые кости», китайский аналог корейского слова *пнё*) встречаются в текстах, посвященных теме преданности, подвига младшего во имя спасения старшего и во благо родной страны⁴. Можно предположить, что в случае с рассматриваемым стихотворением этот прием служит выражению мысли о подлинности и глубине связей острова Токто и корейского народа.

3. С учетом вышесказанного, в стихотворении можно усмотреть влияние архаичных представлений о способности поэтического текста положительно воздействовать на ситуацию в социуме и во вселенной вообще. Образное преодоление времени и помещение связей корейцев и Токто в контекст вечности – тема завершающих строк текста.

Даже если изменятся темно-синие воды
Восточного моря,
Даже если высохнет Тихий океан,
Это вечная и неизменная любовь.
То, что ты – сокровище, посланное
Республике Корея свыше.

Общими чертами рассмотренных стихотворений является восприятие происходящего как части единого мироздания. Также поэтические тексты не лишены анализа событий в контексте социальной проблематики, при этом способом выражения идеи могут становиться традиционные приемы.

Представленный выше обзор позволяет также отметить значение поэтического текста в современной корейской культуре. Происходящие события становятся темой новых стихотворений известных поэтов, а новые тексты читаются и обсуждаются. При этом к поэтическому слову обращаются люди, не занимающиеся сочинительством профессионально, чтобы выразить свое отношение к тому или иному событию, и навыки такого выражения прививаются еще в школе.

¹ Особенности русского языка не позволяют передать при переводе такой прием, как обособление указанной выше части слова в отдельную строку, поскольку ее значение передается в русском языке союзом «но».

² По замечанию к. и. н. Ю. В. Ванина и к. и. н. К. В. Асмолова, во время обстрела Енпхендо авиация из КНДР в действиях не участвовала. Я благодарна Ю. В. Ванину и К. В. Асмолову за комментарий. Можно предположить, что стихотворение было написано под впечатлением от опубликованного в Интернете дневника командующего Хон Гван Сона – одного из пилотов, патрулировавших небесное пространство после обстрела Енпхендо 23.11.2010.

³ Подробнее об этом см.: *Никитина М. И.* Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М., 1982.

⁴ Подробнее см.: там же.

*Ю. А. Ковальчук**

ОБРАЗ КОРЕИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ ДЖЕКА ЛОНДОНА: РЕАЛЬНОСТЬ И ТВОРЧЕСКИЙ ВЫМЫСЕЛ

Джек Лондон (1876–1916) — один из известнейших американских авторов начала XX в., сделавший значительный вклад в сокровищницу мировой литературы. Однако тот факт, что часть его творческого наследия непосредственно касается Кореи, остается малоизвестным. Эти произведения Лондона — редчайшие, если не единственные, примеры появления образа Кореи на страницах произведений западных писателей (по крайней мере, крупных и всемирно известных) и потому заслуживают пристального внимания. Тем не менее в работах западных, советских и российских исследователей¹ корейским образам Джека Лондона не уделяется внимание, а в немногих работах корейских ученых² материал рассматривается неполно, без учета общей специфики творчества писателя.

Цели данной статьи состоят в том, чтобы проанализировать особенности изображения образов Кореи и корейцев в произведениях Дж. Лондона в контексте философско-этических позиций его творчества, выявить источники их возникновения и проследить эволюцию взглядов писателя на Корею и корейский народ.

Писатель получил возможность познакомиться с Кореей в течение двух месяцев 1904 г., когда пребывал на Корейском полуострове в качестве корреспондента газеты «San Francisco Examiner» для освещения событий русско-японской войны. В сопровождении корейских помощников (слуги-переводчика и погонщиков лошадей) Лондон в марте–апреле 1904 г. продвигался вслед за

* Ковальчук Юлия Александровна, ассистент кафедры китайской, корейской и японской филологии Института филологии Киевского национального университета им. Тараса Шевченко. E-mail: yulaukr@bigmir.

японской армией от Пхеньяна до северной границы Кореи, после чего продолжил путешествие по территории Маньчжурии.

Как свидетельствует частная переписка Лондона, он вынашивал план на основе наблюдений за сражениями создать книгу о войне, но из-за неуступчивости японских властей ему не удавалось подойти близко к фронту, и потому материалов для выполнения этой задумки оказалось недостаточно³. Впрочем, впечатления от поездки по Корейскому полуострову не остались бесполезными, ведь они подтолкнули писателя в дальнейшем к использованию корейских тем в художественных произведениях — коротком рассказе «Нос для императора» (1906) и романе «Межзвездный скиталец» (1914). Поэтому мы считаем необходимым кратко охарактеризовать содержание военных корреспонденций Джека Лондона из Кореи.

Исследователи военных корреспонденций Дж. Лондона⁴ указывают, что писатель находился в плену расистских предрассудков относительно народов Азии, и в частности Кореи. В данных статьях действительно просматривается шовинистический и расистский оттенок. Лондон местами демонстрирует неприкрытую враждебность, презрение и даже отвращение по отношению к корейцам и их укладу жизни, различным образом настаивает на праве белых людей критиковать корейцев и их превосходстве над корейцами во всех аспектах — в физической силе, моральной стойкости, трудолюбию. Корейцев он изображает трусливыми, беспомощными, не способными себя защитить от двух интервентов — русских и японцев. Корейцы того времени, по его мнению, сложившемуся во время поездки, были ничтожными людьми во многих отношениях: медлительными, ленивыми, безответственными и нерадивыми в работе, неаккуратными и чрезмерно болтливыми⁵.

Несмотря на наличие подобных высказываний в военных корреспонденциях и письмах, невозможно однозначно разрешить дискуссионный вопрос: был ли Джек Лондон расистом. Нельзя не учитывать личных обстоятельств, в которых он писал статьи из Кореи. Эти тексты переполнены раздражением и нетерпением, вызванными тем, что японские власти не допускали его на фронт, лишая возможности выполнять обязанности военного корреспондента, т.е. описывать ход сражений. Возмущенный и разоча-

рованный, Лондон в первых статьях переносил свои негативные эмоции на все, что видел вокруг, придираясь к корейцам. В более поздних заметках видно значительное смягчение взглядов писателя на корейцев. В первые дни на корейской земле он смотрел на окружающую действительность глазами чужестранца, привыкшего к совершенно иным условиям и испытывавшего так называемый культурный шок. Все реалии корейской жизни, в то время и вправду разительно отличавшиеся от американских, вызывали у него отторжение и выглядели для него как проявления нецивилизованности. Тем не менее создается впечатление, что в процессе освоения нового культурного пространства и пристального изучения местных принципов существования у него открывается иной взгляд на вещи. По мере его продвижения по стране он проникается сочувствием к крестьянам, терпящим безжалостную эксплуатацию чиновников. Лондон начинает иначе описывать корейцев: теперь он характеризует их как добродушных, несчастных и бесправных людей, которые нуждаются в защите. Лондон набрасывается с нападками на завоевателей-японцев и жадных местных чиновников, делающих жизнь простого народа беспросветно тяжелой, и, таким образом, в его статьях проступает гуманистический пафос.

Вскоре после возвращения в Америку, в конце 1904 г., Джек Лондон создал рассказ «A Nose for the King» (Нос для императора), впервые опубликованный в марте 1906 г. в журнале «The Black Cat». Как пояснял сам писатель, этот рассказ он написал всего за один день и считал его шуткой, пародией⁶, причем утверждал, что эту историю услышал от одного корейца⁷. Однако есть все основания предполагать, что сюжет полностью позаимствован из корейской сказки, с которой Лондон познакомился в книге В. Э. Гриффиса «Corea. The Hermit Nation», первое издание которой вышло в свет еще в 1882 г.⁸

Фабула сказки и рассказа одинаковы⁹, отличие состоит лишь в стиле изложения. В противоположность стилю Гриффиса, который можно назвать лаконичным, поскольку его целью была простая фиксация истории, в рассказе Лондона чувствуется рука настоящего мастера художественного слова. Текст полон иронии, события описаны более красочно и динамично. Единственным существенным отличием от текста Гриффиса, помимо стиля изложения, является наличие имен у двух центральных персона-

жей: чиновника в рассказе зовут Yi Chin Ho (Ли Джин Хо), а богача — Pak Chung Chang (Пак Чон Джан). Имена эти, очевидно, также позаимствованы из какого-либо англоязычного источника и являются либо именами реальных исторических деятелей, либо их вариациями.

Выдавая корейскую сказку за свое собственное произведение, Лондон в лице Ли Джин Хо высмеивает такие черты корейской аристократии, как жажда наживы, нечестность, изворотливость, бесчувствие к чужой беде, а с другой стороны изображает тюремщика слишком доверчивым и наивным (он верит обещанию заключенного вернуться в тюрьму), губернатора — недалеким и жадным (он отпускает Ли Джин Хо на поиски носа, даже не вникнув в детали его плана, лишь позарившись на обещанную взятку), богача Пак Чон Джана тоже показывает наивным, раболепным перед представителями власти, не способным возразить против даже самого нелепого приказа правителя. При этом, желая сохранить отцу нос, Пак Чон Джан заботится скорее не о здоровье родителя, а о том, что он сам может оказаться обесчещенным («Не отрезай нос моему отцу. Нельзя, чтобы он сошел в могилу без носа. Он станет посмешищем, и все будут говорить о нем, и тогда все мои дни и ночи будут наполнены скорбью»¹⁰).

Показательно, что среди действующих лиц нет простых крестьян: все персонажи принадлежат к власти имущим. Поэтому выбор данного сюжета для рассказа можно объяснить желанием Лондона продолжить нападку на корейских чиновников, пороки которых писатель обличал еще в репортажах из Кореи. Лондон был убежден, что жестокость и ненасытность чиновников не знали границ: «Все аристократы *янбан* — грабители. Простые люди знают, что аристократы всегда их обирают. Они уверены, что правящий класс — грабители. У грабежа тоже есть определенные стадии, и грабеж правящего класса достигает ступени разбоя»¹¹.

Следующее произведение, в котором появляется Корея, — безусловно, оригинальный, но малоизвестный и холодно встреченный современниками роман «The Star Rover» («Межзвездный скиталец») 1915 г. издания.

В основе сюжета лежит идея о переселении душ. Главный герой романа по имени Darrell Standing (Даррелл Стэндинг) осужден за убийство любовника своей жены и заключен в тюрьму

Сан-Квентин, печально известную жестокостью режима. По несправедливому обвинению Стэндингу было назначено наказание — пребывание в смиренной рубашке на протяжении многих часов в день. Чтобы не концентрироваться на физической боли от ужасной пытки, он научился уходить от реальности с помощью состояния так называемой «малой смерти», наподобие самогипноза или медитации, в котором попадал в свои предыдущие рождения в разных странах и эпохах. Одна из семи таких вставных историй (глава XV романа) повествует о пребывании англичанина по имени Adam Strang (Адам Стрэнг) на корейской земле.

Как отмечает Е. И. Лунина, для творчества Лондона характерны автобиографичность и смешение художественного и публицистического начал¹². Как и в других творениях этого автора, в корейском эпизоде виден и личный опыт, и сведения, аккумулярованные из книг. Джек Лондон построил сюжетную линию о приключениях вымышленного персонажа Стрэнга¹³ на основе событий реальной истории, изложенных в дневнике Хендрика Хамеля¹⁴, вложив в историю свои личные впечатления от Кореи и информацию, собранную из различных трудов современных ему специалистов.

С художественной точки зрения корейский эпизод является кульминационным и наиболее эмоционально насыщенным, к тому же выделяется среди прочих рассказов о реинкарнациях главного героя своей экзотичностью. Как ни удивительно, несмотря на явные проявления нелюбви к корейцам в военных корреспонденциях, Лондон продолжал читать труды по корейской тематике и даже использовал корейские декорации как фон для одной из наиболее восхитительных и трогательных историй любви в своем творчестве — отношений между Адамом Стрэнгом и принцессой Ом. Можно прийти к выводу, что писатель в конце жизни изменил свои взгляды на Корею, интересовался судьбой этой страны.

В публицистическом слое повествования Лондон демонстрирует глубокую страноведческую компетенцию. Он упоминает около сорока корейских слов, добавляющих тексту колоритности, среди которых исторические названия корейских государств: Cho-Sen (Чосон, 조선), Koryu (Корё, 고려); Silla (Силла, 신라); географические названия: Keijo (Кэйдзё, 경성),

Pyeong-Yang (Пхеньян, 평양), Fusan (Пусан, 부산), Songdo (Сондо, 송도), Chemulpo (Чемульпхо, 제물포), Kyong-ju (Кёнджу, 경주), Wiju (Ыйджу, 의주), Pyonhan (Пхёнандо, 평안도), Kang-wun (Канвондо, 강원도), Whang-hai (Хванхэдо, 황해도), Masanpo (Масанпхо, 마산포) и др.; личные имена, происходящие от имен реальных исторических лиц: корейское имя Адама Стрэнга Yi Yong-ik (Ли Ён Ик, 이용익¹⁵), принцесса Ом (Ом, 엄¹⁶), буддийский монах Yunsan (Ёнсан, 연산¹⁷), брат короля Taiwun (Тэвон, 대원¹⁸), вельможа Chong Mong-ju (Чон Мон Джу, 정몽주¹⁹), чиновник Yi Sun-sin (Ли Сун Син, 이순신²⁰); продукты питания: съедобная трава minari (минари, 미나리), корейская соленая капуста kimchi (кимчи, 김치); названия социальных статусов: аристократ yang-ban (янбан, 양반), куртизанка ki-sang (кисэн, 기생). Также читатель знакомится с некоторыми особенностями быта и традициями корейского общества.

В частности, можно узнать, что все крестьяне носят белую одежду, и только аристократы — разноцветную. Мужчины носят «длинные волосы, завязанные на макушке странным узлом — брачным узлом»²¹. Женщины из знатных семей путешествуют по улицам в паланкинах и закрывают лица особыми накидками. Питаются корейцы рисом или просом и соленьями («безбожно острые, но, когда привыкнешь к ним, безмерно хорошие»²²), а также едят собачье мясо. Во время приема пищи сидят на полу за низкими столиками. Крестьяне живут в «домах с глиняными стенами и соломенными крышами», причем в домах «под полом проходят дымоходы, через которые выходит дым из кухни, на своем пути обогревая спальню»²³. В Чосоне табак курят «из крошечных трубок с чубуками длиной в ярд»²⁴, пьют некрепкий алкогольный напиток («теплый, кисловатый, похожий на молоко»²⁵) и «прозрачный обжигающий напиток, перегоняемый из риса»²⁶. Лошади в Чосоне низкорослые, и кормят их вареными бобами, что кажется удивительным европейцам. О политической обстановке сообщается, что Чосон живет в полной изоляции и не ведет внешней торговли. Только китайские послы периодически посещают Чосон, чтобы «требовать пустых церемоний признания сюзеренитета Китая с древних времен»²⁷.

Корейский эпизод выглядит многослойным, в нем одновременно разворачиваются три путешествия по Корею, во время ко-

торых Стрэнг, Хамель и сам автор в роли западных наблюдателей совершают открытие Кореи. Общие места историй Стрэнга и Хамеля обнаруживаются в основном в сюжетных перипетиях, в то время как в настроении и оценочных суждениях Стрэнга слышны отголоски личности Дж. Лондона. Далее мы попытаемся найти точки соприкосновения этих трех историй.

Дж. Лондон в целом придерживается канвы дневника Хамеля. Герои эпизода тоже терпят крушение на острове, затем их отвозят в столицу. Там они некоторое время живут при дворе, большую часть жизни вынуждены нищенствовать и скитаться. Однако кроме имени Хендрика Хамеля писатель не использует имен других реальных членов голландской команды, даже название судна незначительно отличается («De Sperwer» и «Sparwehr»). Другое отличие состоит в том, что в романе ни одному из европейцев не удается покинуть Корею, все они находят там свою смерть.

В первое время у всех трех повествователей складывается негативное впечатление от бедного быта Кореи. Главный физический опыт контакта с чужой культурой — это, безусловно, знакомство с местной кухней. Лондон с брезгливостью относился к местной пище, опасаясь за свое здоровье: «Я надеюсь, мой желудок простит меня за то, что я в него бросил: грязь, мерзость несказанные, и хуже всего то, что я не перестаю думать о грязи и мерзости всякий раз, когда кладу пищу в рот»²⁸. Свою брезгливость автор передает Стрэнгу: «...их еда не по желудку даже огрубевшему моряку. Рис у них коричневатый, как шоколад. Половина шелухи остается в нем вместе с кусочками соломы, щепками и неопределенной грязью. Все это вынуждает часто останавливаться во время пережевывания, чтобы засунуть в рот большой и указательный палец и вытащить докучающий мусор»²⁹. Между тем в дневнике Хамеля нет явных указаний на плохое качество еды. Видимо, действительно находясь в ситуации на грани выживания, он довольствовался всем, что было доступно.

Есть и пункт, в котором все три рассказчика единодушны. Это необычайное любопытство корейцев по отношению к иностранцам. Дом, где Лондону пришлось задержаться на несколько дней, окружали толпы зевак, которых слуге приходилось разгонять. «Я не мог больше жить частной жизнью. Все мои действия — от еды до сна совершались публично»³⁰, — отмечал Лондон. В такой же

ситуации оказываются и герои «Межзвездного скитальца», находясь в корейской тюрьме и по дороге в столицу: «Тем временем мы служили зверинцем. От рассвета до заката наши зарешеченные окна осаждались местными, поскольку они ранее не видели ни одного представителя нашей расы»³¹. «В дороге мы были бродячим зверинцем. Слухи опережали нас, и все население толпилось у обочин дорог, чтобы посмотреть, как мы будем проходить... По ночам в городских постоянных дворах нас осаждали скопища людей, и нам не было покоя, пока солдаты не разгоняли их копьями и пинками»³². Подобное описание находим и у Хамеля. Оно касается периода проживания в Сеуле, где голландцы служили в охране дворца: «...они так толпились, чтобы посмотреть на нас, что поначалу нам приходилось с трудом прорываться через толпу на улицах. И нам не удавалось побыть в спокойствии дома, настолько великим было их любопытство. В конце концов наш командир положил этому конец, запретив кому бы то ни было подходить к нам без его разрешения, потому что даже слуги знатных людей имели наглость вытаскивать нас из наших комнат и забавляться, насмехаясь над нами»³³.

Как видно из последней цитаты, Хамелю и его товарищам приходилось терпеть не простое любопытство, но и служить объектом потехи корейцев. Иностранцев не воспринимали всерьез, а лишь относились к ним как к необычным существам, которые могут послужить источником развлечения. На аудиенции у корейского короля голландцев заставили «петь, танцевать и скакать»³⁴. Также «знатные люди, любящие новинки, приглашали нас к себе на обед, чтобы посмотреть, как мы будем их развлекать, и заставить нас кричать и плясать»³⁵. Подобную сцену вводит в корейский эпизод Джек Лондон. В королевском дворце «*кисэн* напали на нас по две-три на одного и стали таскать за собой, сделав своими пленниками, вводя по залу, как танцующих медведей и делая из нас шутов. Это было оскорбительно, но что могли поделать несчастные моряки?»³⁶

Также можно обратить внимание на общую для всех трех историй фигуру проводника, помогающего герою сориентироваться в незнакомой среде. В случае Лондона эту роль выполняет слуга-кореец Manyoungi (Манийон), в дневнике Хамеля это переводчик Weltevree (Велтеврее), у Стрэнга — офицер Ким.

Структура корейского эпизода в целом подчиняется общим законам построения остальных вставных эпизодов «Межзвездного скитальца», в которых выделяются три главных плана: провозглашение триумфа человеческой воли к выживанию, прославление любви к женщине как высшей ценности и идея о преемственности жизней. Далее мы сделаем попытку проанализировать эти 3 аспекта на конкретном материале.

Мотив борьбы за выживание, выносливости и мужества, прославление сильной личности с жестким внутренним стержнем являются квинтэссенцией всей художественной прозы Джека Лондона. Именно таким типичным персонажем предстает Адам Стрэнг. Мы видим множество примеров проявления Стрэнгом таких черт, как физическая сила, решительность и находчивость: он в одиночку отражает нападения десятков корейских солдат, не давая заключить себя в колодки, может в одиночку поднять лошадь, не позволяет сделать из себя посмешище во время пира в королевском дворце, успешно овладевает корейским языком, завоевывает высокое положение при дворе и т. п. Даже проиграв в соперничестве Чон Мон Джу, Стрэнг не сдался, а на протяжении десятков лет поддерживал свое существование, мужественно терпя лишения, и в решительной схватке со своим могущественным врагом в конце жизни все-таки победил его. Э. Лейбор считает, что победа Стрэнга над Чон Мон Джу намекает на превосходство белого человека над «желтой расой»³⁷. Хотя по нашему мнению, фигуру Адама Стрэнга не следует рассматривать как символ физического и морального превосходства белого мужчины над корейцами. Стрэнг превосходит рядом качеств не только корейцев, но и всех своих товарищей-европейцев, и потому этот персонаж всего лишь стоит в одном ряду с другими подобными персонажами Лондона.

Следующий мотив, красной нитью проходящий через все вставные эпизоды романа, — это идея о том, что движущей силой всех исторических событий и прогресса человечества является любовь к женщине. В предпоследней главе романа Лондон подводит итог своим размышлениям о судьбах человечества, утверждая устами главного героя, что «история человека — это история любви к женщине»³⁸. Именно любовь к женщине заставляет мужчину совершать все его деяния, она является фундаментом, на котором

держится жизнь мужчины. Мужчина — прежде всего любовник, и его желание быть сильным бойцом объясняется влиянием женщины. Писатель романтизирует принцессу Ом как идеальную спутницу жизни и вдохновительницу Адама Стрэнга. Достоинства, которыми обладает эта корейка, неисчерпаемы, она совершенна во всех отношениях. Сочетание необыкновенной красоты, ума, воли и женственности делает ее уникальной женщиной. «Госпожа Ом была настоящим цветком среди женщин. Такие женщины, как она, рождаются редко, едва ли дважды в столетие в целом мире»³⁹. Но, описывая красоту корейской принцессы, Лондон лишает ее азиатских черт внешности, вероятно, чтобы подчеркнуть универсальность этого женского образа и сделать его менее чужеродным для западного читателя: «Она была красавицей — да, красавицей по правилам всего мира. Ее большие черные глаза не были по-азиатски узкими и раскосыми»⁴⁰. Желание быть рядом с принцессой Ом побуждает Стрэнга бороться за высокий социальный статус в Чосоне, а когда он оказался свергнутым из-за интриг Чон Мон Джу и был вынужден прозябать жизнью нищего, принцесса Ом доказала ему свою безграничную преданность и последовала за ним. Ее верная любовь оказала Стрэнгу поддержку, ободряла и дала мотивацию выжить любой ценой и расквитаться с обидчиком. Таким образом, она выступает не как носительница каких-либо корейских национальных признаков, а как архетип некой вечной женщины — притягательной, мудрой, готовой на самопожертвование ради любимого.

И наконец, концепция преемственности жизней была развита Джеком Лондоном на основе цитаты из Паскаля, приводимой в главе XXI романа: «Рассматривая ход человеческого развития, философский ум должен смотреть на человечество как на одного человека, а не как на совокупность индивидуумов»⁴¹. То есть каждый человек содержит в себе подсознательное знание о жизнях всех других людей. Человеческая история едина, в ней все взаимосвязано. Поступки и моральный облик каждого отдельного человека обуславливают возможность или невозможность прогресса человечества в целом, и потому все в равной мере несут ответственность за прошлое, настоящее и будущее⁴². Если историю человечества можно приравнять к жизни одного человека, то можно прийти к мысли о равенстве всех людей, независимо от культурной

принадлежности, и об универсальности понятий о нравственности, дружбе и любви, которые могут быть присущи представителям любой расы или народа. Такое рассуждение дает нам возможность снять с Джека Лондона обвинения в расизме, по крайней мере, говоря о последних годах его жизни. Так, Адам Стрэнг встречает среди корейцев замечательного друга в лице офицера Кима и верную возлюбленную в лице принцессы Ом. Расовые, религиозные либо культурные различия не становятся для них непреодолимым барьером. Писатель доказывает, что люди из разных этнических групп при взаимном желании сделать друг другу шаги навстречу вполне способны прийти к пониманию и сотрудничеству. Англичанину Стрэнгу удается найти общий язык с корейцем, наладить гармоничные супружеские отношения с кореялкой, что становится примером успешного мирного диалога и взаимопонимания между далекими друг от друга народами.

Итак, корейские образы возникли в творчестве Джека Лондона в результате его непосредственного знакомства с Кореей в 1904 г. Первые впечатления, зафиксированные в репортажах и частной переписке, характеризуются значительной резкостью суждений и неверием в будущее корейцев как нации. Однако дальнейшее творчество писателя дает основания предположить, что его взгляды на Корею и корейцев в значительной мере смягчились. Он посвятил немало сил изучению корейской истории и культуры и воплотил свои познания в одной из глав романа «Межзвездный скиталец». В корейском эпизоде отражены гуманистические идеи, лежащие в основе всего романа, которые заключаются в вере в единство исторического процесса и в возможность духовного развития человечества. Можно сказать, что писатель высказывает надежду, что когда-либо станет возможным равноправное гармоничное сосуществование людей всего мира, в частности Кореи и западных стран.

¹ *Богословский В. Н.* Джек Лондон. М., 1964; *Фонер Ф. С.* Джек Лондон — американский бунтарь. М., 1966; *Быков В.* Джек Лондон. Саратов, 1968; *Зверев А. М.* Джек Лондон: (К 100-летию со дня рождения). М., 1975; *Садагурский А. С.* Джек Лондон: Время, идеи, творчество. Кишинев, 1978; *Балтрон Р.* Джек Лондон, человек, писатель, бунтарь. М., 1981; *Лунина И. Е.* Художественный мир Джека Лондона: человек — приро-

да — цивилизация: дисс... доктора филологических наук: 10.01.03. М., 2010.

- ² *Ким Тхэ Чжин.* Jack London ква Хангук — The Star Rover чжуный Чосон сапхварьль чунсимыро // Ёнбо Ёнмунхак Т. 38. Вып. 1. 1992. P. 151–167; *Chang Young-Hee.* Korean Sources and References in Jack London's The Star Rover // Journal of American Studies. 2003. Vol. 35. No. 3. P. 5–20.
- ³ Letters from Jack London: containing an unpublished correspondence between London and Sinclair Lewis. New York, 1965. P. 16.
- ⁴ *Батурин С.* Биография: Джек Лондон (1876–1916) // http://az.lib.ru/l/london_d/text_0030.shtml; *Reesman J. C.* Jack London's Racial Lives. A Critical Biography. Athens, 2009; *Lee Sang-Dawn.* Big Brother, Little Brother. The American Influence on Korean Culture in the Lyndon B. Johnson Years. Boston and Oxford, 2002; *Metraux D.A.* Jack London's Influential Role as an Observer of Early Modern Asia // Southeast Review of Asian Studies. 2008. Vol. 30. P. 55–66.
- ⁵ *Чэк Лондон.* Чэк Лондоный Чосон сарам ётпоги. 1904 нён Роиль чончжэн чонгунги. Юльмиги ольгим. Сеул, 2011. P. 38–162; *London Ch.* The Book of Jack London. Vol. I. New York, 1921. P. 401–422.
- ⁶ Letters from Jack London... P. 167.
- ⁷ *London Ch.* The Book of Jack London. Vol. II. New York, 1921. P. 13.
- ⁸ Из аннотации книг библиотеки Джека Лондона, выполненной Д.М.Хамилтоном, известно, какие именно труды о Корее писатель изучал (*Griffis W.E.* Corea. The Hermit Nation. 1902; *Bishop I.* Korea and Her Neighbors. 1898; *Krausse A.S.* The Far East. Its History and Its Question. 1903; *Hulbert H.B.* The Passing of Korea. 1909).
- ⁹ Чиновник осужден на смерть за присвоение 10 тыс. связок монет из государственной казны и ожидает исполнения приговора в тюрьме. Вдруг ему в голову приходит неординарный план спасения. Он упрощает стражника выпустить его ненадолго и ночью тайно посещает местного губернатора. Чиновник просит отменить казнь при условии возврата казенных денег и обещает также материально отблагодарить губернатора. Он показывает губернатору рисунок, на котором изображен человеческий нос, и объявляет, что для того чтобы вернуть деньги, ему необходимо найти этот нос. Заинтригованный губернатор отпускает чиновника на поиски. В отдаленной местности на побережье Восточного моря чиновник вторгается в дом знатного богатого человека, сообщив, что явился по приказу королевского двора. Он говорит богачу, что король болен и единственное лекарство от его болезни — это нос престарелого отца хозяина дома. Испуганный богач договаривается с чиновником о выкупе в 100 тыс. связок монет, чтобы нос отца остался на месте. Впоследствии всю жизнь он в глубине души жалел денег, потраченных на нос отца. [*Griffis W.E.* Corea. The Hermit Nation. London,

1882. P. 311–313; *London J. When God Laughs and Other Stories*. New York, 1911. P. 221–23].

¹⁰ *London J.* Op. cit. 1911. P. 229.

¹¹ *Чжэ Лондон*. Указ. соч. 2011. P. 144.

¹² *Лунина И. Е.* Указ. соч. С. 248.

¹³ Голландское судно «Спарвер» на пути из Японии в Китай терпит крушение на рифах возле большого скалистого острова, не известного европейским мореплавателям, где выживших приютили местные рыбаки. Через некоторое время на остров прибывает офицер Кван Ен Джин с отрядом солдат, чтобы отвезти чужеземцев на материк. Солдаты пытаются надеть на пленников деревянные колодки, начинается рукопашная схватка, в которой дольше всех не сдаётся Адам Стрэнг. Восхищенные его силой и выносливостью корейцы тут же дают ему имя Ли Ен Ик, что якобы означает «Богатырь». На материке белых пленников заключают в тюрьму с ужасными условиями, где они вынуждены ожидать дальнейшей своей судьбы. В это время европейцам докучают любопытные местные жители, днями напролет подглядывающие за ними сквозь решётку. Кроме того, Кван Ен Джин периодически приказывает избивать заключённых палками на глазах у толпы. Но вскоре прибывает офицер столичной гвардии Ким, чтобы отвезти европейцев во дворец, поскольку их хочет увидеть король. Ким и его отряд с почётом сопровождают команду «Спарвера» уже как гостей, а не как узников. По дороге в столицу Стрэнг и Ким сближаются и становятся настоящими друзьями. Ким обучает товарища корейскому языку, обычаям, песням. В столице европейцы глубоко впечатлены величиим королевского дворца. Их поражают массивные каменные стены, огромные, богато украшенные ворота, большие каменные статуи у ворот (мифическое животное *хэчхи*). В роскошном зале для пиршеств в присутствии короля из пришельцев делают посмешище, заставляя танцевать и смешить собравшихся. Но Адам Стрэнг опять не сдаётся. Его красивая внешность и стойкость духа привлекают внимание принцессы Ом. Адам ловит на себе взгляд прекрасной дамы и решает не допустить унижения перед нею. Воспользовавшись своей находчивостью, он заявляет на корейском языке, что он на самом деле кореец, потомок королей династии Корё, а все остальные матросы — его рабы. Он якобы по ошибке богов родился в чужом краю, хотя с детства говорил на корейском языке. Стрэнгу предоставляют покои во дворце, и принцесса Ом сразу же приближает его к себе. Узнав о симпатии принцессы к Стрэнгу, буддийский монах Ен Сан, являющийся второй по значимости фигурой в государстве после короля, берет пришельца под покровительство. Ен Сану выгодно, чтобы принцесса Ом вышла замуж за Стрэнга вместо того, чтобы стать женой вельможи Чон Мон Джу, который безуспешно добивался ее руки

ранее. Ведь в таком случае Чон Мон Джу получит доступ к власти и устранил Ен Сана. Отношения между принцессой и Стрэнгом становятся все более серьезными. Тогда король жалует Адаму высокий чин и разрешает брак с принцессой Ом. Получив высокий статус, Стрэнг назначает старого друга Кима командующим дворцовой стражей, а ненавистного Квана отправляет в ссылку. Однако товарищи Стрэнга по «Спарверу» проявляют себя не с лучшей этической стороны. Хендрик Хамель вынашивает план, как выкрасть королевскую казну и сбежать из Чосона. Капитан «Спарвера» Иоганнес Маартенс просит назначить его губернатором Кёнджу, вскоре совершает попытку разграбить древние могилы Силла (здесь видна отсылка к инциденту 1866 г., когда немец Э. Опперт попытался раскопать и разграбить могилу деда короля Кочжона), но при попытке побега из страны его задерживает местный чиновник по имени Ли Сун Син. Это происшествие становится предлогом для выступления Чон Мон Джу. Он захватывает короля в заложники и расправляется со всеми негодными ему лицами, в первую очередь с Ен Саном. А Стрэнгу и принцессе Ом он уготовил изощренную месть. По всей стране объявляют, что их нельзя убивать, но также и нельзя оказывать им помощь. Долгие годы до самой старости влюбленные живут отверженными нищими. Всюду их преследуют посланцы Чон Мон Джу, не давая нигде поселиться и заработать на пропитание. При этом принцесса проявляет удивительную преданность супругу и без ропота разделяет его горькую судьбу, своей любовью согревая его сердце. Наконец после 40 лет скитаний на их пути случайно оказывается паланкин, в котором едет их могущественный враг. Необузданная ярость возникает в душе Стрэнга, он набрасывается на Чон Мон Джу и удушает его, после чего тоже умирает от побоев стражников.

¹⁴ Хендрик Хамель — автор записок «Описание крушения голландского судна у берегов острова Квельпарт, с описанием королевства Корея». В 1653 г. голландское судно «De Sperweg» по пути с Тайваня в Японию разбилося на рифах вблизи о. Квельпарт (Чечжудо). Выжившая часть команды несколько месяцев прожила на острове, ожидая из столицы решения своей судьбы. Совершив в сопровождении конвоя путешествие по Корею и оказавшись в столице, голландцы попросили короля позволить им покинуть страну, однако получили отказ. Иностранцам, попавшим в Корею, не разрешалось из нее выезжать. Голландцы около 3 лет прослужили в столице в гарнизоне охраны дворца, после чего были высланы проживать в пров. Чолладо, затем были разделены на 3 группы и поселены в разных местах. Им пришлось пробыть в Корею 13 лет, на протяжении которых они жили в крайней нужде, зарабатывая на жизнь тяжелым трудом и даже подающим, скитаясь по разным городам. Часть голландцев, включая Хамеля, организовала побег на

небольшой лодке в Японию, которая в то время поддерживала с голландцами ограниченные торговые отношения. Рассказав о своих обстоятельствах, они попросили японцев помочь вызволить остальных товарищей, чего вскоре удалось добиться. В 1666 г., еще находясь в Японии, Х. Хамель записал свои воспоминания и впоследствии издал их в Европе, став первым европейцем, составившим описание Кореи.

¹⁵ Ли Ён Ик — имя политика и дипломата (1854–1907) конца эпохи Чосон.

¹⁶ Ом — фамилия госпожи Ом (1854–1911), наложницы короля Кочжона, ставшей его законной супругой после убийства королевы Мин.

¹⁷ Ен Сан — имя могло быть образовано от имени короля Ёнсан-гуна (1476–1506).

¹⁸ Тэвон — очевидно, имя образовано Лондоном от титула принца-регента Хынсон-гэвонгуна (1820–1898).

¹⁹ Чон Мон Джу — имя выдающегося государственного деятеля и конфуцианского ученого конца эпохи Корё. Был убит в 1392 г. за то, что отказался присягнуть на верность новой династии Чосон.

²⁰ Ли Сун Син — имя адмирала времен войны с японцами года *имджин* (1592–1598).

²¹ *London*. 1915. P. 172.

²² *Op. cit.* P. 178.

²³ *Op. cit.* P. 172.

²⁴ *Ibid.*

²⁵ *Op. cit.* P. 173.

²⁶ *Op. cit.* P. 178.

²⁷ *Op. cit.* P. 195.

²⁸ *London*. 1921. Vol. I. P. 409.

²⁹ *London*. 1915. P. 172.

³⁰ *Чэк Лондон*. 2011. P. 125.

³¹ *London*. 1915. P. 176.

³² *Op. cit.* P. 177–178.

³³ *Hamel*. 1732. P. 580.

³⁴ *Op. cit.* P. 580.

³⁵ *Ibid.*

³⁶ *London*. 1915. P. 181.

³⁷ *Labor E. Jack London*. New York, 1974. P. 114.

³⁸ *London*. 1915. P. 301.

³⁹ *Op. cit.* P. 187.

⁴⁰ *Ibid.*

⁴¹ *Op. cit.* P. 296.

⁴² *Лунина И. Е. Указ. соч. С. 248.*

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ «СЫНОВНЯЯ ПОЧТИТЕЛЬНОСТЬ» ХЁ В КОРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ)

Сыновняя почтительность является одной из основных категорий традиционной конфуцианской культуры, регулирующей общественные отношения в странах дальневосточного региона. Жители Южной Кореи, например, считают категорию «сыновней почтительности», или «почтительности к родителям», (*хё*) «...не только частью своей традиционной культуры, но и важнейшим элементом современной жизни»¹. Хё — это не только послушание и почтение к родителям, это и основа мудрости и доброты, без чего не может быть гармонии в семье, а значит, и в государстве. Поэтому почтительный сын — это и верный подданный (на современном языке — преданный своему отечеству гражданин).

О важности этой категории для Кореи говорят сохранившиеся древние письменные памятники, в которых зафиксированы акты «служения родителям». В «Исторических записях Трех государств (Самгуг саги), составленных Ким Бусиком в XII в., в разделе «Биографии» подобраны рассказы о героях, образцовое поведение которых соответствовало известным конфуцианским принципам пяти отношений. Среди них есть биографии двух почтительных сыновей и двух дочерей. В «Историю государства Корё» (Корёса, XVв.) также вошли сюжеты, связанные с хё. Эти биографии служили назиданием для потомков, пропагандировали ценные для государства идеи. И в дальнейшем многие века в истории корейской литературы главный персонаж произведений — образцовый герой конфуцианского типа, достойный подражания.

* Ли Сан Юн, кандидат филологических наук, доцент РГПУ им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург. E-mail: sanyoun@gmail.com

В XIII–XIV вв. в Корее впервые появилось специальное сочинение, посвященное категории хё, — «Записи о поступках почтительности к родителям» (Хёхэннок), в котором были собраны примеры почтительного служения родителям, взятые из китайской истории. На его основе в 1433 г. по приказу короля Сечжона был создан новый трактат — «Самган хэнсильдо» (Иллюстрации реальных поступков следования Трем заповедям). В этом трактате собраны притчи, рассказывающие о почтительных сыновьях, верных подданных и преданных женах Китая и Кореи. При этом каждая притча снабжена рисунком: так конфуцианские правила были преподнесены в форме занимательных историй².

Именно это сочинение служило «одной из основ, своего рода “учебником жизни” в моральном и нравственном воспитании населения Кореи XV–XIX в.»³ «Самган хэнсильдо» дополнялся новыми биографиями, неоднократно переиздавался по требованию времени.

В XVI в. в Корее получили распространение повести о частной жизни человека. Среди них большой популярностью пользовалось произведение Хо Кюна (1569–1618) «Хон Киль Дон» (Хон Киль Дон чон). Несмотря на то что в этой повести идеи социальной утопии переплелись с даоским отрицанием социальной жизни как зла и поисками совершенного мира, важное место в ней занимают конфуцианские законы⁴. Герой, рожденный наложницей, не может называть своего родителя отцом, а брата — братом, и из-за семейных коллизий вынужден уйти из дома и стать бунтарем. Но когда из-за бесчинств Киль Дона заболевает отец, а государь велит его брату поймать разбойника, герой сам приходит с повинной. Интересно обращение брата к Киль Дону: «Человек от рождения следует пяти устоям. Пока не нарушается этот закон, в государстве царят гуманность и справедливость, учтивость и мудрость. Тому, кто не признает этот закон, не повинуется отцу и государю, став непочтительным сыном и неверным подданным, нет места на земле. Брат мой Киль Дон, вспомни об этом и поспеши отдаться в руки правосудия...»⁵.

Киль Дон является с повинной не только потому, что чтит отца и не может допустить, чтобы его род обесславили, но и потому, что должен вести себя как верный подданный. А в конце повести герой, став правителем идеального общества, отечески заботится

о своем народе. Кроме того, он совершает поступки почтительного сына: хоронит отца в «счастливом месте» и служит ему после смерти, т.е. совершает обряд кормления его духа. За такое правильное поведение Киль Дон получает воздаяние: доживает до старости в почете и радости и в 70 лет заканчивает мирскую жизнь, оставив после себя талантливых наследников.

Таким образом, два первых конфуцианских правила отношений — «отец и сын», «государь и подданный» — остаются незыблемыми⁶.

В конце XVII в. появляется корейский традиционный роман, основоположником которого считается Ким Ман Чжун (1637–1692). Сама жизнь писателя, потомка аристократического рода — путь конфуцианца, чьи предки верно служили государю. Ким Ман Чжун получил посмертно титул *мунхёгон* — «просвещенного и почтительного к родителям». Его роман «Скитание госпожи Са по югу» (Сасси намчон ки) — это отклик на дворцовый переворот 1689 г.; в нем писатель отразил судьбу государыни Инхен, несправедливо лишенной звания супруги государя. Ким Ман Чжун как истинно верный подданный в форме занимательной истории указывает своему государю на ошибочность принятых им решений.

В романе положительные герои добродетельны, они не борются с врагами, не пытаются оправдываться и доказать свою невиновность, они сохраняют свою «образцовость», потому что, по конфуцианским представлениям, только должное поведение человека в ячейке общества способствует установлению гармонии во всем социуме⁷.

XIX век отмечен появлением повести — одного из самых популярных жанров корейской литературы. Эти сочинения написаны по конфуцианскому типу биографий (представление героя, его деяние и воздаяние за деяние) и даже имеют традиционный жанровый знак *чон*. Повестей сохранилось множество, и все они безымянны, но, судя по литературному языку, их авторы принадлежали к образованному сословию и писали повести не только для развлечения. В занимательный сюжет всегда вкладывалось наставление — идея правильного поведения и нравственного долга. Положительные герои характеризовались прежде всего своей добродетелью. Это и верная жена Чун Хян, и почтительный младший брат Хын Бу, и преданная дочь Сим Чон.

Каждому корейцу известна повесть о почитительной дочери Сим Чон, бедной девушке, пожертвовавшей своей жизнью ради исцеления слепого отца. Сим Чон совершает подвиг преданной дочери, за что получает воздаяние: выходит замуж за государя, отец прозревает. Все счастливы, гармония установлена. Этот традиционный образ корейской женщины просуществовал до XX в.

И в литературе просветительского периода, в так называемой «Новой прозе», в повестях Ли Ин Чжика главные положительные герои в основном описаны как верные сыновья и дочери, любящие свою родину и свой народ. Тем не менее в повести «Кровавые слезы» (1907) представлен новаторский образ молодого человека по имени Ку Ван Со, который проявляет непослушание и непочтительность, отказавшись в 12 лет от брака с девушкой, выбранной ему в жены родителями. «Его устами автор клеймит старинный обычай договорного брака и разъясняет, какой бедой оборачивается для детей и государства покорное исполнение в таких случаях сыновнего долга»⁸.

И в творчестве Ли Гван Су (1892– ?) – одного из самых влиятельных писателей колониального периода – образцовые герои представлены как «верные подданные»: сыновья и дочери отечества продолжают играть свою традиционную роль.

Роман Ли Гван Су «Бесчувственность» (1917) описывает судьбы молодых людей, решивших посвятить себя борьбе за новую жизнь. Несмотря на то что в романе критикуются старые конфуцианские законы, не позволяющие молодым людям самим выбирать свою судьбу, главная идея заключена не в достижении личного счастья, а в стремлении принести реальную пользу своему народу. Ли Гван Су считал, что просвещение спасет страну, практические знания помогут народу обрести свободу, поэтому его герои пытаются усовершенствовать общество через собственное духовное преобразование.

В 1934 г. вышел роман Кан Кен Э «Проблемы человечества»⁹, где звучит тема борьбы против колониального господства. Главные герои романа – бедные люди, у которых остается единственный путь – сражаться до конца за освобождение своего народа. Но и здесь один из героев по имени Син Чоль осмеливается послушаться отца, желавшего, чтобы сын принял предложение от богатого человека и женился на его дочери. Син Чоль уходит из дома и встает на путь революционной борьбы.

После освобождения Кореи в период с 1945 г. до конца 1960-х годов в корейской литературе проблема, связанная с выполнением сыновнего долга, практически не рассматривалась, поскольку творческая интеллигенция пыталась решить другие, более насущные проблемы.

А в 1970-е годы на литературной арене появились новые женские имена, среди которых выделялись Пак Ван Со (1931–2011), О Чон Хи (род. в 1947) и др. В это время переменной актуальной стала проблема отцов и детей, проблема отношений между свекровью и невесткой, мужем и женой. Поэтому и тематика произведений того периода имеет социальную направленность.

Пак Ван Со в своих рассказах описывает героиню, далекую от идеала верной и почитительной жены. Она не желает больше терпеть унижения, она позволяет себе даже не выполнять указания мужа и относиться неуважительно к свекрови. Некоторые критики усмотрели в этих рассказах феминистические идеи, которые активно распространялись в этот период в Южной Корее.

Против старых порядков выступают и молодые люди, стоящие перед выбором своего жизненного пути. В рассказе «Сон марионетки» (1977) главный герой – единственный сын в семье – не хочет второй год поступать в университет, выбранный родителями, но, вынужденный сдавать экзамены, нарочно проваливает их.

Традиционно в корейском обществе всегда ценилось образование. Поэтому хорошая учеба и поступление в престижный университет считаются самым лучшим проявлением сыновней почитительности по отношению к родителям. Но герой рассказа не хочет больше быть марионеткой в руках родителей, хотя с детства относился к ним как подобает добропорядочному сыну.

Следует отметить прозорливость Пак Ван Со, еще в 1970-е годы сумевшей предвидеть проблему, связанную с поступлением в престижные университеты. Взгляд на образование как на необходимость доказательства детьми своего почитительного отношения к родителям сохраняется в корейском обществе и сегодня.

Об этом можно судить даже по рекламным транспарантам на улицах корейских городов. Например, на одной из них – реклама учебного заведения (*хаквон*), а для того, чтобы дети помнили о важности учебы, рядом выписаны такие слова: «Сыновняя почитительность – это самый большой подарок, какой мы преподносим родителям».

В творчестве другой писательницы — О Чон Хи — особое место занимает тема старости, тесно связанная с отношением детей к родителям. В ее рассказах старики, доживающие свой век в одиночестве, чувствуют себя покинутыми и несчастными. Автор подчеркивает страдания старых людей их ущербностью. Так, в рассказе «Дамба в тумане» (1976) один из персонажей — старый слепой массажист, беспомощный без своей трости, погибает, брошенный на дамбе случайным попутчиком. В другом рассказе под названием «Одиночество и тишина» (1976) старик, у которого парализованы рука и нога, все время боится умереть в одиночестве, поэтому заманивает к себе домой мальчика лет 8 из бедной семьи и, чтобы тот остался с ним хотя бы до утра, подсыпает ребенку в сок большую дозу снотворного. Героиня рассказа «Рассвет» (1977) работает сиделкой, ухаживает за неподвижной старухой, брошенной всеми родственниками. От имени парализованного старого человека ведется повествование и в рассказе «Отношение» (1973). Беспомощного старика унижает молодая служанка, обворовывает его, уносит с собой дорогие его сердцу вещи.

Несмотря на то что эти рассказы были написаны в 1970-е годы, затронутые в них проблемы остаются актуальными и в наши дни. В последние годы в Южной Корее стали появляться сведения о непочтительных сыновьях, которые привезли на о. Чечжудо своих родителей, страдающих старческим слабоумием, и бросили их там на произвол судьбы, зная, что они не помнят ни своего имени, ни города, в котором проживали. Тем не менее некоторых «детей» удалось разыскать, и выяснилось, что они совершили это преступление не по причине бедности. Как правило, все они имели работу, которую получили после окончания университета, все считались добропорядочными гражданами.

Проблема утраты современным человеком чувства сострадания и милосердия к слабым, отход от соблюдения конфуцианских норм отношений рассматривается в корейской литературе и в 2000-х годах, но под другим углом. Так, писатель Сон Сок Че (род. в 1960) в рассказе «Однажды в ясный день» рисует образ корейской матери. Ее дети выросли и уехали в столицу, а она по-прежнему живет лишь заботой о них. Автор рассказывает о том, как мать, чьи родные места находятся в одной из южных провинций по соседству с деревней под символическим названием Симчхон

чон, везет на автобусе своей дочери в Сеул *кимчи*. Старая женщина держит на коленях пластиковый контейнер, от которого по всему автобусу разносится запах, и ни за что не желает с ним расстаться; боится, что в багажном отсеке кимчи кто-то украдет. В этом образе простой женщины многие читатели могли узнать свою мать. Писатель словно напоминает им о сыновней или дочерней почтительности: не состарившаяся мать должна заботиться о взрослых детях. Дети должны помнить о своем долге.

Эту тему продолжает писательница Син Кен Сук (род. в 1963), но уже в романе. В 2009 г. была опубликована новая книга, которая так и называется — «Позаботься о маме». Пожилые родители живущих в Сеуле взрослых детей впервые приезжают в столицу, и на станции метро в толпе мать теряется. Дети и муж только после этого происшествия начинают понимать, что значит для них мать и жена. Поиски матери заставляют дочерей и сыновей вспомнить детство, свои проступки, безразличие, с которым они относились к ней до недавних пор. Они начинают осознавать: они смогли получить образование и добиться чего-то в жизни благодаря именно самоотверженному труду матери. И теперь дети мечтают найти ее и побыть с ней хотя бы несколько часов, чтобы сказать ей слова любви и благодарности.

Писательница словно бьет в набат — «Позаботься о маме!», призывая читателей беречь своих родителей и помнить о них всегда.

Син Кен Сук в образе матери представляет традиционный тип корейской женщины, для которой чувство долга и благополучие детей превыше всего. Садясь в поезд, идущий в столицу, мать держит в руках раскрытый диплом об окончании университета старшего сына. Этот эпизод из романа характеризует героиню в полной мере. Ее сын получил образование, значит, он *хёчжа* — почтительный сын, значит, она воспитала достойного человека.

Роман «Позаботься о маме» стал бестселлером в Южной Корее, он был переведен на другие языки мира. Возможно, вопросы, заданные читателям в этом произведении, волнуют людей на всей планете.

В 2005 г. вышел в свет роман Ын Хи Ген (род. в 1959) «Тайна и ложь», который на первый взгляд представляется очередной семейной сагой, написанной по правилам детективной истории. На самом деле, здесь рассматриваются проблемы отцов и детей, стар-

ших и младших, нежелание сыновей следовать традициям своего народа, утрата человеком привязанности к своим корням. В романе сыновья рода Чон нарушают заповеди конфуцианской морали. Самый старший сын отказывается сдавать экзамен на государственную должность, что является одним из самых вопиющих проявлений непочтительности к родителям, затем вопреки воле отца женится на дочери презираемого жителями городка человека, служившего японцам, и, в конце концов, погибает, не оставив после себя наследника. По его следам идет племянник Ен Чжун, старший сын в семье уже другого поколения, который после окончания бакалавриата юридического факультета не хочет продолжать учебу в магистратуре, как этого требует отец, отказывается от обязанностей старшего сына и, не приняв жизненной позиции родителя, до конца жизни отца не примиряется с ним. Кроме того, Ен Чжун нарушает еще одно из основных правил сыновней почтительности — не создает семьи и не думает о продолжении рода.

В юности покинувший свою малую родину, он никогда не вспоминает о ней, она ему безразлична, несмотря на то что там похоронены его предки. Ын Хи Ген нарисовала портрет современного непочтительного сына — эгоистичного, холодного, но в то же время глубоко одинокого.

О том, что писательницу волнуют проблемы, связанные с категорией хё, можно судить по тому, что в романе упоминается «Журнал выдающихся людей К.», изданный в XV в. Историй о верных и добропорядочных сыновьях в нем больше, нежели историй о патриотах этого края.

Если учитывать, что писатели должны первыми замечать самые острые проблемы, волнующие общество, то можно сказать, что недаром в современных произведениях все чаще появляются герои, которых трудно назвать «почтительными сыновьями».

¹ Подробнее см.: Курбанов С. О. Конфуцианский классический «Канон сыновней почтительности» в корейской трактовке. СПб., 2007. С. 11.

² См.: Троцевич А. Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.). СПб., 2004. С. 104.

³ Курбанов С. О. Указ. соч. С. 14.

⁴ См.: Троцевич А. Ф. Указ. соч. С. 150.

⁵ Хо Гюн. Достойный Хон Киль Дон (пер. М.И. Никитиной)// Роза и Альпий Лотос. — М., 1974. С. 26.

⁶ Предисловие. История фазана: Корейские повести/Вступит. ст. А.Ф. Троцевича. — СПб.: Гиперион, 2009. С. 10.

⁷ См.: Троцевич А.Ф. Указ. соч. С. 78—179.

⁸ Иванова В.И. Новая проза Кореи. М., 1987. С. 44.

⁹ Книга переведена на русский язык А. А. Артемьевой. — М., 1955.

SUMMARY OF THE PAPERS

POLITICS

A. Z. Zhebin (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The Situation on the Korean Peninsula in the Global Context

The paper analyzes the content of the U.S.-DPRK agreements reached in February 2012 in Beijing, under which Pyongyang promised to introduce a moratorium on nuclear testing, long-range missile launches, to suspend its uranium program and allow IAEA inspectors to verify the agreement. The reasons that led the parties to reach a compromise, and its possible consequences were explained. Attention is drawn to the fact that North Korea's moratorium is conditional and can be lifted. In 1999 North Korea have already suspended missile launches "for a period of negotiations" with the U.S., but when the Americans broke off the dialogue, the North Koreans refused to abide with it. Nowadays Pyongyang is trying again to make a dialogue with Washington more stable. However, the fact of publication of two separate statements by the parties on results the February meeting, as well as the content of those two documents give enough grounds to suggest that the priorities of the DPRK and the United States and even the sequence of solutions of the agreed tasks are still not always coincide. The paper also examines both domestic and international reasons for Pyongyang's decision to launch a satellite and argues that the international community should be very cautious in calibrating its reaction to the DPRK's move to prevent a replay of the events happened in 2009.

I. V. Dyachkov (Moscow State University of International Relations, Moscow)

North Korean Nuclear Crises and Security Structure in North-East Asia

Analyzing North Korean nuclear problem as an element of North-East Asian security structure reveals the contradiction between the destructive and constructive influence the nuclear crises exert on the

security in the region and the world. A thorough analysis of both types of influence shows that while the crises do perform stimulating and security-shaping functions, their negative consequences outweigh the positive ones. If simply counted, their respective numbers turn out to be roughly the same, but constructive influences are short-lived and limited to certain stages of a crisis, while destructive trends endure and grow stronger from one crisis to another.

P. S. Leshakov (Institute of Asian and African Studies Moscow State University, Moscow)

Economic Challenges to North Korean New Political Leadership and Prospects for Russia-DPRK Relations

2012 is of utmost importance for current power succession within the ruling North Korean elite. Crucial point in that process is designated to April celebration of 100th anniversary of the DPRK "eternal" president Kim IL Sung which is supposed to demonstrate the country's achievement of "strong & prosperous nation" status. North Korea's recent successes in obtaining nuclear and missile technologies could exactly correspond with Pyongyang's meaning of achieving the status of "strong nation". Yet remaining part of the set target, "prosperity" would be much more difficult challenge for the regime. The new leadership will face the dilemma of sticking to "military first" policy which has already led to the creation of unique "garrison state" on Korean peninsula and the necessity of developing civilian industries which only could cope with the task of raising deteriorating living standards of North Korean population. The overall perception of current situation in the DPRK necessitates to admit that regime is far from being on the brink of collapse and that condition for power succession are rather favorable for the time being. Taking into consideration the fact that 2012 year will witness changes of political leaders in the countries which are major players in regional policies, it creates chances for detente on Korean peninsula with bilateral dialogues, many-sided negotiations and growing engagement of the DPRK to world being preferred as the most effective tools in dealing with this secluded state. Only departure from isolationism could bring the DPRK closer to declared prosperity. Latest developments gives Russia chances for more active engagement of North Korea through shifting its policies from passive neighborhood to pragmatic economically beneficial interaction.

A. V. Vorontsov (Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow)

Russia Energy Strategy towards the Korean Peninsula

The plan to construct a pipeline linking Russia and South Korea is not new. It is, in fact, of the same age as the diplomatic relations between our two states, the 20th anniversary of which we celebrated last year. Plans of construction changed, including for basic gas fields, and their owners, countries – potential participants of the project and their governments, routes and length of the pipeline, but the core of the concept remained unchanged. This phenomenon proves more convincingly than multiple evidences the objective economic feasibility of this idea, the fundamental fact that Russia and South Korea need each other as a supplier and a consumer of gas.

After learning different gas deposits in Yakytia, Irkutsk area, finally Russia switched to the Sakhalin and adjacent marine shelf gas fields, where output grew steadily, as the resource base to sustain its export strategy in East Asia. The present stage crucially important distinguish is Russia at last moved from rhetoric to deals. The construction of the 1,800 km Sakhalin-Khabarovsk-Vladivostok pipeline with the 30 bcm target capacity is underway, with the first phase already complete.

Finally we can conclude that in the whole, the major trilateral energy project has passed a crucial phase, with all pertinent political resolutions currently in place. The talks with an economic agenda started in 2012 and to lead to the signing of a commercial contract. Hopefully, Gazprom, Kogas, and their North Korean partners will meet with success reaching the necessary compromise on such sensitive subjects as the pricing formula, the pipeline route, the allocation of the demilitarized zone segments, the handling of risks, etc. So, cautious optimism over the project for gas transmission from Russia to Korean peninsula appears completely appropriate. Recently energy field cooperation plans were enlarged by the project of Russia electricity delivery to the ROK.

K. V. Asmolov (Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences, Moscow)

On Possible Scenarios of North Korea's Future

The situation after death of the North Korean leader and an international situation 2011-12 r had produced many assumptions of the

forthcoming events of DPRK, linked with the durability of the regime. This article is devoted to the question of possibility of both “Arabian spring” and “Iraq-style invasion” in DPRK. Although both of them are frequently under discussion in at least Russian media, the opportunity of them is actually unreal. Concerning Egypt- or Libya-style mass uprisings in the North Korea. While South Korean conservatives widely discuss this as an almost inevitable future, this scenario is nothing more than fantasy due to the broad complex of reasons - from the political to demographical ones. Demographic structure differs from Arabian case: youth has a different place, plays different social role and has different perception of the future. There's no base for opposition infrastructure: dissidents did not have conditions for occurrence, protest movement does not have opportunities for self-organizing, and even South-Korean experts are compelled to note, that “twitter-revolution” is impossible – due to absence of the Internet. DPRK has support from PRC & Russia to block external interference. Although North Korea is not so safe, this system cannot fall in itself and possesses a sufficient potential of stability.

Kim E. U. (Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences, Moscow)

Political Changes in NEA and Prospects for Korea Unification

We observe gradually changes in the balance of power in economic, political and military power in Northeast Asia. This will cause the new configuration of relations between countries. In addition, in all countries of the region has occurred or will occur, or is expected changes of leadership. This will cause a new emphasis in foreign policy of these states, including on the Korean problem. At the same time the gap in economic and military power between the DPRK and the Republic of Korea continues to increase, as well as their political influence. This situation may lead to possible two main results. On the one hand, there will be more opportunities to assist in resolving North Korea's economic problems with its follow-up to the normalization of political and military relations and to create real conditions for the unification process on the Korean Peninsula. On the other hand, this situation may create unjustified expectations and actions to accelerate the unification, which may lead to the preservation or even exacerbate the conflict on the peninsula. Russia's task in these conditions – to promote

the normalization of relations between all countries of the region and achieve a real solution to the problem of denuclearization of the Korean Peninsula through political and diplomatic methods.

A. Yu Ivanov (Far Eastern State University of Humanities, Khabarovsk)

Geopolitical Interests of the Republic of Korea in the East China Sea: China–South Korea Dispute over the Continental Shelf

Iodo underwater reef, located at a depth of 4.6 m from the sea surface of the East China Sea, was discovered in 1900. In the 1984 South Korean scientists began to study hydrographs underwater rocks. Actually, the scientific (and other) interests of the South Korean side that had led to the construction on the Iodo universal scientific naval base with a meteorological station and a landing pad for helicopters, led to a dispute between China and South Korea. In the process of building an offshore platform China has repeatedly expressed its protest, demanding to stop the construction of the station, the South Korean authorities that a refusal, considering that South Korea's actions did not violate the UN Convention on the Law of the Sea. Despite this, China's Foreign Ministry opposed the actions of South Korean side, considering that South Korea has no right to unilateral action in the area where the boundaries are not yet established an exclusive economic zone between the two countries.

E. R. Rasulov (Institute of Oriental Studies Uzbekistan Academy of Sciences, Tashkent)

On the 20th Anniversary of Establishing Diplomatic Relations between Uzbekistan and the Republic of Korea

For the last 20 years after establishment of diplomatic relations Uzbekistan and the Republic of Korea passed away quite rich of events of comprehensive collaboration in consequence of which it came possible by efforts of two countries to build a new model of Uzbek-Korean partnership. Nowadays, at the time of increasing lack of energy supply and strategic import products Seoul pays much attention to economic cooperation with Uzbekistan strengthening and developing diversified cooperation concerning many areas of economic interaction. At the

same time, positive tendency toward activization of relations in many promising directions can impulse to mutual prosperity of both countries in near future.

ECONOMICS

S. S. Suslina (Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences, Moscow)

Present Situation in North Korea's Economy: Ways of Development and Cooperation

North Korea is one of the last countries, which keeps the administrative command economy system and has not as yet announced about its transition towards the market system. Still, at present time some selected market instruments such as profit, industry efficiency, material interest, state-market partnership, are not refused as alien elements, adopted only by capitalist society. Now North Korea is the country, which tries to realize new modifications in its economy, particularly, improvements in the economic planned system with using market stimulus, partly taking the Chinese modernization experience.

North Korea's way of modernization of its specific economy essentially differs from Chinese, Vietnamese or Russian experience. The difference of North Korea's way is partly determined by the fact, that North Korea would not undertake any radical measures but if not the utter difficult situation in the national economy. Some changes in the economy were introduced in North Korea under the leadership of Kim Ir Sen (attempts to reopen the economy for foreign capital investments), later by some reforms of the next leader Kim Chen Ir in 2002 and so called money reform in 2009).

However, it became evident very soon that North Korea is not ready for market reform in full format. Meantime, even some undertaken measures made serious input in the process of destructing of the old insufficient planned system. There are some signs of the current changes in economic development of North Korea. And this gives some grounds to suppose the future transition of North Korea to market and make some prognoses as to the time, forms and ways of such transitional period.

D. N. Verkhoturov (News Agency “Ilbek Sibir”, Moscow)

Pipeline in Korea: Development Options

The situation around the gas pipeline projects on the Korean Peninsula has changed dramatically. The main resource of natural gas were fields of Sakhalin island, Russia has built a pipeline Sakhalin - Khabarovsk - Vladivostok. This made it possible to implement the project in the near future.

However, in South Korea there is a gradual reduction in the consumption of natural gas, in addition, a gas pipeline through North Korea is seen as a means of political pressure on North Korea. The conditions for gas supply unfavorable. The Russian gas to South Korea is not needed. It is possible to offer a long-term program review the place of natural gas in energy consumption and a replacement program the coal and fuel oil in power generation to natural gas (which increases the market at 45%), as well as various options for building a gas pipeline. Using of natural gas has great potential because of the expected development of underwater gas hydrate deposits.

We can now offer four options for building a gas pipeline. Firstly, Khabarovsk (Vladivostok) – Daqing (China) – Incheon. Secondly, the construction of the direct pipeline Vladivostok (Nakhodka) - Gangneung (Donghae) through the Sea of Japan. Thirdly: the construction of the gas pipeline Sakhalin – Sapporo – Niigata – Hiroshima – Busan. Fourthly, the construction of the gas pipeline through North Korea in the “sea form”, ie without compressor stations on the territory of the DPRK. This option eliminates the possibility for the DPRK’s intervention in the supply of gas to South Korea.

L. V. Zakharova (Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences, Moscow)

China-North Korea Economic Ties in the 2000s

Economic cooperation between DPRK and PRC is an inextricable element of bilateral relations that backs up the military and political alliance of the two countries. The report analyses the dynamics, major directions, trends and special features of the economic relations between North Korea and China, which became the main trade and investment partner for DPRK by the end of 2000s. The share of China in the North Korean foreign trade (including inter-Korean trade) rose from 28% in 2000 to 57% in 2010.

The author researches the factors that have stimulated the growth of bilateral trade and investments since the beginning of the new century. Apart from political reasons that drove the Chinese investment into DPRK the paper shows the role of such economic factors as the interest of the Chinese northeastern provinces in the North Korean mineral resources; the necessity for China economic strategy to create some important infrastructure (roads, railroads, ports) on the North Korean territory; the desire to expand the market for the Chinese products.

Special attention is paid to the policies of the Chinese authorities and North Korean leadership to promote economic cooperation and realisation of large-scale joint projects between the two countries (such as development of special economic zones in Rason and Hwanggumpyong). The author concludes that in the current regional environment, in the short and medium timescale, economic exchanges between DPRK and PRC will continue to grow bringing Pyongyang closer to Beijing’s orbit.

O. V. Kiriyarov (“Rossiyskaya Gazeta”, Moscow)

Trade and Economic Relations between China and DPRK in 1992–2011

The collapse of the international socialist system dealt a big blow to the DPRK’s economy. But since 2000 the trade and economic cooperation between Beijing and Pyongyang started to grow considerably. By the end of the first decade of the XXI century China became indisputably the main trade partner of North Korea accounting for more than a half of the whole DPRK’s foreign trade volume and FDI to the North Korean economy. Such a phenomenon sparked an active debate among political, scientific and mass-media circles especially in South Korea. Some South Korean experts openly express their worries about “excessive economic dependence of DPRK on China”. At the same time at least in the near future the North Korean-Chinese economic cooperation appears to continue to grow in volume and Beijing will keep its place as the main trade partner of the DPRK.

E. B. Mudrova (“Mechel”, Moscow)

Modern Trends of the ROK’s Integration Policy Development

Global economic development is inseparable with integration. There are no more big human societies in the world which are not

participating in the processes of exchange, migration, communication. Integration creating related forms of economy, politics, culture of different countries has become the basic part of the world. Nowadays the Republic of Korea has chosen the strengthening of the integration cooperation with its main trade partners as one of the country's priority. Despite of the late beginning of this process, the ROK has successfully entered into 8 FTA, including FTA with EU. Also 7 agreements are in the process of studying. Besides, the integration policy supposes not only trade barriers' elimination but also activation of investment cooperation, technology and know how's exchange etc. Integration policy, for the ROK's government, is an important mechanism for narrowing influence of the world economic challenges and for strengthening the ROK's image as a world power.

This paper contains analyses of current integration policy of the Republic of Korea – from first FTA's with Chile, Singapore, ASEAN to latest more full and complicated with USA, EU. There is also comparison of EU and USA FTA of Korea. The analyses shows that Korea has been approaching to the very first step of economic integration by FTA's, but these documents were limited till EU and USA. At the same time complicated FTA's with biggest partners have brought a lot of public concerns as they are no longer 100% profit to Korean businessmen.

The experience of Korea, the country with diversified and rich trade policy, proves that integration process shall be very profound considered by countries with developed economy and competitive advantages, unless it will be one-sided profit. Korea cannot avoid integration with the world, but shall work out its own model to become equal partner of strong economies

V. G. Samsonova (Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences, Moscow)

Transformation of the South Korean's Lifestyle and Consumer Preferences in the Changing World

Quite stable of the ROK economic development, expansion of the south Korean goods abroad, increasing number of the foreigners in the country, growth of households earning and etc. involve the changes in lifestyle of south Korean citizens. There are a lot of changes in south Korean society that can't be shortly described, but one word that can perhaps capture all the changes is "richer". The growth of households

earning on the one hand has positive consequences, but there is a negative reverse of the medal.

A. F. Sinyakova (Moscow State University of International Relations, Moscow)

South Korea: Energy Efficiency Policy and "Green" Buildings

Korea has experienced one of history's most rapid transitions from a rural to an urban society. Along the way Korea managed to gain valuable experience which can be exported abroad. The government has released regulations and incentives to dramatically increase the energy efficiency of residential buildings and commercial space in Korea. To meet goals collaboration between construction firms and material and equipment producers is required. The government also needs to promote the benefits of green buildings and lead the development of green technologies and erecting pilot buildings. Korean firms can use the expertise they've gained at home in the way of urbanization taking place in emerging markets. Countries around the world are making efforts to reduce greenhouse gas emissions and promote low carbon green growth, and Korea is no exception in this endeavor. One of the most talked issues on green growth in Korea is curbing building greenhouse gas emissions. Increasing awareness among companies and people on green buildings will help fuel the growth of 'low carbon buildings' which can ultimately become institutionalized in Korea's construction industry.

A. N. Ryazanova (Tomsk State University, Tomsk)

Innovative Development of Regions. Prospects of Cooperation in the Case of Russia and South Korea (Ulsan – Tomsk).

At the beginning of XXI century one of the South Korea strategic objectives become one of the economic development leaders in the world. To do this, Republic of Korea relies on the scientific and technological cooperation development with the U.S., Japan, China, European Union countries, as well as with Russia. South Korean city Ulsan and the Russian city Tomsk became sister cities in 2003. The official agreement was signed at Tomsk State University. In Tomsk South Korea primarily interested in its scientific and educational complex, small innovative enterprises that was established at the universities and residents from Tomsk special economic zone.

At the moment, the cooperation agreements was signed between the University of Ulsan and the National Research Tomsk Polytechnic University and the National Research Tomsk State University. Each year under these agreements, there are students and post graduate students exchange between universities. August 30-31, 2011 a delegation from Ulsan Industrial Technopark led by the president Mr. Shin Dong-Sik came to Tomsk. During this visit three documents was signing: an agreement on cooperation with Tomsk State University, an agreement on cooperation with Tomsk Polytechnic University and memorandum of understanding with Tomsk special economic zone. Ulsan and Tomsk have a great potential for the development of bilateral relations on a profitable basis. Administration of Tomsk Oblast looks forward to a long-term and civilized cooperation between the regions, opening of joint ventures, joint research and development and cooperation in the field of education.

E. B. Tsoy, A. M. Goushchina, V. E. Koroleva (Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk)

Industry-University Cooperation in the Republic of Korea and Its Role in National Innovation System.

Korean policy is aimed to develop R&D capacities in order to build competitive in a global scale economy. The Republic of Korea's government considers education and science as fundamental condition of country's successful economic development. According to 2011 Global R&D Funding Forecast, Korea ranks fourth in R&D investment among OECD countries and fifth overall in the world.

Most Korean universities are involved in the process of knowledge industrialization and have links with business and industry. Such cooperation allows university to carry out research in high-priority areas which meets the needs of industry, accelerates the commercialization of innovations and makes them more marketable. Since 2003 in Korean universities have started the process of creation special foundations for industry-university cooperation, thus by 2007 about 70% of universities had such foundations.

The article considers Korea Polytechnic University as an example of university-industry cooperation due to the establishment of the partner (family) companies system, Engineering House project and Techno Innovation Park. Their main goal is joint R&D activity, which allows

to reduce costs for expensive high-tech equipment, to train qualified professionals, increase graduates competitiveness in a labor market and combines business sector's potential with university's training and research abilities.

HISTORY AND CULTURE

A. M. Pastukhov (Independent expert, Moscow)

Korea's "Opening" and the First Attempt of the Country's Modernization (1875-1894)

Up to 1870th Korean government did not undertake any attempts for the modernization of the state. Even the existed possibilities for usage of foreign assistance (e.g. French missionaries or neighborhood of Russia) were rejected by Korean government which tried to keep Korean feudal state intact. It put Korea into the weakest position among the main states of Far Eastern region (China, Japan and Korea). But the attempts of foreign states to force Korea to conclude the unequal treaties made the King Gojong pay attention to the Army, Navy, educational system and economy of Korea. The first attempts to update the state structure in Korea were undertaken with looking back to the experience of modernization which started in China since 1860th within the self-strengthening movement. After the liquidation of mutiny of 1882 and till the outbreak of the Sino-Japanese War in 1894 which overthrew the Chinese political supremacy on Korean Peninsula the modernization of Korea was performed after the Chinese model and using Chinese advisors and investments.

Korean government chose the Chinese model of modernization as the result of acute political struggle between factions in Korean political elite. As the result of political victory of the clan of the Queen Min supported by Qing troops the Chinese model of modernization was adopted and put to realization. But that model was not intended to modernize the basis of the state – the feudal system of land tenure. It was the great advantage for Korean rulers as it allowed enhancing the feudal exploitation of population using the modernized army, police and fiscal system without any threats to the basis of their rule. But that way of modernization failed as it was in contrary with the real needs of Korean

society. Wrong way adopted by Korean government led to the collapse of traditional Korean state in the end of XIX century and the annexation of the kingdom by successfully modernized Japan in 1910.

V. A. Grinuk (Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences, Moscow)

A Shorthand Record of the Trial on the An Jun Guin Case: Dramatic Episodes of the History of Korea and Japan.

On the 26th of October 1909 a Korean patriot An Jun Guin assassinated in Harbin (Manchuria) the famous Japanese statesman, the general-resident of the protectorate of Korea (1905-1909) Ito Hirobumi. A shorthand record of the trial on the Ito Hirobumi assassination case, published in February 1910, contains materials on dramatic episodes of history of Korea and Japan. Transcripts of An Jun Guin and his comrades interrogation reveal reasons of emergence and development of anti-Japan movement in Korea in the period before it's annexation. Speeches of a prosecutor and advocates at the trial tell important aspects of Japan's home and foreign policy from the middle of XIX century to the end of the first decade of XX century. In order to ease An Jun Guin's lot, the advocates at the trial tended to interpret the patriot's act as his mistake and a result of lack of education. But An Jun Guin turned down the tactics of the defenders. He stressed, that his deed was not erroneous one, that he was a lieutenant-general of the Korean Army of Justice and insisted, that must be treated at the trial as a prisoner of war. Some Japanese officials, who were in contact with An Jun Guin during his trial and imprisonment, displayed respect to the Korean patriot. Recent publications, representing the mainstream of professorate of Japanese universities, comment the assassination of Ito Hirobumi by An Jun Guin as an episode of the struggle of Korean people for national independence.

L. V. Ovchinnikova (Institute of Asian and African Studies, Moscow State University, Moscow)

The Policy of the Colonial Administration in Korea in the 1930-s and Its Reflection in the Documents of the Japanese General-Governor's Office

Documents of Japanese colonial administration can be a good source of scientific research of pre-war Korean history. The paper contains

results of the research of these Japanese documents for official use, published in Japanese by the Japanese General-Governor's Office in the 20-s - 30-s and early 40-s. These documents and books are from private library of a family of former Russian diplomats working at the Russian Consulate in Seoul in the late 30-s & the 40-s. Analysis of the most important materials found in these Japanese publications and proved the necessity of using them as one of the sources of scientific research of Korean pre-war history on the whole, different aspects life and situation in Korea at that period. Specific attention was given to Korean liberation movement, as well as the Colonial administration's actions, taken to suppress the Korean people's struggle for Independence.

The topic it is reflected in the documents of Japanese colonial administration published in Seoul by Governor General's Office, Police and Court. Compiled for pragmatic or practical purposes these documents were being used by senior Japanese colonial officials. They provide us an original source of scientific research and a broad framework of enquiry concerning situation and various aspects of history of colonial Korea, including strategy and tactics of Japanese rule, methods of liberation movement suppression. Among different means of control suppression prevailed, but an ideological system was formed too. It combined aggressiveness and circumspection, cruelty & ability to adjust to different circumstances. Being maneuverable & adjustable, Japanese colonial rule combined numerous means and methods. Research of the documents of Japanese colonial administration can provide us new historical data and information concerning the situation on the Korean Peninsula and help promote Korean Studies in history.

K. V. Ivanov (Irkutsk State University, Irkutsk)

Official Publications of the Japanese Government-General as a Source of the History of the Colonial Period of Korea

The article deals with official publications of the Japanese Government-General in colonial Korea, which were written in English and issued during the period from 1911 to 1935. Undoubtedly, demonstration of the Japanese progress in development and modernization of Korea was the main reason for the appearance of these publications. The Korean colonial discourse was well fit into the general colonial context, which was used in U.S. and UK before the beginning of open confrontation

between Japan and U.S. in 1941. In the English editions we can find the same expressions as in the U.S. press of the early XX: “sluggish people”, “decayed civilization”, “the need for civilizing”, etc. In those years, similar expressions were met with support in the English-speaking countries. In the beginning of XX century Japan wished to equate Korea with the colonized counties of Egypt or India, because this comparison could be raised Japan to the rank of the great powers.

In an effort to be within the general colonial discourse, the English-language publications of the Government-General were quite frank. Thereby we can understand not only embellished facts, but really problematic issues of the Japanese Government-General. However, we must be very careful, during work with these sources, because of the propaganda nature of these materials. Nevertheless, despite the undeniable existence of distortions in the official publications we can use them during historical investigations. Of course, it must be investigate only in conjunction with other historical sources. In this case, these publications will be of great value as the historical sources on the colonial period of Korea.

N. N. Kim (National Research University - Higher School of Economics, Moscow)

The Political Struggle in South Korea after the Liberation in the Context of the Theory of Political Conflict

This paper aims to systematize theoretically the disposed data sources on the political opposition in South Korea after the Liberation (1945–1948). The adequate analysis of the dynamics of the unfolded political conflict requires an answer the following questions: who were the actors of the conflict? What was the subject of political dispute, and to what extent the subject of conflict has been reflected by the participants? What means were used by each party of the conflict to achieve its goals? To systemize theoretically the information of the historical sources about the political struggle in South Korea after the Liberation we used the main tenets of the theory of political conflict by R. Dahrendorf. Despite a certain schematization of the political events in the frame of any theory of political conflict, however, based on it we can more or less logically systemize the controversial information about the actors of the conflict, their interests and goals.

S. O. Kurbanov (Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg)

Kim Gu and His Life in the Context of the Role of a Person in the History of Korea

Kim Gu is one of the most acknowledged persons in Korean history of the first half of the 20th century. He was the last head of the Provisional Government of the Republic of Korea in China and he had “potential possibilities” to become the first president of the Republic of Korea. Otherwise he was unable to do this. The paper deals with the theoretical question of role of a person in history and presents concrete analysis of life of Kim Gu in the context of the theory presented above.

Thus Kim Gu’s life until 1919 is estimated as a preparatory period for principal activities of his life. During this period Kim Gu was able to get large scale knowledge in philosophy and political science as well as to get in touch with such important personages of the independence movement as Ahn Chanho, Li Dongnyeong, Li Donhui etc. In 1930-1940s Kim Gu was able to get some mechanisms of “immediate affect” on historical processes being president () of the Provisional Government of the Republic of Korea and being engaged in some activities necessary for future state establishment such as organizing the Army of Independence or multiple attempts for official recognition of the Provisional Government by China, USA and USSR. But after 1945 liberation Kim Gu has lost mechanisms of “immediate affect” because he tried to create the basis of his activities on support of the Republic of China soon defeated by Chinese communist troops after 1945.

So the main historical role of Kim Gu may be associated with his activities after 1945 aiming for establishing of the unified Korean state and his fight against trusteeship of the Soviet Union and the USA. So this kind of historical role of Kim Gu may be associated with his activities in a “trend making social module” – the trend for unification of Korea – and this kind of historical affect by Kim Gu may be classified as “postponed in time”.

V. S. Akulenko (Far Eastern Federal University, Vladivostok)

Evolution of Autochthonous Theories of Korean Nation’s Ethnogenesis in DPRK.

The great work that was done over the last hundred years in the field of collecting information about Ancient History of the Korean Peninsula

provided an opportunity for scientists to put forward many theories of the origin and development of the Korean ethnos. However, they can be divided into two major groups: theories of gradual evolution of man on the Korean Peninsula - Korean autochthonous theories of ethnogenesis, and the theories according to which the Korean people formed by migration of the ancestors of Koreans on the Korean peninsula from the other parts of ancient world - the migration theories. It should be noted that the second group of theories suggests several possible ways of ethnogenesis of Koreans.

Modern Russian Koreanists used to say the Paleolithic Age of the Korean Peninsula, but not the Paleolithic Age of Korea. Because the name of Korea, first of all, associates with people who is living now in the territory of the Korean peninsula - the Koreans, who probably is not the offspring of Paleolithic population of Korean Peninsula. However, some scientists are not agree with this opinion, and it affects their perception of the process of ethnogenesis of Koreans. North Korean Autochthonous theories of ethnogenesis of Korean Nation have passed a long way of evolution and are currently an integral part of state ideology in the DPRK. These theories declare Pyongyang and its surrounding areas to be a homeland of all Koreans, and also one of the centers of origin and evolution of man on Earth. This paper examines the North Korean theories, describes their evolution and tries to answer the question whether it is possible to prove the genetic succession between Paleolithic inhabitants of the Korean Peninsula and modern Koreans using the evidence presented by North Korean scholars.

D. G. Inchol (“Uralgidravlika”, Surgut)

Characteristics of the Korean National Identity

The author analyzes the process of forming the Korean people's national identity and draws the conclusion, that “concept of a unitary nation” maintains essence of the Korean national identity and serves clue for comprehension other characteristics of the Koreans' identity, such as: identification of national and ethnic identity; priority of national identity's ethnic measuring as compared with its political and cultural measuring; and discriminatory policy toward foreigners.

However, promulgation of human rights and freedoms in the ROK during 1990s of the XXth century and heavy inflow of nationals from

another states, including ethnic Koreans with foreign citizenship, starting the formation of more equal treatment to foreigners, which resulting in the transformation of the Korean national identity. All these factors promoted of a comprehensive revision of the political and legal systems in the ROK, limited national prejudices, and furthered:

- easing of discrimination against nationals from another states (including ethnic Koreans with foreign citizenship);
- creation of favorable conditions for foreigners' social and professional adaptation (including ethnic Koreans with foreign citizenship);
- consolidation the Korean people and extension relations overseas Koreans with historical homeland;
- forming multicultural consciousness at contemporary generation of ethnic Koreans;
- maintenance of comfortable environment for upbringing and educating of children from international families.

E. V. Kim (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)

Development of Diaspora Policy of Republic of Korea at the Present Stage (1993-2012) and Its Main Directions

At the time when nation-state is no longer the dominant system more and more countries assume that having a strong Diaspora abroad is in keeping with the national interests and decide to develop strategies to cooperate with foreign compatriots. It is assumed that Diaspora discourse in the Republic of Korea has been renewed in 1998, despite the fact that the setup and the first steps in this direction were done earlier. And as long as measures of interaction with Korea Diaspora abroad is the subject of presidential administration this article chronologically will examine the Diaspora policy of presidents Kim Young Sam (1993-1998), Kim Dae Jung (1998-2003), Roh Moo Hyun (2003-2008), and Lee Myung Bak (2008-present). The paper also analyzes present situation, trends and problems of Diaspora policy of the Republic of Korea primarily by the reviewing Overseas Koreans Foundation activity as the institution of Diaspora policy of the Republic of Korea. Based on Alan Gamlen's typology this paper shows that South Korean Diaspora policy includes measures on capacity building, extending rights and extracting

obligations, which illustrates the wide range of Diaspora policy measures of the Republic of Korea. And studying South Korean experience in this area can be useful not only for accumulating knowledge but also for developing Diaspora policy of Russian Federation.

L. B. Khvan (Karakalpak State University, Nukus, Uzbekistan)

Russian and Korean Literature: Points of Contact

The paper analyzes the works on materiyale of Korean and Russian writers and poets M.Y. Lermontov “Valerhn”, M. Volozhin “descendants”, A. Blok “Snir”, On Magdelitami “Bverneu”, “Tabuvan” Go Dzihuna, “Two generations, two disabled” Ha Geun Han, “Science” Lee Kwang Soo, “Chance” Kim So Will is determined by the point of contact, through-line in the disclosures are evidence of the great disasters of the tragic experience of human history associated with the thread of many cultural war, aggression, and ethnic and inter-ethnic strife expressing friendliness, generosity, and determining the safety of the world. The paper notes the similarities of “Valerik” M.Y. Lermontov and “Taboo Vaughn” Guo Ji Hoon is reflected in the disclosures brutality of war, the moral ascent of their heroes after the military battle, or the futility of bloodshed.

Ha Ginchan, author of the story “Two generation – two disabled persons”, published in 1957 reflects the realization of disastrous war, destructive conquests, necessity of struggle for prevention of mortal thread, impending mankind in the story the gory reflection of tragedy is found that World War II and Korean war brought in. Ha Ginchan could to bring the tragic events of national history to common humanity level, appreciate them from the position of “long times”, determining the attitude of mankind to his past, present and future.

Necessity extraction of past lesson, realization of irreversible valuabies - is oneness humanity, stipulating close people compose the main sense of the poem. “To posterity” by Voloshin (1922) and the story “Nobuco” by Li Gvansu (1924). Therefore Li Gvansu expressed conviction, this disinterested love, goodness bring togheter the folks. We are all soldiers and politics. Let’s throw our masks, and present each other such we are in real. We all together! We are all brothers and sisters! There is thought about humanity’s connection to exist in the world, motivation of the world, friendship will find in most phrase in poem “Skiers” of great Russian poet Alexander Bloc.

A. A. Guryeva (Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg)

Yeonpyeongdo, Fukushima, Tokto: South Korean Poets on Some Current Issues

Current events of the 2010–2011 have been chosen as a subject by some contemporary poets of the Republic of Korea. One of the most reckoned topics is the earthquake in Japan spoken of in emotional verse of the poets (e.g. Lee Su-yong) as well as in bloggers’ diaries. In several days after the earthquake the renowned poet Ko Un published a poem dedicated to it in the newspaper Hangyeorye. Most of the works are marked with the personal attitude of the author.

The variety of the “points of view” in different poems is characteristic for the examined works. For instance, the tragedy of Japan may be an illustration of the poem’s main idea – the grandeur of the nature as juxtaposed to the weakness of a human witnessing cosmic-scaled processes («At the Edge of May» by Kim Haeseong). At the same time, the attack at the Yeonpyeongdo island is viewed through the “Hatred of one pilot” (by Lee Dohyeon) - personalized and concentrated images. The problem of the Tokto island has been inspiring the poets for the past years. The political character of the topic may be a reason for the pathetic style of the verse (e.g. “Tokto” by Kim Yeong-deok).

In the examined poems the poets use the means of poetical modes, i.e. metaphor, parallelism, oppositions. Some of them trace their roots to the Korean literary tradition, some are a part of new forms. The ancient concept of a poetical word influencing the order in the society and the universe may be also found.

Yu. A. Kovalchuk (Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv)

The Image of Korea in Jack London’s Literary Works: Fact and Fiction

The paper analyzes the images of Korea and Korean people depicted in fiction prose by Jack London – the short story “A Nose for the King” and the novel “The Star Rover”. The prominent American writer travelled through Korea for two months in 1904 as a reporter covering the Russo-Japanese War and had an opportunity to get acquainted with the people of Korea and its culture. His impressions of this country had

been documented in his journalistic articles and afterwards also reflected in his fiction. The earliest journalistic articles show that the writer had a lot of prejudice against Korean people and had no belief in their future. But some late articles and fiction prose prove that afterwards J. London took deep compassion on Koreans and tried to find out the reasons of their distressful position. Critical research of these works by J. London allows to understand deeply the formation and evolution of the ethnic stereotypes about Koreans in his mind. Detailed descriptions of Korean way of life show that the writer was competent and interested in Korean history and culture.

Lee San Youn (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg)

On the Principle of «Filial Piety» in Korean Literature (Traditional and Modern)

The ancient treatises such as “History of the Three Kingdoms” (12th century) and “The real examples of following the Three Commandments” (15th century) contain biographies of respectful sons and daughters. These works served as instructions for future generations and promoted ideas valuable to the state. A respectful son - an exemplary Confucian-type hero - is the main character in traditional narrative prose of the 13-20th centuries. The features of this character are also seen in modern prose. However, in light of recent changes in South Korean society there have recently been published a number of novels that address the problems of children’s disrespectful attitude towards parents and other abuse of Confucian ethics.

In the 1970s, the relationships between fathers and sons, mother-in-law and daughter-in-law, husband and wife all became relevant issues. Park Wanseo looks into these issues, in her stories she writes about new female characters being so distant from the ideal of faithful and respectful wife, as well as the children unwilling to blindly obey their parents. The focus of the work by Oh Jeonhee is the attitude of children towards their elderly parents. The elderly, who live their last years in loneliness, feel left behind and unhappy. In Eun Heegeun’s novel “Secrets and lie” and Shin Geunsuk’s «Take care of mom” published in the 2000s, both writers emphasize the importance of children’s piety to their parents.

Научное издание

Корейский полуостров: накануне перемен
Доклады, представленные
на XVI научной конференции корееведов России и стран СНГ
Москва, 29–30 марта 2012 г.

Редактор Н.И. Иванова
Корректор С.А. Суднищикова
Верстка С.А. Суднищиковой
Оформление Т.В. Иваншиной

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
117218, Москва, Нахимовский проспект, 32.

Подписано к печати 14.08.2012
Формат 60 x 84/16
Печ. л. 22. Тираж 200 экз.
Заказ № 21.